

32н 93(4/?)
150

**ПОЛИТИКА
США
В
АЗИИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ
И КАНАДЫ

ПОЛИТИКА США В АЗИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственные редакторы
В. А. КРЕМЕНЮК, В. П. ЛУКИН, В. С. РУДНЕВ

В книге исследуются основные особенности политики США в отношении стран Азии в 60—70-х годах. Раскрывается непосредственная связь этой политики с глобальной стратегией США, характеризуются источники ее формирования, цели и средства. Важное место отводится анализу региональных направлений американской политики в Азии: в Японии, Индокитае, Южной Азии и др.

П 11105-141—12-77
013(02)-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая половина 70-х годов нынешнего столетия ознаменовалась крупными внешнеполитическими изменениями, многие из которых имеют подлинно всемирное значение и будут оказывать большое воздействие на дальнейшую эволюцию мировой политики.

Значительные перемены в соотношении сил в пользу социализма, поступательное развитие национально-освободительного движения, дальнейшее углубление общего кризиса капиталистической системы — все это весьма существенно влияет на модификацию тактики и стратегии Соединенных Штатов Америки — наиболее мощной империалистической державы.

В советской научной литературе подробно и основательно были проанализированы многие аспекты этой переориентации. Анализ советскими исследователями концепций и конкретных внешнеполитических акций, связанных с некоторыми важными переменами во внешнеполитическом курсе США, оценка причин появления на свет и степени перспективности этого курса позволяют более основательно и углубленно подойти к изучению основных региональных направлений современной американской политики.

Одним из главных таких направлений является азиатское. Именно на нем наряду с европейским правящие круги Соединенных Штатов осуществили наиболее крупный в послевоенный период материальный и морально-психологический «вклад». Именно с этим районом мира они связывали честолюбивые замыслы решающего продвижения вперед по пути реализации империалистических идей «Пакс Американа». И именно здесь им пришлось испытать чрезвычайно горькие разочарования, явившиеся одной из важнейших первопричин пересмотра внешнеполитической ориентации, произведенного в последний период.

Анализу этого — азиатского — направления внешней политики Соединенных Штатов посвящена настоящая книга.

Памятуя о том, что в советской литературе подробно исследованы основные исторические периоды эволюции азиатской политики США, авторы основное внимание уделили исследованию современного этапа американской политики в Азии. Материал, относящийся к более ранним историческим этапам, в той или иной степени присутствующий в различных главах, имеет вспомогательное значение и преследует цель более объемного освещения главного предмета.

Над книгой работали: глава I — В. А. Кременюк, В. П. Лукин; глава II — Е. И. Попова; глава III — Р. И. Зименков; глава IV — Б. Д. Яшин; глава V — А. В. Крутских; глава VI — Г. А. Орионова; глава VII — В. С. Руднев; глава VIII — И. Б. Булай; глава IX — А. Д. Портнягин; глава X — А. К. Кислов; глава XI — И. А. Рогачев; глава XII — В. П. Лукин. Руководитель авторского коллектива — В. П. Лукин.

Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность всем коллегам, оказавшим содействие и высказавшим замечания в процессе написания и обсуждения данной книги.

ЭВОЛЮЦИЯ АЗИАТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ
ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

В течение почти всего периода новой и новейшей истории большинство азиатских стран представляло собой в основном объект мировой политики, являясь либо колониальными владениями развитых европейских держав и США, либо предметом борьбы между ними. После второй мировой войны положение коренным образом изменилось. Сегодня Азия — огромная часть света, где живет свыше двух третей населения земли, — состоит из политически независимых государств, самостоятельная роль которых в международных отношениях неизмеримо усилилась. Сочетание системы политически независимых государств с огромными человеческими и природными ресурсами превращает Азиатский континент в крупную и непрерывно растущую величину в мировой политике.

Схожесть исторических судеб азиатских народов и наличие общих задач, стоящих перед ними, позволяют и в научном, и в практическом плане рассматривать Азиатский континент как некий единый политический комплекс, обладающий рядом специфических черт. Совокупность отношений между азиатскими странами и политика ведущих мировых держав в Азии образуют в этом районе мира политическую ситуацию, которая отличается высокой степенью динамизма, остротой международно-политических противоречий, своеобразным сочетанием проблем, уходящих корнями в глубь веков, с проблемами сегодняшнего дня.

Разумеется, значение некоторых азиатских держав с международно-политической точки зрения выходит далеко за рамки азиатского региона. Так, Советский Союз, который географически относится к европейским и одновременно азиатским государствам, является великой державой, выступающей на международной арене в качестве ведущей силы мировой системы социализма. Трудно рассматривать в узкоазиатских границах политическое влияние и таких государств, как КНР и Япония. Важное место в мировой политике занимает Индия. Все это придает еще больше весомости и сложности общеполитической ситуации в Азии.

Вопрос об исследовании азиатской политики США, иными словами — всей совокупности взглядов и действий их правящих кругов как в отношении отдельных азиатских стран или отдельных регионов в Азии, так и в отношении Азиатского континента в целом — составляет содержание данной монографии. Как наиболее крупное и сильное в военном и экономическом отношении капиталистическое государство современности Соединенные Штаты оказались в состоянии «охватить» своей политикой практически всю Азию, сделать осязательным свое присутствие и заявить о своих интересах практически во всех частях Азиатского континента. Это не означает, что у правящих кругов США на протяжении всего периода отношений с Азией существовало некое четко оформившееся представление о своих задачах в отношении всего Азиатского материка. Даже в послевоенный период, когда военно-экономический потенциал США позволил их правящим кругам начать рассматривать свои интересы в любом регионе земного шара с «глобальной» точки зрения и появилась реальная возможность выработки единого подхода к проблемам американской политики в Азии, правящие круги США далеко не сразу пришли к общему пониманию своих задач и возможностей в этом регионе, способов и путей достижения целей своей внешней политики на азиатском направлении.

Это в значительной степени было обусловлено тем, что ход политической борьбы в США и обстановка в самой Азии до известного периода не ставили со всей остротой вопроса о необходимости выработки общего политического курса в отношении всех азиатских стран в целом. С одной стороны, противоречия между разными политическими кругами в США тормозили процессы формирования каких-то устойчивых и приемлемых для большинства политических кругов взглядов и подходов к проблемам американской политики в Азии. С другой — сложная и динамичная обстановка в Азии, где происходили выдающиеся по своему значению исторические и политические перемены, острая конкурентная борьба между европейскими колониальными державами, Японией и США также не давали возможности ставить вопрос о разработке общего подхода к азиатской политике. Крайняя неоднородность объекта политики в данном случае вызывала традиционную фрагментарность политического курса США в Азии.

В последние десятилетия положение в этом плане заметно изменилось. Поражение США во Вьетнаме, которое, по признанию ведущих американских специалистов по вопросам международных отношений, означало «критический провал всей американской философии международных отношений»¹, привело к необходимости пересмотра политики США по отношению к Азиатскому континенту. В условиях острых разногласий в политических кругах, обострившихся в период индокитайской

войны, официально Вашингтону оказалось не под силу отстоять свою концепцию американской политики в Азии; еще более сложным вопросом представлялась разработка политического курса США в странах Азии на «послевьетнамский» период. Однако в политических кругах пришли к общему выводу, что в нынешних условиях необходимо иметь такую приемлемую для всех концепцию интегрированной азиатской политики, которая учитывала бы главные и долгосрочные интересы США в этом районе и предлагала бы наиболее рациональные пути и средства их реализации².

Анализ эволюции политики США в отношении отдельных стран Азии и азиатских регионов с позиций сегодняшнего дня дает возможность говорить о процессе постепенного, все более глубокого вовлечения американцев в азиатские дела, о превращении Азии в один из главных региональных приоритетов внешней политики Соединенных Штатов.

Исходным моментом этого процесса можно считать 80—90-е годы XVIII в., когда американские корабли стали весьма часто появляться в Калькутте, Кантоне (Гуанчжоу), Маниле, Бангкоке, Рангуне.

За почти двухсотлетнюю историю американо-азиатских отношений американская политика по мере роста экономического и военного могущества США превратилась в один из наиболее важных факторов эволюции международно-политической обстановки в Азии и положения в отдельных странах. В этой политике не могли не появиться в силу внутренней логики отдельные аспекты, которые ведут к складыванию устойчивого общего политического курса США в отношении всего Азиатского континента. В эпоху империализма в политических кругах США появляется тенденция к разработке общего подхода к проблемам политики на наиболее важных азиатских направлениях, знаменуя наличие стабильных и долгосрочных интересов американских монополий в странах Азии.

В концептуальном отношении основным исходным ориентиром при складывании подхода американского правящего класса к Азии были идеи, выдвинутые впервые еще «отцами-основателями» США, развитые впоследствии такими крупными американскими буржуазными внешнеполитическими теоретиками, как А. Мэхэн, Дж. Хэй, Н. Спайкмэн³ и другие, и получившие название концепции «баланса сил». С точки зрения традиционных канонов этой геополитической в своей основе теории оптимальная для Соединенных Штатов позиция в мире состоит в противодействии формированию единого государственного-силового комплекса на территории Евразийского континента. Если же Евразия — этот центральный массив нашей планеты («хартлэнд» — согласно американской внешнеполитической терминологии) — окажется все же объединенной вокруг одного силового центра, цель США состоит в соответствии с канонами

данной теории в создании по обоим оконечностям центрального материка так называемых «римлэнд»: противостоящих ему и опирающихся на поддержку Соединенных Штатов «центров силы».

Когда «хартлэнд» разобщена, основное внимание должно быть уделено созданию максимально благоприятного для Соединенных Штатов «внутриазиатского» баланса сил. Тогда особенно проявляются специфические интересы американской экспансии в масштабах Азии и бассейна Тихого океана. В случае же развития считающихся неблагоприятными для интересов США центристских тенденций в масштабах Евразии восточная оконечность центрального массива (по американской терминологии — Восточная Азия) должна принять на себя подсобную роль «буфера» в рамках глобальной стратегии американского правящего класса.

Первым конкретным воплощением этой стержневой внешне-политической концепции США применительно к Азии стала провозглашенная на рубеже XX в. доктрина «открытых дверей»⁴, которая была вызвана к жизни такими разноплановыми мотивами, как стремление американской буржуазии получить максимальный доступ к азиатским рынкам, необходимость учитывать интересы других империалистических государств в Восточной Азии (в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии) и желание избегать при этом какой-либо активной и чреватой преждевременным риском вовлеченности в мировые дела в условиях относительной военной слабости США и явным отсутствием единства среди главных европейских конкурентов.

С точки зрения американских правящих кругов, доктрина «открытых дверей» явилась удачным образцом концептуального оформления интересов американской экспансии в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и способов ее осуществления и послужила поэтому основой для развития преемственности в политике США в этом районе на протяжении длительного периода. Однако роль этой доктрины резко снизилась, а затем и вовсе сошла на нет после Великой Октябрьской социалистической революции, когда США пошли на участие в интервенции против Советской России и вообще перешли к более активным формам борьбы против освободительных движений в районе Восточной Азии⁵.

Активизация американской политики в Восточной Азии в 20-е годы вызвала здесь иную расстановку сил, что привело к росту и обострению японо-американского соперничества как одного из центральных моментов международной обстановки в этом районе. Резкие разногласия в политических кругах США, вызванные новым поворотом международной политической ситуации в районе Тихого океана и Восточной Азии в 30-е годы и проявившиеся в борьбе точек зрения сторонников решительных

действий в отношении главного империалистического конкурента США, Японии (они группировались вокруг администрации Ф. Рузвельта), и противников активного вовлечения страны в дела Восточной Азии, ставили перед политическими кругами США проблему формулирования нового взгляда на роль и задачи Америки в Азии. Как известно, конец этим спорам был положен началом военных действий между США и Японией в декабре 1941 г. Временно общей точкой зрения политических кругов США стала решимость нанести военное поражение Японии и окончательно укрепиться в Восточной Азии, вытеснив оттуда своих конкурентов.

Существование устойчивых и долгосрочных интересов США в Восточной Азии и стремление занять в этом районе господствующее положение активно содействовали постепенному возрастанию роли азиатского направления в системе внешнеполитических приоритетов США в противовес европейскому. Несмотря на то что в отдельные периоды США проявляли исключительное внимание к европейским делам (как это было, например, на заключительном этапе первой мировой войны и в период Версальской конференции), в конечном счете их главные стратегические интересы в период до второй мировой войны сосредоточились в Тихом океане и в Восточной Азии⁶.

В предвоенные годы США перешли также к более активному проникновению в до той поры новые для себя районы Азиатского континента, в частности на Ближнем и Среднем Востоке. Воспользовавшись натянутыми отношениями между Англией и сформировавшимся на Аравийском полуострове Саудовским королевством, американские компании в 20-х годах проникли в Саудовскую Аравию и основали мощную «Арамко», монополизировавшую добычу нефти в этой стране. Плacidарм в Саудовской Аравии оказал известную помощь американским компаниям в наступлении на европейские рынки сбыта и в то же время в проникновении в сферу британских интересов — Ирак и Иран, где начало обостряться соперничество между нефтяными монополиями обеих стран.

Проникновение американского капитала на Ближний и Средний Восток усилило в практических аспектах азиатской политики США тенденцию к «охвату» континента с двух сторон, угрожало прочности позиций английского капитала в Британской Индии, Бирме, Сингапуре, Малайе. Наиболее существенным аспектом этого процесса с точки зрения данного исследования является то, что в дипломатической практике США (и в значительно меньшей степени — в политических кругах) начинает формироваться понятие «общеазиатской» политики, стремящееся охватить весь комплекс действий как официальных органов, так и частных предпринимателей на Азиатском континенте и включить их в какую-то определенную схему. Эта схема, охватывающая с двух сторон Азиатский континент,

строилась с учетом дальних перспектив, в которых одно из первых мест занимали задача вытеснения из Азии европейских колониальных держав и задача опоры на «дружественные» Америке политические круги местной буржуазии.

Стремление занять господствующие позиции в Восточной Азии и потеснить другие империалистические державы в остальных азиатских регионах, несмотря на имевшиеся в политических кругах противоречия относительно способов достижения этих целей, определило в целом американскую позицию по главным вопросам политики в Азии в период второй мировой войны. После Пирл-Харбора, естественно, главной непосредственной задачей для США стал разгром Японии, в чем в конечном счете американские политики и военные не сомневались. Однако в то же время в более широких политических кругах США существовало понимание, что разгром Японии, по всей видимости, не должен ограничивать пределы их долгосрочных интересов: ликвидация в Азии столь мощной военной и политической силы, как японская империя, могла вызвать и более обширные политические перемены в создавшемся «политическом вакууме». Особо настораживала правящие круги США активизация национально-освободительного движения в странах Азии, как оккупированных Японией, так и участвовавших в войне против нее (Китай, Индия, Индонезия, Бирма, Индокитай, Филиппины и др.). В связи с этим правящие круги США стремились заранее подготовиться к возможным переменам в Азии после поражения Японии.

В первую очередь им следовало определить свою политику в отношении колониальных держав. В американских политических кругах единой точки зрения на эту проблему не было. С одной стороны, ряд политических деятелей считал, что присутствие в Азии колониальных держав, в особенности в условиях капитуляции Японии, внесло бы значительный «стабилизирующий» момент в складывание новой политической обстановки на континенте сразу после окончания войны. С другой — их одолевали сомнения, что в случае сохранения статус-кво колониальные державы, стремясь выправить свое пострадавшее во время войны хозяйство за счет колоний, вновь воздвигнут серьезные помехи на пути проникновения американского капитала в Азию. Эти противоречия наложили отпечаток на общий подход к решению проблем азиатской политики в годы войны.

Как отмечает американский историк Г. Колко в своем исследовании политики США в период войны, разногласия между американцами и англичанами по вопросу, как вести войну в Азии, начались сразу же после вступления Соединенных Штатов в войну. Сутью этого противоречия была проблема участия Англии в войне на Тихом океане. «Англия надеялась, что станет одним из элементов силовой структуры на Тихом океане, которая будет создана после разгрома Японии, — пи-

шет он, — а целью Америки стало полное исключение Англии из этого района»⁷. Несмотря на то что на конференции в Квебеке в августе 1943 г. англичане добились формирования под своим руководством специального командования для Юго-Восточной Азии, США в течение всей войны стремились держать англичан все же подальше от Восточной Азии и зоны Тихого океана. Приблизительно так же относились США и к будущей роли других европейских держав в этом районе — Франции и Голландии. Как свидетельствуют неоднократные высказывания президента Рузвельта, США решили не позволять Франции и Голландии возвращаться в Индокитай и Индонезию. В качестве промежуточного решения Рузвельт предложил в 1943 г. учредить международную опеку над колониями этих держав с последующим предоставлением им политической независимости в неопределенном будущем. В Восточной Азии и в зоне Тихого океана США планировали установление после войны своего полного контроля и были готовы идти в этом даже против своих союзников по антигитлеровской коалиции из числа капиталистических стран.

Несколько сложнее обстояло дело с Ближним Востоком. Здесь США не могли рассчитывать на безраздельное господство: слишком сильны были позиции Англии в арабских странах; кроме того, для американцев оставались недостаточно ясными перспективы развития арабского национализма. Феодальные режимы в арабском мире, которые тщательно сохранялись и укреплялись англичанами, для американцев на том этапе не представлялись достаточно надежными и перспективными политическими партнерами, и поэтому альтернатива сотрудничества с англичанами в рамках концепции «открытых дверей» рассматривалась как более приемлемая, нежели борьба с ними за господство в арабском мире. Однако, «когда американцы говорили о таких принципах „открытых дверей“, — отмечает Г. Колко, — они упорно стремились не допустить другие иностранные капиталы в Саудовскую Аравию и в любое иное место, где можно было добиться этого»⁸. В основу американского курса в этом районе легло стремление максимально подчинить себе нефтяные источники стран Ближнего и Среднего Востока с тем, чтобы обеспечить энергией американские ВМС и ВВС, которые, по мысли президента Рузвельта, после войны должны были рассредоточиться по всему миру с целью осуществления «политического контроля».

В Южной Азии позиции англичан в течение войны выглядели для Вашингтона наиболее прочно. Если США стремились не допустить англичан в зону Тихого океана, то с аналогичной позицией Англии они столкнулись в Британской Индии и в Бирме.

Вторым направлением, по которому определялась политика США в годы войны, было отношение к растущему азиатскому

национализму. Излагая свою оценку перспектив послевоенной политики в странах Азии, американский посланник в Египте Д. Керк писал в 1944 г. в меморандуме о политике США на Ближнем Востоке, что англичане «стремились сделать страны, в которых они были заинтересованы, вечно зависимыми от себя», в то время как подходом Америки было желание «помочь отсталым странам опираться на собственные силы». «Вряд ли стоит после этого говорить, — резюмировал посланник, — что стабильный мировой порядок может быть достигнут только на основе американского подхода»⁹. Действительно, опыт американцев как в Латинской Америке, так и на Дальнем Востоке подсказывал им необходимость предоставления известной автономии политическим силам в развивающихся обществах с тем, чтобы они оказались на «длинном поводке» у США, тогда как практиковавшийся английскими правящими кругами «короткий поводок» рассматривался в Вашингтоне как заведомо непригодный.

В связи с этим американская политика в отношении Кореи, Индокитая, Индонезии, Бирмы и потенциально Индии учитывала желательность опоры на местные «политические силы» (т. е. на местную буржуазию азиатских стран)¹⁰. В частности, Вашингтон рассчитывал использовать Ли Сын Мана, который находился в годы войны в США, как наиболее приемлемого лидера послевоенной Кореи. В 1943—1944 гг. была сделана попытка (не приведшая, впрочем, к каким-либо конкретным результатам) завязать контакты с руководством Лиги освобождения Вьетнама и использовать национально-освободительное движение народов Индокитая для усиления позиций американского капитала в этом районе.

Такая двусмысленность общей позиции американского руководства по проблемам колониализма определяла и особенности подхода США к «местным» политическим силам в Азии. По свидетельству некоторых американских историков, в документах Управления стратегических служб (УСС)¹¹, относящихся к действиям США в Юго-Восточной Азии в этот период, ясно прослеживается мысль о заинтересованности в сохранении после окончания войны лишь таких «местных» режимов, в том числе и возникших с помощью японцев, которые не мешали бы американскому капиталу и товарам проникать на местные рынки.

Третье направление американской политики в Азии в период войны определялось разработкой будущих отношений с Японией, а также, в значительно меньшей степени, с теми «автономными» режимами, которые создали японцы в Таиланде, Индонезии, Индокитае, на Филиппинах. После капитуляции Японии все эти режимы и сама Япония должны были войти в сферу господства США, а в перспективе рассматривались как будущие «партнеры».

Таким образом, к концу второй мировой войны в американском подходе к задачам политики на Азиатском континенте сформировались определенная концепция и политико-географическая структура, легшая в основу субрегионального деления азиатской политики Вашингтона. Главными региональными направлениями, как и до войны, считались Восточная Азия и Тихий океан. Здесь США ориентировались на создание сферы своего господства, в которую должны были попасть Китай, Япония, Корея, Филиппины, Индокитай, Индонезия.

Крайне сложным вопросом для политики Вашингтона в этом районе оставались отношения с Советским Союзом как тихоокеанской державой. Эти отношения представляли собой главный фон, который обуславливал все основные политические замыслы и маневры Соединенных Штатов в данном районе мира. Антисоветские и антикоммунистические настроения правящей верхушки, разумеется, не могли не оказывать влияния на отношение американцев к планам борьбы против Советского Союза в зоне Тихого океана. Однако острая необходимость участия Советских Вооруженных Сил в разгроме японских сухопутных войск в Китае и Корее (на что не были способны, по признанию американцев, ни американские, ни китайские войска) и надежды на то, что после войны Советский Союз надолго выйдет из строя как конкурент в политическом влиянии из-за причиненных войной разрушений, успокаивающе действовали на политическую элиту США и несколько притупляли остроту долговременных соображений, связанных с задачами непосредственного противостояния СССР в этом районе. Определенное влияние оказывали и соображения тех политических деятелей США, которые не отрицали возможности послевоенного мирного сосуществования с Советским Союзом в Азии вообще и на Дальнем Востоке в частности¹².

Американские правящие круги рассматривали Ближний и Средний Восток как имеющий исключительное стратегическое значение регион из-за нефтяных запасов. Однако здесь США приходилось считаться с сильными позициями Англии, а поэтому ориентироваться на сотрудничество (и наряду с этим соперничество) с ней. Уже во время войны возник вопрос о возможной ориентации в будущем на сионистское движение в Палестине, имевшее тесные связи с еврейской буржуазией в США, как на одно из средств борьбы против английского влияния на Ближнем Востоке. Однако до единодушия на этот счет было в то время весьма далеко. Так, советник Рузвельта по вопросам ближневосточной политики Г. Госкинс рекомендовал отказаться от поддержки сионистов на Ближнем Востоке, так как это противоречило взглядам арабских монархов, и в том числе короля Ибн Сауда¹³. К такому же убеждению пришел и сам Рузвельт после встречи с королем Саудом в 1945 г. Но на президента и его окружение оказывали давление политические

круги, связанные с сионистскими организациями в Америке, и поэтому позиция США в вопросе о поддержке местных политических сил на Ближнем Востоке окончательно так и не была определена. Лишь после смерти Рузвельта сторонники ориентации на сионизм все-таки добились перевеса над проарабским феодальным лобби, и со временем поддержка Израиля стала одной из основ политики США в этом районе.

В то же время США в своей политике на Ближнем Востоке не могли обойтись без английской помощи и поэтому в ряде вопросов пошли навстречу Англии, согласившись, например, передать Турцию в английскую «сферу влияния», что было оформлено соответствующим соглашением в октябре 1945 г.¹⁴. Вместе с тем в Вашингтоне считали, что в «нефтяных» районах Ближнего Востока первенство должно принадлежать США. Поэтому в 1944 г. было решено создать крупную военную базу в Саудовской Аравии (в Дахране) и провести нефтепровод из Саудовской Аравии к Средиземному морю («Тэплайн»). В годы войны была предпринята новая попытка оказать нажим на английские позиции в Иране. Сотрудничество с Англией, но при первенстве Америки — так представлялась послевоенная политика на Ближнем Востоке американским правящим кругам.

Южная Азия на том этапе рассматривалась скорее лишь как потенциальный объект политики США, так как считалось, что английское господство в Индии будет продолжаться еще в течение длительного времени.

После окончания второй мировой войны реальный ход событий в мире, и в частности на Азиатском континенте, значительно отличался от прогнозов, сделанных в Вашингтоне в годы войны. Следовательно, приходилось «на ходу» вносить в политическую программу, разработанную Ф. Рузвельтом, весьма существенные поправки, характер которых не только определялся самими событиями, но и во многом зависел от соотношения сил между сторонниками разных политических ориентаций в Белом доме и в Капитолии.

Прежде всего правящие круги США, как это стало очевидно, недооценили ни силы национально-освободительного движения в странах Азии, ни политического эффекта разгрома колониальных держав Японией и последующего крушения самой Японии. Разгром и капитуляция Японии, уничтожение Квантунской армии советскими войсками, вооруженная борьба народов Китая, Малайи, Индонезии, Филиппин, Индокитая, Бирмы против японской оккупации и против восстановления колониальных порядков создавали совершенно новую политическую ситуацию в Азии. В странах Азии нарастало революционное движение, основными задачами которого было завоевание политической независимости, проведение аграрной реформы, национализация иностранных капиталов. Огромное влияние на народы азиатских стран оказали идеи социализма.

Применение Вашингтоном атомного оружия против Японии в августе 1945 г. неожиданно для своего союзника — СССР — и без консультаций с ним с явным намерением продемонстрировать свою военно-техническую мощь создавало острую военную напряженность не только в районе Дальнего Востока, но и в глобальном масштабе. Советское правительство оказалось вынужденным принять меры по усилению обороноспособности советского Дальнего Востока. Наладилось сотрудничество Советских Вооруженных Сил с НОА Китая, которая прошла переформирование, переподготовку и перевооружение на трофейную японскую военную технику в Северо-Восточном Китае и нанесла ряд решительных ударов по гоминьдановским войскам уже в 1947 г. Известная материально-техническая и политическая помощь была оказана НОА Китая и в отражении попыток американской вооруженной интервенции в Северо-Восточном Китае в 1947 г.¹⁵ После того как стало ясно стремление американской администрации сорвать выполнение решений Московской конференции 1945 г. по Корее, осложнились отношения между СССР и США по корейскому вопросу. Таким образом, курс Трумэновской администрации по некоторым аспектам политики в районе Дальнего Востока, вызвавший естественную реакцию со стороны СССР, ускорил обострение ряда спорных моментов в советско-американских отношениях в этом районе и сыграл большую роль в переходе американских правящих кругов к политике конфронтации с Советским Союзом на Дальнем Востоке.

Взаимоотношения с колониальными державами строились не совсем так, как первоначально рассчитывали США. Англия для усиления собственных позиций в Азии содействовала возвращению бывших колониальных держав в их колонии в Юго-Восточной Азии. Так, вопреки «общему приказу» № 1 президента Трумэна, который предписывал порядок капитуляции японских войск, английское командование, приняв капитуляцию в Южном Вьетнаме, немедленно допустило туда французскую администрацию, содействуя, таким образом, восстановлению французской колониальной власти в Индокитае. Англичане оказали также содействие возвращению голландцев в Индонезию. «Терпимость» американцев к такому нарушению союзнической договоренности объяснялась их опасениями, что в ином случае власть могла бы перейти к революционным силам в этих странах¹⁶. Однако в целом ряде аспектов появление вновь на политической арене Юго-Восточной Азии колониальных держав значительно осложняло планы Вашингтона относительно усиления своих позиций в этом районе и затрудняло его маневрирование в отношениях с националистическими антиколониальными силами азиатских стран.

Значение всех этих факторов для азиатской политики США трудно переоценить. Со временем они привели к совершенно

иной расстановке сил на Азиатском континенте: резко возросло влияние идей социализма, получившее реальное воплощение в победе народной революции в Китае, в создании Корейской Народно-Демократической Республики, в усилении национально-освободительной борьбы народов Индии, Индокитае, Индонезии, Филиппин, Бирмы, Малайи. Обострилось противостояние сил национального освобождения и колониализма, резко ослабли позиции колониальных держав. Главная азиатская колониальная держава, Англия, была вынуждена согласиться на предоставление независимости Индии, Пакистану, Шри Ланке и Бирме в 1947—1948 гг. В упорной борьбе против колонизаторов отстояла свою независимость Индонезия. В Индокитае началась затяжная кровопролитная война за независимость. На Ближнем Востоке слабость Англии проявилась в ее «уходе» из Палестины, Турции и Греции в 1947 г. Эти перемены в общеазиатской политической ситуации были восприняты в США как полное разрушение системы международных отношений в Азии и угроза образования там «политического вакуума», который мог быть заполнен революционными силами, поддерживаемыми социалистическими государствами.

Фактически почти весь период 1945—1949 гг. можно охарактеризовать как время активных поисков в американских политических кругах подходов к определению целей США в новой обстановке, сложившейся в Азии. В некоторых исторических исследованиях этот период азиатской политики США был определен как стремление администрации Трумэна выждать, когда в Азии «осядет пыль»¹⁷. Создание новой обстановки в Азии немедленно сказалось на расстановке сил внутри политических кругов Вашингтона, содействовав образованию в них группировки, выдвинувшей лозунг «Азия прежде всего». Видные сторонники этой группировки, прежде всего сенатор-республиканец Ноулэнд и генерал Макартур, отстаивали идею немедленного и активного вмешательства США в Азию с целью создания там «проамериканской стабильности». Большую активность проявляли тесно связанные с гоминьдановскими лоббистами Гарри Гопкинс, Генри Моргентау, один из газетных королей — Рой Говард, обозреватель Джозеф Олсоп.

Однако сторонники программы «Азия прежде всего» натолкнулись на сопротивление весьма влиятельной группы лиц, которые оказывали неизмеримо большее влияние на политику администрации. Правящие круги США, озабоченные прежде всего положением в Европе и стремившиеся ослабить влияние Советского Союза в освобожденных от фашизма европейских странах, не могли решиться на активное вмешательство в Азию.

Действительно, как вспоминает в своих мемуарах Дж. Кеннан, имевший в то время весьма близкое отношение к разработке глобального внешнеполитического курса США, он сам, в частности, довольно решительно выступал против «сверхвовле-

ченности» в Азии. Дж. Кеннан отмечает, что в меморандуме, представленном государственному секретарю Дж. Маршаллу в начале 1948 г., он, обращаясь к проблемам Дальнего Востока, «выразил мнение, что наши ресурсы были в высшей степени перенапряжены... Нам стоило проявить значительно больше сдержанности». В результате Дж. Кеннан рекомендовал ограничиться укреплением американского контроля над островными странами Восточной Азии (Япония и Филиппины), что, с одной стороны, обеспечило бы «позицию силы» для США, а с другой — не грозило бы им вовлеченностью на континенте¹⁸.

Период некоторой неопределенности в азиатской политике США закончился в 1950 г. Несколько важных событий оказали влияние на это: победа революции в Китае в октябре 1949 г.; заключение советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в феврале 1950 г.; наметившиеся сдвиги в расстановке сил в Южной Корее после образования КНДР. Существует несколько точек зрения на то, как в США воспринимались эти события. Одной из наиболее распространенных является концепция представителей школы «политического реализма», позицию которой четко сформулировал в одном из своих выступлений близкий сотрудник бывшего президента Джонсона профессор У. Росту. «Взятый в целом, опыт второй мировой войны, включая нападение на Пирл-Харбор, — заявил он, — наглядно показал американцам, что нам могут угрожать из Азии, так же как и из Европы, если одна держава достигнет гегемонии в этом районе»¹⁹. При этом под «гегемонией одной державы» в этом районе после второй мировой войны стал подразумеваться единый «советско-китайский коммунистический блок», якобы «угрожавший» полным захватом всего Азиатского континента. По мнению У. Росту, а также многих других сторонников этой точки зрения, именно «угроза» интересам США, якобы исходившая от «советско-китайского блока», и побудила американцев перейти к активной и агрессивной политике в Восточной Азии, а затем и на остальном континенте.

На деле все обстояло совершенно иначе. Попытки Трумэн-ской администрации с помощью применения атомной бомбы в Японии подтвердить свою заявку на роль «доминирующей державы» в Восточной Азии, ее вмешательство в Иране в 1946 г. и в Турции в 1947 г. показывают, что идея установления в Азии американской гегемонии в условиях резкого ослабления позиций колониальных держав отвечала долгосрочным интересам правящих кругов США. Под сильным воздействием таких исключительно важных факторов, как дальнейшие перемены в расстановке сил на Азиатском континенте на рубеже 50-х годов и активная борьба республиканцев против политики администрации демократов, США в 1950 г. были вынуждены поторопиться перейти к более активным формам проведения курса

на установление своего господства в Азии. Поскольку основными противниками в осуществлении этого курса теперь становились Советский Союз и КНР, силы социализма и национально-освободительного движения, то переход к ускоренным темпам реализации политического курса не требовал специального доктринального оформления. Сформулированная в 1947 г. для Европы доктрина «сдерживания» теперь распространялась и на Азию, охватывая территориально периметр СССР, Китая, КНДР, а в политическом плане и национально-освободительные движения, которые квалифицировались уже не как «националистические», а как «прокоммунистические» силы. Главным этапом на этом рубеже стала спровоцированная США война в Корее, которая, по оценке профессора Р. Клофа, увязала европейскую и азиатскую политику США, «придав всемирный характер доктрине сдерживания»²⁰.

Таким образом, на рубеже 50-х годов общий внешнеполитический курс США, сформулированный в доктрине «сдерживания», лег в основу азиатского направления американской внешней политики и, пройдя через этап «подгонки» под специфику азиатских условий, начал определять ее содержание. На длительный период в азиатской политике США возобладавало направление идейно-политической конфронтации, не признающее никаких промежуточных позиций и решений.

Азиатская политика Соединенных Штатов после второй мировой войны как в целом в отношении всего континента, так и по отдельным регионам в достаточной степени исследована в советской исторической литературе²¹. В данном случае следует лишь подчеркнуть, что эта политика, отражая мнение большинства политических кругов США, сосредоточилась на проблемах активной военно-политической борьбы против социалистических стран и национально-освободительного движения азиатских народов и подчинила все остальные формы американского «присутствия» в Азии — экономическую помощь и деятельность частных капиталов, идейно-пропагандистскую активность и культурное проникновение — этим главным целям. Она же выработала жесткие критерии определения «дружественных» и «враждебных» США сил в зависимости от их отношения к проблемам глобального противостояния двух мировых систем и конкретной политической борьбы в масштабах Азии. Таким образом, политика США в Азии сделала большой качественный скачок, отойдя от прежних прагматически-приспособленческих традиций и встав на путь военно-политического «мессианства» с сильным креном в сторону идеологии «крестового похода». Иными словами, сама эта политика по своей сущности стала неизмеримо более агрессивной, наступательной и «американо-морфистской».

На уровне практической реализации азиатская политика США фактически разветвлялась на несколько автономных на-

правлений. Главные региональные интересы Вашингтона сосредоточились по периметру Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, где США непосредственно противостояли «единому советско-китайскому блоку», активно ввязавшись в корейскую войну 1950—1953 гг., создав систему военно-политических союзов и заключив договоры с Японией (1951), Филиппинами (1952), Южной Кореей (1953), Тайванем (1954), образовав в 1954 г. блок СЕАТО, в который кроме США вошли Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины. Произвольное включение в сферу действия этого блока в 1955 г. стран Индокитая [Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи (Кампучия)] указывало на все более глубокую заинтересованность США в Индокитае. Дальний Восток и Юго-Восточная Азия приковали к себе главное внимание США по соображениям политико-стратегического характера и отчасти заслонили собой в глазах американских политиков весь остальной континент.

Проблемы политики на Ближнем и Среднем Востоке в американских политических кругах фактически уже со времен «доктрины Трумэна» начали рассматриваться сквозь призму интересов американской политики в Западной Европе и в Средиземном море. На страны Ближнего Востока (Иран, Израиль, Египет, Ирак, Иорданию, Ливан, Саудовскую Аравию, Сирию и Йемен) была распространена программа помощи по «плану Маршалла»²², Турция в 1952 г. была присоединена к НАТО, а в 1950—1951 гг. США совместно с Англией выдвинули идею организации военно-политического блока ближневосточных государств, который должен был тесно сотрудничать с НАТО. Дальнейшая эволюция ближневосточной политики США²³ протекала относительно автономно и до начала 70-х годов в общий азиатский политический курс США она практически не вписывалась.

В Южной Азии активность США проявлялась значительно более умеренно, чем на западе и на востоке Азиатского континента. Соединенные Штаты строили свою политику в этом районе в конечном счете на антииндийской основе из-за отрицательного отношения к нейтралистской позиции Индии, и в частности из-за ее отказа от участия в политике «сдерживания». Это проявилось в близких отношениях США с Пакистаном, который через СЕАТО и СЕНТО был тесно связан с общим политическим курсом Соединенных Штатов и рассматривался как «союзник». В то же время США оказывали известную экономическую помощь Индии и не теряли надежд на поворот ее политического курса в проамериканском направлении.

Сложившиеся в начале 50-х годов теория и практика американской политики в Азии просуществовали приблизительно около двух десятилетий, и, только после того как стал определенно вырисовываться провал интервенции во Вьетнаме, аме-

риканские политические круги окончательно осознали необходимость ее пересмотра. Однако и на протяжении этих двух десятилетий политика США в Азии не оставалась неизменной: в зависимости от конкретного соотношения сил как в отдельных регионах Азии, так и в политических кругах США в ней появлялись разные оттенки, отражавшие неодинаковый подход отдельных администраций к пониманию своих задач и способов их реализации. В целом, однако, эта политика не выходила за рамки доктрины «сдерживания» в ее азиатском варианте.

Фактически два первых послевоенных десятилетия ознаменовались непрерывным ужесточением конфронтации на Азиатском континенте. В контексте курса администрации Эйзенхауэра в странах Азии даже такие реалистические акции, как прекращение войны в Корее и участие в Женевском совещании по Индокитаю, выглядели как частные и во многом вынужденные на фоне общего непрерывно нарастающего давления США на позиции своих главных противников.

Республиканская администрация, исходившая из возможности дополнить доктрину «сдерживания» идеями «отбрасывания» коммунизма, активно и напористо вела дело ко все более полному вовлечению США в дела азиатских стран. В дополнение к конфронтации с Китаем, массированному военному присутствию в Корее и на Тайване, все более глубокому вмешательству в Южном Вьетнаме и в Лаосе США в этот период вели интенсивную подрывную деятельность в Иране, Индонезии, Бирме, Таиланде, Камбодже, ввязались в конфликт между Индией и Пакистаном. Одним из наиболее важных следствий даллесовского периода для азиатской политики США явилось оформление союзов и договоров, по которым Соединенные Штаты взяли на себя обязательства по «защите» «дружественных» стран и режимов. К 1960 г. США формально обязались оказывать помощь следующим азиатским государствам и странам (Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, Пакистан, Турция, Иран) и односторонне провозгласили о своей готовности оказывать военное содействие еще группе стран (Лаос, Южный Вьетнам, Ливан, Саудовская Аравия, Иордания и др.)²⁴. Известный американский специалист по азиатским делам Ч. Боулс через некоторое время прямо писал, что «эта серия грубых ошибок представляет собой поразительный список неправильных расчетов, дурного управления и недостатка понимания в наших правительственных кругах той волны политических и экономических перемен, которая прокатилась по Азии»²⁵.

Критика Ч. Боулса в адрес азиатской политики Эйзенхауэра—Даллеса отражает общий подход к ней со стороны некоторых группировок в администрации Дж. Кеннеди, пришедшей к власти в 1961 г. Как известно, многие правительства демократов, критикуя своих предшественников за грубый и лобовой

подход к решению сложных проблем азиатской политики, проявлявшийся в стремлении к повсеместному вмешательству в дела азиатских стран и к поддержке в них наиболее реакционных и авторитарных группировок, пытались внести в эту политику элементы гибкости и маневрирования, известного компромисса с буржуазией развивающихся стран, отказа от попыток опоры на прогнившие марионеточные режимы, содействия экономическому прогрессу некоторых азиатских стран. Определение политики при новом демократическом правительстве шло по линии поисков оптимального сочетания вовлеченности в азиатские дела (в том числе и военной) с политикой опоры на местные силы, включающие некоторые слои национальной буржуазии, военной и феодальной верхушки, бюрократического аппарата. Тем самым Кеннеди и его советники стремились в определенной степени возродить в методах ведения политики США в Азии некоторые приемы, которыми традиционно пользовалась американская буржуазия в Азии.

С точки зрения сегодняшнего опыта один аспект подхода Дж. Кеннеди к проблемам модификации азиатской политики привлекает исключительное внимание — это проблема интервенционизма. Попытка приспособить некоторые идеи старого подхода с позиций «сфер влияния» к азиатской ситуации начала 60-х годов рассматривалась как основа азиатской политики демократов, а интервенционизм становился одним из средств ее реализации. Как считалось в тот период, американская военная мощь была в состоянии обеспечить успешное вмешательство в дела отдельных азиатских стран для сохранения «стабильности» американской «сферы влияния» в Азии как против «внешней угрозы», так и против «подрывной деятельности» внутри этих стран (на это была нацелена доктрина «противоповстанческих войн»).

Вооруженный интервенционизм, который был частью общей политики администрации Кеннеди в отношении всего «третьего мира», при его преемниках превратился в основное направление политики США в Азии, доведя до логического завершения весь политический курс, основанный на идеях «сдерживания». В то же время рост значения интервенционизма в осуществлении азиатской политики на протяжении 60-х годов косвенно отражал более глубокий и важный процесс — возрастание реального значения азиатского направления в системе приоритетов американской внешней политики в этот период.

В долгосрочном плане азиатская ситуация считалась в Вашингтоне наиболее «угрожающей» интересам США. Во-первых, сравнивая положение в Азии с положением в Европе, политические деятели Вашингтона отмечали, что, если в Европе определились какие-то четкие линии «размежевания» между двумя мировыми системами, в Азии положение было иным. Здесь еще весьма сильным оставалось то, что на американском офи-

циальном языке именовалось «угрозой коммунизма» для целых регионов. Революция 1962 г. в Бирме, полный разрыв отношений Камбоджи с США в 1963 г., обострение американо-индонезийских отношений в 1963—1964 гг. и другие факты, свидетельствовавшие об усилении антиамериканских настроений в азиатских странах, по инерции воспринимались в Соединенных Штатах как признаки «коммунистической активности». В этом свете события в Лаосе и Южном Вьетнаме, где в борьбе против проамериканских режимов происходило постепенное усиление позиций патриотических сил, интерпретировались как показатель и прямое подтверждение «стратегического плана» постепенного «захвата» всей Юго-Восточной Азии коммунистами («ось Ханой — Пекин — Джакарта») ²⁶.

Во-вторых, несколько по-новому оценивалась в США и роль Китая. При всей агрессивной антикитайской риторике американских политических деятелей периода 50-х годов наиболее трезвомыслящие из них все-таки отдавали себе отчет в том, что КНР была занята восстановлением своего хозяйства, разрушенного в годы мировой и гражданской войн, и мирным строительством нового общества. Однако в 60-х годах в политике КНР произошли определенные перемены. В 1964 г. Китай испытал свою первую ядерную бомбу, что привело к возрастанию его роли в системе приоритетов в рамках азиатской политики США.

В-третьих, в первой половине 60-х годов произошла резкая активизация всемирной экономической экспансии Японии. Определенный рост деловой активности произошел также в Иране, Сингапуре и ряде других азиатских стран. Правящие круги США воспринимали эти признаки экономического роста как результат в первую очередь своих усилий, а это, казалось бы, подтверждало аргументы тех, кто призывал «не жалеть» средств на борьбу «за Азию», порождало оптимизм в отношении американской политики на этом направлении. Факты такого рода, как заявил несколько позднее Р. Никсон, служили «весьма наглядным подтверждением, что коммунизм — не обязательно будущее Азии» ²⁷.

Сочетание всех этих аспектов в восприятии обстановки в Азии с ростом воздействия военно-промышленного комплекса в США на выработку политического курса, приход к власти после убийства Дж. Кеннеди Л. Джонсона, проявившего повышенную склонность к прямой интервенции в странах Азии, привели к появлению в первой половине 60-х годов известного единодушия среди политической элиты относительно возможности нового вооруженного вмешательства в Азии. Некоторые американские историки, например У. Ростоу, даже выделяют 1964 г. (когда была принята «тонкинская резолюция») в качестве своеобразного рубежа в эволюции азиатской политики США. До этого периода, считают они, во внешнеполитической страте-

гии США еще существовали сомнения о приоритете европейской или азиатской политики, а среди сторонников первенства азиатской политики еще имелись разногласия по поводу главных субрегиональных направлений (некоторые продолжали считать главным район Восточной Азии, другие, например Ч. Боулс, считали основным объектом азиатской политики в условиях борьбы двух мировых систем Индию, которая должна была стать опорой «западной демократии» в Азии), еще шли споры относительно форм и методов политики США в Азии, но в 1964 г. произошел некий «перелом», выразившийся в практически единодушном мнении о том, что США должны прежде всего активно воздействовать на ситуацию в Индокитае и направить туда свои войска²⁸.

Принимая решение о прямом вооруженном вмешательстве во Вьетнаме в 1965 г., политические круги США рассчитывали, что успешная «локальная» военная операция в Южном Вьетнаме будет достаточным «предупреждением» национально-освободительным революциям всего «третьего мира» и в то же время подбодрит союзные США азиатские страны и режимы, испытывавшие тревогу в связи с успехами освободительного движения в Азии и Африке. Эта война должна была, по замыслу Вашингтона, решить целый ряд проблем общеазиатской и индокитайской политики и создать более благоприятную ситуацию на континенте для консолидации общих позиций США. Морально-психологический эффект в случае победы США (а в 1964—1965 гг. в Вашингтоне практически никто не сомневался именно в таком исходе) должен был намного перекрыть все материальные издержки Соединенных Штатов, а также продемонстрировать готовность США отстаивать «свои» позиции с оружием в руках в любом уголке земного шара.

Вооруженная интервенция в Индокитае, по словам У. Росту, выправила бы «асимметрию», обнаружившуюся в стратегическом положении США в Азии (слабость и ненадежность американских союзников в Азии в военно-политическом смысле делали положение в этой части света «асимметричным» не в пользу США)²⁹. Попытка создать «симметрию», как считалось, «оправдывала» саму идею вооруженного вмешательства США в Индокитае, которое должно было «компенсировать» относительную военную слабость американских союзников в Азии. Таким образом, война во Вьетнаме приобрела для США как в рамках их азиатской политики, так и в глобальном смысле исключительно важное значение, затрагивавшее в том числе и вопросы их престижа. «Если нас выгонят из Вьетнама, — заявил по этому поводу президент Джонсон в 1965 г., — ни одна нация никогда больше не поверит в американские обещания или в покровительство Америки»³⁰.

В общей сложности «вьетнамская агония» Америки продолжалась свыше десяти лет. В результате США потерпели пол-

ное поражение, политические последствия которого оказались значительно большими, чем итоги интервенции в Корее. Для современной Америки именно Вьетнам оказался тем поворотным пунктом, который потребовал всерьез заняться подробнейшим анализом не только причин поражения во Вьетнаме, но и общего политического курса США, проблемами поддержки этого курса со стороны разных слоев населения Соединенных Штатов, вопросами разработки дальнейшей политической линии на высшем уровне. Война во Вьетнаме вызвала острейший внутривнутриполитический кризис в США, осложнила их отношения с Советским Союзом, а также с главными американскими союзниками в Западной Европе³¹.

Агрессия США во Вьетнаме и ее исход имели первостепенное значение для эволюции американской политики в Азии. Не рассчитав своих возможностей, США на несколько лет прочно привязали свой глобальный внешнеполитический курс к конкретным региональным проблемам, не добившись при этом какого-либо результата, каковой можно было бы представить как «успех». И это при условии, что материальные затраты Соединенных Штатов на войну во Вьетнаме оказались настолько большими, что стали одной из серьезных причин кризисных явлений в американской экономике и в системе валютно-финансовых отношений капиталистического мира. Расходы на войну во Вьетнаме только в 1968/69 г. составили около 30 млрд. долл., не считая расходов на военную помощь союзникам, в первую очередь тем, кто принимал участие в войне (Южная Корея, Таиланд, Филиппины, Австралия).

Первой реакцией широких политических кругов Вашингтона на ясно обозначившуюся после новогоднегo наступления патриотических сил в 1968 г. бесперспективность попыток нанести военное поражение противнику в Южном Вьетнаме было требование разработать стратегию политического решения вьетнамского конфликта и «выхода» США из Вьетнама. Такая позиция была рекомендована группой высших советников Белого дома в феврале—марте 1968 г.³², и она же фактически определила программу деятельности новой республиканской администрации вплоть до выступления президента Р. Никсона на о-ве Гуам в июле 1969 г. «Гуамская доктрина», которая обосновала стратегию «вьетнамизации» войны во Вьетнаме как средство усиления американских союзников в Азии (что оправдало бы отказ правящих кругов США от вооруженных интервенций в этом районе мира), была в конечном счете ответом новой администрации на критику войны во Вьетнаме. Однако, не успев появиться, «гуамская доктрина» подверглась нападкам (как в США, так и в азиатских странах), так как справедливо была расценена как стремление сузить значение войны во Вьетнаме и предложить лишь технический рецепт решения этой сложной политической проблемы. Как отмечали авто-

ры коллективной монографии «Секрет полишинеля: доктрина Киссинджера — Никсона в Азии», «азиатская доктрина, впервые сформулированная Никсоном на Гуаме 26 июля 1969 г., продолжала угрожать будущими Вьетнамами, в которых азиатские пехотинцы были бы дополнены военно-воздушными силами США»³³.

Между тем для более трезво мыслящих американцев было совершенно очевидно, что речь должна идти не о частных мерах в целях «исправления ошибок», а о более крупных и долгосрочных переменах во всем политическом курсе США в Азии и, возможно, в еще более широких масштабах³⁴. Значительная часть политических кругов, причем не только либеральной ориентации, но и так называемые умеренные консерваторы (Д. Ачесон, Дж. Болл, Р. Макнамара, К. Клиффорд и др.) ставили вопрос о всесторонней переоценке вьетнамского опыта с точки зрения всей политики США в Азии. В разных выступлениях и работах этого периода неоднократно отмечалось, что с начала войны в Корее и до конца 60-х годов политика США в Азии развивалась, несмотря на отдельные попытки ее модификации, в целом прямолинейно и по нарастающей: взяв на себя общую и, как оказалось, нереальную задачу занять господствующее положение в Азии, правящие круги США тем самым противопоставили себя освободительным движениям, которые определяли сущность политической жизни азиатских стран. Практически все дальнейшие действия по достижению этой стратегической цели, и в особенности ставка на вооруженное вмешательство США как средство ее реализации, только углубляли противоречия между политическим курсом США и интересами азиатских стран и народов. Война во Вьетнаме явилась «пиком» в развитии этих противоречий и одновременно наглядным показателем пределов возможностей США в Азии. Американская политика стала одним из важнейших факторов, вызывавших «дестабилизацию» системы международных отношений в Азии в невыгодном для США направлении.

Особенно четко сформулировал позицию сторонников широкого пересмотра азиатской политики профессор Р. Клоф в своей книге «Восточная Азия и безопасность США». Он считает, что основной проблемой для политики США в странах Азии после Вьетнама является возможно более полный пересмотр концепций «сдерживания». «В течение двадцати лет концепция сдерживания обеспечивала какую-то последовательность политики США в Восточной Азии, — пишет он. — Она привела к серьезным отрицательным последствиям: переоценке роли применения военной силы... преувеличению опасности Китая для США». Доктрина «сдерживания», делает вывод Р. Клоф, фактически превратилась в помеху на пути дальнейшего развития азиатской политики США³⁵.

«Доктрина Никсона», которая в течение некоторого времени

рассматривалась как возможная концептуальная основа для определения дальнейшей политики США в Азии, по мнению Р. Клофа, явилась лишь промежуточным этапом в переходе американского политического курса от «биполярного мира к миру значительно большей сложности»³⁶. Посредством этой доктрины правящие круги США сумели справиться с некоторыми особо отрицательными последствиями своего «сверхвовлечения» во Вьетнаме, провести в несколько этапов операцию по «разъединению» в Азии (главным образом значительно сократив численность американских войск на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии) и создать предпосылки для строительства какой-то новой системы отношений в этом районе. Дальнейшие перспективы американской политики, в особенности после победы патриотических сил Южного Вьетнама и Камбоджи весной 1975 г., когда полностью провалилась стратегия «вьетнамизации», эта доктрина наметить не могла, так как продолжала, в сущности, даже по оценкам многих американских специалистов, опираться на модифицированные идеи «сдерживания».

Между тем в научных кругах США по сей день ведется громадная работа по анализу и оценке новой ситуации в Азии, которая сложилась на континенте в первой половине 70-х годов. В ходе этой работы ведущие американские специалисты по проблемам политики США в Азии (А. Доак Барнет, Э. Рейшауэр, Г. Сегур, Р. Скалапино, Р. Клоф, Э. Рэйвенал, Дж. Фэйрбэнк, А. Уайтинг, занявшиеся азиатскими проблемами З. Бжезинский, Г. Кан и многие другие) направляют свои усилия на выявление главных особенностей нынешней обстановки в Азии, с тем чтобы на этой основе сформулировать свои рекомендации относительно возможных направлений политики США. При анализе работ американских ученых по проблемам Азии обращают на себя внимание три объекта их исследований, которые, видимо, считаются главными для определения специфики нынешней азиатской ситуации с точки зрения долгосрочных интересов США. Это, во-первых, анализ нынешнего состояния и ближайших перспектив советско-китайских отношений и их возможного влияния на азиатскую политику США; во-вторых, исследование последствий экономического роста Японии для позиции американского капитала в Азии и, в-третьих, анализ тенденций к укреплению национального суверенитета в азиатских странах, их сосредоточения на проблемах модернизации общества и налаживания регионального сотрудничества с точки зрения долгосрочных интересов США.

Смена президентов в Белом доме в 1974 г., а затем окончательное поражение марионеточных режимов в Южном Вьетнаме и Камбодже весной 1975 г. и политические перемены в Лаосе осенью 1975 г. явились своеобразным толчком, сыгравшим известную роль в обострении необходимости для амери-

канской администрации также высказаться по вопросам азиатской политики. Определенное значение в новом возрастании важности этой проблемы для политических кругов США имела ожесточенная кампания, поднятая правыми консервативными и ультраконсервативными группировками после успешного завершения Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству. Считая, что это совещание (как и окончание военных действий в Индокитае) явилось победой СССР и соответственно поражением США, эти группировки требовали «реванша» в других районах мира. Восточная Азия, где политическая обстановка продолжала оставаться напряженной, рассматривалась этими группировками как один из районов наряду с другими (например, Ангола), в котором необходимо продемонстрировать «силу». Вся совокупность этих соображений в некоторой степени разъясняет предысторию появления на свет «тихоокеанской» доктрины президента Форда, выдвинутой им после поездки в Китай, Индонезию и на Филиппины в начале декабря 1975 г.

7 декабря 1975 г. президент США Дж. Форд по окончании визита в эти государства выступил в Гонолулу (Гавайские острова) с речью, в которой была провозглашена новая «тихоокеанская» доктрина США. «Гавайская декларация» сразу же вызвала довольно значительный интерес в кругах политиков и специалистов многих стран. Мнения с самого начала резко разделились: для одних речь шла о простом перепеве основных положений «доктрины Никсона», обернутом в широковещательную «доктринальную» оболочку в исключительно конъюнктурных целях; другие считали, что налицо существенная модификация подхода Вашингтона к проблемам тихоокеанской и дальневосточной политики³⁷.

Такая неоднозначность оценок объяснима, если учесть, что новая «тихоокеанская» доктрина явилась одновременно и повторением и развитием основных положений своей предшественницы.

«Гуамская доктрина» была сформулирована в разгар вьетнамской войны. Поэтому она, имея как бы два измерения — краткосрочное (суть которого состояла в наборе рекомендаций по выходу с наименьшими для американского империализма затратами из провалившейся вьетнамской агрессии) и долгосрочное (которое включало ряд общих принципов политики Соединенных Штатов сначала в Азии, а затем и в глобальном масштабе в период после американского ухода из Индокитая), — в области практической делала упор на первом измерении. Между тем со времени провозглашения этой доктрины прошло более шести лет. За этот период в мире вообще и в районе Восточной Азии и бассейна Тихого океана в частности произошли серьезные изменения, снявшие с повестки дня некоторые краткосрочные аспекты «доктрины Никсона».

Это прежде всего относится к окончанию войны в Индокитае. «Вьетнамизация», легшая в основу краткосрочных аспектов «доктрины Никсона», завершилась с наихудшими для Вашингтона результатами. Патриотические силы одержали скорую и полную победу. Американские правящие круги потеряли в данном регионе практически все свои позиции и серьезно подорвали престиж США. Поэтому в повестку дня официального Вашингтона встала срочная задача ликвидировать (или хотя бы уменьшить) отрицательные последствия индокитайского поражения и конкретизировать применительно к новой обстановке те общие принципы «доктрины Никсона», которые относились к послевьетнамской политике США и могли бы содействовать усилению позиций США в более долгосрочной перспективе.

Большое значение в появлении на свет новой доктрины сыграла оценка правящими кругами США того, как в настоящее время протекает процесс разрядки международной напряженности. Большие успехи, достигнутые советской дипломатией по ряду вопросов, и прежде всего по вопросам европейской безопасности, а также давление в связи с этим правых политических кругов породили среди членов администрации намерение «компенсировать» эти достижения подчеркиванием американских активов (действительных или иллюзорных) в тех районах, где победа патриотических сил Индокитае поставила США в сложное положение. Для такого рода демонстрации решимости США отстаивать свои глобальные позиции бассейн Тихого океана показался Вашингтону наиболее подходящим как в силу своей исключительной важности, так и в силу того, что целый ряд обстоятельств и прежде всего некоторые особенности местной расстановки сил создают для Вашингтона определенные возможности для маневрирования.

Очень большое значение в провозглашении новой «тихоокеанской» доктрины имели также причины внутривластного характера.

Результатом первого в истории Соединенных Штатах крупного военного поражения явилась утеря политически активной частью американского правящего класса уверенности в своих силах. Это совершенно новое для США явление нашло отражение в области как внутренней (ожесточенные дискуссии по вопросам внешней политики), так и внешней политики. Обратной стороной уменьшения веры в самих себя явилось нарастание сомнений азиатских (да и не только азиатских) союзников Соединенных Штатов в надежности своего «старшего партнера».

Весьма важным являлся в этой связи вопрос: насколько серьезно и долговременно это умонастроение американских правящих кругов, получившее в мировой печати наименование «вьетнамского синдрома»? Насколько быстро они сумеют пре-

одолеть психологический шок и вновь обрести присущую им жесткость и ставку на силу в подходе к азиатским проблемам?

В этих условиях новая «тихоокеанская» доктрина была призвана стать, с одной стороны, симптомом, а с другой — одним из способов преодоления «вьетнамского синдрома».

В условиях отхода на второй план непосредственных отрицательных для американского руководства итогов вьетнамской войны на первый план начинали выступать соображения, связанные с более общими и долговременными аспектами ситуации в данном районе. А эти соображения, как правило, базируются на расчетах, что США обладают на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана весьма существенными активами. В этом переходном психологическом климате и была разработана и провозглашена новая «тихоокеанская» доктрина, которая представляла собой еще одну попытку окончательно «расчитаться с вьетнамскими долгами» и акцентировать собственное внимание, равно как и внимание союзников, на «сильных сторонах» американской позиции в рассматриваемом регионе.

Немаловажную роль в выдвижении «гавайской декларации» сыграли предвыборные соображения, в частности желание бывшего президента удовлетворить имеющее сильные позиции в аппарате и на национальной конвенции консервативное крыло республиканской партии, акцентирующее внимание на «кризисе доверия» и на необходимости «улучшить отношения с союзниками», а также призывающее усилить темпы американо-китайской «разрядки».

Что касается существа самой доктрины, то здесь особенно заметны несколько важных моментов, которые подчеркивают ее значимость для внешнеполитического курса США в условиях разрядки международной напряженности. Центральным элементом декларации президента Форда являются шесть пунктов, в которых была изложена общая система его подхода к проблемам азиатской политики США³⁸. Однако Форд предварил изложение этих пунктов одним существенным замечанием. Он подчеркнул «абсолютную» важность азиатского района для своего общего внешнеполитического курса и прямо увязал его значение с глобальными позициями США. «Мировая стабильность, — заявил президент, — и наша собственная безопасность зависят от наших обязательств в Азии». Эта общая исходная точка зрения позволяет лучше понять содержание каждого из шести пунктов доктрины, несмотря на то что они сформулированы чрезвычайно общо и неопределенно, допуская тем самым довольно разноплановые толкования.

В новой «тихоокеанской» доктрине на первое место вынесено положение о том, что «американская мощь является основополагающей для любого стабильного баланса сил в районе Тихого океана»³⁹. Смысл этого тезиса, равно как и то обстоятельство, что он поставлен на первое место в новой доктрине,

свидетельствуют о том, что Соединенные Штаты провозгласили окончание периода частичного отвода американских вооруженных сил из Азии, осуществленного в рамках реализации «доктрины Никсона», и напомнили о своих силовых возможностях здесь в настоящее время и близком будущем.

Действительно, агрессивное присутствие Соединенных Штатов в Восточной Азии и бассейне Тихого океана продолжает оставаться весьма значительным. США являются мощной в военном отношении тихоокеанской державой. В первой половине 70-х годов Соединенные Штаты отвели большую часть своих сухопутных войск с континентальной части Азии, но укрепили и модернизировали свой тихоокеанский флот, а также другие военные контингенты, находящиеся в этом районе для обеспечения так называемой островной стратегии⁴⁰.

Выведа свои вооруженные силы из Индокитая, правящие круги США в настоящее время акцентируют внимание на долгосрочных аспектах соотношения военных сил в Восточной Азии и бассейне Тихого и Индийского океанов, и все большее значение в соответствующих расчетах уделяется «китайскому фактору». Правящие круги США, несомненно, стремятся изыскать способы превращения сложившейся на Дальнем Востоке в первой половине 70-х годов расстановки сил в свой политический актив.

Итак, «доктрина Никсона», предполагавшая в качестве перспективной цели создание многостороннего «баланса сил» в районе Восточной Азии и бассейна Тихого океана, опору на «островную стратегию», облекается в рамках «доктрины Форда» в более конкретные формы. Наряду с этим в первом пункте новой доктрины имеется некоторый отход от главной линии предыдущей — «гуамской доктрины». Как известно, первым пунктом в «доктрине Никсона» была сформулирована идея «партнерства», которая имела в виду как усиление вклада американских союзников в борьбу США против социализма и национально-освободительного движения, так и сокращение роли самих Соединенных Штатов в конкретном противоборстве. Выдвижение президентом Фордом на первое место в своей доктрине принципа опоры на американскую мощь и подчеркивание роли «силовых» компонентов политического курса в Азии являются в этом отношении известной модификацией базовых принципов этого курса.

Второй пункт «гавайской декларации» указывает на американо-японские отношения как на «основу стратегии» Соединенных Штатов в этом районе. Сам по себе этот принцип не нов. Он был провозглашен и в «доктрине Никсона». Однако на рубеже 70-х годов его практическая реализация натолкнулась на большие трудности, связанные с развитием самого серьезного за весь период после второй мировой войны обострения американо-японских межимпериалистических противоречий. В этой

обстановке «шоковая дипломатия» Никсона, представлявшая собой тактику разрешения американско-японских противоречий в пользу США с помощью подчеркивания американской силы и японской относительной слабости, вызвала крупные трещины в отношениях между двумя государствами.

Сейчас этот период в основном остался позади. Экономические противоречия удалось (хотя, разумеется, временно и на частичной основе) приглушить, по отношению к ряду международных вопросов обеими странами выработан параллельный (а в некоторых аспектах и согласованный) курс. Таким образом, для правительства Форда оказалось возможным действительно приступить к осуществлению положения об укреплении союза с Японией, провозглашенного «доктриной Никсона», но не реализованного на практике.

Повышенное внимание к Японии проявляется не только в самом тексте «гавайской декларации»⁴¹. Основные ее положения, несомненно, были разработаны при тесных консультациях с Японией, отвечают ее интересам в рассматриваемом районе и гарантируются ее поддержкой.

Этим, по-видимому, следует объяснить, что в новой «тихоокеанской» доктрине преодолена некоторая противоречивость положений «доктрины Никсона», посвященных Японии. Действительно, на рубеже 70-х годов в подходе США не вполне ясно ощущалось, чего же хотят руководители американской дипломатии от Японии: желает ли Вашингтон сильной и активной в военном отношении Японии, возглавляющей внутриазиатскую региональную группировку государств, или же США стремятся видеть Японию относительно слабой, полностью зависящей при обеспечении своих оборонных нужд от соответствующих гарантий США. Эти противоречия отражали острую борьбу в американских правящих кругах по данному вопросу.

В последнее время, по-видимому, победила вторая тенденция. Американские стратеги все больше склоняются к тому, что негативные моменты слишком интенсивного перевооружения Японии перевешивают позитивные. Поэтому Пентагон ныне хотел бы ограничить «военный вклад» Японии задачами явно вспомогательного характера (в частности, сделать основной упор на наращивание противовоздушного и противолодочного потенциала Японии). «Лучше более сильный союз при меньшей японской мощи, чем ее большая мощь при ослаблении союза» — таков примерно скрытый лейтмотив «японского пункта» «гавайской декларации»⁴².

Разумеется, надежды правящих кругов США, а также проамерикански настроенных группировок внутри японской верхушки достигнуть «полной и постоянной гармонии» в американско-японских отношениях далеки от реальности. Периодические вспышки межимпериалистических противоречий между двумя государствами с неизбежностью будут происходить в будущем

точно так же, как они происходили в прошлом. Однако, вполне возможно, что на ближайший период сторонам удалось разрешить основные непосредственные проблемы, разделявшие их, и войти в относительно спокойную фазу отношений. Отражением именно этой фазы и стала новая «тихоокеанская» доктрина, в частности ее «японский пункт».

Третий пункт «гавайской декларации» посвящен американо-китайским отношениям. В нем приветствуется «нормализация отношений с КНР» и провозглашается стремление «укрепить связи с этой великой нацией, составляющей около четверти человечества». В целом формулировки этого пункта практически не отличаются от соответствующих положений «шанхайского коммюнике» и тех разделов посланий президента Никсона конгрессу, в которых содержался официальный комментарий к доктрине, носившей его имя.

Новым в рассматриваемом документе являются не столько высказанные положения, сколько умолчания. Если в главных документах, трактовавших «доктрину Никсона», заботливо выдерживались равные пропорции между положениями, посвященными советско-американским и американо-китайским отношениям, то в «гавайской декларации» пункт, посвященный Советскому Союзу, вообще отсутствует. В этой связи отсутствие отдельного пункта о советско-американских отношениях можно трактовать как признание того обстоятельства, что эти отношения выходят далеко за рамки региональной азиатско-тихоокеанской проблемы. Однако учитывая, с одной стороны, те препоны, которые пытаются поставить реакционные круги на пути конструктивного развития советско-американских отношений, а с другой — то обстоятельство, что «гавайская доктрина» была выдвинута непосредственно после окончания визита президента Форда в КНР, становится очевидным, что введение отмеченной выше «доктринальной диспропорции» представляет собой продуманную попытку более энергичного, чем прежде, использования «китайского фактора».

Характерно, что провозглашение новой «тихоокеанской» доктрины сопровождалось оживлением в США сторонников налаживания американо-китайских контактов. К наиболее заметным проявлениям этой тенденции относились выступление сенатора Тафта в американском конгрессе в конце 1975 г. с предложением «снабдить КНР определенными оборонительными системами в интересах США»⁴³, а также статья сотрудника корпорации РЭНД М. Пиллсбери с многозначительным названием «Американо-китайские военные связи?»⁴⁴. Таким образом начала кристаллизоваться тенденция сделать несколько шагов навстречу позициям консервативных группировок в конгрессе США и за его пределами, хотя, в частности по азиатским проблемам, возможно, и не в таких размерах, которые были бы желательны для этих группировок.

Итак, «доктрина Форда», которая вообще появилась на свет в период определенного оживления на американской политической арене консервативных, «традиционалистских» элементов, явилось одним из свидетельств активизации сил, выступающих за более консервативную, полнее отвечающую исконному американскому пониманию трактовку концепции «баланса сил» применительно как к отношениям с СССР и КНР, так и к общей ситуации в Евразии. Испытывая определенные затруднения на международной арене, наиболее консервативные группировки американского правящего класса пытались улучшить конъюнктуру путем более активного разыгрывания — вполне в соответствии с привычными стандартами своего внешнеполитического мышления — «китайской карты» в качестве современной разновидности восточной «римлэнд».

Конечно, от пожеланий, зафиксированных в той или иной доктрине, до практической реализации — путь не близкий. Как показывает последний тур американо-китайских переговоров на высшем уровне, состоявшихся в конце 1975 г., трудности и противоречия в отношениях между США и КНР остаются весьма значительными, а в некоторых отношениях имеют тенденцию к дальнейшему обострению. В какой-то степени реверансы по отношению к Пекину и некоторые «прокитайские» стилистические обороты, имеющиеся в разделе «гавайской декларации», посвященном отношениям с КНР, являются попыткой сгладить негативные моменты в американо-китайских отношениях.

Четвертый пункт «гавайской декларации» провозглашает «сохранение интереса к стабильности и безопасности в Юго-Восточной Азии». Этот тезис наряду с шестым пунктом доктрины (о «необходимости создания в Азии структуры экономического сотрудничества, отражающего устремления всех народов этого региона») в наибольшей степени представлял собой дань традиционному словесному ритуалу и стремление внести успокоение в ряды американских союзников и клиентов, встревоженных развитием событий последнего времени.

Американский подход к азиатским проблемам последнего времени, как уже отмечалось, характеризовался определенным переносом центра внимания с Юго-Восточной на Северо-Восточную Азию, т. е. туда, где встречаются и тесно переплетаются интересы четырех великих тихоокеанских держав. Эта тенденция, характерная для «доктрины Никсона», полностью сохраняет свое значение и для «доктрины Форда». На этом фоне четвертый и шестой пункты имеют оттенок оговорки о том, что зона преимущественного американского интереса периода 60-х годов также не забыта. Однако при этом, если не считать заявления о готовности и впредь оказывать содействие организации АСЕАН, в заверениях государствам Юго-Восточной Азии отсутствует что-либо конкретное.

Это определенно свидетельствует о стремлении американ-

ского руководства скорее добиться психологического эффекта «успокоения», чем брать на себя какие бы то ни было новые обязательства в этом районе. Этот мотив не остался незамеченным и для лидеров стран — членов АСЕАН. В ходе встречи глав государств — членов этой организации на о-ве Бали (Индонезия) в феврале 1976 г. они крайне осторожно отнеслись к проблеме американских гарантий странам региона. Эти односторонние, а потому считающиеся недостаточными, гарантии политические представители АСЕАН хотели бы заменить многосторонними гарантиями четырех великих тихоокеанских держав. Характер таких гарантий обсуждается в Маниле, Джакарте, Куала-Лумпуре и Сингапуре весьма активно.

Еще одно положение новой доктрины касается политики США по отношению к кризисным ситуациям в Азии. Призывая продвигаться по пути постепенного урегулирования азиатских конфликтов, американский президент особо выделил районы Корейского полуострова и Индокитая.

Озабоченность Вашингтона развитием событий на Корейском полуострове достигла особой остроты сразу же после окончательного поражения в Индокитае, когда правящие круги США, по-видимому, всерьез опасались возобновления военного конфликта в Корее⁴⁵. По истечении нескольких месяцев страсти несколько улеглись, поскольку в Вашингтоне, по всей очевидности, пришли к выводу, что истерия южнокорейских правителей лишена каких бы то ни было реальных оснований. Видимо, поэтому в тексте «гавайской декларации» отсутствовали тезисы, неоднократно высказывавшиеся ранее бывшим министром обороны США Дж. Шлесинджером, о возможности применения Соединенными Штатами в Корее тактического ядерного оружия в случае возникновения вооруженного конфликта, затрагивающего существование нынешнего южнокорейского режима. Впрочем, в новой доктрине не содержится и ничего такого, что бы шло вразрез с тезисами Шлесинджера. Напротив, обязательство оказывать поддержку южнокорейскому режиму было подтверждено со всей определенностью.

Раздел доктрины, посвященный Индокитаю, вызвал, естественно, особый интерес мировой общественности. В Соединенных Штатах в первый послевьетнамский период выявились заметные разногласия относительно дальнейшей американской политики в этом районе. Подход консервативных кругов обусловлен чувством раздражения и «обиды» за чувствительный удар по американскому престижу. Консерваторы выступили за полное игнорирование государств Индокитая и, если это возможно, за нахождение каких-то форм политического или другого реванша.

Реакция либеральных кругов в какой-то мере отражает угрызения совести части американской общественности за те бедствия, которые были причинены американской интервенцией народам Индокитайского полуострова. Многие либералы (на-

пример, сенаторы Макговерн и Кеннеди) довольно решительно высказались за преодоление груза прошлого, за помощь в экономическом восстановлении Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и тем самым за постепенное включение этих государств в систему общего американского внешнеполитического маневрирования в Азии. При этом указанные круги учитывают, что отказ от непосредственных связей между США и странами Индокитая, в первую очередь Вьетнамом, сузит свободу маневра США в Юго-Восточной Азии и соответственно расширит возможности их главных оппонентов.

Что касается администрации Форда, то она пошла по «средней линии» между консервативным и либеральным подходом к этой проблеме.

С одной стороны, в новой доктрине ничего не говорилось об оказании государствам Индокитая экономической помощи, несмотря на то что правительство ДРВ неоднократно ясно давало понять, что возобновление подобного обязательства США, зафиксированного в Парижском соглашении о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, является основным условием открытия политического диалога между США и Вьетнамом.

С другой стороны, однако, в тексте декларации имелись отголоски другой, либеральной, точки зрения. Говорилось, в частности, о необходимости ориентироваться на будущее, а не на прошлое в отношениях со странами Индокитая и о готовности США к тому, чтобы встать на путь «взаимных жестов доброй воли». В основе этого заимствования некоторых элементов либеральной позиции лежали отнюдь не морально-этические соображения, а осознание растущей роли единого Вьетнама в азиатской политике.

В целом «гавайская декларация» президента Форда представляла собой недостаточно заверченный документ для того, чтобы его можно было рассматривать в качестве вполне зрелой внешнеполитической доктрины. Во многих отношениях это был документ, весьма близкий по духу к «доктрине Никсона». Можно сказать, что в плане преемственности — это разъяснение и уточнение некоторых долговременных положений «доктрины Никсона» на тихоокеанском направлении политики США на новом — послениксоновском и послевьетнамском — этапе.

Фактически ни в одном из пунктов «тихоокеанская» доктрина концептуально не вышла за рамки стратегических положений «доктрины Никсона» и сохранила внутреннюю преемственность по отношению к своей предшественнице. В самом общем плане «тихоокеанская» доктрина развивает линию на поиск оптимального решения проблемы сохранения главных позиций США в районе Восточной и Юго-Восточной Азии с помощью более гибких и «экономичных» средств в условиях, когда поражение во Вьетнаме безоговорочно сняло с повестки дня вопрос

о новом вовлечении США в вооруженную борьбу на Азиатском континенте (хотя это убеждение разделяется не всеми в политической элите США). Развивая эту главную линию, «тихоокеанская» доктрина в то же время стремилась сочетать в себе некоторые элементы из позиций разных группировок в политических кругах США по вопросам азиатской политики, пытаясь выглядеть точкой зрения большинства этих кругов. Она как бы обращена в два адреса: внутри страны она демонстрирует, что этап полемики по вопросам азиатской политики в целом пройден и пора перейти к более согласованной позиции; вне страны она показывает, что расхождения в политических кругах по вопросам азиатской политики не столь уж сильно способны ограничить возможности Вашингтона по разработке эффективного политического курса.

Вместе с тем «гавайская декларация», разумеется, не единственная, а одна из возможных интерпретаций предыдущей внешнеполитической доктрины. И это вполне определенно консервативная ее интерпретация, хотя она и включила некоторые элементы из позиций либералов. В ней косвенно заложена тенденция решить проблему восстановления американского влияния и позиций в районе Азии и бассейна Тихого океана путем оттеснения Советского Союза с помощью интенсификации весьма разноплановых, но имеющих определенную антисоветскую направленность отношений с наиболее крупными государствами этого района, а также с помощью усиления позиций США в тех районах и в тех вопросах, где Вашингтон чувствует себя наиболее уверенно. Тем самым он рассчитывал взять реванш за относительно большие, как он считает, внешнеполитические успехи Советского Союза в других районах мира. Дальнейшее развитие событий в Азии, несомненно, выявит классовую ограниченность этой очередной попытки приспособления правящих кругов США к непрерывно меняющейся азиатской реальности.

Настоящая монография выходит в свет, когда в Белом доме находится новая — демократическая — администрация во главе с президентом Дж. Картером. В ходе предвыборной кампании новый президент неоднократно давал понять, что он и его коллеги, оставаясь в целом верными общим положениям азиатской политики предшествующих администраций республиканцев (в частности, специальная группа экспертов, разрабатывавшая под руководством профессора Калифорнийского университета Р. Скалапино позицию демократов по проблемам Азии, рекомендовала оказывать этой политике «двухпартийную поддержку»⁴⁶⁾), будут все же стремиться найти более гибкие средства «стабилизации» положения в этом районе мира. Какие конкретные пути изберет новая администрация в достижении этой цели — покажет будущее, пока же, судя по блиц-визиту вице-президента У. Мондейла в Японию в феврале 1977 г., США

больше всего озабочены проблемами усиления совокупных позиций капитализма в этом районе мира.

* * *

Анализ эволюции политики Соединенных Штатов в отношении Азии позволяет сделать вывод о том, что в США в течение длительного времени шел сложный процесс формирования общеазиатской политики, превратившейся в один из важнейших компонентов глобальной стратегии американского империализма. В течение более чем столетия отдельные экспансионистские акции в направлении Тихого океана мало-помалу соединялись как в сознании американского правящего класса, так и в конкретной политической практике в сложную, связанную многими внутренними взаимообусловленностями, относительно замкнутую и автономную (хотя, разумеется, теснейшим образом связанную с глобальными внешнеполитическими задачами Вашингтона) региональную «подсистему» американской внешней политики.

Проведенный обзор эволюции американского политического курса в Азии позволяет выявить в ней после 1945 г. несколько главных этапов: 1945—1950 гг., когда формировалась концепция «сдерживания» в азиатском варианте, ставшая основой последующего политического курса; 1950—1969 гг. — период господства этой концепции в азиатской политике США и нынешний период пересмотра азиатской политики и формирования новой доктрины для нее, начавшийся с провозглашения «гуамской доктрины» летом 1969 г. и достигший кульминации принятием на вооружение новой «тихоокеанской доктрины» в декабре 1975 г. Таким образом, настоящая монография занимается исследованием политики США в Азии в период, когда в этой политике еще не окончен этап активного поиска политическими кругами Вашингтона нового общего подхода к решению своих задач на Азиатском континенте. Более детальный анализ в последующих главах отдельных общих для азиатской политики проблем (внутриполитические источники формирования азиатской политики, военно-стратегические и экономические интересы США в Азии, блоковая политика в районе Тихого океана и т. п.), а также политики США в отношении отдельных стран и регионов (Япония, Китай, страны Южной и Юго-Восточной Азии, Индокитай, Ближний Восток) в значительно большей степени раскроет существо перемен в азиатской политике на нынешнем этапе и ее возможные контуры в будущем.

БОРЬБА В ПРАВЯЩИХ КРУГАХ США ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ В АЗИИ (сенат и альтернативы азиатской политики США)

Политика США в Азии, как и внешняя политика страны вообще, формируется в борьбе разнообразных сил и влияний. Если международные факторы этого процесса изучаются достаточно полно, то факторы внутренние исследованы пока очень мало. Чаще внимание уделялось антивоенным движениям, позиции профсоюзов, но борьба в правящих кругах по внешнеполитическим вопросам почти не освещена. Она анализировалась частично, главным образом применительно к политике в целом и лишь в отдельных аспектах проблемы, таких, как влияние монополистических групп, военно-промышленного комплекса, ученой и идеологической элиты.

В данной главе ставится задача показать основные подходы политики США в Азии, выдвигаемые в американских правящих кругах, через призму борьбы в сенате. Такая, на первый взгляд ограниченная, постановка вопроса дает, однако, возможность прийти к достаточно обобщенным выводам. Дело в том, что конгресс в целом и сенат в особенности, выполняя прежде всего законодательные функции в интересах крупного капитала, а также выступая как один из мощных центров официальной пропаганды («воспитания народа»), в то же время является важным звеном в системе обратной связи — учета тех изменений в международном соотношении сил и внутри страны, которые невозможно игнорировать и к которым приходится приспосабливать законодательные инициативы. В этом отношении он является как бы аккумулятором предлагаемых в различных секторах правящего класса США внешнеполитических альтернатив.

Борьба группировок в сенате отражает процесс приспособления к новым реальностям и показывает направления возможных изменений в политике США. Интересная особенность этой борьбы состоит в повторяемости образующихся при возникновении спорных вопросов сенатских группировок, которые не совпадают с партийным делением сената, не имеют четких границ и организационно не оформлены, но тем не менее прояв-

ляются с большой регулярностью и настолько постоянной аргументацией, постоянной системой взглядов, что можно говорить об определенной закономерности в сенатской расстановке сил, имеющей продолжение в правящих кругах в целом.

По вопросам, связанным с политикой в Азии, как и по другим проблемам внешней политики, в сенате обычно выступали три группировки (хотя вариантов и оттенков позиций имелось значительно больше): правое крыло (консерваторы), левое крыло (либералы) и центр (умеренные консерваторы и умеренные либералы). Этим трем группировкам соответствовали три подхода, в борьбе которых складывался внешнеполитический курс США¹.

Эти альтернативы выявлялись с наибольшей четкостью при обсуждении вопросов, игравших в рассматриваемый период ключевую роль и вызвавших особенно острые дебаты. Это были: дискуссия о повороте в американско-китайских отношениях, начавшемся на рубеже 60—70-х годов, и о дальнейших перспективах этих отношений; борьба в 1969—1972 гг. различных курсов и программ в связи с поражением США во Вьетнаме; спор в 1973—1974 гг. об экономической помощи государствам Индокитая на фоне попытки продолжить агрессию (Камбоджа); обсуждение в 1974 г. вопроса о военном присутствии США в Азии вообще.

Поворот в китайской политике США

Проблема пересмотра отношений с Китаем, определявшихся после 1949 г. лозунгом «сдерживания» и изоляции и борьбы с национально-освободительным движением военными средствами, была поднята в конгрессе еще в середине 60-х годов. На специальных заседаниях в различных комиссиях обеих палат, но более всего в комиссии сената по иностранным делам, возглавляемой У. Фулбрайтом, в марте 1965 г., феврале 1966 г., апреле 1967 г., феврале—марте 1968 г.² наметилась, а затем сложилась та расстановка сил, которая сохранилась и в начале 70-х годов. В ходе этих дискуссий была выработана идея поворота в китайской политике США и сближения с КНР, осуществленная правительством Никсона начиная с лета 1969 г. и особенно в ходе визита президента в Пекин в 1972 г.

Выступления на заседаниях видных представителей правящей бюрократии, военно-промышленного комплекса, бизнеса, профсоюзной верхушки, научной элиты, прессы и т. п. свидетельствовали об аналогии между расстановкой сил в сенате и расстановкой сил в правящих кругах в целом. Это подтверждает высказанный выше тезис о достаточно адекватном отражении сенатом борьбы, идущей в верхах при формировании внешнеполитического курса.

Обсуждение отношений с Китаем достигло наибольшей остроты после того, как бывший президент Никсон начал проводить (с лета 1969 г.) курс на сближение с КНР. Этот курс вылился в такие заметные акции, как визит президента в Пекин в 1972 г. (объявлен 15 июля 1971 г.) и данное в августе 1971 г. согласие США на принятие КНР в ООН.

Выступление Р. Никсона по телевидению 15 июля 1971 г. с сообщением о предстоящей поездке в Пекин было встречено с энтузиазмом, особенно либеральной частью сената. 2 августа 1971 г. сенат единодушно принял двухпартийную резолюцию Мэнсфилда—Скотта, одобрявшую «путешествие во имя мира» и курс на нормализацию отношений с КНР³. Однако как аргументы одобрявших поездку сенаторов, так и определение ими целей нормализации были различны.

Либералы указывали на следующие цели новой политики: сближение с Пекином содействует разрядке; эта политика может привести к соглашению об ограничении ядерных вооружений не только между СССР и США, как это уже наметилось, но и между тремя странами с участием КНР; улучшение отношений с КНР будет способствовать окончанию войны во Вьетнаме.

Консерваторы в своем большинстве также поддерживали идею визита президента в КНР, однако они признавали вынужденный характер этой позиции, сопровождали свою поддержку скептическими предостережениями и ограничениями, а главное, по-своему определяли цели новой политики.

В расширявшейся атмосфере разрядки было уже невозможно базировать политику на истерии «холодной войны» — прошли те времена, признавал Х. Скотт, когда подобный визит вызвал бы крестовый поход маккартистов и каждый американец «стал бы искать коммуниста у себя под кроватью»⁴. Приходится мириться с неизбежным, так как нет иной альтернативы, как снимать торговые ограничения и отказываться от жесткой линии, жаловались консерваторы; США не смогут также удержать ООН от принятия КНР в организацию уже в 1971 г. Об этом говорили многие из тех, кто еще совсем недавно допускали возможность ядерного удара по КНР или по КНДР, объявляли снятие торговых ограничений в отношении КНР результатом массовой пропаганды Пекина, ошибок госдепартамента и т. п. (Г. Джексон, С. Тэрмонд, Дж. Тауэр и др.)⁵.

Определенный сдвиг в позиции консерваторов был, таким образом, вынужденным. Одновременно правые не уставали предостерегать против «иллюзий и нереалистичных надежд», призывали «не терять бдительность», проявлять осторожность в ведении торговых дел с КНР, не соглашаться на сближение «на жестких условиях Пекина»; целью поездки президента должно быть ознакомление, ослабление взаимной подозритель-

ности, а не какие-либо существенные переговоры, поскольку КНР остается «коммунистической, враждебной страной» и понадобятся годы для установления в Азии «новой эры» (Аллот, Р. Бэрд, Гэмбрел, Дж. Тауэр) ⁶.

Называя те же цели новой политики, что и либералы, они толковали их совершенно иначе. Если либералы объявляли, что сближение с КНР призвано содействовать разрядке, и подчеркивали, что оно не должно наносить ущерб нормализации отношений с СССР, то консерваторы явно интересовались «треугольной дипломатией». Высказываясь за привлечение КНР к переговорам об ограничении стратегических вооружений (СОЛТ-I), они намеревались под этим предлогом, зная негативную позицию Пекина, затянуть или сорвать переговоры. Говоря о возможном влиянии визита Никсона в КНР на завершение войны во Вьетнаме, они имели в виду не подписание мира на справедливых условиях и уход американских войск, но принуждение ДРВ к капитуляции («Римляне называли такие действия *vis a tergo* — ударом с тыла», говорил Х. Скотт ⁷).

Важно подчеркнуть, что правые играли в сенате главную роль, что именно их позиция в преобладающей степени влияла на правительство.

Сенаторы, занимавшие позицию центра, приветствуя поездку Никсона в Пекин, фактически подыгрывали правым. Они призывали не торопиться с политикой американско-китайского сближения, но в то же время не мешать президенту несвоевременной критикой и ненужным вмешательством. На первый план они выдвигали не столько общую цель разрядки, сколько стимулирование окончания войны во Вьетнаме (трактуя это «стимулирование» в духе правых).

Особенно много сомнений, поисков и расхождений во взглядах вызвала «деликатная проблема Тайваня». Перспектива сближения с КНР поставила вплотную вопрос о дальнейшем сохранении отношений с «наиболее верным союзником США». Приходилось учитывать значение Тайваня как военной базы, обязательство США «защищать» его, большие американские капиталовложения на острове, наконец, влияние все еще значительного тайваньского лобби и психологический фактор — идущие еще от 1927 г. длительные связи с Чан Кай-ши, которые сопровождались постоянной пропагандой о «верном, испытанном друге». С другой стороны, Пекин ставил непременным условием установления дипломатических отношений с США отказ от признания «Китайской Республики» на Тайване. Вопрос достиг наибольшей остроты в связи с принятием КНР в ООН в 1971 г.

Либералы, в целом считавшие необходимым разрыв с Тайванем, не были едиными в вопросе о сроках и методах такого разрыва: оборвать ли сразу долговременный союз с Чан Кай-ши, признав КНР единственным представителем китайского

народа в ООН и выступив за исключение Тайваня из организации (за этот вариант высказывался, например, сенатор Э. Кеннеди), или, исходя из признания на какой-то период «двух Китаев», возложить надежды на возможные переговоры Пекина с Тайванем и их постепенное объединение (Мэнсфилд, Джавитс и др.). В июне—июле 1971 г. комиссия сената по иностранным делам рассмотрела пять резолюций по этому поводу: авторы одной из них решительно высказывались за первый вариант, а авторы остальных четырех — за ряд промежуточных решений в духе второго варианта⁸.

В результате преобладания консерваторов в конгрессе последний ежегодно принимал резолюцию о своем отрицательном отношении к приему КНР в ООН, заявив об этом на протяжении 1950—1970 гг. не менее тридцати раз⁹. С началом поворота в правительственной политике относительно Китая как крайние правые, выступившие против визита Никсона в Пекин, так и те консерваторы, которые вынужденно смирились с неизбежным и поддержали курс на нормализацию отношений с КНР, продолжали отстаивать союз с Тайванем. В этом вопросе все консервативное крыло сената выступало солидарно. Однако правые по-разному оценивали более отдаленную перспективу союза.

Крайние консерваторы — П. Доминик, Дж. Истлэнд и другие — все еще протестовали, и достаточно резко, против принятия КНР в ООН, поскольку это приведет к «разрыву с Тайванем». Наиболее непримиримую позицию в этом вопросе заняли конгрессмены Шмитц и Рэрик, губернатор Алабамы Дж. Уоллес, Общество Джона Бэрча и правое руководство Американской федерации труда — Конгресса производственных профсоюзов (АФТ—КПП), опубликовавшие резолюцию против принятия КНР в ООН 10 августа 1971 г. Большинство же консерваторов в сенате перешло к поддержке идеи «двух Китаев», считая, однако, в отличие от либералов, что сохранение Тайваня в ООН является условием абсолютным, обязательным и неперенным. Так, высказавшись за визит Никсона в КНР, Хью Скотт заявил, что он не изменил своей позиции в отношении Тайваня и по-прежнему поддерживает правительство Чан Кай-ши; Р. Бэрд предупреждал против соглашений, «наносщих вред нашему союзнику — Национальному Китаю»; Миллер подчеркнул, что переговоры не должны проходить «за счет друзей»¹⁰.

«Было бы трагично и неразумно... если ценой какого-то сближения с континентальным Китаем станет разрыв с Китайской Республикой», — говорил Дж. Тауэр. «Отдавая Тайвань, мы отдаем гораздо больше, чем небольшой остров у берегов континентального Китая — мы приносим в жертву западный оборонительный периметр и начинаем отходить к не имеющей оправдания политике „раковины“, „американской крепости“.

Однако с появлением КНР в ООН приходится смириться, так как она будет принята в организацию и без США, вопреки США»¹¹. 28 сентября 1971 г. было опубликовано подготовленное сенаторами Дж. Бакли, Б. Бромом заявление 21 сенатора и 33 членов палаты представителей, где говорилось, что в случае, если Тайвань будет исключен из ООН, эта группа законодателей будет «рекомендовать полный пересмотр всей моральной и финансовой поддержки, оказываемой ООН Соединенными Штатами»¹².

Таким образом, и в лагере либералов, и в лагере консерваторов появились по две подгруппы: наряду с «чистыми» либералами — умеренные либералы, наряду с крайними консерваторами — умеренные консерваторы. Это означало раскол центра, часть которого отошла вправо, а часть — влево, что обычно являлось показателем серьезного обострения борьбы в сенате, сопровождавшего тот или иной значительный поворот в политике. Сохранилось, однако, связующее звено: обе части центра, хотя и с различной степенью непримиримости, стояли на позиции «двух Китаев». В этом отношении центр продолжал играть свою обычную роль выразителя политики текущего дня, ближайшего времени, и поскольку весь вопрос находился в динамической фазе пересмотра, а перспективы оставались неясными, к этой политике данного момента примкнуло как с той, так и с другой стороны немало традиционных либералов и постоянных консерваторов.

Все эти сложные перемещения в расстановке сил проявили себя в бурных дебатах и голосованиях, последовавших за принятием КНР в ООН при исключении Тайваня (25 октября 1971 г.) вопреки требованию США о членстве в организации и Тайваня, и КНР, причем принятие это сопровождалось бурным эмоциональным взрывом, направленным против американского империализма. Уже 26 октября в сенате посыпались предложения: выйти из ООН (Голдуотер), резко сократить взносы США в ООН (Бакли и др.), изгнать ООН из Нью-Йорка и Америки вообще, поскольку это — «орда иностранных агентов, ведущих против нас шпионскую работу» (сенатор Лонг) и т. п. В дебатах доминировали разгневанные правые консерваторы. Но в конце концов буря вылилась в два голосования, 28 и 29 октября 1971 г., в ходе которых было провалено ранее внесенное и имевшее все шансы пройти предложение Черча — Мэтайеса об отмене так называемой формозской резолюции 1955 г., а также отклонен билль о помощи иностранным государствам.

«Формозская резолюция» 1955 г. предоставляла президенту право «защищать» Тайвань и Пескадорские острова в случае необходимости вооруженными силами, т. е. фактически вступать в войну из-за Тайваня. Однако предложение о ее отмене носило довольно символический характер, поскольку одновременно не затрагивался американо-тайваньский военный договор

1954 г., по которому США еще ранее и более конкретно обязались оказывать чанкайшистам военную помощь. Голосование по резолюции оставило ее в силе и продемонстрировало раскол в сенате: 43 — за, 40 — против.

С аналогичным результатом закончилось голосование по второму вопросу. 29 октября 1971 г. билль о помощи иностранным государствам, предусматривавший ассигнования в размере 2,9 млрд. долл., был провален при 27 голосах за и 41 против. Это была мера, демонстративно направленная против государств «третьего мира», устроивших «антиамериканский бунт» в ООН. Она вызвала длительные трудности в выполнении всей программы, разделение помощи на гуманитарно-экономическую и военную, задержку ассигнований на последнюю, дополнительные постановления сената о переговорах по сокращению взносов США в ООН, а также контроле конгресса над этими взносами (требование Дж. Бакли и Р. Доминика).

В последующие годы (1972—1975) китайский вопрос не подвергался такому острому прямому обсуждению в сенате. Шанхайское коммюнике, явившееся результатом визита Никсона в Пекин (21—28 февраля 1972 г.), установило некий модус вивенди и на время стабилизировало отношения между двумя странами, закрепив «полуповорот» в китайской политике США. Развитие торговых отношений, новые визиты государственных деятелей, обмен «группами связи» в мае 1973 г., отмена «формозской резолюции» в октябре 1974 г. (на сей раз в спокойной атмосфере, почти без протестов)¹³, смерть Чан Кай-ши 5 апреля 1975 г. — все это не привело на протяжении первой половины 70-х годов к возобладанию пропекинской тенденции над серьезными противоречиями, разделявшими США и Китай, а также над соображениями «треугольной дипломатии» и необходимости разрядки в отношениях с СССР. На фоне этого «полуповорота» предпринимались лишь отдельные выступления сенаторов, а также интенсивные поездки членов конгресса в Китай, свидетельствовавшие о продолжении поисков в области оформления некоего нового, но окончательно не определившегося курса.

С момента поворота «лицом к Пекину» в 1972 г. конгресс США направил в КНР целую серию своих делегаций. В апреле 1972 г. визит в КНР нанесли сенаторы М. Мэнсфилд и Х. Скотт, в июне 1972 г. — депутаты Дж. Форд и Х. Боггс, в июле 1973 г. — сенатор У. Магнэсон и депутат Т. Морган, в июле 1974 г. — сенатор Г. Джексон, в сентябре — сенаторы Фулбрайт, Фонг, Хэмфри и три члена палаты представителей, в декабре 1974 г. — сенатор М. Мэнсфилд, в августе 1975 г. — конгрессмен Дервински¹⁴.

Выступления сенаторов и отчеты о визитах в КНР указывали на борьбу все тех же точек зрения, хотя и выявляли определенную эволюцию в позициях сенатских группировок.

Для позиции либералов было характерно известное охлаждение к идее быстрого сближения с Китаем. Хотя они и высказывались в принципе за такое сближение, за продолжение политики, начатой визитом Никсона в феврале 1972 г., а преемственность этой политики была подчеркнута вскоре же после вступления в должность президента Дж. Форда поездкой в КНР двухпартийной делегации конгресса, возглавленной У. Фулбрайтом (сентябрь 1974 г.), все же они постоянно подчеркивали глубину разногласий между США и Китаем, необходимость настроиться на медленное улучшение политических связей с Пекином. Они предлагали ориентироваться в Восточной Азии прежде всего на Японию. Цель нормализации отношений с Пекином они видели в первую очередь в том, чтобы уменьшить военное присутствие США в Индокитае и во всем восточноазиатском регионе, что соответствовало их общей исходной позиции о приоритете внутренних нужд.

Считая, как и прежде, признание «одного Китая» неизбежным, они подчеркивали, что присоединение Тайваня должно произойти мирным путем, требует длительного времени, ему надо «дать созреть». Пока же вполне удовлетворительной является американская политика «двух Китаев». Намечаемые либералами ближайшие практические шаги в отношении КНР включали распространение на нее принципа наибольшего благоприятствования и постепенное развитие торговли, техническое сотрудничество.

Так, У. Фулбрайт, выступая в Пекине 7 сентября 1974 г., говорил, что, хотя в конечном счете посла из Тайбэя придется отозвать, между США и КНР существуют весьма глубокие разногласия. Он заявил, что тайваньский вопрос быстро решен не будет, а без этого дипломатические отношения с КНР не могут быть установлены¹⁵. Участвовавший в той же поездке Г. Хэмфри подчеркивал, что отношения США и КНР «находятся на постоянном уровне» и необходимо проявлять терпение, пока они не улучшатся¹⁶. Указывая, что будущее тихоокеанского района зависит от хороших отношений между США, Японией и Китаем, что Китай будет важным фактором в течение многих десятилетий, лидер демократов в сенате М. Мэнсфилд не раз высказывался за расширение технического и экономического сотрудничества с КНР. 2 апреля 1974 г. он внес билль о распространении на нее режима наибольшего благоприятствования без каких-либо оговорок, обычно выдвигавшихся в конгрессе в отношении социалистических стран¹⁷. В то же время он заявлял, что «японское решение»¹⁸ для США в данное время неприемлемо, преждевременно, что разрыв дипломатических отношений с чанкайшистским режимом и аннулирование договора об «обороне» не стоят в ближайшей повестке дня: необходимо сначала урегулировать многие вопросы, такие, как политика в Камбодже, и рекомендовать Тайбэю начать пере-

говоры с Пекином о мирном воссоединении. 23 февраля 1975 г. М. Мэнсфилд призвал США сократить свой контингент на Тайване (4500 человек) в качестве очередного шага, направленного на улучшение отношений с Пекином ¹⁹.

Позиция центра была близка к либеральной. Главным отличием являлось то, что в высказываниях сенаторов центра больше была заметна в сближении с Китаем такая цель, как игра на советско-китайских взаимоотношениях. «Два Китая» по-прежнему оставались основным лозунгом центра в вопросе о Тайване, причем центристы энергичнее, чем либералы, подчеркивали необходимость «выполнения обязательств», дружеских жестов в сторону Тайбэя и отсутствие срочности в деле объединения Тайваня с КНР.

Политика правительства Никсона, а затем Форда в значительной мере совпадала с прагматической программой центра.

Значительные сдвиги произошли в позиции консерваторов. Если ранее большинство правых держало курс на Тайвань, а к сближению с КНР относилось скептически, то к середине 70-х годов лишь немногие из них (Голдуотер и некоторые другие) продолжали еще отстаивать эту линию, в то время как значительная группа во главе с Джексоном стала требовать немедленного разрыва с Тайванем и быстрого сближения с КНР. Эти две точки зрения не были столь уж противоположными, как может показаться на первый взгляд. Их общей платформой был антикоммунизм и антисоветизм, враждебность национально-освободительному движению в Азии, а расхождения были лишь тактическими.

Сенатор Б. Голдуотер в октябре 1975 г. призывал президента Форда отказаться от визита в КНР и предпринять вместо него поездку на Тайвань — «переключить внимание американского правительства с коммунистических режимов на свободные страны на Дальнем Востоке... перестать искать расположения врагов и начать уделять внимание друзьям... признать долг нашей страны по отношению к национальному Китаю за его долголетнюю дружбу». Он осудил визит Никсона 1972 г. и весь поворот в китайской политике Вашингтона ²⁰. Выразивший взгляды крайних консерваторов издатель журнала «Нэшнл Ревью» У. Рашер в декабре 1974 г., выступая против дипломатического признания КНР, фактически ратовал за старокитайскую систему дущюната: «Вся история Китая доказывает, что трудно хорошо управлять этой страной из одной столицы» ²¹.

Однако эта точка зрения уже не выражала мнения большинства консерваторов. На первый план все более выступала другая тактическая линия, наиболее энергично выдвигаемая сенатором Г. Джексоном, поддержанная С. Нанном, Р. Бэрдом и другими правыми в сенате, — за сближение с КНР. Сторонники этой линии одобрили «китайскую систему» как «единственно возможную для управления 800-миллионным народом»,

отмечали наличие экономической почвы для сближения (в частности, перспективы превращения КНР в крупного производителя нефти, что было немаловажной приманкой в условиях энергетического кризиса).

Так, в связи со своим визитом в КНР в июле 1974 г. Г. Джексон заявил, что необходимо обеспечить участие китайцев в контроле над вооружениями, без них «любые соглашения будут непрочны». Джексон призвал «расширять отношения» с Китаем, особенно поскольку последний «идет к превращению в ядерную и индустриальную державу», поэтому следует быстрее установить дипломатические отношения с Пекином, повторив «японский вариант». «Я полагаю, — писал он, — что мы должны учредить в Пекине посольство, а в Тайбэе группу связи, т. е. коренным образом изменить положение». Он наметил также в своем докладе целую систему ближайших практических мер, которые должны были содействовать экономическому сближению с Пекином: развертывание добычи нефти в китайских прибрежных водах с помощью американской техники, урегулирование вопроса о заблокированных активах, улучшение к выгоде Китая структуры торговли, в которой пока что американский экспорт во много раз превышает импорт, расширение визитов государственных деятелей и ученых, взаимное аккредитование постоянных корреспондентов с правом широких поездок по стране, воссоединение семей, разделенных «событиями 1949—1950 гг.»²². Аналогичные идеи развивали члены делегации конгресса, побывавшие в Китае в августе 1975 г.²³

В целом эволюция сенатских группировок выразилась, как это обычно бывает при серьезном пересмотре курса, в расколах и сдвигах, в тактических разногласиях, изменениях индивидуальных позиций, но основное деление на три направления сохранилось. В области китайской политики США эти направления оставались по исходным своим установкам постоянными на всем протяжении периода (1969—1974), характеризовавшегося пересмотром американско-китайских отношений. Они были также тесно связаны как по идейному содержанию, так и по составу поддерживавших их групп с аналогичными подходами к политике во Вьетнаме и в Азии в целом.

Вьетнам: уйти или остаться? (1969—1972)

После прихода республиканцев к власти в 1969 г. политика США в Юго-Восточной Азии — центральном пункте тогдашней азиатской политики Вашингтона — развивалась под знаком «гуамской доктрины», объявленной 25 июля 1969 г. и расширенной впоследствии до глобальной «доктрины Никсона» (18 января 1970 г.). Однако, как все документы такого рода, доктрина означала провозглашение лишь принципов, общих на-

правлений, подлинное же, конкретное ее содержание предстояло выяснить на практике. Согласно доктрине, США должны были «избегать вовлечения в военные конфликты в отдаленных частях мира, но предоставлять вместо этого экономическую и военную помощь с целью поощрить самоопределение». Интерпретация этого принципа в применении к такому сложному, взрывоопасному региону, как Индокитай, явилась стержнем борьбы группировок в конгрессе, где все принимали «доктрину Никсона», но далеко не все были согласны в том, что она означает.

До соглашения о мире во Вьетнаме 27 января 1973 г. (а отчасти и позже) суть этой борьбы определялась вопросом «уйти или остаться», причем под словом «уйти» понималось не действительное невмешательство в дела Юго-Восточной Азии (чего не требовали какие бы то ни было группировки правящего класса), но прекращение прямого, непосредственного участия США в военных конфликтах собственными вооруженными силами. Понимаемый в этом ограниченном смысле спор «уйти или остаться» выявил варианты истолкования «доктрины Никсона», которые имели значение отнюдь не только историческое.

Позиции всех группировок эволюционировали под влиянием успехов политики Советского Союза, развернувшейся во всем мире борьбы за разрядку, поражений и тупика в американских военных операциях в результате героического сопротивления народов Индокитая, а также движения против вьетнамской войны и обострения всех противоречий внутри США. Однако в основе своей они менялись не столь уж сильно. Каковы же были эти позиции?

Консерваторы решали вопрос «уйти или остаться» в пользу ответа «остаться», т. е. в пользу максимального продления военного вмешательства в дела Индокитая, и соответственно истолковывали «доктрину Никсона».

Не раз подчеркивая, что дебатруется не частный и локальный вопрос, а цели и задачи всей политики в Юго-Восточной Азии, правые доказывали, что США имеют в этом регионе крупные стратегические и национальные интересы. Аргументация правых носила туманный, абстрактный и демагогический характер. Однако было нетрудно понять, что под указанными «интересами» подразумевалась двуединая задача сохранения лидерства США в капиталистическом мире и «борьбы с коммунизмом», с национально-освободительным движением, а «доктрину Никсона» интерпретировали как чисто тактический ход, ничего по сути дела не меняющий в целях и методах азиатской политики США. Эта задача неизменно выдвигалась правыми на первый план, о каком бы регионе ни шла речь. Приобретавшая все большую популярность идея о приоритете внутренних нужд и внутренних реформ отвергалась — консер-

ваторы отстаивали принцип неограниченного финансирования вьетнамской войны.

Все это прикрывалось лозунгами об «обязательствах» США перед союзниками, в частности по блоку СЕАТО, о «защите свободного мира» от Индокитая до Западной Европы, утверждениями, что «невмешательство» США будет изоляционизмом, который «поощрит Советский Союз, северных вьетнамцев и красных китайцев», пропагандистскими штампами об «угрозе» со стороны социалистических стран. На протяжении 1969—1972 гг. подобную аргументацию развивали А. Эллендер, П. Доминик, Б. Голдуотер, К. Хансен, С. Тэрмонд, Дж. Аллен, Дж. Миллер, Э. Холлингз, Дж. Стеннис и другие консерваторы²⁴.

С этим было тесно связано и толкование правыми задач «вьетнамизации», выдвинутых «доктриной Никсона». Сенаторы Дж. Стеннис, Р. Гриффин, П. Доминик, Х. Скотт, Г. Джексон, С. Тэрмонд определяли цель «вьетнамизации» как укрепление проамериканских марионеточных режимов в Индокитае — в этом, говорили они, и состоит «самоопределение», провозглашенное «доктриной Никсона». «Независимость и самоопределение» должны быть достигнуты на базе принципа «азиаты помогают азиатам», что означало поддержку практики создания на американские деньги южнокорейских, филиппинских и других отрядов, брошенных в пекло вьетнамской войны и выступавших в качестве наемников США.

Соглашаясь на неучастие в будущем в сухопутных военных действиях, правые считали необходимыми неопределенно долгую поддержку войны силами американской авиации, обучение войск марионеточных режимов, а также, «как и во всех частях света, от Западной Германии до Индонезии», поставки военной техники и экономическую помощь. США должны были, по мысли правых, содействовать созданию странами Индокитая и прилегающего района «регионального союза безопасности» (Р. Гриффин), некой «лиги Юго-Восточной Азии», противостоящей СССР, КНР и ДРВ, причем американцы должны были бы финансировать ее «хотя бы на 50%» (Дж. Стеннис).

Только укрепив соответствующие режимы и достигнув их «региональной кооперации», оставив советников, проведя в этих странах выборы (Г. Джексон), США могут думать о полном выводе своих войск; преждевременный уход, до «выполнения обязательств», вызовет катастрофу. В этом случае Южный Вьетнам будет «деморализован», а «вьетнамизация» сорвана, США же «понесут моральное поражение и проиграют мир»²⁵.

Постоянно и вопреки очевидным фактам консерваторы утверждали, что режимы Тхьеу и Лон Нола, а также их армии укрепляются, совершенствуются, становятся все более «демократическими» и вообще идут по пути прогресса. Этот процесс, заявлял Стеннис, имеет «ключевое значение». Особенно усилил-

ся хор голосов, восхвалявших марионеточные режимы, в 1971 г.²⁶ Консерватор К. Хэнсен заявлял, что правительство действует правильно, когда хочет вывести войска, лишь «достигнув нашей цели», т. е. когда сайгонский режим сможет взять на себя все бремя своей «обороны»²⁷. Если понимаемая таким образом вьетнамизация пройдет успешно, США тем самым покажут, что «так называемые освободительные войны обречены на неудачу», подытоживал П. Доминик²⁸.

Из описанных общих установок вытекала и позиция консерваторов в связи с конкретными законопроектами, затрагивавшими Индокитай. Правые регулярно голосовали против предложений оппозиции о выводе войск из Индокитая, а в тех случаях, когда эти предложения могли собрать большинство голосов, вносили к ним свои поправки и «уточнения», направленные на то, чтобы остаться в Индокитае во что бы то ни стало.

Для срыва эвакуации американских вооруженных сил правые широко использовали и раздули вопрос об американских военнопленных в ДРВ. Так, в 1971 г. Дж. Стеннис внес «уточнение» к предложению М. Кука о девятимесячном сроке вывода войск из Вьетнама, сводившееся к требованию освобождения военнопленных заранее, до эвакуации американских войск. Как справедливо указывали либералы, военнопленных всегда освобождают после окончания войны, а не до этого²⁹. Требование Дж. Стенниса было с очевидностью нацелено на затягивание вывода войск. В 1972 г. аналогичную поправку внес Х. Скотт, поддержанный другими правыми. В целом позиция сенатских консерваторов, насчитывавших в отмеченные годы 35—38 человек³⁰, отражала интересы и идеи военно-промышленного комплекса, который те же сенаторы защищали еще более откровенно в целом ряде других дискуссий начала 70-х годов — о компании «Локхид», в связи с опубликованием бумаг Пентагона, о разнообразных программах вооружений. В партийном отношении группировка правых состояла на две трети из республиканцев и на треть из южных демократов.

Группировка либералов, насчитывавшая за исследуемые годы 25—28 человек, характеризовалась преобладанием представителей демократической партии. Она имела значительные связи с рядом массовых организаций, боровшихся за мир во Вьетнаме, нередко были выступления ее лидеров (У. Фулбрайт, М. Мэнсфилд, Э. Кеннеди, Э. Маски, Г. Хэмфри, Дж. Макговерн, С. Саймингтон, Ф. Черч, У. Мондэйл и др.) на митингах, перед студенческой молодежью, по телевидению и т. п. Она представляла ту часть правящего класса, которая стремилась опираться на общественное мнение, проявлять достаточную гибкость и реализм, играть роль «впередсмотрящего» и идти на реформы в интересах сохранения существующей системы. Затяжная война во Вьетнаме, приведшая к серьезному кризису внешней и внутренней политики США, активизировала эту

группировку и вызвала нарастающую оппозицию с ее стороны. Исходным пунктом либеральной оппозиции (и основным, программным тезисом либералов вообще) был приоритет внутренних нужд. Сенаторы этого крыла постоянно указывали, что ресурсы США «отчаянно необходимы» в других сферах — в здравоохранении, жилищном строительстве, программах помощи беднякам, неграм, молодежи. «Налоги стали невыносимы», так как США истратили во Вьетнаме миллиарды долл.; не может быть измерен, но еще более важен моральный кризис, вызванный войной, — раскол между поколениями, расами, атака на все американские институты. «Война разорвала в клочья всю ткань нашего общества, как ни одно другое современное событие», «само существование нации находится под угрозой», «80% народа — за немедленное окончание войны и считает ее ошибкой»³¹ — так оценивали внутреннюю ситуацию в стране либералы.

Необходимость быстрее окончания войны и поворота к внутренним реформам, т. е. всю проблему приоритетов, либералы противопоставляли политике глобального вмешательства и опеки, проводимой США. 500 тыс. американских солдат в Германии в течение более чем четверти века, 60 тыс. в Южной Корее — свыше двадцати лет, сотни тысяч в Индокитае, перечислял С. Саймингтон, «эта политика ломает хребет экономики Соединенных Штатов, если мы не станем более осторожны»³².

Непосредственно же в отношении Индокитая либералы развивали следующие тезисы: в этом районе США не имеют никаких особо важных «стратегических» или тем более «национальных» интересов; никакие «обязательства» перед союзниками не могут быть прочитаны как предписывающие участие США в войне; поддерживаемые Америкой режимы Тхьеу, Лон Нола и им подобные не пользуются популярностью и ни к какому «самоопределению» не ведут. Тезисы эти выдвигались сначала негромко и с оговорками, а затем — все более решительно.

Уже в 1969 г. Мэнсфилд интерпретировал «гуамскую доктрину Никсона» как провозглашение того принципа, что США — «держава, прежде всего связанная с Тихим океаном, на Азиатском же континенте она имеет лишь периферийные интересы... Наши друзья должны получать материально-техническое обеспечение и экономическую помощь, но следует прекратить использование личного состава американской армии на Азиатском материке». Мэнсфилд отмечал, что США «не имеют никаких жизненных интересов» во Вьетнаме и Лаосе³³. «Я не считаю, что мы имеем обязательства по всему миру. У нас нет обязательства защищать Камбоджу», — говорил он, выступая в дебатах 1970 г.³⁴.

В течение 1971—1972 гг. либералы вновь и вновь указывали, что стратегические интересы США вовсе не требуют воен-

ного присутствия во Вьетнаме и вообще не в этой стране лежит центр их тяжести. Если вести речь о Юго-Восточной, а точнее, Восточной Азии, то главные направления американских стратегических интересов — это прочный союз с Японией и нормализация отношений с КНР³⁵.

Все более острой становилась и критика либералами реакционных режимов в Индокитае. США не имеют обязательств перед режимом Тхиеу и любыми режимами, восходящими к Нго Динь Дьему и 1954 г., как это утверждает президент Никсон. Что это за обязательства? Где они зафиксированы? Каков их срок? Соединенные Штаты не обязаны «поставить их (режимы. — Е. П.) на ноги, прежде чем уйти». Они дали Сайгону шанс, вооружив и экипировав его армию численностью в 1 млн. человек, но «экспортировать для него уважение подданных» — главное, чего ему не хватает, — США не могут, и сколько бы американские войска ни оставались в Южном Вьетнаме, это вопроса не решит. «Вьетнамизация» Никсона, если толковать ее как ставку на антикоммунистические режимы типа сайгонского, нереальна³⁶.

Свое конкретное воплощение либеральная альтернатива нашла в целом ряде поправок к бюджету Пентагона (общий бюджет, билль о военных закупках, билль о военных продажах), вызвавших напряженные дискуссии, одним из показателей которых было количество голосований³⁷: 1969 г. — 3 голосования, 1970 г. — 11, 1971 г. — 8, 1972 г. — 7. Количество голосований по поправкам либералов возрастало в периоды усиления военной интервенции США в Индокитае (1970 г. — Камбоджа) и снижалось в период переговоров, подготавливавших мирное соглашение (1971—1972).

По содержанию поправки группировались следующим образом:

1. Требования установить географические и другие рамки военной активности США — ограничить ее только действиями авиации, при выводе сухопутных сил; запретить действия сухопутных войск, а затем и бомбардировки в Лаосе, Камбодже, Таиланде; запретить оплату «наемников» — вооруженных сил Филиппин, Южной Кореи, Таиланда, привлекаемых к войне во Вьетнаме.

2. Требования ускорить деэскалацию, провозглашенную президентом Никсоном, однако всячески затягиваемую, — ограничить численность американских вооруженных сил во Вьетнаме; установить сроки полного вывода войск (к 31 декабря 1971 г., к 1 июня 1972 г. и т. д.).

3. Запреты частного характера — не применять гербициды и химическое оружие; отправлять во Вьетнам только тех мобилизованных, которые добровольно согласятся на это, и т. п.

В целом поправки носили умеренный характер. В ряде случаев их авторы с готовностью шли на компромисс, вводя раз-

личные смягчения и модификации. Однако под давлением массовых движений, учитывая настроения, широко распространившиеся в стране, сенатская оппозиция противопоставила идеологам военно-промышленного комплекса ряд аргументов, подрывавших стереотипы правой пропаганды.

Так, она выступила против «патента на патриотизм», который присвоили себе правые. В 1970 г. сенатор Ярборо, указывая на бедствия, принесенные войной народам Индокитая («мы убили сотни тысяч из гражданского населения Южного Вьетнама, ранили еще один миллион человек, мы сожгли их деревни, отравили их поля и леса, по существу, разрушили их цивилизацию»), делал вывод, что выступать против жестокостей и зверств этой войны по крайней мере не менее патриотично, чем отстаивать их. Он подчеркивал, что американцы понесли потери, вдвое превышавшие количество их жертв в корейской войне, а также больше, чем в первой мировой войне, и пошел даже так далеко, что объявил заинтересованными и виновными во вьетнамской войне «тех, кто делает миллиарды на ней», и «торговцев ненавистью» — реакционеров во главе с Агню³⁸. Фулбрайт иронически благодарил правых за то, что они порой все же признавали либералов «неантипатриотами»³⁹.

Либералы остро критиковали внезапно обнаружившиеся тайные соглашения США с правительствами Южной Кореи, Филиппин и Таиланда об отправке этими странами военных контингентов в помощь марионеточным режимам Индокитая, при условии оплаты «издержек» американскими деньгами. Они называли эти войска кондотьерами, ландскнехтами, «гессенцами» (немецкое княжество Гессен поставляло наемников Англии для подавления американских повстанцев 1776 г.)⁴⁰. Они утверждали, что суть «доктрины Никсона» — «азиаты должны помогать азиатам» — реализуется подобными тайными договорами совершенно искаженно: помощь оружием и снаряжением должна оказываться лишь тем правительствам Азии, которые «хотят защищать себя сами»⁴¹. Тем самым уточнялась либеральная интерпретация «доктрины Никсона» как сокращение «обязательств». Либеральная оппозиция содействовала разоблачению одного из самых излюбленных аргументов правительства в пользу затягивания эскалации — о военнопленных, которых Ханой якобы не желал освободить.

В целом, сопровождая своими поправками и выступлениями фактически каждый новый шаг правительства во Вьетнаме, оппозиция сумела показать, что правительство хочет «остаться», чтобы вопреки всему «добиться военной победы». И речь идет «о победе не свободы, но колониализма»⁴². Эти и подобные выводы содействовали более правильной ориентации общественного мнения и ускорению деэскалации, хотя конкретные предложения либералов, их поправки в сенате обычно проваливались усилиями правого крыла.

Сенатский центр, численность которого колебалась в больших пределах, в среднем за 1969—1971 гг. насчитывал человек 29—30. Он занимал позицию менее определенную и четко обозначенную, чем консерваторы и либералы. Однако реальное существование этой группировки выявили голосования, когда целый ряд сенаторов на вопрос «уйти или остаться» давал ответ «уйти, но не сразу». Представители группировки вносили компромиссные поправки, проявляя больший реализм и большую гибкость, чем консерваторы. В то же время они не были связаны с демократическими общественными организациями и не стояли в оппозиции правительству, как либералы. Главной и постоянной особенностью центра было совпадение его позиции с позицией правительства, а лейтмотивом всей аргументации — поддержка президента, отказ от оппозиции ему.

Большие вопросы стратегии, и прежде всего вопрос «мировая гегемония или внутренние приоритеты», т. е. та исходная позиция, по которой достаточно четко высказывались правые и либералы, были затронуты в выступлениях центристов, однако лишь мимоходом. Так, Ч. Перси заявил в 1970 г., что он «никому не уступает в глубоком стремлении закончить войну» и в течение ряда лет считает, что война ведется не в «национальных интересах», не затрагивает «собственной, жизненной, национальной безопасности США»⁴³. Сенатор Р. Бэрд постоянно выступал против принятия Соединенными Штатами на себя новых «обязательств, вовлекающих страну в чужие войны»⁴⁴. В 1971 г. Ч. Перси и Л. Чайлз косвенно осудили сайгонский режим, подчеркнув, что для укрепления его «сделано невероятно много» и что ему «пора взять бремя борьбы на себя»⁴⁵.

Однако в отличие от либералов сенаторы центра в принципе не возражали против войны силами «наемников» (признавая лишь, что президенту следовало бы получить на это согласие конгресса)⁴⁶; они выступали против ускоренных темпов вывода войск и, как правило, сопротивлялись всякому давлению на правительство, любым конкретным ограничениям со стороны конгресса — «вмешательству в прерогативы президента». Уход из Вьетнама мыслился этими сенаторами не как результат требований конгресса или тем более народа, а как следствие дипломатических переговоров, подкрепляемых присутствием в Индокитае американских войск. Именно поэтому центристы призывали не торопиться с выводом вооруженных сил, предоставить президенту время, положиться на имеющийся у него план деэскалации, который якобы уже неуклонно осуществляется.

Центристы выступили против главного предложения либералов — поправки Макговерна—Хэтфилда о выводе войск к 31 декабря 1971 г. Они объявляли эту меру неэффективной, не содействующей завершению войны и противопоставляли ей дипломатическое урегулирование, интенсивные переговоры в

Париже. Перси предлагал для преодоления тупика в Париже назначить представителя ООН на переговоры, может быть, созвать широкую международную конференцию — «всезиатскую или иную»⁴⁷. Но по сути дела речь шла о переговорах под давлением, при сохранении американских войск в Индокитае⁴⁸.

В целом центристам удавалось находить компромиссные решения, принимаемые большинством либералов и частью правых, причем эти решения отражали не «политику будущего», не долговременные изменения, которых требовали под влиянием новой обстановки либералы, и не «политику прошлого», отстаиваемую консерваторами, но прагматическую политику настоящего. Это был именно тот курс, который вело правительство США. Принятие центристских поправок при отклонении других, исходивших справа и слева, подчеркивало эту специфическую роль центра — идти вместе с президентом.

Подведя итог трем позициям, обнаружившимся в сенатских дискуссиях, можно сделать вывод, что «доктрина Никсона» и лозунг «вьетнамизация» получили в применении к Индокитаю три интерпретации: 1) фактическое, хотя и несколько ограниченное (отказ от применения собственных сухопутных сил и соответственно уменьшение жертв) продолжение военного вмешательства до приобретения реакционными проамериканскими правительствами Южного Вьетнама, Камбоджи и Лаоса прочных позиций во имя «стратегических интересов» США и «борьбы с коммунизмом» (консерваторы); 2) срочное прекращение военного вмешательства во всех формах, кроме материальной помощи, сомнения в возможности и эффективности политического вмешательства, констатация непрочности и коррумпированности антикоммунистических режимов, отрицание «стратегических» или «национальных» интересов США в Индокитае, противопоставление «вьетнамскому» курсу союза с Японией, и сближение с КНР и особенно подчеркивание приоритета внутренних нужд (либералы); 3) постепенное прекращение вмешательства собственными вооруженными силами, уход лишь после того, как путем переговоров, подкрепляемых силой, возможно, с участием ООН или всеазиатской конференции, будут навязаны нужные США условия (центр). Таким образом, на вопрос «уйти или остаться» (в смысле военного присутствия США) однозначного ответа дано не было.

Камбоджа и вопросы экономической помощи (1973—1974)

После подписания Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме 27 января 1973 г., а также Акта международной конференции по Вьетнаму от 2 марта 1973 г. вопросы индокитайской политики перестали занимать столь видное место в политической жизни США, как это было

в 1969—1972 гг. Они были отодвинуты на второй план и рядом событий в других районах мира (борьба за европейскую безопасность и «год Европы», ближневосточный кризис в октябре 1973 г., энергетический и валютный кризисы, контрреволюционный переворот в Чили 11 сентября 1973 г., реакционный путч на Кипре 15 июля 1974 г., революция в Португалии), и новым обострением внутренних проблем (инфляция, экономический спад, уотергейтское дело). Движение демократических сил США за мир во Вьетнаме также заметно снизилось после того, как завершился вывод американских войск и были возвращены военнопленные (к 1 апреля 1973 г.). Соответственно значительно меньше внимания стал уделять политике в Юго-Восточной Азии и американский сенат.

Однако агрессия США, хотя и в иных формах, продолжалась. На протяжении 1973—1974 гг. снова и снова обнаруживалось, что США все-таки не ушли из Индокитая. Хотя к 1 апреля 1973 г. боевые действия на суше были прекращены, войска выведены, пленные возвращены, Сайгон начал силами своей армии, доведенной при помощи США до 1 млн. человек, серию бесчисленных нарушений перемирия, предпринимая военные вылазки, а затем и крупные «операции умиротворения» против территории ВРП РЮВ с задачей захвата освобожденных районов; игнорировались пункты о внутренней демократизации (выборы в августе 1973 г., проведенные в обстановке террора), об освобождении гражданских лиц, томившихся в концлагерях; саботировались переговоры на всех уровнях. Выводя воинские части, США усиленно снабжали Тхьеу боевой техникой, сохранили в Южном Вьетнаме свыше 10 тыс. советников (к весне 1974 г. их число возросло до 24 тыс.), инструкторов и других военнослужащих, продолжали держать войска в Таиланде и на ближайших морских базах, односторонне прекращали разминирование, совершали разведывательные полеты над ДРВ. Особенно наглядным продолжением военного вмешательства были массированные бомбардировки в Лаосе и Камбодже.

Все это не предотвратило развала антинародных режимов и не остановило успехов освободительных армий. К началу 1974 г. освобожденные районы составляли три четверти территории Южного Вьетнама, в Камбодже повстанцы начали крупное наступление, сжимая кольцо вокруг Пномпеня, в Лаосе королевское правительство вынуждено было пойти на переговоры с Патриотическим фронтом (сентябрь 1973 г.).

Агрессия США грозила новым обострением ситуации и была особенно нетерпимой на общем фоне разрядки, в частности в советско-американских отношениях.

В связи с этим оппозиция в конгрессе продолжала борьбу за изменение курса, сосредоточив свои усилия на критике возобновленных США бомбардировок в Камбодже. Дискуссия

об этих массированных бомбардировках, продолжавшаяся два месяца (май—июнь 1973 г.), продемонстрировала возросшее влияние оппозиции в стране и в конгрессе на индокитайскую политику правительства.

Дебаты концентрировались вокруг поправки Т. Иглтона к законопроекту о дополнительных ассигнованиях на 1972/73 г. В поправке предлагалось запретить использование этих ассигнований, как и любых прежних, на военные операции в Камбодже и Лаосе или над территориями этих государств. Поднявшееся в стране возмущение бомбардировками и опасение втянуться в «новые Вьетнамы» были так сильны, что поправка была единогласно поддержана (15 мая 1973 г.) сенатской комиссией по ассигнованиям, обычно очень консервативной, — это был первый случай за всю историю войны в Индокитае, когда комиссия не поддержала президента.

31 мая 1973 г. поправка Т. Иглтона была принята сенатом, однако президент Никсон уже через 24 часа наложил вето на билль. В ответ лидер сенатского большинства Мэнсфилд заявил, что эта поправка будет вноситься «снова, и снова, и снова, пока воля народа не восторжествует»⁴⁹. Поскольку дополнительные ассигнования (3,4 млрд. долл.) остались неутвержденными, этот малый фискальный кризис ухудшил и без того напряженные отношения между конгрессом и президентом.

После того как конгрессу не удалось преодолеть президентское вето (сенат повторил свое решение голосованием 26 июня, но в палате не хватило 35 голосов), в результате усиленных поисков компромисса был внесен новый билль о дополнительных ассигнованиях на ту же сумму, с тем же содержанием, но поправка к нему была уже несколько изменена (на основании предложения У. Фулбрайта): ассигнования на боевые операции в Камбодже, Лаосе, Северном Вьетнаме и Южном Вьетнаме запрещались с 15 августа 1973 г., т. е. давалась некоторая отсрочка, и не упоминались действия с воздуха. Этот билль с новой поправкой и был в дальнейшем принят.

Но дело было даже не столько в описанном конкретном билле, сколько в последовавшем за ним жестком решении обеих палат конгресса, ограничившем право президента начинать войну: без санкции конгресса президент мог начать ее только в строго определенных ситуациях, он обязывался немедленно доложить о начавшихся военных действиях конгрессу, последний мог прекратить участие в войне через 60 дней и т. п. Это решение члены конгресса единодушно оценивали как продолжение конфликта, возникшего из-за Камбоджи и в целом из-за войны в Индокитае. Никсон объявил его «опасной и антиконституционной мерой» и наложил на него вето. Однако на сей раз вето было сломлено (7 ноября 1973 г.), хотя и небольшим перевесом голосов сверх полагающихся двух третей, — в палате представителей 284:135, в сенате 75:18. Это была единствен-

ная (из девяти) успешная попытка 93-го конгресса снять вето, «ошеломляющая, оглушительная неудача для президента Никсона»⁵⁰, дополнившая удары ближневосточного кризиса и Уотергейта, второй важный шаг конгресса по усилению своей роли в области внешней политики после резолюции 1969 г. о «национальных обязательствах».

Естественно, что столь острая и приведшая к последствиям такого общего значения дискуссия о бомбардировках в Камбодже внесла новые дополнительные штрихи в те альтернативы, которые выдвигались консерваторами, либералами и центром за предшествовавшие четыре года.

Правые противопоставили поправке Иглтона два своих предложения — не распространять запрет ведения войны в Камбодже и Лаосе на воздушные американские операции, если они направлены против северовьетнамских войск (поправка Р. Тафта), и объявить запрет недействительным, если ДРВ не даст отчета о всех до единого американцах, пропавших без вести (поправка Доула — Хелмса). Оба предложения фактически давали предлоги для ведения бессрочной войны в Индокитае. Как справедливо указывалось в сенате, ни один летчик не мог бы различить, на кого он сбрасывает бомбы — на «красных кхмеров» или на войска ДРВ, а выяснение судьбы всех до одного 1284 пропавших без вести было явно неосуществимо в сколько-нибудь краткие сроки⁵¹. Заведомо невыполнимые условия, выдвинутые в поправках Р. Тафта и Доула — Хелмса, означали фактическое разрешение бомбардировок.

Неизменность курса на вмешательство подчеркивала и аргументация правых. Наряду с прежними ссылками на «национальные интересы США в Индокитае», «обязательства США как лидера свободного мира», «верность союзникам» и «обеспечение права на самоопределение» правые вели теперь свою линию под лозунгом «доведения до конца урегулирования» в Индокитае и «реализации мирного соглашения», которое якобы нарушает ДРВ. Оценивая ситуацию в плане стандартных обвинений ДРВ в агрессии и запугивая захватом коммунистами всего Индокитае, ни словом не упоминая о подлинных нарушениях мира Сайгоном, правые доказывали, что бомбардировки предпринимаются во имя мира — лишь так можно заставить ДРВ прекратить помощь освободительному движению на Юге, «соблюдать мир», добиться «прочного, длительного мирного урегулирования», не «мира любой ценой», но «почетного мира»⁵².

Помимо усиления «миролюбивой» фразеологии сдвиг в позиции правых проявился в их отношении к военным правам президента. Хотя они и призывали «не связывать президенту руки», уважать его права как главнокомандующего и т. п., все же и консерваторы вынуждены были делать известные уступки преобладающему настроению о необходимости контролировать

президентскую власть. Многие из них голосовали за резолюцию, ограничившую право президента начинать войну, заявляя, что любые бомбардировки могут вестись только с согласия конгресса ⁵³.

Либералы убедительно разоблачили подлинную цель консерваторов — не уходить из Индокитая, расценив их поправки как «введение войск через черный ход» и «вторую тонкинскую резолюцию» ⁵⁴.

С различной степенью решительности, но все же единодушно отвергали либералы и тезис об «агрессии Ханоя» как причине бомбардировок.

Бомбардировки бессмысленны, налеты незаконны, они не вызваны обязательствами США по СЕАТО и никак не могут ускорить переговоры о соблюдении мира (С. Саймингтон, М. Мэнсфилд, Т. Иглтон, Э. Кеннеди, Дж. Монтойя и др.) ⁵⁵. «Невыполнимым, авантюристическим» целям либералы противопоставляли свою программу: хотя и с опозданием на 13 лет, но «уйти из Юго-Восточной Азии безоговорочно, полностью и целиком» (Мэнсфилд) ⁵⁶; обратить свои ресурсы на удовлетворение срочных внутренних нужд, например на ликвидацию энергетического кризиса ⁵⁷; восстановить права конгресса — ограничить президентскую власть, ставшую совершенно бесконтрольной.

Практический путь к решению камбоджийского кризиса либералы видели в немедленном прекращении бессмысленных, жестоких бомбардировок; в предложении принцу Нородому Сиануку начать переговоры с Лон Нолом, причем США должны были бы играть роль посредника; в том, чтобы искать решения проблем невоенными средствами, поскольку «ни бомбардировщики, ни воздушные мосты, ни речные конвои такого решения не дадут» ⁵⁸.

Центристы также остались верны себе. Избегая обсуждения принципиальной проблемы о целях и задачах политики в Индокитае, они посвящали свои немногочисленные речи вопросу о практической эффективности бомбардировок в Камбодже. Сенаторы Л. Чайлз и Ч. Перси признавали воздушные операции «неподходящим средством» для того, чтобы заставить соблюдать мир (давая понять, что считают нарушителем мира исключительно ДРВ). Все чаще слышались из лагеря центристов признания факта, что президент действует односторонне, что права конгресса должны быть восстановлены. Преобладающее число сенаторов, входивших в группу центра, голосовало за поправку Т. Иглтона, что содействовало ее принятию 31 мая 1973 г. убедительным большинством, в которое вошла даже часть консерваторов (63 за, 19 против).

На позицию центристов, конечно, оказал влияние Уотергейт. Тем не менее присоединение центра к либералам указывало на то, что либеральная альтернатива в какой-то части

признана и что эта часть будет учтена в качестве корректива исполнительной властью.

Наряду с вопросом «уйти или остаться» в ходе индокитайских дебатов 1973—1974 гг. стали выдвигаться и занимать все большее место вопросы военной и экономической помощи государствам Индокитая.

Новым моментом была идея участия США в экономическом восстановлении и развитии ДРВ. В 21-й статье Соглашения о мире во Вьетнаме говорилось: «Соединенные Штаты желают, чтобы настоящее соглашение послужило началом эры примирения с Демократической Республикой Вьетнам, как и со всеми народами Индокитая. Следуя своей традиционной политике, Соединенные Штаты внесут свой вклад в залечивание ран войны и послевоенное строительство Демократической Республики Вьетнам и всего Индокитая»⁵⁹. Президент Никсон и представители его администрации в первые месяцы 1973 г. не раз подтверждали, что правительство предполагает включить в программу помощи Индокитаю Северный Вьетнам, подчеркивая неизменно, что согласие на это со стороны конгресса будет обязательно испрошено⁶⁰.

Идея стала обретать более осязаемую форму, когда представитель Белого дома 27 января 1973 г., ссылаясь на слова Г. Киссинджера, указал определенные суммы, и это было вновь подтверждено в послании Никсона конгрессу от 9 февраля 1973 г., где говорилось: «Мы готовы предпринять обширную программу реконструкции, в связи с общим соглашением, стоимостью 7,5 млрд. долл. на 5 лет, причем доля Северного Вьетнама могла бы достигать 2,5 млрд. долл.»⁶¹. В результате переговоров Г. Киссинджера в Ханое 14 февраля было опубликовано коммюнике США и ДРВ, в котором объявлялось о решении создать совместную экономическую комиссию, которая должна будет выработать программу послевоенной реконструкции и развития экономических отношений между двумя странами, причем Белый дом заверял, что при принятии конкретных решений правительство будет консультироваться с конгрессом, пока же никакая сумма в долларах не установлена⁶².

Проект США не был случайным. Еще президент Джонсон 7 апреля 1965 г., а также президент Никсон в своих более ранних выступлениях (18 сентября 1964 г. и 25 января 1972 г.) говорили о перспективе помощи в реконструкции Северного и Южного Вьетнама⁶³. Цели этого проекта США, официально определявшиеся как «инвестиции в дело мира» и поддержание гуманных традиций, выявились постоянно проводившимися сравнениями с американским вкладом в экономику Германии и Японии после второй мировой войны⁶⁴. Как указал во время дебатов в конгрессе сенатор Проксмайр, тогда помощь предоставлялась, чтобы «предотвратить захват Германии коммунистами», а на Дальнем Востоке создать в лице Японии противо-

вес «угрозе коммунистического Китая»⁶⁵. В связи с Вьетнамом также заявлялось, что главным являются не экономические соображения, но использование помощи в целях политического давления на ДРВ.

Упоминая о переговорах в Ханое, Киссинджер разъяснял, что задача — не столько заняться восстановлением северо-вьетнамской экономики, сколько привлечь ДРВ «к конструктивным отношениям с Западом... и создать таким путем стимул для более мирной эволюции». Далее он разъяснял, что экономические и гуманитарные цели не играли главной роли, так же как не важна пока и сумма в долларах⁶⁶. К этому авторитетный американский журнал добавлял новые аспекты: американская помощь отвлечет Ханой в сторону внутренних дел; она должна распределяться между странами Индокитая таким образом, чтобы был создан ряд «зависимых от нас государств», которые образовали бы противовес Ханю⁶⁷.

Реакция конгресса на эти планы оказалась в целом резко отрицательной. В то же время в сенате выявились разногласия, которые выдавали тайный смысл всего плана «помощи» ДРВ.

Среди консерваторов проявилась тенденция поддержать идею правительства, если только помощь будет использована как инструмент политического давления на Северный Вьетнам. Так, выступив против поправки Г. Бэрда, в которой предлагалось запретить помощь Северному Вьетнаму, Дж. Тауэр подчеркнул, что, хотя обычно он солидарен с Г. Бэрдом, согласен также «с духом поправки» и вообще стоит на стороне тех, кто не хочет «ползть на брюхе перед Ханоем», в данном случае он все же предлагает выждать. Приведя в качестве примера события 1965 г. в Индонезии, приведшие к отстранению от власти президента Сукарно и созданию правительства, более благоприятно относящегося к США, Дж. Тауэр заявил, что президенту виднее, какая новая обстановка может возникнуть в Индокитае, поэтому не надо его заранее ограничивать. «Кто знает, что может случиться в будущем?» Он подчеркивал необходимость сохранения Америкой роли «лидера свободного мира», запугивал изоляцией США, если будет взят курс на самоустранение, и процитировал «очень интересное» письмо, где один из бывших военнопленных заявлял: «Наше присутствие должно быть сохранено с тем, чтобы не было потеряно все, из-за чего мы вели войну... Мы должны остаться — по меньшей мере с помощью американских денег».

Идею предоставления определенных сумм на восстановление Северного Вьетнама не отвергал в первые месяцы после перемирия правый сенатор Б. Брок, который, однако, предлагал рассмотреть ее после того, как будет «полностью установлен мир», возвращены абсолютно все военнопленные и установлена судьба пропавших без вести. Если учесть, что как раз в это время на переговорах сторон возникло новое обострение вопроса о

военнопленных и США пытались добиться освобождения очередной их партии, невзирая на вопиющие нарушения мира Сайгоном, вплоть до нападения на делегатов ВРП РЮВ в совместной военной комиссии, то становится ясным, что правые вели речь об использовании помощи как орудия диктата, навязывания неприемлемых условий. Более осторожно, но фактически о том же говорил сенатор Х. Скотт: «Мне крайне неприятна идея расходования денег на страну, с которой мы находились в состоянии войны. Но в этой идее имеется весьма рациональное зерно. Если мы займемся восстановлением, мы будем гораздо лучше знать, как поддержать мир». Сенатор Г. Макги заявлял, что помощь «необходима», но добавил, что соответствующее предложение вряд ли пройдет в рассерженном конгрессе, где у некоторых «глаза уже наливаются кровью»⁶⁸.

По существу, не слишком сильно отличалась от этого и позиция тех правых, которые выдвинули поправку Г. Бэрда о запрещении расходовать средства из каких бы то ни было ассигнований на «прямую или косвенную помощь Северному Вьетнаму, если только конгресс не даст на это своей специальной санкции». Г. Бэрд особенно настойчиво подчеркивал, что поправка не исключает возможности предоставить помощь в будущем — конгресс может принять об этом решение. Однако в тот момент, весной 1973 г., он считал «вредной» даже саму постановку вопроса о каких-либо выплатах ДРВ. В отличие от Дж. Тауэра он не видел сколько-нибудь определенных перспектив «изменения ситуации», на которое тот надеялся, и более всего опасался, что правительство, исходя из аналогичных надежд, начнет предоставлять помощь в обход конгресса. Несвоевременная помощь станет «зыбучими песками, поглощающими людей и материалы», «бездонной ямой для американских долларов», как это уже случилось. Нужны все возможные предосторожности, чтобы США не ввязались в новые осложнения в Индокитае.

Однако большинство правых вообще и с самого начала не верило в возможность использования помощи как инструмента навязывания американских условий мира, как способа добиться целей, не достигнутых в войне. Фактически признавалось, что противовесом американским замыслам и тем самым гарантом независимости ДРВ будут социалистические страны, прежде всего Советский Союз. В этом духе комментировал идею помощи Б. Голдуотер: США должны помогать только Южному Вьетнаму, но никак не Северному; если будут предоставлены американские средства, «немедленно включатся Китай и Советская Россия»⁶⁹.

Дж. Аллен, Э. Холлингз, Х. Толмэдж также раскрывали смысл предлагаемой помощи, отвергая сравнение ее с планом Маршалла, с восстановлением Германии и Японии после вто-

рой мировой войны: там страны были побеждены, прежние их правительства свергнуты и они были под американской оккупацией, так что перед Соединенными Штатами открывалась возможность установить в них желательный им режим. Эти сенаторы широко прибегали и к демагогии, вспомнив о «переобремененном, богобоязненном, патриотическом американском гражданине», который готов жертвовать снова и снова, но только не на Северный Вьетнам. Они обыгрывали цифру в 2,5 млрд. долл., якобы обещанных ДРВ, говоря о «подарке злейшему врагу» и потому «чистой глупости», о «дани», «репарациях» и «подкупе Ханоя» со стороны «государства, в 10 раз превосходящего ДРВ»⁷⁰.

Либералы в связи с планом помощи ДРВ оказались в такой ситуации, когда столкнулись друг с другом два их постоянных принципа: с одной стороны, они обычно предпочитали военным методам экспансии экономические, с другой — проект угрожал их неизменному принципу приоритета внутренних нужд. Первоначально ряд видных либералов высказался положительно об идее участия в восстановлении северовьетнамской экономики как части реконструкции хозяйства всего Вьетнама. Так, 27 января 1973 г. лидер сенатского большинства М. Мэнсфилд сказал репортерам, что он лично считает США обязанными «вновь отстроить Индокитай в целом», хотя ссылаясь при этом на неизбежность сильной оппозиции в конгрессе⁷¹.

В одной из своих статей М. Мэнсфилд писал, что США имеют «моральное обязательство» помочь Северному Вьетнаму, поскольку они «применили дефолианты и напалм, содействовали появлению беженцев, а также частичному разрушению общества и культуры Индокитая»⁷². За проект высказывались в феврале — начале марта сенаторы Д. Кларк, Г. Хьюз, Дж. Джавитс, К. Пелл⁷³.

Однако при этом либералы проявляли беспокойство, как бы помощь не вызвала чрезмерно больших расходов и не пошла бы за счет внутренних социальных программ (Г. Хэмфри, К. Кэйз и др.), а также по поводу того, что она может выйти из-под контроля конгресса, попасть целиком в руки исполнительной власти и привести к новому грубому вмешательству, к новым осложнениям в Индокитае, сорвав мирное урегулирование. Они настаивали на том, чтобы помощь была оказана не одними США, а рядом стран при участии ООН, чтобы сумма в целом была «скромной» (К. Пелл). Они требовали также заверений правительства, что, «оказав помощь в восстановлении городов и сел Юго-Восточной Азии», США «не станут снова атаковать и разрушать то, что отстроили»; получающие помощь правительства должны дать обещание не употреблять эти средства на военные цели — они должны быть использованы на «развитие всего бассейна р. Меконг»; конгресс США

должен тщательно разработать условия и контролировать их выполнение⁷⁴.

Последовали многочисленные успокоительные заявления со стороны правительства и близких к нему кругов о том, что помощь не является условием прекращения огня и пойдет не за счет каких-либо внутренних программ, а за счет средств, выделяемых «на цели национальной безопасности, т. е. на оборону и помощь иностранным государствам», что правительство США не дало никаких обязательств помощи и ни в коем случае не будет действовать минуя конгресс; что оно выступает за участие Японии и других стран, а также ООН, причем К. Вальдхайм заявил о готовности ООН помочь всем государствам Индокитая без исключения; Япония одна может дать 2,5 млрд. долл., Швеция — 75 млн., и будут участвовать международные банки. Однако беспокойство либералов возрастало, подогреваемое отнюдь не успокоительным развитием событий в Индокитае. Действия США указывали, что вмешательство в пользу индокитайской реакции продолжается, а отношение к ДРВ не отличалось миролюбием. В этих условиях «инвестиции в дело мира» грозили приобрести совсем иной характер. В результате уже в марте 1973 г. либералы перешли на позиции отказа от идеи вклада США в восстановление хозяйства ДРВ.

Что касается центра, сенаторы этой группировки заняли в своем большинстве выжидательную позицию. Как обычно, они требовали свободы действий для правительства, оправдывая его мероприятия, хотя Уотергейт и подрывал уже довольно значительно этот их привычный тезис. «Я — не за немедленное предоставление денег Северному Вьетнаму, — говорил сенатор Т. Стивенс, — однако зачем запрещать подобную меру, отказываться от нее на все будущие времена?» Помощь нужна, «следует выбросить из головы идею мести, — заявил сенатор Дж. Эйкен, — однако конкретно решать этот вопрос преждевременно». Сенатор Ч. Перси, также не возражавший против проекта в принципе, по крайней мере в первые месяцы после перемирия, подчеркивал, однако, что в существующих условиях будет трудно провести его через конгресс. Но постепенно и центристы все больше склонялись к отказу от описанного замысла как неспособного обеспечить интересы США.

Поправка Г. Бэрда, запрещающая помощь ДРВ, объединила разнородные группы сената. Консерваторы выступили за нее, уверившись, что обещаниями помощи не удастся навязать «американский мир», либералы — из опасения, что помощь поставит США на путь нового вмешательства в дела Индокитая и отвлечения от внутренних проблем, центр — считая эту помощь несвоевременной. По мотивам различным и даже в определенной мере противоположным в качестве соавторов поправки выступили наряду с Г. Бэрдом с одной стороны, такие пра-

вые, как Дж. Аллен, Дж. Бакли, Э. Холлингз, С. Нанн, Дж. Хелмс, П. Доминик, и, с другой — такие либеральные сенаторы, как Б. Бай, К. Кэйз, Ф. Черч, У. Проксмайр, или умеренные, как Р. Бэрд, Л. Чайлз, Дж. Рэндолф. Все три группировки, за небольшими исключениями, голосовали за поправку. Правда, на совместном заседании палат поправка Г. Бэрда была отклонена и понадобились еще значительные усилия, чтобы урегулировать разногласия с палатой. Однако в июне 1973 г. обе палаты приняли предложение сенатской комиссии по иностранным делам, которым запрещалось расходовать какие бы то ни было ассигнования на помощь в реконструкции и восстановлении Северного Вьетнама⁷⁵. Решающим фактором при этом была твердая и принципиальная позиция ДРВ, отвергнувшей какие бы то ни было условия со стороны США, сопровождавшие обещание помощи. Когда таким образом выяснилась беспочвенность расчетов реакционных кругов Вашингтона, конгресс, наложив запрет на ассигнования, помог администрации отказаться от своих обещаний. Вообще же предложения о таких запретах вносились неоднократно; только за первую половину 1973 г. подобные поправки ставились на голосование 5 раз⁷⁶.

Иначе обстояло дело с вопросом о помощи реакционным режимам Южного Вьетнама, Камбоджи и Лаоса.

На протяжении 1973 и 1974 гг. либералы вносили поправки к различным законопроектам, стремясь ограничить помощь этим режимам, прежде всего военную. В 1973 г. было внесено пять таких предложений — У. Фулбрайта, Г. Хьюза, Дж. Макговерна и две поправки Дж. Абурезка. В первых трех предлагалось запретить или снизить военную помощь марionеточным режимам Индокитая, в двух последних — запретить экономическую помощь любому иностранному правительству, если она расходуется на содержание сил внутренней безопасности или если это правительство «заключает в тюрьму своих граждан по политическим мотивам». Все пять поправок были отклонены, хотя и небольшим перевесом голосов. Единственным принятым за 1973 г. ограничением было запрещение поставлять нефтепродукты в Индокитай, но оно было связано с другими причинами, прежде всего с энергетическим кризисом.

В 1974 г. либералы одержали временную победу, проведя 5 мая поправку Э. Кеннеди об отказе утвердить Пентагону дополнительные суммы на военную помощь странам Юго-Восточной Азии (на оставшуюся часть 1974 финансового года). В американских комментариях это расценивалось как «серьезное поражение внешней политики администрации Никсона», поскольку и Белый дом, и Пентагон настойчиво требовали этих дополнительных ассигнований, ссылаясь на «вынужденное» продолжение военных действий. На заседании сената председательствовал вице-президент Джералд Форд, «готовый подать

свой голос для обеспечения перевеса, если „за“ и „против“ будут равны». Сенатор Дж. Стеннис пытался снять поправку Э. Кеннеди, но его предложение не прошло (не хватило двух голосов)⁷⁷. Этот ход прений характеризовал нарастающее настроение в пользу действительного прекращения военного вмешательства США во внутреннюю борьбу в Индокитае, хотя успех либералов и был недолгим, поскольку касался лишь дополнительных ассигнований, а 4 декабря 1974 г. сенат забаллотировал поправку Дж. Макговерна о снижении ассигнований с 617 млн. до 567 млн. долл. на послевоенную реконструкцию Индокитая.

Аргументы У. Фулбрайта, Э. Маски, Э. Кеннеди, К. Кларка, Ф. Черча, Дж. Макговерна и других либералов в ходе их борьбы за указанные поправки в принципе не были новыми, хотя и наполнялись новым конкретным содержанием. Это были аргументы о приоритете внутренних нужд, которые приобрели особенную остроту в связи с энергетическими проблемами, валютным кризисом и галопирующей инфляцией; о бесконтрольности и расточительности Пентагона, все время попадающего в затруднительное положение, из которого конгресс вынужден его «выкупать» (С. Саймингтон); о необходимости вообще усилить роль конгресса в противовес непомерно разросшейся исполнительной власти; о слабости и реакционности опекаемых США индокитайских режимов и роли американской помощи как стимула для продолжения ими милитаристской политики, а также нарушений перемирия. Либералы настаивали на пересмотре всего прежнего курса в Индокитае. «Настало время оздоровления, реконструкции, приспособления в Индокитае... Мы должны остановить стоящий миллиарды долларов поток американского оружия, нефти и денег, питающий войну» (Дж. Макговерн)⁷⁸.

В целом позиция либералов была логичным продолжением их прежних выступлений о политике в Индокитае и продемонстрировала довольно твердое постоянство их взгляда на то, чем должна быть «вьетнамизация». Прекращение помощи военной, постепенное сокращение помощи экономической должны были, по мысли либералов, уменьшить «вовлеченность» США, содействовать подлинному мирному урегулированию. Эта линия соответствовала и общему курсу либералов по вопросу о помощи иностранным государствам — целой серии предложений по «фабрикованному сокращению» со сведением к нулю в 1977 г. военной помощи вообще, усилению гуманитарных аспектов экономической помощи, установлению твердого контроля конгресса над всей этой областью расходов США.

Консервативное крыло сената также не показало ничего неожиданного. Несмотря на успехи разрядки, соглашение о мире во Вьетнаме и вывод войск, они пытались наперекор всему осуществить старый план: закрепить господство клан Тхьеу,

Лон Нола и им подобных, а через них — американское влияние в Индокитае, фактически не допуская подлинного волеизъявления народа, хотя и рассуждая о «самоопределении».

Как правило, они не столько проявляли собственную инициативу в области поправок, сколько глушили либеральную. Им удалось отбить почти все атаки на ассигнования по Индокитаю, а в значительной мере и на финансирование нужд зарубежных «друзей» США вообще. Этому способствовала палата, в которой особенно активно поддерживал милитаристский курс председатель комиссии по вооруженным силам Эдвард Хеберт. Однако, как показывали результаты голосований по поправкам, правые достигали своих целей с большим трудом, и на какие-то уступки этим ранее непререкаемым хозяевам сената пришлось пойти. Так, не прошла поправка Дж. Тауэра о повышении ассигнований на так называемую даровую военную помощь и снятии потолка такой помощи для Камбоджи, поправка Дж. Аллена об увеличении военных продаж в кредит и др. Но главное, в чем выражалось отступление правых, состояло в предложениях самих сенатских комиссий — по иностранным делам, финансовой и даже военной — сократить правительственные запросы, отказать в некоторых дополнительно испрашиваемых, «чрезвычайных» ассигнованиях, передать вопросы военной помощи из военного бюджета в бюджет гражданский и т. д.

Центр занимал, как всегда, промежуточную позицию. Сенаторы этой группировки выступили в большинстве своем как против расширения ассигнований, предлагавшегося, например, Дж. Тауэром и Дж. Алленом, так и против постепенного, «фазированного» сведения на нет некоторых их видов. Многие «центристы» голосовали за снижение ассигнований для Южного Вьетнама и Лаоса, но против полного их снятия. Значительная часть центра поддерживала поправку Дж. Абурузка против финансирования внутренних сил безопасности, но все сенаторы центра выступили против его второй поправки — о прекращении помощи любой стране, ведущей внутреннюю репрессивную политику. К этому следует добавить, что обычный курс центра на поддержку мероприятий президента подвергался все большим испытаниям в связи с Уотергейтом.

Военное присутствие в Азии

История приведенных сенатских дискуссий подтверждает, что выдвигавшиеся в них альтернативы индокитайской политики отличались большой стойкостью, постоянством исходных принципов. Конечно, они модифицировались под воздействием глубоких изменений во внешней обстановке, прежде всего под влиянием поражения во Вьетнаме, но в основе они были все те же.

Консервативная альтернатива исходила из идеи лидерства США и «защиты свободного мира» — «борьбы с коммунизмом». Она характеризовалась утверждением о том, что США имеют в Юго-Восточной Азии «национальные» интересы, которые в конечном счете расшифровывались как отпор освободительному движению и насаждение марионеточных режимов. В этом духе интерпретировалась правыми и «доктрина Никсона» с ее требованием «вьетнамизации». Консерваторы клеймили идею отказа от вмешательства во внутренние дела стран Индокитае как «изоляционизм», «капитуляцию», «измену союзническому долгу», неизменно обвиняя ДРВ в агрессии и абсолютно замалчивая агрессивные акции Сайгона. Они стояли за продолжение войны до последней возможности, оправдывали бомбардировки Камбоджи даже после официального окончания войны, под лозунгом «почетного мира» соглашались лишь на «американский мир», срывая переговоры своими шовинистическими кампаниями по поводу военнопленных и пропавших без вести. Материальную помощь США они также стремились использовать так, чтобы утвердить во всем Индокитае антикоммунистический режим.

Либеральная альтернатива исходила из идеи сокращения мировых «обязательств» США во имя приоритета внутренних нужд. Ее сторонники утверждали, что США не имеют никаких «национальных» интересов в Юго-Восточной Азии и должны прекратить военное вмешательство в ее дела. Поражение они объясняли не тем, что война велась не на полную мощь, а гнилостью и слабостью режимов, на которые безнадежно, но упрямо делалась ставка. Либералы выступали за скорейшее окончание войны, вывод всех войск, недопущение бомбардировок и вмешательства в гражданские войны — в этом они видели «вьетнамизацию». Перспектива установления демократического строя в Индокитае не вызывала у либералов панической реакции, как у правых, — противовес этой «угрозе» они видели в укреплении отношений с Японией и Китаем, в общем процессе разрядки. Идея приоритетов определяла отношение либералов и к проблеме помощи, которую они стремились сократить, особенно в ее военной части.

Альтернатива центра, более неопределенная в формулировке принципов, более прагматическая, в целом исходила из основной посылки правых о сохранении лидерства США и их «национальных», «стратегических» интересах повсюду в мире. Сенаторы центра поддерживали идею «обязательств» и ставку на антинародные режимы в Индокитае. Они не были сторонниками неопременного приоритета внутренних нужд, как либералы. Однако они проявляли определенный реализм в оценке обстановки и большую, чем консерваторы, гибкость в методах, соглашаясь на те или иные конкретные поправки к проводимому в Индокитае курсу. Это соответствовало их центральному

тезису о необходимости поддержки всех действий исполнительной власти, которой виднее, как и когда надо маневрировать.

Аналогичные альтернативы возникали и при обсуждении американской политики в отношении всей Азии, что особенно отчетливо выявилося в ходе дискуссии 1974 г. по вопросу о сокращении вооруженных сил США, расположенных за пределами страны. Эта дискуссия возникла в связи с поправкой М. Мэнсфилда (к законопроекту об ассигнованиях министерству обороны), в которой предлагалось к январю 1976 г. ограничить численность указанных вооруженных сил максимум до 312 тыс. человек, причем Пентагону предоставлялось бы право определять, где именно провести необходимые сокращения. Поправка означала, что за оставшееся время пришлось бы вернуть в США 125 тыс. человек. До этого М. Мэнсфилд в течение ряда лет вносил предложения о сокращении американских вооруженных сил в Европе, теперь затрагивалась и Азия.

Поправка М. Мэнсфилда была достаточно умеренной. Она предоставляла Пентагону возможность провести сокращение наиболее «безболезненно» — в менее важных районах, за счет нестроевых и т. п. После ее отклонения М. Мэнсфилд внес другой ее вариант — сокращение не на 125 тыс., а на 76 тыс. человек. Однако мотивы и цели сокращения, выявившиеся в ходе дискуссии, носили принципиальный характер и означали определенное изменение американской стратегии в Азии, в частности приспособление к новой — послевьетнамской — ситуации.

Сторонники поправки — М. Мэнсфилд, Х. Хэмфри, Э. Маски, А. Крэнстон, Р. Швейкер и др. — подчеркивали, что произошли серьезные изменения в международном положении США: страна уже не так могущественна и не так богата, чтобы быть «мировым полицейским», ослаблены прежде всего ее экономика, доллар, а также престиж ее традиционных институтов (Уотергейт), подорвано доверие к способности Вашингтона справиться с национально-освободительными движениями и оказать решающую помощь союзникам — правительствам типа сайгонского. Внутренние нужды страны не терпят отлагательства, и именно им следует отдать приоритет, так как сила страны определяется в конечном счете не количеством войск, а экономической мощью и внутренней прочностью. Вместе с тем, жупелу «советской угрозы», а также «китайской угрозы», которыми в свое время оправдывали военное присутствие США во всех частях земного шара, явно никто больше не верит.

«Зачем нужны американские силы в Азии?» — спрашивали либералы. «Когда мы вступили во Вьетнам — трагическое решение — мы сделали это, чтобы сдержать Китай». Условия меняются, идет нормализация отношений с Китаем, но «некоторые наши высокопоставленные лидеры не хотят меняться...» (Мэнсфилд). Зачем сохранять войска в Таиланде, которые были предназначены в основном для воздушных бомбардировок

Вьетнама? Точно так же не подвергнутся никакой опасности Япония, Тайвань, Филиппины, если часть американских войск будет отозвана. Ослабление напряженности в отношениях с СССР и с КНР решающим образом меняет всю обстановку и позволяет без всякого ущерба уменьшить количество американских сухопутных сил во всем регионе Восточной Азии⁷⁹.

Либералы показали, что подлинная цель сохранения войск — «укрепить внутреннюю политическую стабильность некоторых слабых режимов в Азии» (Э. Маски), и подчеркивали, что эта политика ведет к втягиванию США в новые войны на Азиатском материке. Подлинно прочные режимы в Азии не хотят дальнейшего присутствия американских войск — «такие наши ключевые азиатские союзники, как Япония и Таиланд, публично высказались за дальнейшее сокращение американских контингентов в этих странах»⁸⁰.

Исходя из подобных посылок, либералы развивали следующую программу:

1. Сократить сухопутные вооруженные силы США, расположенные в странах Азии. Однако американское военное присутствие в нужных точках, и прежде всего военно-морские силы, 7-й флот, должно быть сохранено⁸¹.

2. Активно продолжать курс на разрядку отношений с СССР и нормализацию отношений с Пекином, добиваясь сохранения выгодного для США баланса во всем азиатско-тихоокеанском регионе, что откроет возможность поворота США к решению внутренних, прежде всего экономических, проблем.

3. Перенести основное внимание с Юго-Восточной Азии на Северо-Восточную, особенно поддерживая и развивая дружеские отношения с Японией.

Это означало отказ от прежней политики «сдерживания», признание поражений, ограничение прямого военного вмешательства и замену его ставкой на «баланс сил». Подобная политика должна была обеспечить приоритет внутренних нужд и усилить контроль над Пентагоном, с тем чтобы не наличие войск определяло политику США, а политический курс определял тактику и стратегию в той или иной стране.

Консерваторы — Дж. Стеннис, С. Тэрмонд, Б. Голдуотер, С. Нанн, Г. Джексон, П. Доминик и др. — противопоставили поправке М. Мэнсфилда предложение сенатской комиссии по делам вооруженных сил, означавшее псевдосокращения — незначительные изменения пропорций в составе войск в Европе, уменьшение числа вольнонаемных и т. п. Они категорически возражали против какого-либо урезывания сил в Азии, так как это якобы затрагивает фундаментальные интересы США. Правые заявляли, что «разрядка не заменила сдерживания», прежняя коммунистическая угроза остается в силе, а уход США окажет «дестабилизирующее» влияние на все азиатские государства, правительства которых недостаточно прочны. В речах

Г. Джексона, Р. Тафта и других довольно откровенно звучал призыв разыграть китайскую карту против СССР, поддержать правящую группировку Пекина, которая «готова сотрудничать с США», желает укрепления НАТО, американского военного присутствия вообще⁸².

Центристскую, компромиссную позицию заняли сенаторы Х. Кэннон, Х. Бэйкер, Ч. Перси, У. Рот и др. К этой позиции присоединились и некоторые либералы, например сенатор У. Мондейл. Группа центра одобряла разрядку, восхваляя при этом более всего деятельность государственного секретаря Г. Киссинджера (Х. Бэйкер). В то же время она предупреждала против «чрезмерного оптимизма», «нереалистичного подхода» к разрядке (У. Рот). Высказываясь за «умеренные сокращения в соответствии с развитием международной ситуации», они предостерегали против опасностей ухода в изоляционизм; Соединенные Штаты не должны быть «мировым полицейским», но они остаются «гражданином мира». «Безопасность» США, утверждали они, теперь прочно связана с безопасностью Западной Европы и Японии, всякий уход из этих районов вызовет «заполнение вакуума советским влиянием», поэтому необходимо сохранять в основном существующие силы и в Европе, и в Азии, пока не «будут достигнуты здоровые отношения с СССР».

Специально в отношении Азии утверждалось, что США имеют там «жизненные, долговременные интересы», вооруженные силы в этом регионе составляют лишь половину того, что США имеют в Европе, и все больше концентрируются вокруг Японии, которую никак нельзя покидать, так как, «оставшись в одиночестве», Япония будет вынуждена и начнет развивать собственные ядерные силы, что «дестабилизирует» всю складывающуюся в Северо-Восточной Азии систему отношений⁸³. Небольшая часть центристов голосовала за новую поправку М. Мэнсфилда, несколько бо́льшая — за вторую его поправку, составив вместе с либералами группу в 35 и 44 человека (против голосовало в первом случае 54, во втором 46), но преобладающее число центристов все же присоединилось к правым.

В итоге сенатских дискуссий 1969—1975 гг. по всем основным вопросам азиатской политики США вырисовывались три направления.

Консервативная альтернатива означала сохранение и совершенствование военного присутствия США в обширных регионах Индийского и Тихого океанов, неизменный антисоветизм, ставку на реакционные режимы, оценку пекинского режима как вполне пригодного союзника.

Либеральная альтернатива, постоянно указывавшая на приоритет внутренних проблем Америки, предполагала свертывание военного присутствия США в указанных районах, раз-

рядку с СССР как центральную задачу, отрицание эффективности прямого вмешательства США в революционные преобразования или воссоединение разделенных территорий (Индокитай, Тайвань). Вопреки громким обвинениям в изоляционизме эта альтернатива не означала в действительности ухода США в крепость «Америка», а выдвигала методы экономического влияния, баланса сил, международных соглашений, рассчитывая также на «самоисчерпание революции».

Центристская альтернатива, наименее четко выраженная, предпочитавшая прагматическую политику золотой середины формулированию каких-либо общих принципов, пыталась сочетать военное присутствие США, сохраняемое лишь при крайней необходимости и в очень небольших пределах, с политикой баланса сил, реалистического признания свершившихся фактов (поражение во Вьетнаме, принятие КНР в ООН и т. д.). Она наиболее точно отражала правительственный курс, и не случайно, что при колебаниях этого курса центристский блок претерпевал наибольшие изменения, то захватывая большие группы сенаторов справа и слева, что соответствовало временной стабилизации, замораживанию линии правительства, то раскалываясь пополам, что фиксировало момент поворота и пересмотра прежних правительственных установок.

Как показывает анализ прессы и групп давления, та же расстановка сил, те же основные направления выдвигались в других частях правительственного механизма и в правящих кругах в целом.

Каково же было реальное влияние каждой из трех программ на политику страны?

Правые, хотя они и одерживали верх в большинстве конкретных разногласий по той или иной поправке, не имели безраздельного влияния. Настояв на своем по тому или иному асигнованию, они учитывали силу оппозиции в последующих своих предложениях, что особенно сказалось на понижении правительственных запросов комиссиями, а в 1973—1974 гг. — в отдельных провалах поправок консерваторов, остававшихся в меньшинстве.

Либералы, поправки которых чаще всего отклонялись, тем не менее оказывали влияние на формирование курса в Азии (как и внешнеполитического курса в целом), так как были той частью сената, которая быстрее других признавала необходимость адаптирования к новой обстановке. Правда, иной раз проходило несколько лет, пока их идеи воспринимались и начинали осуществляться, но обычно действительность подкрепляла необходимость их более реалистического подхода к вопросам политики в Азии.

Центр оказывал влияние в самом процессе модификации, выступая как связующее звено между правыми и либералами. Если консерваторы отстаивали политику прошлого, либера-

лы — ближайшего будущего, то центр более всего участвовал в формировании политики сегодняшнего дня.

В результате, преломляясь через американский конгресс, формулировалась и облекалась в конкретные рекомендации воля американского правящего класса относительно азиатского регионального направления внешней политики США. Однако несомненно, что влияние указанных трех группировок, позиция правящего класса в целом зависели не только и не столько от их программ и установившихся механизмов воздействия, сколько от внешней обстановки. Успехи освободительного движения, борьба за разрядку, советская Программа мира и развитие идей коллективной безопасности, с одной стороны, кризисные явления капитализма — с другой, были той основной причиной, которая вызывала сдвиги в расстановке сенатских сил, в степени их влияния, в азиатской политике США в целом.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ США В АЗИИ

Период после второй мировой войны характеризуется особенно высоким уровнем экономического проникновения США в Азию, которая занимает важное место в американской внешней торговле, являясь поставщиком минерального сырья и рынком сбыта для американских товаров, а также сферой приложения частного капитала. Если политические последствия быстрой деколонизации азиатских стран в этот период создали сложную и противоречивую ситуацию для определения внешнеполитического курса США, то в экономической сфере ослабление позиций европейских конкурентов дало возможность американским монополиям для более активного проникновения на рынки азиатских стран и подчинения их своим интересам. В связи с этим Азия постоянно занимала видное место во внешнеэкономических мероприятиях американских монополий, что, разумеется, оказывало большое влияние и на политику США в этом регионе.

Основные материальные выгоды, которые приносят американскому капиталу экономические связи со странами Азии, состоят в следующем:

сохранение этих стран в качестве сферы неокOLONиалистской эксплуатации американскими монополиями, которые выкачивают значительные прибыли посредством экспорта капитала и технологии;

укрепление сложившейся системы международного разделения труда, которая приносит американским корпорациям прибыли за счет монопольного положения на мировом капиталистическом рынке и возможности контролировать соотношение цен на большинство товаров, закупаемых в азиатских странах США, и на товары американской промышленности, сбываемые на рынках этих государств;

закрепление стран Азии в положении поставщиков недостающих США сырьевых материалов и потенциально емких рынков сбыта для американских товаров.

Говоря об экономических интересах США в Азии, необходимо иметь в виду, что в этой части света имеются далеко не однородные в экономическом отношении страны и регионы.

В данной главе Азия (за исключением Японии)¹ рассматривается как одно целое, как комплекс развивающихся стран, подвергающихся неокOLONиалистской эксплуатации со стороны США и занимающих в целом одинаковое положение в мировом капиталистическом хозяйстве, хотя при более внимательном взгляде очевидно, что это — отнюдь не однородная по своим социально-экономическим показателям общность.

Япония занимает особое место в отношениях США со странами Азии. Это растущий экономический гигант, «третья промышленная держава» мира, главный политический союзник США на Дальнем Востоке. Разумеется, у США и Японии есть общие интересы по сохранению империалистической системы в Азии, что проявляется в их тесном военно-политическом союзе. Однако при этом существуют серьезные различия в их позициях и глубокие противоречия между ними в области двусторонних экономических отношений, а также по целому ряду аспектов внешнеэкономической политики в Азии. Рост экономической мощи Японии, ее стремление превратить район Восточной Азии и Тихого океана в сферу исключительно своих экономических интересов не могут не вести к известному столкновению и борьбе японского и американского капитала. Поэтому отношение Вашингтона к сотрудничеству с Японией в экономической области имеет двойственный характер. В соответствии с принципом «разделения ответственности» Вашингтон требует от Токио «вклада» в укрепление политических позиций несоциалистических стран Азии. Американские политические деятели приветствуют экспансию Японии в бассейне Тихого океана, считая, что это будет содействовать стабилизации положения в этом районе в интересах капиталистического мира. Вместе с тем они отдают себе отчет, что возрастание роли Японии усиливает ее возможности в конкурентной борьбе с монополиями США. Таким образом, несмотря на определенную общность экономических интересов двух государств в Азии, Япония становится фактором, в определенной степени подрывающим экономические позиции США на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Заграничные инвестиции — основная форма экономической экспансии США в Азии

Наибольшую заинтересованность в экономическом плане Соединенные Штаты проявляют к странам Азии как к сфере приложения капитала. Финансовое внедрение монополий США в экономику азиатских государств обеспечивает захват важнейших источников сырья, ускоряет расширение американского экспорта товаров в страны континента, позволяет устанавли-

вать контроль над экономикой, а следовательно, и политикой азиатских государств. Страны Азии вызывают интерес американского частного капитала и из-за роста их экономического потенциала, относительно благоприятного инвестиционного климата (особенно в странах, зависимых от США политически) и расширения сферы внешнеторговых интересов США.

Отличительной чертой неоколониалистского проникновения американских монополий до начала 70-х годов было преобладание государственного капитала над частным. В притоке финансовых ресурсов в страны Азии за десятилетие (1960—1970) на долю частного капитала приходилось 40%, а государственного, призванного играть наиболее действенную роль под видом оказания помощи в достижении стратегических задач неоколониализма, — около 60%. Экспорт частного капитала в азиатские государства является основным средством экономической экспансии, а государственные кредиты служат вспомогательным средством, которое обеспечивает капиталовложения в «социальную надстройку» и в те отрасли экономики — в основном в инфраструктуру и сельскохозяйственное производство, — куда монополии считают коммерчески нецелесообразным вкладывать свои средства, но развитие которых необходимо для создания благоприятных условий, обеспечивающих прибыльность вложения американского частного капитала.

Экспорт государственного капитала в страны Азии в форме осуществления различных программ помощи получил широкое развитие в 60-е годы. За 1962—1974 гг. США предоставили государствам Азии экономическую помощь на сумму 35,3 млрд. долл., что составило около 70% всех расходов США на помощь развивающимся странам². Наибольшая концентрация помощи отмечалась в странах, расположенных вблизи государств социалистического содружества: Южному Вьетнаму, Южной Корее, Турции, а также Таиланду за указанный период было выделено 12 млрд. долл., т. е. 35% всего объема помощи странам Азии. Программы помощи выдвигали на первый план главным образом военно-политические цели, а также предполагали получение льгот для выгодного приложения капитала американских монополий, форсирование экспорта американской продукции в азиатские страны. Заинтересованность американских фирм в осуществлении программ экономической помощи признавалась в выступлениях политических деятелей и в американской печати. «Программа помощи, — писала газета „Интернешнл Гералд Трибюн“, — обеспечивает американским производителям ежегодный сбыт продукции на сумму около 1 млрд. долл., дает американским пароходным компаниям около четверти всех их перевозок и предоставляет различным научно-исследовательским организациям, как частным, так и государственным, контракты за границей почти на 600 млн. долл.»³.

Однако на рубеже 70-х годов стало очевидно, что программы экономической помощи как инструмент давления империалистических государств дискредитировали себя в большинстве стран Азии. Политика помощи иностранным государствам подвергалась острой критике также и в США. Свидетельством растущей непопулярности американской программы помощи внутри страны явился тот факт, что законопроект об ассигнованиях на помощь в 1971/72 г. при первом голосовании был забаллотирован в сенате и прошел только после второго голосования в урезанном виде. Провалы и поражения американского империализма в Азии толкали правительственные круги США к пересмотру политики помощи. Такое решение было обусловлено также и дефицитом платежного баланса в связи с громадным отрицательным сальдо федерального бюджета и резким обострением валютно-финансового кризиса. Выход из этого положения американская администрация видит в сокращении государственных средств в программах экономической помощи и увеличении экспорта частного капитала. В специальном послании конгрессу о помощи иностранным государствам бывший президент США Р. Никсон указывал: «Наша цель заключается в увеличении вклада в развитие торговли и частных капиталовложений»⁴.

Начиная с 1970 г. в общем потоке финансовых средств США в развивающиеся страны наметилось преобладание частного капитала над государственным.

Т а б л и ц а 1

Структура вывоза американского капитала в развивающиеся страны*,
млрд. долл.

	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.
Экспорт капитала, всего	5,33	6,21	6,88	7,57	8,35	9,93
В том числе:						
экспорт государственного капитала	3,42	3,05	3,34	3,35	2,97	3,44
экспорт частного капитала	2,11	3,16	3,54	4,22	5,38	6,49

* «International Economic Report of the President 1976». Washington, 1976, с. 168.

Приведенные данные показывают, что в притоке финансовых ресурсов на долю частного капитала в 1974 г. пришлось 65%, а государственного, призванного под видом помощи играть важную роль в достижении стратегических задач неоколониализма, — 35%. Причем необходимо отметить, что относительно большой процент государственных средств объяснялся огромными размерами безвозмездной помощи, предоставлявшейся марионеточному режиму Южного Вьетнама.

Крупным фактором роста американских частных инвестиций в странах Азии было обострение конкурентной борьбы за рынки сбыта и сферы приложения капитала в условиях дальнейшей интернационализации рынка капиталов. Для расширения частных американских инвестиций в развивающихся странах США используют реорганизацию системы помощи, увеличение американского участия в международных кредитных институтах, в частности в Международной финансовой корпорации, региональных инвестиционных компаниях, таких, как Частная инвестиционная компания для Азии, в местных банках развития.

С января 1971 г. в США начала функционировать корпорация частных капиталовложений за границей, в ведение которой перешли прежние функции Управления международного развития по страхованию американских инвестиций. Основными функциями корпорации являются предоставление инвестиционных гарантий, непосредственное финансирование, а также оказание содействия в проведении предынвестиционных обследований и снабжение инвесторов капитала соответствующей информацией. По данным материалов конгресса США, деятельность корпорации в 1972—1973 гг. способствовала привлечению американского частного капитала в азиатские государства в большей степени, чем во все освободившиеся страны, вместе взятые⁵.

Расширению экспорта частного капитала США способствовал ряд дополнительных льгот для инвесторов в развивающихся странах. Прежде всего в период проведения программы ограничения контроля над экспортом частных инвестиций в связи с ухудшением платежного баланса США (1965—1969) вывоз капитала в развивающиеся страны подвергался менее жестким ограничениям по сравнению с экспортом в промышленно развитые государства. Предприятиям, занимающимся закупкой и реализацией американских товаров и услуг, — государственным и частным, американским и местным — Экспортно-импортный банк США предоставляет сейчас займы в долларах непосредственно и через национальные банки промышленного развития. Кроме того, по закону 1962 г. о доходах весь новый экспорт частного капитала в развивающиеся страны сопровождается налоговыми льготами. Инвесторам предоставляются помощь, необходимые сведения и информация, оплачивается часть расходов на проведение предынвестиционных обследований. Государственная политика некоторых капиталомпортирующих стран Азии также способствовала росту американского частного капитала.

Характерной особенностью экспорта американского частного капитала в страны Азии в условиях углубления общего кризиса капитализма является преобладание экспорта капитала в форме прямых инвестиций, обеспечивающих монополиям США наибольшие прибыли и наилучшие возможности для экономиче-

ского и политического влияния. Сумма частного капитала США в странах Азии в форме прямых инвестиций в 1960—1974 гг. возросла с 2,3 млрд. долл. до 9,9 млрд. долл., т. е. более чем в 4 раза. Наибольшее увеличение американских инвестиций за указанный период произошло в нефтедобывающих странах и в относительно более экономически развитых государствах региона, где имелись необходимые предпосылки для прибыльного помещения капитала. Распределение американских частных инвестиций показано в табл. 2.

Таблица 2

Прямые капиталовложения США в странах Азии*,
млрд. долл.

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.
Всего	2377	3577	5557	6523	7721	9077	9973
В том числе:							
Япония	254	675	1483	1818	2375	2671	3337
Филиппины	414	579	701	719	698	656	727
Индонезия	178	...	...	...	...	797	705
Таиланд	...	60	130	...	...	...	...
Индия	...	...	305	329	337	337	345
страны Ближнего Востока	1139	1536	1617	1657	1992	2588	2129

* «Survey of Current Business», November 1972, с. 28; August 1974, с. 18, 22; October 1975, с. 52—53. «Asia Research Bulletin», № 6, 1971, с. 493; «Overseas Business Reports», August 1974, с. 2.

Экспорт частного капитала в страны Азии имеет наибольшее значение для крупнейших монополий США, располагающих достаточными средствами, чтобы пойти на известный риск, связанный с освоением новых рынков, нести дополнительные затраты на создание инфраструктуры, для монополий, которые в состоянии получить от правительства необходимые гарантии возмещения в случае национализации их собственности и непередаваемости прибылей. По подсчетам Комитета по торговле и инвестициям Национального совета по расширению экспорта США, проведенным на основании материалов, собранных по компаниям двадцати отраслей промышленности, имеющих капиталовложения в двадцати развивающихся странах, инвестиции в этих странах имеют менее 500 компаний, причем половина инвестиций приходится всего на 70 компаний. Наиболее крупные филиалы американских монополий размещены на Ближнем и Среднем Востоке: средний размер вложений на одно нефтедобывающее предприятие, подконтрольное американцам в этом районе, составляет 13,3 млн. долл. против 2,5 млн. долл. в среднем в подконтрольных предприятиях Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока⁶.

Структура американских прямых частных инвестиций в развивающиеся страны Азии в значительной степени носит еще колониальный характер. В ней доминирует добывающая промышленность, т. е. производство сырья для удовлетворения потребностей прежде всего империалистических держав. Доля добывающих отраслей во всех американских капиталовложениях в этом районе составляет приблизительно 55% (если основную часть вложений в нефтяную, горнодобывающую и металлургическую отрасли считать вложениями в добывающую промышленность, что вполне обоснованно).

На протяжении многих лет до начала 70-х годов нефтяная промышленность была главной сферой, в которую шел американский частный капитал в виде прямых инвестиций. Большой спрос на нефть и всевозрастающая ее роль в топливно-энергетическом балансе мирового хозяйства вызвали повышенный интерес к ней со стороны крупнейших групп американского капитала и резкое обострение борьбы между монополиями за обладание ею. Пользуясь политической слабостью стран Ближнего и Среднего Востока, на территории которых находятся главные месторождения нефти, а также используя высокую продуктивность этих месторождений, растущий спрос на нефть и особенно высокую монополизацию мирового рынка этого товара, корпорации США могли в течение длительного периода занимать господствующие позиции в этой отрасли, получая исключительно высокие прибыли.

Не удивительно, что в нефтедобывающей промышленности в 1973 г. было сосредоточено 52,1% всех частных инвестиций США в Азии. Средняя норма прибыли на эти инвестиции достигала 120%. Вложения в нефтедобывающую промышленность давали в 1973 г. около 80% всех прибылей от инвестиций США в странах Азии⁷.

Однако начиная с 1973 г. позиции американского капитала в нефтяной промышленности стран Ближнего Востока претерпели значительные изменения. Происходящий процесс финансово-экономического усиления стран—экспортеров нефти и рост их прибылей в результате многолетней борьбы против позиций американских монополий привели к тому, что в большинстве нефтедобывающих стран контроль США над добычей нефти отчасти ослабел. Почти повсюду, хотя и в разных формах, проведена национализация нефтяных богатств. Например, в 1973 г. правительство Ирана добилось перехода всей собственности Международного нефтяного картеля, в котором американские компании играли не последнюю роль, в руки Иранской национальной нефтяной компании. Правительство Ирака в период обострения арабо-израильского конфликта в 1973 г. национализировало акции «Стандард Ойл К° (Нью-Джерси)» и «Мобил Ойл Корпорейшн». Вслед за Ираном и Ираком другие государства Ближнего и Среднего Востока взяли курс на ликви-

дацию засилья американского капитала в нефтедобывающей промышленности и национализацию своих природных богатств. В начале 1974 г. Кувейт увеличил долю государства в капитале иностранных нефтяных компаний до 60%. В декабре 1974 г. Саудовская Аравия и Катар объявили о полной национализации американских и других иностранных компаний и переходе всей нефтедобывающей промышленности под контроль государства. О своем намерении полностью национализировать собственность иностранных нефтяных монополий объявили и Объединенные Арабские Эмираты.

Частные капиталовложения США в другие отрасли добывающей промышленности азиатских стран относительно незначительны. На 1974 г. они составили 219 млн. долл. (3% всех частных инвестиций США в страны Азии), главным образом в Малайзии, Индонезии, на Филиппинах⁸. Это объясняется, в частности, политикой государств Азии, вынуждающих американские монополии несколько потесниться в пользу национального капитала.

Что касается обрабатывающей промышленности стран Азии, то здесь наблюдается определенный рост американских частных инвестиций. Так, по сравнению с 1960 г., когда они составляли 18% всех частных капиталовложений США в Азии, в 1974 г. они увеличились до 23%. Правительства некоторых азиатских государств с помощью введения ограничений на иностранные вложения в горнодобывающую промышленность, на импорт ряда промышленных товаров, а также путем предоставления льгот иностранным инвесторам в обрабатывающую промышленность пытаются направить американский капитал в технически более передовые отрасли и важные для экономического развития этих стран. В настоящее время обрабатывающая промышленность становится более выгодной и перспективной сферой приложения для американского капитала. Независимо от сравнительного уровня прибыльности этой отрасли ее продукция пользуется все большим спросом на мировых рынках, который к тому же меньше подвержен воздействию конъюнктуры. Наиболее крупные капиталовложения США в обрабатывающую промышленность стран Азии сосредоточены на Филиппинах, в Гонконге, Сингапуре, Южной Корее и на Тайване.

Таким образом, анализ распределения американских частных инвестиций по основным отраслям показывает, что структура инвестиций США в страны Азии с начала 60-х годов постепенно меняется в благоприятную для рассматриваемых стран сторону. В то же время прибыли, получаемые Соединенными Штатами от вложений в основные отрасли промышленности, свидетельствуют о том, что, хотя инвестиции в странах Азии составили около 9% всех частных прямых капиталовложений США за границей, они принесли 22% всех прибылей, получаемых американскими монополиями от своих капиталов-

вложений в других странах. Средняя норма прибыли на инвестиции США в страны Азии составила в 1973 г. 40,3%, тогда как в Западной Европе — 16%⁹. Как показали исследования филиппинского экономиста А. Личауко, на каждый доллар, вложенный американцами на Филиппинах, они в 1970 г. получили обратно 2,5 долл.¹⁰. Только за 1965—1969 гг. прямые частные капиталовложения составили в странах Азии (за исключением Японии) около 3,3 млрд. долл., а вывезенные прибыли достигли 9,5 млрд. долл.

Обеспечивая для монополий США расширение сферы эксплуатации за счет сверхприбылей, экспорт капитала в эти страны одновременно имеет для США огромное значение с точки зрения захвата новых рынков, выполняя при этом двойственную функцию. Во-первых, экспорт капитала позволяет преодолевать мешающие захвату новых рынков препятствия в виде ограниченных импортных возможностей большинства стран Азии, являющихся следствием хронической нехватки валютных средств. Во-вторых, американские монополии, создавая свои филиалы в странах Азии, стремятся преодолеть таким путем протекционистские барьеры в виде запретительных тарифов или импортных ограничений. Этот фактор играет настолько значительную роль, что американские компании идут на организацию производства в ряде случаев даже тогда, когда издержки производства в этих странах выше, чем издержки производства соответствующей продукции в самих США. И даже при крупных издержках производства они получают большие прибыли от эксплуатации своих предприятий в этих странах. Так, например, на Филиппинах, где значительные издержки производства не благоприятствуют организации производства, высокий уровень импортных ограничений заставляет монополии отдавать предпочтение созданию своих филиалов перед экспортом. Таким образом, возможность владеть новыми рынками сбыта и увеличить объем продаж на рынках стран Азии вынуждает американские монополии идти на значительные финансовые издержки.

Сбыт в странах Азии продукции предприятий, подконтрольных американскому капиталу, позволяет захватить дополнительно к экспорту существенную часть рынков этих стран. Продажи продукции американских предприятий за границей растут быстрее, чем экспорт американских товаров. Так, в 1966—1972 гг. экспорт США в азиатские страны возрастал в среднем на 11,4% в год, тогда как продажи продукции подконтрольных США предприятий в этом районе увеличивались ежегодно на 17,4%. Это особенно важно для американских фирм, занятых в обрабатывающей промышленности. Сумма, полученная от продажи изделий предприятий обрабатывающей промышленности в странах Азии, контролируемых США, составила в 1972 г. 14,3 млрд. долл., причем за семь лет (1966—1972) объем таких

продаж в этих странах увеличился в 2,5 раза ¹¹. Продажи товаров обрабатывающей промышленности на $\frac{1}{3}$ увеличивают ту часть рынков азиатских стран, которую присвоили американские монополии посредством экспорта товаров. Это является важнейшей причиной того, что монополии США идут на вложение своих капиталов в обрабатывающую промышленность стран Азии, несмотря на то что норма прибыли в этой отрасли промышленности азиатских стран в среднем ниже, чем в аналогичной отрасли промышленно развитых стран капиталистических государств.

Прямые инвестиции в обрабатывающую промышленность азиатских государств оказывают также непосредственное влияние на внешнюю торговлю США. Это проявляется в том, что филиалы американских компаний в странах Азии расширяют в Соединенных Штатах закупки товаров, используемых в своем производстве для дальнейшей обработки, переработки и части для сборки. Причины увеличения доли закупок американских филиалов в США заключаются в слабости развития промышленности в странах Азии, а также в господстве США на рынках многих видов наиболее современного, наукоемкого оборудования.

Прямое участие американского капитала в экономике стран Азии является в настоящее время важным, но не единственным средством сохранения и расширения функциональной зависимости этих государств от государственно-монополистического капитала США. Во многих странах Азии наблюдается тенденция к относительному ослаблению прямых методов экономического господства США при постоянном росте значения косвенных, таких, как огромное научно-техническое превосходство.

Для большинства молодых государств Азии основной путь развития экономики на современной научно-технической основе лежит главным образом через импорт готовой техники и технологии из промышленно развитых государств, в частности из США.

Подавляющее большинство патентов, полученных в странах Азии, принадлежит иностранным патентовладельцам, причем доминирующую роль среди них занимают американские фирмы.

Об этом свидетельствуют следующие данные за 1971 г. Доля патентных заявок, поданных монополиями США, среди общего числа иностранных заявок выглядит по ряду стран следующим образом: Филиппины — 49%, Сингапур — 55,7, Гонконг — 58,4, Индия — 25,9, Турция — 24,3, Иран — 27,9% ¹².

Из приведенных данных видно, что американские патентовладельцы играют важную роль в экспорте новых технических достижений в страны Азии, ограждая, в свою очередь, рынок этих стран от проникновения конкурентов из Европы.

Значительный рост американских частных инвестиций за границей в послевоенные годы часто представляют в США в

качестве одной из основных причин возникновения хронического дефицита платежного баланса США. Оценку действительного влияния экспорта капитала в страны Азии на платежный баланс США позволяет сделать сопоставление суммы капиталов, переведенных из США в эти страны в качестве прямых инвестиций за ряд лет, с суммой поступивших в США прибылей (млн. долл.) ¹³:

Год	Вывоз капитала	Перевод прибылей в США	Чистые поступления в доходную часть платежного баланса
1970	168	1526	1358
1971	766	2286	1520
1972	688	1949	1261
1973	953	3291	2338

Только за три года (1971—1973) сумма чистых поступлений прибылей в доходную часть платежного баланса США от операций с частными прямыми капиталовложениями США в развивающихся странах Азии достигла 5,1 млрд. долл. и полностью покрыла сумму субсидий, выплаченных американским правительством развивающимся странам Азии по программам экономической помощи (3,4 млрд. долл.) ¹⁴. Таким образом, за счет репатриаций прибылей были возмещены не только отлив капитала, но покрыты также расходы правительства США на помощь в виде субсидий.

Вывоз частного капитала из США, особенно в форме прямых инвестиций, рассматривается правящими кругами США как одно из наиболее эффективных средств экономической экспансии, приносящих огромные экономические и политические выгоды. Очевидно, что реализация этих планов будет в немалой степени зависеть от политической ситуации и остроты социально-экономических противоречий в развивающихся странах. Следует подчеркнуть, что страны Азии усиливают отпор экспансии американского частного капитала, ограничивают его деятельность и осуществляют национализацию предприятий, принадлежащих иностранному, в том числе и американскому, капиталу.

Говоря об экспорте американского частного капитала в страны Азии, нужно отметить сильную конкуренцию американским монополиям со стороны японского капитала.

Хотя в целом японские капиталовложения в Азии остаются пока незначительными, все же в ряде стран этого региона Японии удалось занять положение главного инвестора. Это относится, в частности, к Южной Корее (67% иностранных капиталовложений в 1973 г. по сравнению с 27,8% у США), к Таиланду (50% в 1973 г. по сравнению с 38,9% у США) ¹⁵.

В целях более успешного проникновения на рынки азиатских стран американские монополии практикуют так же создание совместных предприятий. Такая политика объясняется тем,

что в последние годы страны Азии все настойчивее добиваются участия национального капитала в создаваемых иностранных предприятиях, используя для этого как систему стимулов, так и меры принуждения. Поскольку совместные предприятия пользуются различными привилегиями, а их создание позволяет иностранным инвесторам расширять сферу своего контроля без соответствующего увеличения финансовых затрат, то им нередко бывает выгодно кооперироваться с местным капиталом. К тому же все растущее число отраслей экономики в странах Азии становится закрытым для компаний, находящихся в полной собственности иностранцев, и, несмотря на то что отношение американцев к сотрудничеству с местным капиталом остается в лучшем случае сдержанным, многие американские компании под влиянием обстоятельств вынуждены идти на создание предприятий совместно с национальным капиталом.

Вынужденная уступка части акций местным инвесторам далеко не всегда означает ослабление контроля. Для его сохранения американцы прибегают, в частности, к распылению необходимой части акций среди мелких держателей. В этих же целях с заграничными предприятиями заключаются контракты на управление, практикуется контроль над их рынками сбыта или источниками сырья.

Наибольшее число совместных предприятий американские монополии создали к 1969 г.: в Индии (свыше 600 смешанных компаний), на Тайване, Филиппинах, в Гонконге (до 200 смешанных компаний, обществ, банков)¹⁶. Имеющиеся весьма фрагментарные статистические данные позволяют предположить, что удельный вес совместных предприятий среди американских филиалов в развивающихся странах Азии несколько выше, чем в развитых.

Таким образом, экспорт частного капитала, особенно в форме прямых инвестиций, в длительной перспективе рассматривается правящими кругами США как одно из наиболее эффективных средств экономической экспансии монополий США и влияния на экономику и политику стран Азии.

Зависимость США от ввоза сырья из стран Азии

Послевоенные годы характеризуются также ростом зависимости США от стран Азии в области поставки важного для американской экономики сырья. Это определяется прежде всего тем, что Соединенные Штаты не располагают некоторыми важными видами сырьевых материалов.

За последние годы резко возросла роль стран Ближнего Востока в обеспечении США нефтью. По оценкам, в 1973 г. доля арабских стран в нефтяном импорте США составила 25,4%, в том числе: Саудовская Аравия — 8% всего американского

нефтяного импорта, Иран — 6%, Объединенные арабские эмираты — 3%¹⁷.

Учитывая, что нефтяные запасы на Ближнем и Среднем Востоке являются крупнейшими в капиталистических странах, следует ожидать дальнейшего повышения активности американских монополий в этом районе. Необходимо иметь в виду, что Ближний и Средний Восток важен не только как источник прямого, но и косвенного экспорта нефти в США. По данным Исследовательского фонда нефтяной промышленности в Нью-Йорке, арабские страны экспортировали в первой половине 1973 г. в страны Карибского бассейна ежедневно 0,4 млн. баррелей сырой нефти, которая после переработки в виде нефтепродуктов поставлялась в США.

В странах Юго-Восточной Азии наибольшую активность нефтяные монополии США проявляют в Индонезии, доля которой в нефтяном импорте США составила в 1972 г. более 7%.

Что касается обеспечения Соединенных Штатов минеральным промышленным сырьем, то здесь выделяется ряд азиатских стран, которые занимают главенствующее положение в импорте США отдельных видов сырья, зависимость от которых достигает значительных масштабов. Отдельные страны Азии специализируются на поставках в США одного-двух видов сырья и занимают доминирующие позиции в обеспечении ими американской промышленности: Малайзия (64,3% американского потребления олова и 45% потребления натурального каучука), Таиланд (23,3% олова и 6,5% вольфрама), Индия (65% листовой слюды), Турция (10% хромовой руды) и др.¹⁸. Абсолютный уровень зависимости США от поставок промышленного сырья азиатскими странами постоянно возрастает в связи с ростом объема американского промышленного производства. Вместе с тем современные процессы экономического развития создают новые тенденции в американской экономике и ее снабжении сырьем. Так, с изменением баланса потребления Соединенными Штатами каучука в пользу синтетических материалов произошло уменьшение закупок натурального каучука из стран Азии с 322 млн. долл. в 1960 г. до 21 млн. долл. в 1970 г.¹⁹. Однако в связи с ростом цен на нефть в 1973—1974 гг. стоимость синтетического каучука, по мнению специалистов, увеличивается, что способствует новому расширению закупок США натурального каучука в странах Азии: в 1975 г., например, США закупили натурального каучука на сумму 353 млн. долл.

Хотя удельный вес азиатских стран в импорте сырья Соединенными Штатами в 1976 г. еще довольно значителен — примерно $\frac{1}{3}$, эта, на первый взгляд относительно благополучная для азиатских стран, картина является следствием значительного увеличения за последние годы поставок из этих стран жидкого топлива.

В настоящее время правящие круги США ставят задачу

максимальной географической диверсификации источников сырья. В связи с этим монополии Соединенных Штатов активизируют поиски новых источников сырья в развивающихся странах, в частности в Азии. Основные нефтяные корпорации США уже ведут разведку в считающихся перспективными регионах — в прибрежных водах Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, надеясь уже на первых этапах захватить контроль над вероятными будущими источниками нефти²⁰.

Помимо отсутствия или нехватки некоторых видов сырья зависимость от его импорта из стран Азии определяет и тот факт, что в конкретных экономических условиях закупать некоторые виды сырья за границей для монополий США выгоднее, чем осваивать или увеличивать его добычу внутри страны. Важнейшую роль в определении степени такой зависимости играют соотношение уровней цен на сырьевой товар в стране-экспортере и в США и размер транспортных расходов на перевозку товаров в США.

Отдавать предпочтение ввозимому сырью позволяет и осуществление монополиями США контроля над добычей сырья за границей через свои филиалы и дочерние компании. Вложения американскими монополиями капитала в добычу сырья в странах Азии, в расчете на рынок США, позволяют им получать огромные прибыли, используя сочетание новейшей американской техники добычи сырья с эксплуатацией дешевой рабочей силы этих стран. Монополии США, имеющие свои собственные рудники и шахты за границей, предпочитают в ряде случаев дешевое иностранное сырье аналогичному сырью, произведенному в США.

Несмотря на все усилия молодых государств Азии, а также других развивающихся стран изменить положение в свою пользу и превратить международный торговый обмен из орудия эксплуатации в средство ускорения их экономического развития, внешняя торговля продолжает оставаться важным каналом перераспределения богатств в мировой капиталистической экономике в пользу США.

Теоретическую основу для объяснения потерь, которые несут развивающиеся страны в ходе международной торговли, предельно четко сформулировал К. Маркс в «Капитале»: «Страна, находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает больше труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот избыток, как вообще это бывает при обмене между трудом и капиталом, прикарманивается одним определенным классом»²¹.

Падение доходов развивающихся стран только от «ножниц» экспортных цен в 1969 г. по сравнению с 1955 г. составило 16%, или 3,86 млрд. долл., что превысило всю сумму государственных займов и субсидий империалистических государств, предназначенных на помощь в 1969 г.²².

Следует отметить, однако, что в результате острого сырьевого кризиса, связанного с общей нехваткой сырья в капиталистическом мире, в последние годы произошло повышение мировых цен на некоторые сырьевые товары. В 1973 г. цены на нефть возросли почти в 4 раза, на цинк — в 3 раза, на медь и олово — в 2 раза. Этот «сырьевой бум» приостановил тенденцию к ухудшению условий торговли небольшой группы нефтедобывающих стран. Положение же большинства молодых государств Азии — экспортеров сырья в развитые капиталистические страны продолжает оставаться тяжелым.

Рост цен на сырьевые товары оказался непродолжительным. Со второй половины 1974 г. цены на сырьевые и продовольственные товары стали снижаться, что привело к дальнейшему падению экспортной выручки стран Азии и потерям десятков миллионов долларов.

Американские монополии используют повышение цен на некоторые виды сырья для взвинчивания цен на готовые изделия, стремясь переложить возросшие издержки производства на потребителей, в том числе на развивающиеся страны Азии. Рано или поздно спираль инфляции, подстегиваемая политикой монополий, неизбежно «съест» временный выигрыш, полученный отдельными нефтедобывающими странами. До тех пор пока империалистические корпорации, и в частности монополии США, будут занимать господствующее положение на мировом капиталистическом рынке, долгосрочная тенденция к ухудшению условий торговли для всех развивающихся стран будет сохраняться.

Страны Азии как перспективный рынок сбыта американских товаров

Не менее важную роль азиатские страны играют как рынки сбыта американских товаров. Так, в 1975 г. по сравнению с 1960 г. экспорт США в страны Азии увеличился в 6 раз. На страны Азии в 1975 г. приходилось 26% всего экспорта США по сравнению с 20% в 1960 г.

Большое значение рынки стран Азии имеют для обеспечения занятости американских рабочих. В 1974 г. в производстве товаров, реализованных в странах Азии, было занято около 1,5 млн. американских рабочих, что в условиях увеличивающейся безработицы в США немаловажно.

По данным таможенной статистики США, на рынках азиатских стран реализуются: оборудование для металлообрабатывающей промышленности, продукция химической промышленности, энергетическое и строительное оборудование, автотранспортные средства и железнодорожное оборудование. Большое значение имеют рынки стран Азии для сбыта оборудования та-

**Внешняя торговля США (динамика и удельный вес стран Азии)*,
млрд. долл.**

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1971 г.	1972 г.	1973 г.	1974 г.	1975 г.
Весь экспорт . . .	20,5	27,5	43,2	44,1	49,7	71,3	98,5	107,5
В том числе:								
в развивающиеся								
страны Азии . . .	2,7	3,9	5,4	5,8	6,3	9,4	14,3	18,8
в Японию	1,4	2,0	4,6	4,0	4,9	8,3	10,7	9,5
Весь импорт	14,6	21,4	39,9	45,5	55,6	69,5	100,9	96,2
В том числе:								
из развивающихся								
стран Азии	1,5	2,1	3,7	4,5	6,0	8,4	12,5	15,7
из Японии	1,1	2,4	5,8	7,2	9,0	9,6	14,9	11,2

* «Highlights of US Export and Import Trade», December 1973, с. 86, 87; «Statistical Abstract of the United States 1974». Washington, с. 792—794; 1975, с. 814—816.

бачной и консервно-упаковочной отраслей. По большинству других видов оборудования обрабатывающей промышленности (швейные машины, тракторы, станки) доля стран Азии в экспорте США незначительна, что отражает как низкий уровень спроса вследствие общей отсталости большинства азиатских стран, так и политику монополий США, направленную на сдерживание развития некоторых отраслей обрабатывающей промышленности этих стран.

Особое место в экспорте США в Азию занимают поставки сельскохозяйственных товаров, роль которых значительно возрастает в связи с продовольственным кризисом, периодически охватывающим эти страны. За 1961—1975 гг. производство продовольствия в этих странах увеличивалось такими же темпами, как в промышленно развитых странах. Однако прирост населения в странах Азии был гораздо выше, чем в развитых капиталистических странах (в 1973 г. в Азии проживало 2,2 млрд. человек, что составляло около 60% населения земного шара)²³. В результате в 60-е годы потребление продовольствия на душу населения в азиатских странах практически не увеличивалось, а в 1972—1974 гг. — несколько сократилось по сравнению с рекордным по урожаю 1970 г.²⁴.

Продовольственная проблема в этих странах осложнилась крупным неурожаем 1972 г., вызванным проливными дождями в период муссонов, наводнениями в одних районах Азии и сильной засухой, охватившей другие районы. По оценке ФАО, из-за нехватки продовольствия в Азии в 1970 г. голодало 331 млн. человек, что составляло 72% всего голодающего населения мира²⁵.

В результате страны Азии вынуждены импортировать большое количество зерновых.

США являются важным поставщиком сельскохозяйственных товаров в страны Азии. На долю азиатских стран в 1975 г. пришлось около 35% американского сельскохозяйственного экспорта. Основными рынками сбыта этой продукции являются Япония, Южная Корея, Индия, Иран и о-в Тайвань — на эти 5 стран в 1975 г. пришелся 21% всего сельскохозяйственного экспорта США²⁶.

Отличительная черта экспорта сельскохозяйственных товаров в развивающиеся страны Азии заключается в том, что он примерно на 30% финансируется за счет государственных средств, т. е. состоит из поставок по «Закону 480». Так, ввоз сельскохозяйственных товаров в Индонезию в 1973 г. на 40% состоял из поставок по правительственным каналам, а в Пакистан — на 50%.

Деление всего сельскохозяйственного экспорта США на коммерческий и некоммерческий стало практиковаться в результате широкого использования в послевоенный период бюджетных средств для оказания помощи иностранным государствам, и особенно после принятия в 1954 г. «Закона 480», предусматривавшего обширную программу сбыта сельскохозяйственных товаров на внешних рынках в целях ликвидации образовавшихся в то время нереализованных «излишков» и проведения неоколониалистской политики в отношении развивающихся стран.

За 1962—1973 гг. США поставили в страны Азии продовольствия по «Закону 480» на сумму 10,9 млрд. долл., что составило 73% всех поставок США по этой программе²⁷. Поставки продовольствия в страны Азии по «Закону 480» продолжают увеличиваться, и в 1974 г. они составили 591 млн. долл., или 74% всех сельскохозяйственных поставок.

Поставки по «Закону 480» являются главной составной частью некоммерческого экспорта. Они подразделяются на поставки, осуществляемые за национальную валюту стран-импортеров, а также в счет долгосрочных кредитов в долларах и свободно конвертируемой валюте. За все время действия «Закона 480» главным изменением в программах, осуществляемых на его основании, является переход от поставок за местную (неконвертируемую) валюту к продажам за доллары и свободно конвертируемую валюту по предоставляемым для этой цели долгосрочным кредитам. США неуклонно сокращают льготные поставки продовольствия по правительственным программам в страны Азии. Особенно резко сократились льготные поставки по правительственным программам в Индию (с 460 млн. до 25 млн. долл.). Однако в числе крупнейших получателей сельскохозяйственных товаров, финансируемых американским правительством, были Индонезия, Южная Корея, Южный Вьетнам и Израиль. На их долю в 1970 г. пришлось более

40% всего некоммерческого экспорта США в развивающиеся страны. В товарной структуре этого вида экспорта в страны Азии наиболее крупными статьями являются пшеница и пшеничная мука, рис, хлопок и молочные продукты.

В то же время продажи сельскохозяйственных товаров США в страны Азии в кредит за доллары и свободно конвертируемую валюту за 1970—1973 гг. возросли с 414 млн. до 654 млн. долл.²⁸ Увеличились поставки продовольствия за доллары Индии, Бангладеш и ряду стран Ближнего Востока. В 1975 г. США предоставили Республике Бангладеш долларовый кредит в размере 217,7 млн. долл. на поставку 550 тыс. т пшеницы и 300 тыс. т риса²⁹.

Значительный интерес для Соединенных Штатов представляют страны Азии как крупный рынок сбыта американского оружия. США, являясь крупнейшим экспортером оружия, непрерывно расширяют его поставки. Их размер увеличился с 2 млрд. долл. в 1960 г. до 8,3 млрд. долл. в 1974 г.³⁰

Основной поток американского оружия направляется в район Ближнего Востока и Персидского залива таким нефтедобывающим странам, как Иран, Саудовская Аравия, Кувейт, Оман. Увеличивая поставки военной техники и вооружения этим странам, США наряду с достижением военно-политических целей не забывают и об экономических выгодах: растущий экспорт оружия в азиатские государства поддерживает американскую военную промышленность и способствует выравниванию платежного баланса США.

Особенностью большинства стран Азии как рынка сбыта американской продукции является его огромный импортный потенциал, до настоящего времени полностью неиспользуемый. Если промышленно развитые страны представляют теперь наиболее емкую часть мирового капиталистического рынка американской промышленной продукции, то страны Азии, особенно те, процесс индустриализации которых уже начался, составляют наиболее перспективную его часть. Усиление борьбы за внешние рынки, последовавшие за послевоенным восстановлением экономики западноевропейских стран и Японии, поставило монополии США перед необходимостью безотлагательного внедрения их на рынках развивающихся стран в целях создания предпосылок для реализации скрытых возможностей расширения этих рынков в будущем.

США рассматривают рынки тех развивающихся стран Азии, где положено начало процессу индустриализации и где сформировались достаточно широкие слои населения, предъявляющие спрос на товары американского производства, как весьма перспективные. К числу таких потенциально емких рынков США относят Индию, Индонезию, Южную Корею, Пакистан, Филиппины и некоторые страны Ближнего и Среднего Востока.

Большие доходы, получаемые странами Ближнего и Сред-

него Востока от эксплуатации своих нефтяных богатств, дают право Соединенным Штатам рассматривать эти государства как наиболее вероятные объекты экономической экспансии.

Ослабление своих позиций в Юго-Восточной Азии США пытаются компенсировать в Персидском заливе, уделяя наибольшее внимание отношениям с Ираном и Саудовской Аравией. В 1974 г. США создали двусторонние комиссии по торговле с этими странами, в ведении которых находится весь комплекс торгово-экономических отношений между США и этими странами. В результате деятельности американо-иранской комиссии 4 марта 1975 г. было подписано соглашение, в соответствии с которым Иран обязывался в течение 5 лет закупить в США товаров и услуг на сумму около 15 млрд. долл., исключая сферу нефтяной торговли³¹. Крупной составной частью этих поставок будет продажа Ирану оборудования для атомных электростанций на сумму 7 млрд. долл. Ведутся переговоры и о значительных поставках американского промышленного оборудования в Саудовскую Аравию.

Необходимо отметить, что существенным препятствием на пути расширения экономической экспансии США в страны Азии является конкуренция японских монополий. К началу 70-х годов Япония превратилась в наиболее активную в экономическом отношении державу в Восточной и Юго-Восточной Азии и значительно потеснила там позиции США.

В 1969 г., например, Япония обогнала США по объему торговли с азиатскими странами. В 1973 г. объем японского экспорта в страны Азии увеличился на 41,7% и достиг 8,939 млн. долл.³². В конце 60-х — начале 70-х годов Япония стала главным торговым партнером Бирмы, Гонконга, Малайзии, Сингапура, Филиппин, Южной Кореи³³. США же удерживали ведущую роль в торговле с Индонезией и Тайванем³⁴.

Значение азиатских рынков сбыта для американской экономики оценивается не только с точки зрения решения проблем занятости населения, реализации продукции и нагрузки производственных мощностей.

Для США экспортная экспансия в страны Азии важна и с точки зрения создания условий, благоприятных для деятельности американского частного капитала. Экспортируя свою продукцию на рынок определенной страны, американская фирма в конкурентной борьбе путем рекламы и изучения специфики рынка добивается развития спроса на эту продукцию, закрепляется на рынке, затем открывает в этой стране сбытовые филиалы, потом сборочные предприятия и в конечном счете производственные филиалы, деятельность которых позволяет умножить прибыли на эксплуатации дешевой местной рабочей силы и на экономии транспортных расходов. Таким был путь внедрения американских монополий на рынок автомобилей Таиланда, Индонезии. От экспорта своих автомобилей амери-

канские компании «Форд» и «Дженерал Моторс» перешли к сборке автомобилей на своих сборочных предприятиях в этих странах, затем запланировали строительство там производственных филиалов этих компаний³⁵.

Большое значение рынков азиатских стран для американской экономики определятся также той ролью, которую играет экспорт товаров в решении проблемы платежного баланса США. Экспорт США в страны Азии в послевоенные годы превышал импорт из этих стран, и торговля со странами Азии до 1971 г. реализовывалась с крупным активным сальдо торгового баланса.

Однако в условиях небывало обострившейся конкурентной борьбы за рынки азиатских стран, в частности с Японией, и повышения цен на некоторые виды сырья в 1973—1975 гг. США уже имели отрицательное сальдо торгового баланса в торговле со странами Азии, которое составило в 1974 г. 1,7 млрд. долл. Тем не менее, несмотря на значительные трудности, встающие на пути американского экспорта, торговля США со странами Азии продолжает неуклонно возрастать, определяя тем самым увеличение масштабов экономического давления империализма США на эти страны, способствуя извлечению монопольной сверхприбыли из этого района мира.

Особые формы экономической экспансии США

При рассмотрении внешнеэкономических отношений Соединенных Штатов со странами Азии необходимо остановиться на проблеме состояния платежного баланса США и золотых резервов. Страны Азии, и в первую очередь нефтедобывающие, держат часть своих валютных резервов в долларах и других ценных бумагах в банках США, причем поток «нефтедолларов» в США неуклонно возрастает. Так, если на 1972 г. вкладчики этих стран хранили в американских банках 800 млн. долл. своих валютных резервов, то уже за 10 месяцев 1974 г. капиталовложения стран—экспортеров нефти в США составили 10—11 млрд. долл.³⁶. Правящие круги США заинтересованы в этом, так как валютные резервы азиатских стран, находящиеся в американских банках, способствуют регулированию сальдо платежного баланса.

Вместе с тем США пытаются использовать валютные резервы нефтедобывающих стран, содержащиеся в американских банках, и в других целях. Нью-йоркский рынок капиталов наряду с рынком евродолларов рассматривается на Западе как наиболее вероятная сфера помещения «нефтяных денег». При этом отмена ограничений на вывоз частного американского капитала за границу, проведенная администрацией США в январе 1974 г., имеет, в частности, целью обеспечить свободу ре-

экспорта из США аккумулированных капиталов арабских стран в капиталистические государства, в первую очередь те, которые нуждаются в финансовых ресурсах для растущих платежей за нефть. Таким образом, США стремятся играть роль своеобразного финансового посредника, рассчитывая получить немалые дивиденды в виде дальнейшего продвижения американского капитала за пределами национальных границ.

Однако США опасаются, что нефтедобывающие страны могут перевести эти суммы в банки других стран. Поэтому они уговаривают арабские страны, имеющие крупные авуары в американских банках, вкладывать деньги в ценные бумаги. США предложили, в частности, Кувейту облигации американского министерства финансов на сумму 1 млрд. долл., а Саудовской Аравии — 12 млрд. долл. Задержка со сделкой вызвана поисками «формулы гарантий от инфляции».

Вместе с тем США поощряют нефтедобывающие страны вкладывать свои капиталы в широких масштабах в различные отрасли экономики США. В 1974 г. нефтедобывающие страны Ближнего и Среднего Востока создали в США специальные инвестиционные конторы, задачей которых является изучение и выбор наиболее перспективных объектов для капиталовложений. Наиболее крупной операцией в этом плане явилось приобретение Кувейтом акций таких ведущих американских монополий, как «Дженерал Моторс», «Дженерал Электрик», «ИБМ» и др.

Подобная политика нефтедобывающих стран района встречает одобрение промышленных и финансовых кругов США, которые в условиях «кредитного голода» и роста дефицита платежного баланса стремятся использовать средства, накопившиеся на счетах членов ОПЕК, для преодоления хозяйственных трудностей и в качестве источника оживления экономического роста.

Новые формы размещения валютных накоплений в американской экономике правящие круги США пытаются использовать как форму «модернизированного неокOLONиализма», как средство привязки интересов нефтедобывающих стран к интересам американских и других международных монополий, которые стремятся использовать эти страны в качестве орудия своей политики в развивающихся странах.

Между США и другими империалистическими державами развернулась борьба за «нефедоллары». Пытаясь опередить соперников, США предлагают свои услуги для сооружения в нефтедобывающих странах различного рода промышленных объектов, выделяют часть акций своих ведущих и высокодоходных компаний. Американские нефтяные монополии пошли даже на то, чтобы допустить Саудовскую Аравию к реализации нефтепродуктов в США.

Наконец, следует отметить, что Соединенные Штаты прояв-

ляют особую заинтересованность в странах Азии как поставщи-ке квалифицированных специалистов. Миграция рабочей силы идет в направлении, противоположном движению американского капитала, и принимает в настоящее время форму прилива специалистов, в которых нуждаются Соединенные Штаты (особенно врачей, среднего медицинского персонала, инженеров, научных работников и т. д.). Увеличение иммиграции специалистов из развивающихся стран происходит очень быстрыми темпами — с 445 человек в 1956 г. до 13 713 человек в 1972 г., т. е. почти в 31 раз. За 1970—1972 гг. доля стран Азии в общей численности иммигрантов в США составила 36,7 тыс. человек, или 65,7%³⁷. Наибольшее количество иммигрантов из азиатских стран дает Индия. Только за 1970—1972 гг. ее доля увеличилась до 14,1 тыс. человек, что составило 40% всех иммигрантов из стран Азии. В основном это научные работники и инженеры — 22% общего потока в США этих категорий специалистов.

Второе место по иммиграции в США квалифицированных специалистов занимают Филиппины — за 1970—1972 гг. поток иммигрантов из этой страны достиг 7,3 тыс. человек, или 20% всех иммигрантов из стран Азии. Особенность иммиграции специалистов из Филиппин — это преобладание медицинских кадров. Только в Нью-Йорке в начале 70-х годов работало больше тайландских врачей, чем в сельских районах Таиланда, где насчитывалось 28 млн. жителей.

Выгоды, которые получают Соединенные Штаты от притока иностранных специалистов из азиатских стран, огромны и оцениваются сотнями миллионов долларов. Так, бывший помощник государственного секретаря США Гарольд Хоулэнд считает, что Соединенные Штаты в результате притока иностранных специалистов за 1949—1973 гг. получили свыше 4 млрд. долл., сэкономленных на подготовке специалистов. Однако, по свидетельству американской печати, эта оценка явно занижена.

Представляет большой интерес попытка, предпринятая комиссией по иностранным делам палаты представителей конгресса США, рассчитать сумму средств, сэкономленных США в результате иммиграции квалифицированных специалистов. Оказалось, что всего за 1971 и 1972 гг. США сэкономили только на подготовке специалистов-иммигрантов почти 2 млрд. долл. Еще большие выгоды получают Соединенные Штаты, используя квалифицированных специалистов из развивающихся стран. По мнению американских экспертов, выгоды, получаемые США от использования всей или части трудовой деятельности этих специалистов, увеличиваются в 20 раз по сравнению со стоимостью их подготовки. Однако и эта приблизительная оценка является чисто экономической, она не включает социальных и политических выгод, которые присущи результатам деятельности этих специалистов в области науки, техники и образования.

Отмеченные особенности развития экономических отношений между США и странами Азии позволяют сделать вывод, что США сохраняют довольно высокую экономическую заинтересованность в азиатских странах и не теряют стимула для экономической экспансии в указанном регионе мира. В этой области особенно тесно переплетаются политические, идеологические и социально-экономические мотивы, совокупность которых определяет американскую стратегию и тактику. Наряду с извлечением прибылей и изысканием новых форм контроля над экономикой стран Азии США озабочены перспективами национально-освободительного движения, которое способно угрожать экономической конъюнктуре, сложившейся для американского капитала. Ради удержания стран Азии в рамках капиталистической системы наиболее дальновидные представители монополистического капитала США готовы даже в какой-то степени поступиться своими кратковременными и второстепенными экономическими интересами, в расчете на компенсацию потерь более долгосрочными политическими и экономическими выгодами.

ТИХИЙ И ИНДИЙСКИЙ ОКЕАНЫ
В ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ США

Подобно тому как общие направления внешней политики США по отношению к странам Азии определяются, с одной стороны, глобальными аспектами американской внешней политики, а с другой — ее специфическими региональными особенностями, так и в военной политике общие военно-стратегические концепции и конкретные практические мероприятия увязываются с соответствующими задачами глобального и регионального характера для всех вооруженных сил в целом и для отдельных их видов и родов. Постоянная и интенсивная экспансионистская активность американских правящих кругов на тихоокеанском и дальневосточном направлениях обуславливалась важными для США политическими, военно-стратегическими и экономическими интересами.

Говоря о тенденциях к расширению сфер американской политики в районе Тихого и Индийского океанов, нельзя не заметить, как постепенно раздвигались географические и политические границы этой политики от тихоокеанского направления к дальневосточному и в последующие годы к общеазиатскому.

Как известно, эта политика была подтверждена и более того получила свое оформление, с учетом ее дальнейшего совершенствования, одним из вариантов азиатского направления глобальной стратегии США — «доктриной Никсона».

Основные положения доктрины повторяются в том или ином виде в официальных выступлениях как высшего политического руководства США, так и руководства военными ведомствами.

Более того, в декабре 1975 г. президент Форд сделал попытку конкретизировать и дополнить некоторые положения «доктрины Никсона». Выступая в Гонолулу по случаю 34-й годовщины нападения Японии на Пирл-Харбор, Форд провозгласил «новую тихоокеанскую доктрину».

В основу этой доктрины была положена главная военно-политическая задача — сохранение американского военного присутствия на Дальнем Востоке и в зонах Тихого и Индийского океанов.

Удержание за США роли ведущей силы в этом отдаленном

от США районе Мирового океана предусматривает: более значительную ориентацию на Японию, связанную с США военным договором; сохранение и укрепление южнокорейского режима и т. д. Оглашению «доктрины Форда» предшествовала поездка по странам этого региона министра обороны США Шлесинджера, который получил от правительств этих стран согласие на сохранение за США господствующего положения в данном районе мира.

Военно-стратегическое положение таких обширных и важнейших районов Мирового океана, какими являются Тихий и Индийский океаны, определяется их особыми экономико-географическими характеристиками. Эти водные пространства и территории, к ним прилегающие, полностью подпадают под действие как глобальных, так и региональных направлений общегосударственной, военной и военно-морской политики, формируемой правящими группировками США.

Тихий и Индийский океаны являются частью Мирового океана, на пространства которого, учитывая их специфику, более всего распространена ответственность военно-морского командования США. До последнего времени командующий Тихоокеанским флотом одновременно являлся главнокомандующим объединенными вооруженными силами США в районе Тихого океана. Учитывая это, а также то, что общие положения внешней и военной политики США по отношению к азиатскому региону раскрываются в ряде других глав монографии, в данной главе намеренно сделан несколько больший упор на показ той совокупности основных военно-стратегических мероприятий, относящихся к Тихому и Индийскому океанам, которые следуют из основного содержания военно-морской политики США как части общегосударственной и военной политики руководства страны. Эти положения американской военно-морской политики определяют общую и более конкретную оценку роли и места Тихого и Индийского океанов в военной стратегии США, их настоящее и будущее военно-стратегическое значение в планах военного, и прежде всего военно-морского, руководства. На последнее возложено выполнение главной задачи, связанной с поддержанием в важнейших для США районах Мирового океана такого оперативно-стратегического режима, при котором обеспечивалось бы бесперебойное и беспрепятственное использование их пространств и ресурсов в американских интересах.

Особая ответственность военно-морского командования США за районы Тихого и Индийского океанов, как в соответствующей степени и за другие районы Мирового океана, исходит из поставленных перед ВМС основных стратегических задач. В свою очередь, эти задачи определяются общими для ВС военно-стратегическими концепциями и теми специфическими военно-морскими концепциями, которыми непосредственно ру-

ководствуется военно-морское командование США в ходе строительства и совершенствования главного элемента их морской мощи — военно-морских сил.

Значение морской мощи для США менялось в ходе всей их истории в зависимости от общего международного положения и положения США среди стран мира, а также от способов решения основных политических целей американских правящих кругов. В последние годы роль морской мощи США в осуществлении этих целей становится более значительной. Это подтверждается не только официальными выступлениями руководства США, но и рядом осуществляемых конкретных практических мероприятий. Президент Дж. Форд в апреле 1975 г. в своем выступлении на 73-й конвенции американской Военно-морской лиги, говоря об особой важности районов Тихого и Индийского океанов для США, подчеркнул «историческое значение» морской мощи США как «традиционного инструмента внешней политики всех американских правительств».

Коснувшись эволюции развития морской мощи страны и ее главного элемента — ВМС, президент в духе выступлений своих предшественников заявил, что «процветание США и, более того, само их существование, как и прежде, зависят от поддержания открытыми морских коммуникаций». Такое необходимое для США условие, сказал Форд, «может быть обеспечено только при наличии мощных военно-морских сил»¹.

В своем первом выступлении перед комиссией сената США по делам вооруженных сил в феврале 1975 г. вновь назначенный начальник штаба ВМС адмирал Холлоуэй, формулируя свою, как он выразился, «военно-морскую философию», подтвердил, что первейшей задачей ВМС США является «контроль над морем, с тем чтобы этот контроль обеспечивал поддержку национальной политики США»².

«Контроль над морем» является одной из тех задач, которые возлагаются на ВМС США. Целый ряд задач ВМС США, предусматривавший обеспечение империалистической политики США, менялся по своей важности и очередности в зависимости от международной обстановки, расстановки мировых сил, а также от состояния сил и средств вооруженной борьбы. С начала 70-х годов играет непосредственную роль установившийся паритет в состоянии стратегических сил СССР и США, что, в свою очередь, определяет и взаимоотношения между этими великими державами.

Впервые после признания паритета в стратегических силах США и СССР основные задачи, возложенные на ВМС на текущее десятилетие, были в полном виде названы при обсуждении военного положения США и военного бюджета на 1972 финансовый год. До последнего времени они повторялись при различных обстоятельствах без каких-либо существенных изменений³.

Эти задачи поставлены и сформулированы в такой последовательности:

1. Поддержание в постоянной готовности военно-морского компонента стратегических сил (атомных ракетных подводных лодок) к нанесению в случае необходимости так называемого неприемлемого ущерба потенциальному противнику «во втором (ответном) стратегическом ударе» (Assured second strike);

2. Установление и поддержание контроля над морскими и океанскими линиями коммуникаций в важных для США районах Мирового океана (Control of sea lines and areas);

3. Обеспечение переброски необходимых контингентов вооруженных сил и их поддержка в тех районах мира, где их применение может потребоваться в американских интересах (Projection of power ashore);

4. Постоянное военно-морское присутствие в районах Мирового океана, где необходимо, по взглядам самих США, поддерживать это присутствие в целях демонстрации силы, защиты или утверждения американских интересов (Overseas presence).

Все эти главные задачи в этой или несколько иной их трактовке считаются военным руководством США основополагающими и исходными для военно-стратегических мероприятий, которые планируются и проводятся в соответствующих районах Тихого и Индийского океанов.

Первая задача раскрывает главное назначение стратегических сил и их наименее уязвимого военно-морского компонента, участвующего, как предполагает американское военное руководство, в «сдерживании» потенциального противника путем «устрашения» возможным применением постоянно боеготовых, находящихся на позициях и в базах атомных подводных ракетных лодок стратегического назначения. Компоненты подводных стратегических сил базируются в Тихом океане, а в последние годы — и в Индийском океане.

Остальные главные стратегические задачи характеризуют, по определению военного руководства США, «вклад ВМС в национальные обычные силы сдерживания», что связано с их принадлежностью (за исключением ракетных подводных лодок) к так называемым силам общего назначения. Выполнение этих задач включает повседневную деятельность ВМС и их участие в случае необходимости во всех боевых действиях, «не достигающих масштабов всеобщей ядерной войны».

Задача по установлению «контроля над морем», соответствующая одноименной военно-морской стратегической концепции ВМС, предполагает установление и поддержание господствующего или преимущественного для США положения в ряде районов Мирового океана, главными из которых в силу различных военных, политических и экономических факторов становятся районы Тихого и Индийского океанов, связанных в единое целое.

Повышение важности этой военно-стратегической концепции и ее более широкое распространение на определенные районы Тихого океана, а также и на большую часть Индийского океана нельзя считать ни случайным, ни новым явлением в общей военной стратегии США.

«Контроль над морем» как специфическая военно-морская стратегическая концепция был известен еще в конце XIX столетия, когда ярый сторонник и теоретик морской экспансионистской политики США адмирал Мэхэн предложил к услугам бурно развивающегося молодого монополистического капитализма США теорию «господства на море». Это доктринальное положение являлось совокупностью стратегических взглядов, оправдывавших утверждение и поддержание при помощи так называемой морской мощи особых «возложенных на США историй» прав и ответственности за преимущественное «пользование морем» в интересах правящих кругов США.

В это время установление и сохранение контроля над морем считалось главным условием для утверждения американского морского могущества. Разработка и практическое осуществление этой стратегической концепции выражались в создании мощного ВМФ, торгового флота и обеспечивавшей их системы баз, портов, общей судостроительной и специальной кораблестроительной промышленности.

Создавая и укрепляя морскую мощь как важнейший, по определению Мэхэна, и наиболее универсальный инструмент внешней политики, США делали особый упор на развитие системы базирования как одного из элементов американской морской мощи, обеспечивавшего более эффективное использование военно-морского флота для проведения внешнеполитических мероприятий американского империализма.

В этих целях США путем ведения агрессивных войн, организации провокаций и демонстраций силы, прямого военного вмешательства, а также навязыванием различных договоров, в том числе неравноправных, приобретали различные по своему назначению военно-морские базы.

В связи с последующим рассмотрением основных направлений военной политики важно заметить, что концепция «контроля над морем» со времени ее провозглашения претерпела существенные изменения. Обширный опыт ведения войны на море у США, Великобритании, а также у некоторых других крупных морских держав показал, что в ходе вооруженной борьбы на море в первой и второй мировых войнах, а также в ходе войны США во Вьетнаме теория «господства на море» не была реализована. Ни одна из великих держав желаемого господства на море достичь не смогла.

Одним из результатов обобщения опыта войны на море при формировании современной военно-морской политики США явилось возрождение и повышение роли концепции «контроля

над морем», ставшей одной из основных концепций, которыми руководствуются ВМС США. Эта концепция получила более широкое признание и стала совершенствоваться примерно с начала 60-х годов, когда значение морской мощи США в их планах по установлению «новых рубежей» американского империализма снова стало возрастать.

С этих пор под «контролем над морем» (или над Мировым океаном) официально подразумевается способность ВМС обеспечить беспрепятственную переброску американских вооруженных сил, доставку необходимого им материально-технического и боевого снабжения, оказание непосредственной боевой поддержки своим вооруженным силам и силам союзников⁴.

Иначе говоря, установлением «контроля над морем» предполагается поддержание такого режима в соответствующих районах Мирового океана, в условиях которого ВМС США могли бы с большей эффективностью осуществлять свои специфические военно-морские функции и, насколько возможно, ограничивать такую же деятельность корабельных соединений флотов вероятных противников.

Следовательно, с возвращением морской мощи США ее ранее провозглашаемых роли и значения, ВМС становятся, по официальным признаниям американского политического и военного руководства, важным, наиболее мобильным и надежным орудием американской «азиатской политики». США считают свои ВМС, при дальнейшем совершенствовании и улучшении системы их базирования, способными самостоятельно и при взаимодействии с другими видами ВС обеспечить интересы страны в периферийных районах Тихого и Индийского океанов, и прежде всего в районах их южных морей, в районе Индонезии и в водах, близких к Персидскому заливу и Южной Африке. Все больший упор в порядке осуществления наиболее представительного военно-морского присутствия переносится на Индийский океан как стратегически важный район Мирового океана, в котором, по мнению американского военного руководства, необходимо поддерживать устойчивость системы морских перевозок источников энергоресурсов и стратегического сырья. Индийский океан становится районом мира, где США пытаются почти заново создать свое стратегическое положение, особенно после известного ослабления их позиций и влияния в ряде континентальных азиатских стран.

Политическое и военное руководство США вынуждено считаться с тем, что после второй мировой войны произошло значительное усиление социалистической системы, возросло ее воздействие на процессы, происходящие во всем мире.

Пришло время, когда США должны с большей тщательностью оценивать подходы в своих отношениях с конкретными странами и с соответствующими регионами мира. В США все больше убеждаются, что строить свои отношения со многими

странами мира только с позиций их общей, традиционно антикоммунистической политики, с позиции силы и путем демонстраций военной мощи уже невозможно. Не отказываясь от выполнения взятых на себя некоторых традиционных политических функций в ряде районов мира, империалистические и милитаристские круги США продолжают условно делить мир на ряд географических зон, «районов ответственности» определенных американских военных региональных командований и районов постоянного или эпизодического военного и военно-морского присутствия.

В центре внимания ведомств, отвечающих за проведение внешнеполитических и военных мероприятий, находятся в основном следующие наиболее важные региональные направления внешней политики, тесно связанные и с направлениями военной и военно-морской политики США: средиземноморское, индийско-тихоокеанское, латиноамериканское, африканское, ближневосточное.

С учетом специфических подходов военно-морского руководства к военно-стратегическим аспектам этих политико-стратегических направлений планирование и осуществление целей военно-морской политики США по соответствующим региональным направлениям может быть условно сведено к следующим наиболее важным районам Мирового океана: Атлантический океан, Тихий и Индийский океаны, Средиземное море.

Проведение сколько-нибудь широких мероприятий, касающихся военной и военно-морской политики США в перечисленных районах Мирового океана, может, естественно, осуществляться и в прилегающих к ним или входящих в их состав важных и обширных морских районах: Персидский залив, восточная часть Средиземного моря, Южная и Северная Атлантика, центральная, южная и юго-западная часть Тихого океана.

Среди основных принципов, которые учитываются при проведении конкретных мероприятий, подразумеваемых общей политикой США, на каждом из существующих региональных направлений, прежде всего обращает на себя внимание стремление руководства США сохранить или установить в нужных для них масштабах американское военное присутствие.

По откровенному признанию ряда ответственных представителей американской администрации и военных ведомств, военное присутствие США за рубежом характеризуется теперь не столько его количественными, сколько качественными показателями. Силы, обеспечивающие военно-морское присутствие, располагают теперь более современными боевыми и техническими средствами. Они могут, как это предусматривается общей для всех вооруженных сил США концепцией стратегической мобильности, быстро перебрасываться в те районы мира, где американское военное присутствие необходимо сделать более мощным и представительным.

В докладе бывшего президента Никсона «Внешняя политика США в 70-е годы», сделанном им в конгрессе США в мае 1973 г., говорилось о том, что «США не могут защищать свои национальные интересы или поддерживать интересы своих союзников, как и обеспечивать сохранение мира, без размещения своих вооруженных сил за пределами самих США»⁵. Этот тезис остался и до сих пор как бы основой военной политики США. В различных аспектах и с разными модернизированными аргументами, особенно касающимися растущей мощи СССР, он используется для доказательства необходимости проведения наиболее значительных внешнеполитических и военно-стратегических мероприятий правительства США.

В ряде исследований и обзорных статей американских ученых, видных военных и политических обозревателей и военных специалистов, посвященных национальной, военной и военно-морской политике, повторяются утверждения о том, что США не могут обойтись без «свободного и беспрепятственного пользования морем». Об этом упоминается ежегодно с той или иной степенью драматизации в докладах начальников штаба ВМС, касающихся запросов денежных ассигнований на текущее и последующее развитие военно-морских сил и их вооружений.

Особенно откровенно об основах будущей «океанской стратегии» США высказался Хэнсон Болдуин в одной из своих книг, посвященной анализу военно-морской политики США. В ней Болдуин пишет: «Мы — США как нация — в части источников сырья относимся к тем, кто многого не имеет. Нам нужен доступ к источникам сырьевых материалов, лежащих за пределами наших границ. Мы должны ввозить 66 чрезвычайно важных для США видов сырья, что составляет 80% всех стратегических материалов, добывающихся вне США... Мы не смогли бы сохранить наше процветание и обеспечивать свою военную безопасность без тех сырьевых материалов, которые мы доставляем из Южной Америки, Африки, Европы, Азии и Австралии»⁶.

С начала 70-х годов, особенно в связи с обострением энергетического кризиса, правительство и военное руководство США резко усилили внимание к проблемам доставки источников энергоресурсов из районов, лежащих по отношению к территории США за широкими водными пространствами.

При обсуждении военного положения США и размеров финансирования дальнейшего строительства вооруженных сил в докладе о военном бюджете на 1972/73 г. впервые с особой остротой был поставлен вопрос о необходимости защиты будущих растущих по объему и жизненно необходимых для экономики США перевозок нефти и газа из района Персидского залива и Ближнего Востока. Бывший начальник штаба ВМС США адмирал Замуолт в своем специальном дополнении к докладу о бюджете в самых мрачных тонах нарисовал перспекти-

вы этих перевозок через район Индийского океана и юго-западной части Тихого океана, где им якобы угрожает растущая мощь Советского ВМФ⁷. Он настаивал на ежегодном выделении больших сумм на строительство крупных специализированных танкеров и дальнейшем первоочередном строительстве новых боевых кораблей основных классов для ВМС, которые должны быть в состоянии обеспечить «охрану» и «оборону» напряженных морских коммуникаций на указанных направлениях.

Эти основные положения военно-морской политики США отражают общее отношение и стратегическую оценку правящими кругами Вашингтона одного из главнейших районов Мирового океана — Тихого и Индийского океанов. Этими же положениями определяются их место и роль в общенациональной, военной и военно-морской политике США 70-х годов, а также сущность некоторых уже проводимых и планирующихся мероприятий по совершенствованию оперативного оборудования этих океанских театров и поддержанию в их пределах соответствующего оперативно-стратегического режима.

Тихий океан. Военно-стратегическое значение этого, самого обширного, района Мирового океана характеризуется его особыми политико-экономическими характеристиками и важным географическим положением. Выходящие на побережье Тихого океана такие капиталистические страны, как США, Канада, Япония, Австралия и Новая Зеландия, имеют в нем свои интересы и, естественно, постоянно озабочены перспективами решения проблем сохранения и укрепления своего положения, что, в свою очередь, всегда являлось причиной обострения межимпериалистических противоречий в этом районе мира.

По объему морских перевозок и напряженности линий морских коммуникаций Тихий океан занимает второе место в мире. Через порты Тихого океана ежегодно проходит до 750 млн. т грузов (примерно 20% всего грузооборота мира). Растет число судов, проходящих через порты Тихого океана, и в то же время увеличиваются размеры отдельных судов. На бассейн Тихого океана приходится перевозка большей части таких стратегических материалов, как олово (90%), натуральный каучук (80%), шерсть (до 50%). Тихий океан сам становится источником новых видов сырья, энергоресурсов и продовольствия.

Характеристика масштабов военных перевозок в районе Тихого океана содержится в интервью бывшего начальника штаба ВМС США адмирала Замуолта, которое он дал в июне 1974 г. перед уходом в отставку. Говоря о балансе военно-морских сил и характере будущих морских операций, адмирал отметил, что «всего только 6% из многих миллионов тонн, которые США направляли в Юго-Восточную Азию, перебрасывались воздушным путем. Все остальное, что составляло 94%, перевозилось надводными кораблями и судами коммерческого флота»⁸.

Огромная политическая и экономическая заинтересованность США в беспрепятственном пользовании океанскими путями сообщений, ведущими к территориальным владениям и базам США и к другим странам Тихого и Индийского океанов, находит свое отражение в военно-стратегических концепциях, успешность реализации которых ставится в зависимость от совершенствования системы передового базирования ВМС.

Учитывая исторический опыт использования американских вооруженных сил, и прежде всего ВМС, в боевых действиях на Тихом океане в годы второй мировой войны, военное и военно-морское командование США стремится удерживать за собой ряд важных районов, островов и отдельных баз Тихого океана, в том числе и юридически не принадлежащих США. Оно рассчитывает на использование их в качестве военно-морских баз и опорных пунктов для базирования кораблей флота и обеспечения развертывания различных компонентов вооруженных сил.

Система базирования для всех видов вооруженных сил, и особенно для ВМС США, всегда представлялась американскому военному командованию сложной проблемой, требующей более полного решения. Этим объясняются те усилия, которые были им предприняты в начале второй мировой войны. Пользуясь всеми представлявшимися им возможностями, а также затруднениями своих уже вовлеченных в войну союзников, США ставили перед собой цель добиться более или менее благоприятного решения, как они считают, всегда актуальной и в известной мере «болезненной» проблемы базирования ВМС, и прежде всего ВМС, за пределами их континентальной части.

Еще в начале XX в. военно-политические интересы США в Азии потребовали создания первоначальной системы базирования ВМС в западной части Тихого океана. На Тихом океане началось строительство баз на Гавайских островах, Филиппинах и на о-ве Гуам; США настойчиво добивались получения преимущественных прав на создание баз на ряде островов, принадлежащих другим странам.

Исход первой мировой войны, а также последовавшей за ней Вашингтонской морской конференции 1922 г. серьезно повысил удельный вес американских ВМС среди морских держав мира, что явилось одной из причин принятия новых энергичных мер по решению проблемы базирования флота США. Добиваясь выгодного для себя соотношения по численности корабельного состава среди главных морских держав мира, США одновременно вели борьбу и за получение прав по улучшению системы баз для ВМС.

Еще более настойчивые меры по развертыванию системы базирования начали предприниматься американским военным командованием после 1937—1938 гг., когда стало очевидным, что вся совокупность договорных регламентаций и ограничений

морских вооружений и связанная с ними устойчивость системы базирования ВМС практически разрушились.

Начавшаяся в Европе война открыла перед США более широкие возможности для улучшения своих стратегических позиций и развертывания системы базирования как в Атлантическом, так и в Тихом океанах. Взамен на предоставленную помощь Великобритании, и в частности за передачу ей 50 эскадренных миноносцев старой постройки, США получили право пользоваться базами и создавать их в ряде пунктов мира, в том числе и на некоторых английских территориях в Тихом океане.

Во время второй мировой войны вооруженные силы США создали весьма разветвленную систему базирования. Только за ВМС числилось до 1 тыс. различных военно-морских баз, баз морской авиации, а также пунктов связи и наблюдения, радиолокационных станций, якорных стоянок, пунктов заправки и хранения топлива и боеприпасов, различных складов и т. п.

После окончания второй мировой войны для сохранения более разветвленной периферийной системы базирования США захватили ряд крупных и важных пунктов на территориях Тихого океана. В разрабатываемых на будущее планах установления своего господствующего положения в Европе и Азии США добились согласия на использование десятков баз и опорных пунктов на территориях многих союзных и зависимых от США стран.

В 1959 г. США пользовались более 2 тыс. различных военных, военно-воздушных и военно-морских баз и пунктов базирования и снабжения, находящихся в различных районах мира. Примерно 40% из этого числа баз приходилось на ВМС США. До 1,5 млн. американских граждан находились на территориях различных военных баз, размещаемых за пределами США, включая военный и военно-морской персонал, а также членов их семей и гражданских служащих.

В течение 60-х годов американская система базирования претерпела некоторые изменения. В порядке сокращения расходов многие второстепенные базы за пределами США, в том числе и на территориях других стран, были закрыты совсем или законсервированы. Однако организационная структура всей системы базирования, обеспечивающей повседневную и боевую деятельность всех видов ВС США, и прежде всего ВМС, на Тихом океане, сохранилась.

Из пяти военно-морских округов, составляющих основу системы базирования американских ВМС, три находятся в районе Тихого океана. К ним относятся военно-морские округа Западного побережья США — Гавайский и Аляскинский. Практически в пределах этих военно-морских округов находятся не только военно-морские районы базирования, но и районы размещения и боевой подготовки авиации, морской пехоты, сухо-

путных войск и др. В настоящее время основными военно-морскими базами на Тихом океане являются: Сан-Диего (главная ВМБ), Лонг-Бич, Сан-Франциско, Бремертон, о-в Кадьяк, Пирл-Харбор (главная ВМБ на Гавайях), о-в Гуам (передовая ВМБ для ракетных подводных лодок), Субик-Бей (Филиппины), Йокосука, Сасебо, о-в Окинава и др.

Основные базы военно-воздушных сил: Аламеда, Миромар, Моффет-Филд, Лемур, Норт-Айленд, Уитбей-Айленд, Барберс-Пойнт (Гавайи), Кларк-Филд, Кадьяк и др.

С 1973 г. после принятия к реализации программы «Трай-дент» началось строительство специальной базы для лодок этой системы в пункте Бангор (шт. Вашингтон).

Военное командование и в 70-х годах не ослабляет внимания к проблемам базирования. Хотя численность военных баз и уменьшилась, заметна тенденция, когда США, освобождаясь от временных, малоценных и слабо оборудованных баз, продолжают усилия по приобретению новых баз и дооборудованию старых. При этом, закрывая некоторые базы, США оставляют на них склады, технические средства и оборудование с минимальной численностью личного состава, с тем чтобы в случае необходимости быстро перебросить туда только соответствующий обслуживающий и боевой персонал вооруженных сил. Учитывая проявившие себя во время второй мировой войны слабые стороны столь разбросанной сети военных баз (растянутость коммуникаций, ведущих к ним, слабая их защищенность, огромная стоимость их обороны и обслуживания и т. п.), военное командование регулярно отрабатывает задачи подвижной системы базирования, обеспечиваемой силами военного и торгового флотов.

На побережье, на островных владениях США, а также на базах на иностранных территориях Тихого океана базируется и проводит свою повседневную и боевую подготовку Тихоокеанский флот США — самое крупное оперативно-стратегическое объединение ВМС США, включающее более половины всех боевых и вспомогательных кораблей США. В его составе насчитывается до 300 кораблей различных классов, специализированных и вспомогательных судов. Здесь располагаются наиболее крупные, выдвинутые далеко в океан, военно-морские базы, обеспечивающие боевую подготовку, а также возможное боевое использование всего тихоокеанского флота США.

Военное руководство США постоянно осуществляет в этом районе передвижение крупных сил своего ВМФ и путем демонстрации силы, а в недалеком прошлом путем применения военной силы, стремится к поддержанию определенной напряженности в западной части Тихого океана и на подходах к Индийскому океану в целях подтверждения своих якобы «особых интересов» и «исторической» ответственности за судьбы и правопорядок в этом районе Мирового океана.

Военное и военно-морское руководство США при осуществлении стратегических взглядов правящих кругов, вытекающих из основных положений военной и военно-морской политики, как правило, старается меньше официально говорить о конкретных планах США на Тихом океане, поскольку теперь на побережье этого океана и на его островных территориях расположено уже довольно много суверенных государств, имеющих иное, чем в США, государственное устройство. При этом очевидно, что главными целями США в этом районе мира, как и прежде, остаются удержание политического и военного господствующего положения, торможение развития национально-освободительного движения, ослабление, насколько возможно, влияния Советского Союза. Эти цели остаются неизменными, хотя они и прикрываются многими другими общими военно-политическими и военно-стратегическими соображениями и концепциями.

Если, например, внимательно посмотреть на изданную в США монографию Дж. Коллинса «Большая стратегия», то даже в ней — капитальном теоретическом труде, в разделе «Американская стратегия в отношении Восточной Азии и западной части Тихого океана» трудно найти четкий и вразумительный ответ на вопрос о том, какие юридические права имеют и какой конкретно порядок хотели бы установить США в бассейне Тихого океана. Можно, однако, найти уже хорошо известные и повторяющиеся из года в год спекулятивные измышления относительно внешней политики Советского Союза, а также общие никем и никогда не одобряемые утверждения о том, что США издавна считаются «обязанными» блюсти порядок на Тихом океане и, хотя вторая мировая война уже давно закончена, использовать удерживаемые ими многие территории для базирования своих передовых группировок вооруженных сил. Весьма примечательно, что в этом разделе книги помещено в качестве эпиграфа заявление бывшего главнокомандующего союзными вооруженными силами Соединенных Штатов Америки на Тихом океане генерала Макарута, сделанное им 19 апреля 1951 г. на объединенной сессии американского конгресса⁹.

В этом заявлении указывается, что раньше, до второй мировой войны, западные стратегические границы США лежали вдоль побережья Северной и Южной Америки и на выступающей в океан цепи Гавайев, Мидуэя, Гуама и Филиппин. Этот полукруг островных территорий не являлся будто бы надежным аванпостом, в связи с чем противник мог нанести и действительно нанес по ним удары. Генерал Макарут утверждал, что положение изменилось к лучшему в связи с победой США на Тихом океане, в результате чего, по его мнению, они получили якобы возможность «контролировать океан до берегов Азии целой цепью островов, расположенных полукругом от Алеут-

ской гряды до Марианских островов и находящихся в руках США и их союзников».

С этих островных позиций, говорится в заявлении Макартура, США смогут в будущем при помощи морской и воздушной мощи «доминировать над всеми азиатскими портами от Владивостока до Сингапура и предупреждать любые действия, которые могли бы распространяться на другие районы Тихого океана».

В этом заявлении бывшего претендента на пост президента США нельзя не увидеть контуров совершенствующейся военной и военно-морской политики США по отношению к районам и странам Тихого океана. С тех пор на его пространствах и в Азии было образовано большое число агрессивных военных блоков различного толка, имеющих откровенную антикоммунистическую направленность. Империалистические блоки и военно-политические группировки охватили почти все районы Тихого океана; в них оказались вовлеченными многие капиталистические страны; их ранее объявленные цели содержат призывы «сдерживать коммунизм», подавлять активность национально-освободительного движения, подхлестывать общую гонку вооружений.

В 1974—1976 гг. в заявлениях министра обороны США Шлесинджера и сменившего его на этом посту Рамсфелда делался упор на огромную и постоянную заинтересованность США в сохранении за ними надежных военно-стратегических позиций в центральном и западном районах Тихого океана.

Провозглашенная Шлесинджером основная стратегическая концепция «полтора войн», определяющая масштабы и направленность строительства, совершенствования и будущего предназначения сил общего назначения, получила свое дальнейшее развитие в 1976 г. В своем докладе по военному бюджету на 1977 финансовый год Рамсфелд подчеркнул, что руководством и реализацией этой главной военной стратегической концепции предполагается обеспечение одновременного бесперебойного функционирования американских путей сообщения как в районе океанов и морей, прилегающих к Европе, так и в водах Азиатского материка. США нуждаются, заявил Рамсфелд, в наличии «контингентов военно-морских сил двух океанов»¹⁰.

По отношению к тихоокеанскому театру такие стратегические задачи ВМС США, как «перенос военной мощи США» через пространство Тихого океана, представительное «военно-морское присутствие» и связанное с этим обеспечение «контроля над морем», непосредственно согласуются с общей военной стратегией, обуславливающей, по мнению американского военного руководства, успешность выполнения политических целей США.

Рамсфелд, имевший в виду важность значения тихоокеан-

ского театра, благожелательно отнесся к настойчивым требованиям руководства ВМС о доведении численности их корабельного состава до такого, который мог бы обеспечить безопасность и боеготовность «13 авианосных соединений, 15 конвоев транспортов и кораблей и 1 1/3 соединений десантных сил»¹¹.

Совершенствование качественных характеристик ВМС США и достижение к 1985 г. численного состава кораблей основных классов до 600 единиц непосредственно связаны с обеспечением выполнения основных стратегических задач ВМС США. Для большей убедительности начальник штаба ВМС адмирал Холлоуэй при аргументации своих запросов подчеркивал, что при нынешнем составе ВМС (около 500 кораблей основных классов) они смогут надежно обеспечить защиту морских коммуникаций либо в районе Атлантики, либо в районе Тихого океана¹².

Холлоуэй при этом указывал и на необходимость осуществления американскими ВМС контроля над несколькими «критическими проходами и узкостями» Мирового океана, которые представляют большую важность для США.

По районам Тихого и Индийского океанов назывались Малаккский и Зондский проливы, Цусимский пролив, вход в Красное море и Суэцкий канал.

В Юго-Восточной Азии, в других районах Тихого океана и Дальнего Востока до последних лет постоянно размещались до 150 тыс. американских солдат и офицеров. Соединения и части этих американских контингентов оснащались и оснащаются всеми новейшими образцами вооружения, в том числе и ракетно-ядерного.

К началу 1975 г. после некоторого сокращения в районе Тихого океана и Дальнего Востока находилось: в Южной Корее — 38 тыс. человек, в Японии — 57 тыс. (из них 38 тыс. на о-ве Окинава), на Филиппинах — 16 тыс., на о-ве Гуам — 16 тыс., на о-ве Тайвань — 6 тыс. На кораблях ВМС в этом районе находилось до 8 тыс. человек личного состава.

В Юго-Восточной Азии в этот период насчитывалось более 60 тыс. военнослужащих. Из них: в Таиланде — 38 тыс., на кораблях ВМС, находящихся в море и у побережья этого района мира, — более 22 тыс. человек. По данным Института стратегических исследований в Лондоне, в этом районе мира к началу 1976 г. находились¹³:

Из состава сухопутной армии США

в Южной Корее — одна пехотная дивизия численностью до 30 тыс. человек
на Гавайских островах — одна пехотная дивизия неполного состава

Из состава морской пехоты

одна дивизия и авиакрыло
(на всем театре с основным базированием на о-ве Окинава)

(общая численность на тихоокеанском театре 50 тыс. человек)

5-я Воздушная армия	(Япония, Южная Корея, о-в Окинава)
7-я	» (Таиланд. Предполагалось сокращение)
13-я	» (Филиппины, Тайвань)

Вся система их базирования, соответствующее развертывание сил, как и основные линии морских коммуникаций и военных сообщений, опираются на поддержку оперативных и тактических соединений военно-морских сил США. На Тихом океане, в его восточной части, кроме указанных выше различных компонентов сил развернут 3-й флот, имеющий в своем составе, как правило, 6 ударных авианосцев и до 60 других надводных кораблей основных классов.

В западной части Тихого океана расположен и постоянно действует 7-й флот, созданный еще в 1943 г. для ведения боевых действий против Японии. 7-й флот — это крупнейшее передовое оперативное объединение, из которого по мере необходимости формируются специальные, самостоятельно действующие смешанные оперативные соединения различного предназначения (Task Force). В его составе насчитывается до сотни боевых кораблей и вспомогательных судов.

Костяком флота являются 3 ударных авианосца и около 30 других надводных кораблей основных классов. К нему постоянно приданы 2 амфибийные группы, включающие до 10 десантных кораблей и судов и 2 отдельных батальона морской пехоты. По организационной структуре в составе 7-го флота, как правило, находится 77-е авианосное ударное соединение, которое не раз принимало активное участие в демонстрации силы в морях Юго-Восточной Азии и в Индийском океане. Оно используется в основном в политических целях, обозначая или подтверждая «решимость» США защищать или утверждать свои интересы в том или ином районе, где, по мнению США, для них создается какая-либо угроза. Нередко демонстративные действия этого соединения объясняются руководством ВМС США «активностью Советского ВМФ», корабли которого эпизодически появляются в этом районе Мирового океана.

Из состава 7-го флота формируются и такие силы, как: 70-е оперативное соединение, предназначенное для выполнения отдельных конкретных боевых задач; 71-е соединение — в целях демонстрации американской морской мощи в Японском и Желтом морях; 72-е — для патрулирования в районе Тайваньского пролива; 73-е — соединение сил обслуживания; 76-е — амфибийных сил; 79-е — сил морской пехоты, комплектуемое из состава 3-й дивизии МП, дислоцирующейся на о-ве Окинава.

Наиболее крупными военно-морскими базами, на которых базируется флот, являются Йокосука, Сасебо, Субик-Бей. На о-ве Гуам кроме 1-й флотилии минно-тральных сил и 3-й эскадры патрульных катеров базируется 15-я эскадра атомных ракетных подводных лодок, не входящая в состав 7-го флота. Однако командование 7-го флота обеспечивает несение ими боевого дежурства на отведенных им позициях маневрирования. 15-я эскадра подводных лодок является одним из важнейших компонентов стратегических сил, находящихся в тех районах Тихого океана, на которые распространяется ответственность 7-го флота США.

7-й флот может в случае необходимости пополняться или получать поддержку за счет сил, выделяемых из состава 3-го флота США. Он создан для выполнения задач, связанных с крупными демонстрациями силы, и обеспечения представительного военного присутствия США. В случае возникновения войны 7-й флот способен вести боевые действия на море, у побережья вероятного противника и в воздушном пространстве с применением обычного и ядерного оружия.

Вооруженные силы США, развернутые в Тихом океане и в странах Азии, располагают большим числом ядерных боезарядов тактического назначения.

Уже в начале 1975 г. за командованием сухопутными войсками США в Азии числилось 1700, а за командованием Тихоокеанского флота 1500 тактических ядерных зарядов. Такие заряды, в частности, предназначаются для артиллерийских и ракетных установок, находящихся в частях в Южной Корее, а также на авианосцах, крейсерах, эскадренных миноносцах и подводных лодках флота¹⁴.

Индийский океан. После второй мировой войны Индийский океан в силу изменившихся политических условий стал формироваться как важный самостоятельный политико-географический и военно-экономический район мира, который приобрел свои специфические особенности и значение. Особенно важным является тот факт, что возросла роль Индийского океана в качестве главного связующего звена между Атлантическим и Тихим океанами. По нему всегда проходили, а теперь проходят с повышающейся напряженностью важнейшие мировые пути, соединяющие многие развитые страны Европы и страны Восточной Африки, Ближнего Востока, Средиземноморья, Южной и Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока, Австралии и Новой Зеландии. Ежегодно вокруг мыса Доброй Надежды в водах океана проходят более 29 тыс. судов.

По общему объему перевозок грузов Индийский океан занимает третье место в мире. Особо важную роль играют здесь межконтинентальные линии сообщений, по которым транспортируется сырье, и особенно нефть и сжиженный газ, доставляемые в развитые страны не только Азии, и прежде всего в

Японию, но и в США и европейские страны. Чрезвычайно большое значение имеют здесь транзитные перевозки. Около 80% экспорта стран Индийского океана приходится на сырье и продовольствие. Перевозками нефти из стран Ближнего и Среднего Востока занято более 75% всего тоннажа танкерного флота капиталистических стран мира.

Известно, что в районе Индийского океана родились новые страны с прогрессивными режимами, многие из которых изменили свою ориентацию. Американский империализм при помощи своей военной машины, и прежде всего путем усиления активности ВМС, усиливает попытки удержать контроль над всеми проходящими через Индийский океан и заканчивающимися в нем океанскими морскими сообщениями, создать тем самым соответствующие рычаги давления на политику и экономику тех стран, которые зависимы от морских перевозок, но перестали или перестают ориентироваться на США и их союзника — Великобританию.

Как и по отношению к Тихому океану, США под предлогом обеспечения безопасности и непрерывности функционирования своих морских коммуникаций проводят дорогостоящие мероприятия по расширению и укреплению системы базирования своих ВМС с целью обеспечения быстрого развертывания различных компонентов американских вооруженных сил в случае необходимости.

Такие мероприятия руководства США по расширению и улучшению этой системы предполагают одновременно и политические цели. В частности, имеется в виду усиление «уверенности» у сохранившихся еще реакционных режимов в ряде стран Азии и Африки в том, что они в случае неблагоприятного для них осложнения обстановки могут рассчитывать на военную и политическую поддержку со стороны правительства и военного руководства США.

Стратегическое положение и военно-экономическая важность Индийского океана возрастают, по утверждению представителей американского политического и военного руководства, и в связи с обострением энергетических проблем капиталистического мира. Мероприятия, связанные с решением этих проблем, занимают все большее место в военной и военно-морской политике США. Руководство вооруженных сил США подтверждает доводы о создании необходимого их вооруженным силам выгодного оперативно-стратегического режима в водах Индийского океана разного рода доказательствами для обоснования своих требований по дальнейшему наращиванию мощи военно-морских сил, действующих или предназначенных к использованию в этом важном районе мира.

Как правило, такие мероприятия, в том числе и по укреплению системы базирования для ВМС, представители военного руководства США аргументируют прежде всего якобы угро-

жающей «национальным интересам США» активностью военно-морского и коммерческого флота СССР. При этом замалчивается неоспоримое право Советского Союза осуществлять свои народнохозяйственные и торговые перевозки и плановые, никому не угрожающие перемещения кораблей ВМФ. Эти передвижения как торговых, так и военных судов всегда признавались соответствующими международными нормами; они определялись и определяются географическим положением СССР, восточные районы которого связаны с давних пор международными морскими и океанскими путями, соединяющими восточные и западные территории нашего государства.

В связи с повышением значения Индийского океана в экономическом отношении внимание американских правящих кругов привлекает теперь и военное положение Индийского океана. Заинтересованность военного руководства объясняется тем, что Индийский океан становится районом предполагаемого в будущем развертывания вооруженных сил США. Здесь американское военно-морское командование пытается усилить свои позиции для того, чтобы обеспечить своим ВМС такие благоприятные условия их базирования и размещения, при которых наиболее эффективно использовались бы соединения американского флота и была бы всемерно затруднена повседневная и боевая деятельность Советского ВМФ. Бывший начальник штаба ВМС адмирал Замуолт, известный своими откровенными и прямолинейными утверждениями относительно целей и задач американской военно-морской политики в различных районах Мирового океана, следующим образом определил «стратегическую важность Индийского океана» в своей статье того же названия¹⁵. Признав значение серьезных изменений, происшедших в бассейне Индийского океана, Замуолт сказал, что «американские интересы в Индийском океане теперь прямо связаны с интересами США в Европе и Азии. Более того, они связаны в широком смысле с поддержанием стабильности всемирного баланса сил». При этом Замуолт подтвердил, что «Индийский океан стал теперь районом мира, где в течение следующих 10 лет могут происходить огромные сдвиги в соотношении мировых сил...» По его утверждению, США должны при этих обстоятельствах обладать способностью влиять на это соотношение «путем развертывания здесь сил, являющихся орудием осуществления американского влияния»¹⁶.

Выражая позицию известных американских кругов, выступающих против разрядки напряженности и против превращения Индийского океана в зону мира, адмирал Замуолт, по свидетельству одного из сборников Информационного центра по военным проблемам США, высказывал мысль, которая подтверждает факт сохранения за американским военно-морским командованием реакционной роли противника установления режима мирного и равноправного пользования водами Мирового

океана для всех государств и народов мира. Превращение Индийского океана в зону мира, за что выступают многие государства этого района, утверждал Замуолт, «непринемлемо и даже опасно для США»¹⁷. «Опасность» этой концепции для американского военно-морского руководства состоит, по-видимому, в том, что она ограничила бы начавшийся процесс распространения и усиления военного присутствия США в этом бассейне Мирового океана.

Подтверждая несостоятельность утверждений руководства ВМС США о том, что активность Советского ВМФ якобы принимает угрожающие размеры, тот же информационный сборник поместил специальную сравнительную таблицу, показывающую число военных кораблей США и СССР, посетивших порты Индийского океана в начале 70-х годов. Даже эти годы, в течение которых активность передвижения здесь советских кораблей отличалась от прошлых лет, число боевых кораблей США, появлявшихся в водах Индийского океана, превышает, как явствует из таблицы, число советских кораблей почти в 2 раза. Важно заметить и другое существенное отличие. Советские силы ВМФ, осуществляющие согласованные заходы в порты Индийского океана или совершающие плановые переходы из одного района мира в другой, по признанию самих же американских специалистов, обычно представляют собою тактические соединения. Они включают, как правило, один крейсер, 2—3 эскадренных миноносца и несколько других вспомогательных кораблей и судов. Американское же соединение, появление которого здесь обычно сопровождается драматическими заявлениями видных руководящих лиц о якобы «вынудивших» США причинах и целях такого появления, включает 1—2 авианосца, 5—6 эскадренных миноносцев, атомный фрегат и несколько сторожевых кораблей, а также десантных и других вспомогательных судов. Такое соединение представляет собою не тактическое, а оперативное соединение, пребывание которого призвано оказать политическое давление на ту или иную страну либо оказать влияние на ситуацию в районе пребывания этого соединения.

Не скрывают представители ВМС США и того, что в районе, близком к Индийскому океану, на позициях эпизодически находятся 1—2 атомные подводные ракетные лодки и до трех ударных атомных подводных лодок¹⁸. В оперативном взаимодействии с появляющимися здесь соединениями американских ВМС находится и постоянно базирующаяся в Персидском заливе, в Бахрейне, группа кораблей. Они находятся там по двустороннему соглашению с Бахрейном, подписанному в декабре 1971 г. Это соглашение будто бы позволяет США иметь в порту Эль-Манама якорную стоянку и пирс. Там имеются принадлежащие ВМС США складские помещения, посты связи и т. п. Как правило, там базируются: в качестве флагманского кораб-

ля десантно-высадочный корабль, штабной корабль или корабль-транспорт для перевозки самолетов, а также два других, эскадренных миноносца или сторожевых корабля.

Известно, что на берега Индийского океана выходят в основном страны, которые в прошлом не тратили своих средств на сколько-нибудь дорогостоящее оперативное оборудование этого театра и тем более на создание здесь более или менее современной системы базирования. Сравнительно небольшими военно-морскими базами в районе Индийского океана располагали и пользовались только военно-морские силы Великобритании.

В 1970 г. под предлогом необходимости радионавигационного обеспечения транзитного прохода через океан и для временного базирования отдельных кораблей оперативных военно-морских соединений США заключили с Великобританией соглашение (на основе договора 1965 г.) о дополнительном оборудовании маневренной базы военно-воздушных и военно-морских сил на о-ве Диего-Гарсия. К имеющимся на острове узлу связи ВМС и аэродромной полосе предполагается оборудовать более удобную и обширную якорную стоянку для боевых кораблей, причальную стенку, склады, мастерские. Осуществление этих планов находится в стадии завершения; значительная часть финансовых ассигнований уже выделена. Реализация запланированных мероприятий может серьезно повысить оперативное значение этой базы. Вместе с другими базовыми и портовыми сооружениями, использующимися американскими ВМС в Индийском океане и ближайших к нему районах Мирового океана, военно-морская и военно-воздушная базы на о-ве Диего-Гарсия будут важным звеном в укреплении общей системы базирования и развертывания вооруженных сил США в Индийском океане. Диего-Гарсия может рассматриваться не только как пункт базирования, но и как важное звено в создании и расширении разветвленной системы радиопередающих, радиолокационных, радионавигационных и космических пунктов связи, наблюдения и слежения за кораблями, судами и подводными лодками других стран, и в первую очередь Советского Союза.

Оценивая значение базирования передовых соединений американских вооруженных сил на о-ве Диего-Гарсия, бывший министр обороны США Дж. Шлесинджер еще в 1974 г. подтвердил, что необходимость строительства такой базы вызвана якобы трудностями для США в новых условиях международной обстановки оказывать нужную поддержку военно-морским силам, которые по настоянию Пентагона «должны будут теперь более систематически находиться в этом районе мира». Поддержка действий этих сил из базы, расположенной в бухте Субик-Бей, находящейся примерно в 9 тыс. км от этого важного теперь для США района Мирового океана, была бы, по мне-

нию министра, недостаточной. Он подтвердил также, что военное руководство будет и далее настаивать на полном финансировании строительства всех запланированных объектов. Имеется в виду удлинение взлетной полосы с 2,4 до 3,6 км, углубление внутренней гавани для якорной стоянки больших кораблей и пр. В духе уже известных антисоветских высказываний руководители военных ведомств США повторяют и теперь измышления о том, будто бы Советский Союз осуществляет ряд практических мер по обеспечению базирования своего ВМФ в этом районе Мирового океана.

Таким образом, и Индийский океан в системе мероприятий, проводимых в соответствии с целями американской военной и военно-морской политики, является районом, в котором установление благоприятного для США режима возлагается во многом на военные ведомства. В связи с растущими экономическими трудностями США, с обострением энергетического кризиса, резким ослаблением здесь позиций Великобритании и усилением позиций Японии, в связи с изменениями политической карты района стран, прилегающих к Индийскому океану, США продолжают усиливать военное присутствие в целях сохранения здесь своего политического влияния и ведущего положения.

Обеспечение военными ведомствами растущих интересов США в этом районе мира, в том числе в зоне Персидского залива, откуда тянутся важные для США морские сообщения, рассматривается как одно из главных условий сохранения за США прочных экономических и политических позиций.

* * *

Таким образом, значение и важность Тихого и Индийского океанов для США объясняются не только экономическими факторами, на которые более всего ссылается политическое и военное руководство США. Главное их значение заключается в том, что эти огромные водные пространства при проведении соответствующих давно планирующихся мероприятий представляют для США сферы размещения, а также области прямого и косвенного использования различных компонентов вооруженных сил за пределами Американского континента в целях сохранения за США роли ведущей морской империалистической державы и обеспечения осуществления политики США в отношении стран Азии и Африки.

Военное командование США при одобрении политического руководства страны удерживает ряд важных районов, островов и баз Тихого океана в качестве плацдармов для обеспечения в случае необходимости развертывания и наиболее эффективного использования своих вооруженных сил. По-прежнему сохраняется большое число военных, военно-воздушных и военно-морских баз, размещенных как на территориях, принадлежа-

щих США, так и на территориях других суверенных и зависимых от США стран.

Индийский океан в связи с повышением его значения в системе Мирового океана привлекает все большее внимание американских правящих кругов и в военном отношении.

Настойчивые требования руководства военных ведомств, предполагающие создание и сохранение благоприятного для интересов США режима в зонах Тихого и Индийского океанов, находят свое отражение в активной разработке и практическом осуществлении ряда значительных односторонних мероприятий военно-стратегического характера, которые практически не вызываются ни обстановкой на этом театре мира, ни какими-либо мероприятиями других стран этого района мира.

Такие мероприятия только провоцируют гонку морских вооружений и серьезно ухудшают перспективы поисков обоюдоприемлемых подходов к ограничению развития сил общего назначения и регламентации военного присутствия в таких важных для всех стран мира и народов районах Мирового океана, какими являются Тихий и Индийский океаны.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ СОЮЗОВ США
В АЗИИ

В послевоенной обстановке американские правящие круги, исходя из своих классовых интересов, взяли на себя многочисленные обязательства по защите капиталистических устоев во всем мире и инициативу в организации борьбы со странами социализма, которая должна была осуществляться в соответствии с установками доктрины «сдерживания», провозглашенной в 1947 г.

Особое место в рамках доктрины «сдерживания» отводилось политике создания политических коалиций, военных союзов и замкнутых региональных организаций и экономических группировок.

Американские стратеги возлагали большие надежды на программу «взаимного обеспечения безопасности», как в США стали официально именовать курс на установление и совершенствование военно-политических союзных связей с другими государствами в мирное время. В первом докладе по реализации программы «взаимного обеспечения безопасности», направленном американскому конгрессу 7 марта 1952 г., президент США Трумэн следующим образом охарактеризовал ее значение для «национальных интересов» Соединенных Штатов: «Она дает нам сильных союзников с живой силой, способной быть использованной в военных целях, которая намного превосходит нашу собственную; с индустриальной мощностью, жизненно необходимой для свободного мира. Она дает нам заграничные военные базы для использования в совместных действиях. Она дает нам сырьевые источники, существенные не только для нашего собственного военного производства, но и для нормального функционирования нашей гражданской экономики. Она дает нам людей, которые на годы вперед будут с нами, а не против нас»¹.

Политика создания блоков позволяла США в замаскированном виде комбинированно использовать различные методы военной, политической, экономической и идеологической экспансии.

Военно-политические союзы были призваны с помощью обя-

зательств, зафиксированных в их учредительных договорах или дополнительных соглашениях, закрепить проамериканскую ориентацию различных государств мира. Блоки через систему своих органов, а также посредством совместных акций и мероприятий стран—участников, например, маневров, учений, коллективной разработки каких-либо вопросов и т. п., должны были максимально активизировать деятельность всех участников в направлении, выбираемом Вашингтоном.

Видный американский ученый У. Росту, который долгое время принимал активное участие в планировании внешней политики Соединенных Штатов, видел смысл создаваемых под главенством США союзов в Азии, во-первых, в «ликвидации угрозы военного превосходства коммунизма в Азии путем отражения любых попыток коммунистической военной агрессии и создания военной мощи свободной Азии» и, во-вторых, в «ликвидации идеологической угрозы коммунистической победы в Азии»².

Из этих общих задач вытекали более конкретные цели союзов, имевшие для американской политики в Азии практическое значение. В Соединенных Штатах рассчитывали, что страны, объединенные в различные союзы, превратятся в поставщиков живой силы для «локальных» антикоммунистических акций на Азиатском континенте и тем самым избавят США от необходимости «личного» участия в последних.

США предполагали с помощью военно-политических пактов максимально расширить число участников в возможных конфликтах в Азии и использовать в них главным образом вооруженные силы своих союзников. «Мы должны снарядить солдат других стран, и пусть они посылают на гибель свою молодежь вместо того, чтобы мы посылали свою»³,— заявил на заседании комиссии по ассигнованиям американского конгресса ее председатель Дж. Кэннан в 1949 г. Подобные намерения Соединенные Штаты сохранили и в последующие годы.

Предполагалось, что территории стран—членов азиатских союзов должны сыграть роль плацдармов для возможных агрессивных действий против социалистических государств, для борьбы с национально-освободительным движением. Таким образом США получили бы возможность выйти непосредственно к границам своих главных политических противников, находясь фактически на удалении в тысячи километров от них. Политика союзов США была неразрывно связана с американской политикой создания баз. Договоры и соглашения, заключаемые США с азиатскими странами, формально служили правовым источником для создания многочисленных американских баз за границей.

С образованием под своей эгидой различных региональных объединений США связывали надежды на возможность юридически оформить использование материальных и людских ре-

сурсов стран—участниц этих объединений в интересах своей глобальной политики, ставя себе на службу их военно-экономические потенциалы. Кроме того, Соединенные Штаты стремились получить через систему многосторонних и двусторонних договоров с азиатскими государствами «законное» обоснование для «физического» присутствия своих вооруженных сил на их территориях.

Военно-политические союзы были призваны способствовать осуществлению экономического проникновения США в вошедшие в эти союзы страны и служить там гарантом американских интересов. Соединенные Штаты собирались использовать военно-политические союзы как одно из средств контроля над экономическим развитием азиатских и тихоокеанских стран и направления его по капиталистическому пути. Участие азиатских стран в союзах должно было вести к увеличению их экономической, политической и военной зависимости от США, все больше привязывая их к американскому внешнеполитическому курсу.

Вместе с тем заключаемые Вашингтоном пакты должны были обеспечивать США преимущественное положение перед любой другой крупной державой, претендующей на активную роль в районе действия данных пактов. Предполагалось использовать союзы как орудие вытеснения из интересующего американцев региона их конкурентов (так случилось при образовании блока АНЗЮС, который как бы «перевел» Австралию и Новую Зеландию из традиционной сферы влияния Англии в подчинение США).

Создав систему военных альянсов, США надеялись заставить своих союзников в бассейне Тихого океана проводить единую внешнюю политику и единую военную стратегию в своих империалистических целях. С помощью блокового механизма Соединенные Штаты предполагали контролировать и направлять «поведение» своих азиатских союзников на международной арене, а также в ключевых аспектах их внутренней политики. Эта особенность империалистических союзов, когда сильный навязывает свою волю слабым, использовалась американской дипломатией, так как позволяла ей прикрывать политику США «коллективной волей союзников».

Деятельность по образованию отдельных субрегиональных пактов, как видно из практического осуществления этой американской политики, представляет собой лишь одну ее сторону. Другая ее сторона заключалась в том, что США предпринимали большие усилия по построению своеобразной системы союзов. Не отдельный блок, а совокупность или система союзов и соглашений должна была, по замыслам правящих кругов Соединенных Штатов, служить противовесом социализму в Азии. Только посредством такой системы субрегиональных организаций Вашингтон рассчитывал полностью замкнуть «коль-

до сил» вокруг социалистических стран и добиться объединения абсолютного большинства капиталистических государств под своим руководством для «коллективного сдерживания коммунизма». Не случайно поэтому так называемая коалиционная политика с различными уточнениями и дополнениями в зависимости от изменяющейся международной обстановки не сходит с вооружения внешнеполитической доктрины Соединенных Штатов на протяжении всего послевоенного времени.

* * *

Одними из первых в Азии на тесное военно-политическое сотрудничество с Соединенными Штатами пошли тогдашние манильские правители, и без того связанные по рукам и ногам Вашингтоном. 14 марта 1947 г. между США и Филиппинами заключается соглашение о базах, в соответствии с которым американцы получали в пользование на 99 лет 23 военные базы и наделялись в районах этих баз правом экстерриториальности. Им также разрешалось производить аэрофотосъемку всех районов Филиппин и прилегающих к ним вод, приобретать в неограниченном количестве недвижимое имущество и строить любые военные объекты на территории этой страны. Несколько позднее — 21 марта — США, по соглашению об оказании военной помощи, взяли на себя обязательства всесторонне «содействовать обучению и развитию филиппинских вооруженных сил», что на деле означало полное их подчинение Пентагону. Окончательно «продемонстрировать всему миру, что Филиппины и Соединенные Штаты выступают вместе на Тихом океане»⁴, был призван, по мнению Д. Ачесона, американо-филиппинский Договор о взаимной обороне от 30 августа 1951 г.

Почти идентичный по содержанию Договор о безопасности США подписали в Сан-Франциско 1 сентября 1951 г. с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС). Правящие круги этих стран, боявшиеся повторения японской агрессии на Тихом океане, провозгласили политику «всюду с Америкой» в надежде приобрести в лице последней гаранта для обеспечения своих локальных интересов взамен сильно ослабленной Великобритании.

Что же касается Соединенных Штатов, то они, создавая пакт АНЗЮС, руководствовались отнюдь не антияпонскими соображениями. Об их намерениях можно судить по преамбуле и ст. 8 договора, где давалось понять, что целью организаторов и участников пакта является «развитие более обширной системы безопасности в тихоокеанском районе» и что АНЗЮС рассматривается ими в качестве начального шага в этом направлении⁵.

Практическая ценность АНЗЮС для США, как отмечал профессор Мельбурнского университета Дэйвид Сиссонс, заключа-

лась в том, что он, «являясь взаимноодобренной доктриной Монро для южной части Тихого океана, отнюдь не означает для американцев, будто они должны гарантировать Австралию от японской агрессии, он скорее делает их более уверенными в получении австралийской поддержки для сдерживания коммунизма»⁶.

Соединенные Штаты были далеки от того, чтобы оставить Японию в стороне от возводимых ими антикоммунистических бастионов в Восточной Азии. В Вашингтоне считали, что в обстановке усиления на Дальнем Востоке Советского Союза и возникновения КНР Япония приобрела решающее значение в общей расстановке сил в бассейне Тихого океана и для «сохранения безопасности» в этом районе. Поэтому США в послевоенные годы пошли по пути поощрения ремилитаризации Японии и возрождения ее экономического потенциала. «Япония — ключ нашей политики в Азии, — писал ведущий журнал американских бизнесменов „Бизнес Уик“, — США готовы к тому, что эта страна восстановит свою военную и экономическую силу»⁷.

Одновременно американские планы «региональной обороны», как о них открыто объявил в своем послании мирной конференции в Сан-Франциско тогдашний президент США Г. Трумэн, прямо предусматривали объединение воссозданных японских вооруженных сил с вооруженными силами других государств тихоокеанского региона. Практическое воплощение подобных планов должны были подготовить американо-японский Договор безопасности и Административное соглашение, явившееся дополнением к договору, о заключении которых было объявлено соответственно 8 сентября 1951 г. и 28 февраля 1952 г.

Таким образом, до начала войны в Корее США использовали обстановку в районе Тихого океана и Восточной Азии с тем, чтобы закрепить союзные связи с Австралией и Новой Зеландией времен второй мировой войны и в то же время путем заключения новых договоров с Японией и Филиппинами усилить зависимость последних от США. Война в Корее, в ходе которой США рассчитывали активнее подключить к борьбе против стран социализма другие азиатские государства, стимулировала их деятельность по подготовке новых договоров и союзов. Неутешительные для США итоги этой войны, в свою очередь, вызвали в американских политических кругах стремление к созданию крупных военно-политических группировок, которые избавили бы США от необходимости вновь посылать свои войска в Азию для защиты совокупных позиций империализма от натиска национально-освободительных и революционных движений. В целом все эти соображения только укрепляли намерения правящих кругов Америки опереться в осуществлении азиатской политики на систему блоков и союзов.

Следующим звеном в цепи создаваемой США военно-политической «системы безопасности» на Тихом океане послужил американо-южнокорейский Договор о взаимной обороне, подписанный 1 октября 1953 г., спустя чуть более двух месяцев после установления перемирия в Корее. Текст договора почти дословно копирует тексты соответствующих договоров США с Филиппинами и Японией, а также договора о создании блока АНЗЮС. С помощью этого пакта США попытались придать видимость «законности» своей фактической оккупации южнокорейской территории, а также закрепить раздел Кореи на два государства. Южная Корея превратилась в важную стратегическую базу американских вооруженных сил на Дальнем Востоке.

Договор о взаимной обороне с Южной Кореей опирался на специальное военное соглашение от 24 августа 1948 г., заключенное между правительством США и Ли Сын Маном, о формировании под непосредственным руководством американской военной миссии южнокорейских вооруженных сил и на подписанное 26 января 1950 г. Соглашение о взаимной помощи в целях обороны.

Следующей американской акцией стал договор о взаимной безопасности между США и Чан Кай-ши, заключенный 2 декабря 1954 г.⁸ В результате сговора с тайбэйским режимом США включили о-в Тайвань в «периметр обороны» и отвели ему роль «непотопляемого ядерного авианосца» американского 7-го флота на Тихом океане.

Союзный договор с Тайванем был единственным из всех двусторонних военно-политических союзов США, появившихся к середине 50-х годов в Азии, в тексте которого открыто говорилось о развитии союзными сторонами индивидуальной и коллективной способности противостоять «коммунистической подрывной деятельности». Об агрессивной направленности американо-тайваньского пакта свидетельствует толкование смысла ст. 5 договора (она перечисляет обязательства сторон-участниц), данное сенатской комиссией по иностранным делам конгресса США: «Сенат подразумевает, что обязательства, вытекающие из ст. 5, вступают в силу только при совершении вооруженного нападения извне и что каждая из договаривающихся сторон не должна предпринимать военных действий с территорий, контролируемых Республикой Китай (о-в Тайвань. — А. К.), за исключением случаев, когда достигнуто общее соглашение»⁹. Таким образом, США оставляли за собой право нанесения первого удара исключительно по своему собственному усмотрению. Получить согласие на этот счет у Чан Кай-ши для американцев было простой формальностью.

Заключив в 1951—1954 гг. серию военно-политических договоров и соглашений, Соединенные Штаты смогли расширить «линию американской обороны» в бассейне Тихого океана, ко-

торая, разделившись на три составные дуги, протянулась на тысячи километров. Первая из этих дуг, опираясь на «северную континентальную базу» — Южную Корею, охватывала Аляску, Алеутские острова и шла через Японские острова, включая Рюкю и Окинаву. Вторую дугу составляли Тайвань и Филиппины. Она ориентировалась на «южную континентальную базу» — Индокитай и заканчивалась английским Сингапуром. Далее располагалась третья, дополнительная или тыловая, дуга, состоящая из Австралии и Новой Зеландии.

Несмотря на весомый задел в построении «дуговой обороны» в Азии, Соединенные Штаты тем не менее не испытывали уверенности, что в условиях изменившегося соотношения сил на континенте, после окончательного поражения в 1949 г. режима Чан Кай-ши в Китае, они смогут эффективно «сдерживать» социалистические государства, используя лишь островных союзников. Чтобы в подобной обстановке «система региональной безопасности», создаваемая под эгидой США, была способна «сдерживать» СССР и Китай, которые в то время рассматривались Вашингтоном как «единая коммунистическая сила», эту систему предстояло расширить за счет дополнительных государств, расположенных даже за пределами тихоокеанского региона. «Реальность, с которой мы сталкиваемся, состоит в том, что в Южной Азии нет противовеса мощи Китая. Такой противовес должен исходить не из Азии, и, если он не будет обеспечен, весь район подпадет под господство пекинского коммунистического режима», — писал генерал-губернатор Австралии Хэзлак¹⁰.

Кроме того, после заключения 14 февраля 1950 г. советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи у Соединенных Штатов, по мнению приверженцев «силовой» трактовки развития международных отношений, не было иной альтернативы, кроме как включиться самим в азиатскую военно-политическую систему «сдерживания коммунизма». Без американского участия любое региональное сотрудничество в Азии и любой тихоокеанский пакт, как подчеркивал в своей парламентской речи 9 марта 1950 г. бывший австралийский министр иностранных дел Спендер, «лишились бы своего содержания и были бы бессмысленными»¹¹.

Данные факторы послужили основной причиной, почему США на базе уже достигнутых военно-политических союзов развернули бурную деятельность по созданию в бассейне Тихого океана всеобъемлющей «системы региональной безопасности» с подключением к ней западноевропейских империалистических держав, имеющих непосредственные интересы в этом районе.

Плодом усилий американской дипломатии явилось подписание 8 сентября 1954 г. Договора о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО). В состав нового блока вошли США,

Англия, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд и Филиппины¹².

В своих мемуарах Дуайт Эйзенхауэр писал, что с созданием СЕАТО США «покончили с дилеммой изыскания моральной, юридической и практической основы для оказания помощи своим друзьям»¹³. Не менее выразительно высказался на первой сессии совета блока по случаю вступления в силу 19 февраля 1955 г. договора СЕАТО Джон Фостер Даллес: «Сегодня США приходят в Юго-Восточную Азию»¹⁴.

Что касается распределения обязанностей среди участников возникшей к середине 50-х годов «системы региональной безопасности», в состав которой входили страны, объединенные в рамках СЕАТО, АНЗЮС и двусторонних военно-политических договоров, то в идеале оно мыслилось американским стратегами следующим образом.

Азиатские государства, расположенные по периметру границ стран социалистического содружества, должны были стать непосредственными исполнителями планов Пентагона, формируя сухопутные войска для участия в локальных войнах на Азиатском континенте. Предполагалось, что страны Западной Европы и британские тихоокеанские доминионы будут осуществлять авиационное и военно-морское обеспечение возможных боевых действий на суше. Себе США отводили место главной направляющей силы азиатской региональной системы «безопасности» и ее «ядерного щита». Вооруженные силы стран СЕАТО вместе с «оплотами антикоммунизма на Тайване и в Южной Корее», заявлял Даллес, образовывали «как бы пальцы одной руки, опирающейся на ладонь ядерной мощи Соединенных Штатов на Тихом океане»¹⁵.

Действовать США, да и то в соответствии со своими конституционными процедурами, соглашались, как это явствует из оговорки, сделанной американцами к договору СЕАТО, лишь в случае «коммунистической агрессии». При совершении любого другого нападения они были готовы только консультироваться со своими союзниками¹⁶.

Все тот же принцип разделения ответственности, который в кругах американских политологов именовался «принципом относительного преимущества»¹⁷, лежал в основе построения военной организации блока СЕАТО. В отличие от Североатлантической группировки, СЕАТО не имела ни объединенных вооруженных сил, ни единого военного командования. По мнению американских военных экспертов, создание такой армии потребовало бы от США рассредоточить свои вооруженные силы в огромном регионе Восточной Азии, передислоцировав их со стратегически выгодных баз на тихоокеанских островах в районы континентальных союзников, где их войска были бы более уязвимы и менее маневренны. Как считал Даллес, это привело бы к дроблению американской военной мощи в бас-

сейне Тихого океана в целом и к ослаблению внимания к другим фронтам борьбы с коммунизмом, а главное, заставило бы США «самим таскать для себя каштаны из огня».

«Зубы СЕАТО», как писала американская пресса того времени, «были вставлены» на сессии совета пакта в Карачи в 1956 г., которая приняла решение держать определенное число военных соединений в состоянии боевой готовности и мобильности¹⁸. Эти «пожарные команды» блока, по специальному приглашению, подписанному на той же сессии, должны были автоматически вступать в боевые действия в случае возникновения таковых.

Основная военная деятельность СЕАТО должна была осуществляться Комитетом военных советников, который стал заниматься разработкой планов совместных военных операций, руководить строительством вооруженных сил стран-участниц и определять задачи и направления маневров, учений и т. д.

Появление и начало деятельности на международной арене такой организации, как СЕАТО, совсем не означало реализации всех американских военно-политических планов «региональной обороны» в бассейне Тихого океана. С образованием этой группировки США построили каркас азиатской «системы безопасности», который теперь надо было укрепить с помощью новых союзов с новыми государствами, особенно нейтралистской ориентации, с тем чтобы придать ей подлинно всеобъемлющий характер. Однако попытки Вашингтона вовлечь в свои агрессивные планы молодые суверенные азиатские страны доставили ему наибольшее разочарование. Большую роль, по мнению отдельных американских специалистов, сыграл и тот факт, что в блоке СЕАТО США объединились с бывшими колониальными державами (Англией и Францией), что оттолкнуло от них целый ряд государств, получивших независимость.

Американская политика создания блоков в Азии натолкнулась на активное сопротивление многих новых государств, и не случайно одним из главных внешнеполитических принципов Индии, Индонезии, Бирмы, Цейлона, Афганистана и некоторых других стран Азии стал принцип неприсоединения к военным блокам.

Добившиеся независимости государства этого континента проводили самостоятельный внешнеполитический курс, направленный на укрепление мира и сотрудничества. Они выступали против вмешательства во внутренние дела государств и всячески осуждали создание антикоммунистических военно-политических альянсов. «Разве можно отрицать, что в Азии еще существует колониализм? — писала индийская газета „Амрита базар патрика“, — Новые формы колониализма, которые носят маску военных союзов и блоков, вызывают еще большую тревогу, чем старый колониализм»¹⁹.

Стремясь столкнуть миролюбивые государства Азии с зани-

маемой ими позиции неприсоединения, империализм США избрал тактику шантажа применительно к одним из них, например Индии (в частности, предоставление ей американской продовольственной помощи связывалось с согласием на участие в совместных антикоммунистических коалициях); в отношении других он использовал подрывную деятельность — Лаос, Бирма, Камбоджа; третьих (Индонезию и другие страны ЮВА) Вашингтон пытался вовлечь в империалистические союзы путем обмана, выдвигая проекты новых, еще не скомпрометировавших себя пактов: ПАТО («Тихоокеанско-азиатская договорная организация»), Восточной лиги, Индонезийского союза, Панмалайской федерации.

Одновременно США предпринимали большие усилия по «углублению» уже достигнутых союзных связей. В этом заключался смысл Соглашения о сотрудничестве между правительствами США и Пакистана от 5 марта 1959 г. По ст. 1 этого соглашения, правительство США в случае агрессии против Пакистана брало на себя обязательство «в соответствии с конституцией Соединенных Штатов Америки принять такие подходящие меры, включая использование вооруженных сил, какие могут быть взаимно согласованы»²⁰... и обещало оказывать ему всестороннюю помощь. Это соглашение имело особый смысл благодаря геополитическому положению Пакистана, представлявшего собой «связующее звено» между системой американских блоков и союзов в Восточной и Юго-Восточной Азии и империалистическим блоком на Ближнем Востоке (СЕНТО).

В 50-х годах американская дипломатия начала подготавливать почву для создания очередного военно-политического блока НЕАТО (Организация договора Северо-Восточной Азии) в составе Южной Кореи, Тайваня, Японии и Филиппин, а также «тех стран, которые изъявляют желание к нему присоединиться». Вопрос о НЕАТО обсуждался в январе 1955 г. в Вашингтоне с министрами иностранных дел Южной Кореи и чанкайшистского режима. С помощью этого пакта Соединенные Штаты намеревались создать в северо-восточной части тихоокеанского бассейна дополнительный антикоммунистический форпост по образу и подобию СЕАТО и подтолкнуть его участников, особенно Японию, к более активному участию в «обороне свободного мира» на Востоке.

К началу 60-х годов Соединенным Штатам удалось создать в Восточной Азии ряд военно-политических союзов. Однако ни сам этот факт, ни количество участников блоков не говорили о реализации стратегических задач американского империализма.

Система блоков так и не смогла превратиться во всеобъемлющую организацию для Азии, потому что многие страны региона, и в том числе Индия, Индонезия и Бирма, наотрез отказались к ней присоединиться и подвергли резкой критике ее

создание и деятельность. Те же, кто все-таки был втянут в эту систему, не проявляли должной, с американской точки зрения, активности. Блоки не позволили США переложить непосредственную ответственность за сохранение империалистического порядка в бассейне Тихого океана на своих партнеров. Они не только не высвободили американцев от прямого участия в антикоммунистической деятельности, но, наоборот, накладывали на них дополнительные обременительные обязательства.

Военно-политическая система лишь номинально способствовала усилению США в Азии. Она не была прочным монолитным политическим объединением государств проамериканской ориентации. Противоречия среди членов заключенных союзов и пактов обусловили их хронический внутренний кризис. Слабость антинародных режимов во многих союзных США азиатских странах и территориях (Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Пакистан) на протяжении 50-х и 60-х годов не позволила США превратить их в свой аванпост в конфронтации с социализмом и национально-освободительным движением. Партнеры на деле оказались не союзниками Вашингтона в борьбе с СССР, Китаем и национально-освободительным движением, а «вымогателями и нахлебниками», как называла союзников США американская пресса, которые требовали от США помощи, но в то же время сами не хотели превращаться в слепой инструмент их азиатской политики.

В целом в Вашингтоне не были удовлетворены итогами своей блоковой деятельности в 40-х и 50-х годах. В условиях, когда в развитии национально-освободительного движения в странах Азии обозначились новые большие успехи, США пришлось внести существенные коррективы в тактику региональной политики и дополнить блоковые методы возвратом к собственному военному вовлечению в азиатские дела.

* * *

Международная обстановка в Азии в 60-е годы характеризовалась важными политическими сдвигами. На континенте происходило дальнейшее усиление веса и влияния стран социалистического содружества во главе с Советским Союзом. Мирлобивая политика СССР, отражающая коренные интересы азиатских народов, встречала у них растущее понимание и поддержку.

В новый исторический момент Азия переживала невиданный подъем национально-освободительной борьбы, которая вела к образованию независимых государств и общего антиимпериалистического климата на континенте. Важных успехов в деле стабилизации внутреннего положения и возрождения своей экономики достигли неприсоединившиеся страны. Их политика неучастия в военно-политических коалициях приносила позитивные результаты и становилась все более популярной.

Соединенные Штаты не могли не оценить своеобразие создавшегося положения на азиатском театре своей внешнеполитической деятельности. В период пребывания в Белом доме президента Кеннеди в США начала проводиться определенная «переоценка ценностей», которая непосредственно сказалась и на американской политике создания коалиций. В первой половине 60-х годов Вашингтон сделал попытку наметить новые в тактическом смысле направления подхода Соединенных Штатов к построению азиатской военно-политической системы. США были вынуждены учитывать при осуществлении конкретных шагов по реализации своей политики наличие в Азии большого числа молодых самостоятельных государств, способных собственными силами заполнить «вакуум», который якобы образовался там, как считали в США, с ослаблением позиций старых колониальных держав.

Теперь на смену не пользовавшимся доверием у азиатских народов смешанным военно-политическим пактам, т. е. блокам с участием как развивающихся, так и империалистических стран, должны были прийти «чисто» азиатские союзы. Совместное членство в одних блоках различных по уровню развития государств вызывало недовольство у азиатских участников этих союзов, так как слишком явно проступало фактически одностороннее распределение в них обязанностей и выгод: сильные руководят, слабые выполняют всю грязную работу. Те, кого США прочили себе в «младшие партнеры», не спешили с принятием окончательного решения, боясь оказаться в ловушке. Они хорошо видели на примере СЕАТО и других пактов, что участие в блоках с империалистическими державами не дает азиатским союзникам значительных преимуществ и лишь усиливает их зависимость.

Поэтому, принимая решение о военном вмешательстве во Вьетнаме, США не спешили немедленно вовлечь своих азиатских партнеров по блокам в эту войну. Они считали себя готовыми самостоятельно нанести военное поражение освободительному движению народов Индокитая и тем самым создать необходимый общий политический климат в Азии, в котором все проамериканские силы могли бы беспрепятственно занять господствующие позиции в своих странах, связанных с США системой военно-политических союзов.

Если раньше в состав военно-политической системы могли входить исключительно страны, активно борющиеся «с проникновением коммунизма во всех его формах» (они придавали и всей системе открыто антикоммунистический характер), то отныне членом ее получала право стать, по американскому определению, «любая некоммунистическая» страна, т. е. не принадлежащая к числу социалистических государств. На практике согласно рекомендациям вашингтонских политологов этого легче всего можно было добиться в том случае, если «политиче-

ская солидарность не будет принимать компрометирующие формы военного присутствия»²¹. Сделать из нейтральной страны антикоммунистическую отныне вменялось в обязанность самой системе.

Азиатская «система региональной безопасности» даллесовских времен по своей сути была не только антикоммунистической, но и антинейтралистской. По Даллесу, нейтрализм представлял собой «все более устаревающую и, за исключением чрезвычайных обстоятельств, аморальную и близорукую концепцию, порождаемую бесчестностью и неумением отличать правду от лжи»²². Проводимая Даллесом политика опоры на феодально-компрадорские силы и самые реакционные режимы Азии привела США к серьезным провалам, восстановив против них главные азиатские державы. В новой обстановке неприсоединившимся странам предполагалось уделять больше внимания, поощряя в них сепаратистские и националистические тенденции, а также оказывая им все виды американской помощи.

Видя, с какой большой настороженностью неприсоединившиеся страны Азии отнеслись к различным предложениям, которые исходили «со стороны» — от чуждых им государств, расположенных далеко за пределами континента, Соединенные Штаты решили при осуществлении своих блоковых планов действовать более замаскированно и через посредников. Они формально передоверили инициативу по созданию новых политических объединений в Азии своим наиболее преданным местным «младшим партнерам» и уже не сами, а через них добивались принятия нужных для себя решений.

В 60-е годы США формально переместили чисто милитаристские цели создаваемых блоков на второй план. Привлечь новые азиатские страны к участию в «системе региональной безопасности» с помощью военных посул оказалось весьма затруднительно. Мирлюбивая внешнеполитическая деятельность СССР и других социалистических государств разоблачала мифы о «коммунистической агрессии». Вооружаться же и нести тяжелое бремя военных расходов (непременное условие «старых» блоков) против мифической угрозы азиатские государства не желали.

Грубая прямолинейная политика военного давления, террора, интервенций и подрывной деятельности отпугивала неприсоединившиеся страны. Они боялись быть вовлеченными в конфликт, который мог выйти за рамки одной страны и перерасти в глобальную ядерную войну. Чтобы сделать в новой обстановке политические коалиции приемлемыми для большинства стран Азии, необходимо было провозгласить в качестве главных целей их существования развитие экономического сотрудничества.

Отныне экономические мотивы должны были рассматривать-

ся не как приложение к военным, нужные лишь постольку, поскольку они могут успешно способствовать милитаристским целям, а как самостоятельный важный элемент политики. Путь к милитаризму и тесному военному союзу должен был пролегать через экономическую взаимозависимость.

Основной задачей внутриблоковой политики США становилась постепенная милитаризация каждого созданного с их ведома в 60-х годах нового пакта с «экономическими целями».

Стремясь использовать в своих интересах возникшие в 60-х годах экономико-политические организации, США старались играть роль покровителей в отношении возникшей в 1961 г. Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСА), а также АСЕАН, который представлял собой расширенный за счет Индонезии и Сингапура вариант АСА (1967).

Наибольшее одобрение и поддержку США вызвал созданный в 1966 г. Азиатско-Тихоокеанский Совет (АЗПАК), в котором политические тенденции были ярко выражены (в АЗПАК вошли Япония, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Южный Вьетнам и Малайзия). На первое место в АЗПАК были поставлены не экономические, а политические и даже военные задачи пакта²³: оберегать национальную целостность и независимость от любых угроз; поддерживать и укреплять «учреждения свободных стран». Такие формулировки отнюдь не способствовали созданию представления об АЗПАК как сугубо мирной организации для экономического и культурного сотрудничества.

Возникшее противоречие было «сглажено» на третьей сессии АЗПАК, проходившей с 30 июля по 1 августа 1968 г., которая заново сформулировала наиболее компрометирующие цели Азиатско-Тихоокеанского Совета. Теперь они уже не звучали столь воинственно: взаимное уважение национального суверенитета, политической независимости и территориальной целостности; соблюдение равенства, свободы и справедливости в отношении всех стран и т. д.²⁴. В новой редакции, из которой исключалось упоминание об «угрозе национальной целостности и независимости», об «укреплении учреждений свободных стран», а вместо этого добавлялись пункты о «взаимном уважении», «равенстве», «мирном урегулировании споров», цели АЗПАК, по мнению его авторов, становились более приемлемыми для неприсоединившихся государств.

На то, что деятельность АЗПАК выходила далеко за пределы сотрудничества в области экономики и культуры и главным образом направлялась на подготовку политической основы для тесного военного союза, не менее определенно указывал круг вопросов, выносившихся его участниками на обсуждения Советом. Так, уже на учредительной сессии АЗПАК в июне 1966 г. страны-члены заявили «о полной симпатии и поддержке американской помощи, способствующей Южному Вьетнаму отстаи-

вать право определять свое будущее»²⁵. На следующей сессии вьетнамская война заняла центральное место в выступлениях делегаций. Вопросы «безопасности» Южной Кореи, «возможных враждебных действий» после войны во Вьетнаме, ситуация в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана явно доминировали на сессии 1968 г.

Постоянно южнокорейские, южновьетнамские, тайваньские и другие ставленники США пытались форсировать переход АЗПАК на откровенно военные рельсы. В августе 1968 г. министр иностранных дел Таиланда зондировал возможность замены вооруженных сил Англии в Юго-Восточной Азии войсками стран АЗПАК. Бывший австралийский премьер-министр Дж. Гортон на открытии третьей сессии пакта давал понять, что со временем АЗПАК должен будет усилить свой «военный аспект» и подготовить страны-члены к обеспечению региональной обороны собственными усилиями.

Аналогичные идеи неоднократно высказывались и в отношении АСЕАН. На первой конференции министров иностранных дел этой группировки в августе 1967 г. раздавались призывы продумать возможность коллективных усилий стран-членов в целях предотвращения иностранной интервенции в зону АСЕАН. США старались не проявлять на официальном уровне своей заинтересованности в эволюции сначала АСА, а впоследствии АСЕАН в сторону группировки с военно-политическими целями.

Нельзя не отметить, что в новых пактах активную роль по-прежнему играли страны, входящие в СЕАТО или смежные с ней военно-политические альянсы.

Время от времени публично подчеркивая эту «общность»²⁶, в США старались навязать преемственность между новыми группировками и блоками, ведшими свою историю со времен «холодной войны».

Между тем в новых организациях, особенно в АСЕАН, все более явственно проглядывало стремление их участников отгородиться от военных планов США. Соединенные Штаты с первых дней существования новых азиатских пактов не скрывали своего благожелательного отношения к ним. Данные группировки характеризовались Вашингтоном как «обнадеживающие региональные объединения», «признанные всеми и вызывающие всеобщее восхищение»; при этом отмечались их «большие потенциальные возможности обеспечить мир и процветание Азии и тихоокеанского региона». Сам факт их создания, по оценкам государственного департамента США и Белого дома, являлся «весьма ободряющим признаком развития обстановки в Азии» и «тенденцией огромной важности в этой части мира, имеющей большие надежды на будущее»²⁷.

С точки зрения выявления подлинных замыслов США в отношении новых азиатских группировок представляет интерес

содержание американско-южнокорейского совместного заявления от 14 марта 1968 г., в котором подтверждается, что существующие в районе Тихого океана региональные организации и институты должны усиливаться и развиваться «с конечной целью создания нового тихоокеанского сообщества». США высоко оценили «важный вклад» Южной Кореи в развитие «Тихоокеанского сообщества» (имелась в виду инициатива сеульских марионеток по созданию АЗПАК и созыву ими первой сессии Совета) и выразили готовность «сыграть свою роль» в его развитии²⁸. По мнению американских государственных деятелей, занимавшихся разработкой внешнеполитического курса страны, конкретная форма Тихоокеанского сообщества, которое со временем должно было принять на себя ответственность за «оборону» своего региона, могла быть скопирована с Организации американских государств.

Наряду с созданием новых блоков США не забывали о старых. В обстановке нарастающего подъема национально-освободительной борьбы в начале 60-х годов обострились противоречия между империалистическими участниками азиатских альянсов. Частые разногласия среди союзников затрудняли использование Соединенными Штатами в своих интересах механизма военно-политических блоков. Поэтому США предприняли энергичные меры по модернизации старых блоков, стремясь сделать их более маневренными в «сдерживании коммунизма».

В первую очередь США обрушились на принцип единогласия при принятии решений странами — членами СЕАТО. Дело в том, что из-за противодействия Англии и Франции американцам не удалось весной 1961 г. привлечь СЕАТО к организации коллективной интервенции в Лаосе. После двух лет непрерывного «выкручивания рук», на парижской сессии СЕАТО в апреле 1963 г. Вашингтон добился новой процедуры голосования, вводившей статус воздержавшихся. Тем самым США получили возможность проводить через СЕАТО удобные им решения с помощью простого большинства.

Этого, однако, вашингтонским лидерам было недостаточно. Они стремились всецело подчинить СЕАТО своей воле и единолично определять, когда и каким образом обязательства по военному союзу вступают в силу. С такой целью США выдвинули концепцию «индивидуальной ответственности», согласно которой они могли «прийти на помощь» любому союзнику по СЕАТО без согласия на этот счет остальных его участников. Названная концепция была официально закреплена в совместном американско-тайландском заявлении от 6 марта 1962 г.²⁹. По мнению американского посла в Таиланде Грехэма Мартина, благодаря достигнутому между государственным секретарем США Д. Раском и министром иностранных дел Таиланда Танатом Команом пониманию относительно характера обяза-

тельств, которые взяли на себя страны—члены СЕАТО по ст. 2 Договора о коллективной обороне Юго-Восточной Азии, была приобретена та «гибкость», позволившая всем тихоокеанским членам блока послать свои войска во Вьетнам³⁰.

В основном, закончив реконструкцию своей азиатской военно-политической системы «безопасности» во второй половине 60-х годов, Соединенные Штаты по-прежнему направляли ее для борьбы против социалистических государств.

В этот период Вашингтон начал проводить в жизнь «доктрину Джонсона», предусматривавшую активное прямое участие американских вооруженных сил в борьбе с «проникновением коммунизма». В небывалом расширении своей вооруженной экспансии в страны континента США выдвинули гарантию повышения эффективности выстроенной ими военно-политической системы в Азии. В Вашингтоне считали, что активное вовлечение США в дела на Азиатском континенте значительно усилит в военном и политическом отношениях американских союзников по многочисленным блокам и даст им возможность укрепить свои позиции во внутреннем и международном плане. Это, в свою очередь, было бы весьма полезной поддержкой военным усилиям самих США. Однако опыт и результаты вьетнамской войны показали тщетность расчетов США на помощь союзников, неэффективность и ограниченный объем которой проявились в полной мере.

В докладе о ходе военных действий во Вьетнаме от 30 июня 1968 г., подготовленном командующим вооруженными силами США на Тихом океане адмиралом Г. Шарпом и командующим американскими войсками во Вьетнаме генералом У. Уэстморлендом, приводятся следующие данные об участии союзников Соединенных Штатов во вьетнамской авантюре Вашингтона. Южнокорейский марионеточный режим направил для использования в Южном Вьетнаме боевые части численностью 45 600 человек. Вклад Таиланда составил более 11 тыс. человек (две бригады). Партнеры по АНЗЮС ограничились в основном символической отправкой своих войск: 7500 человек (Австралия) и 517 человек (Новая Зеландия). Филиппины направили в 1966 г. во Вьетнам Группу гражданского действия из 2 тыс. человек «для помощи провинциальным административным властям». Общая численность войск союзников США во Вьетнаме к середине 1968 г. составила 62 400 человек³¹.

* * *

Попытка найти спасительный для США выход из внешне-политического тупика была сделана Ричардом Никсоном, победившим на президентских выборах 1968 г. В соответствии с «доктриной Никсона» были сформулированы общие направления осуществления американской блоковой политики в Азии на 70-е годы. Вашингтон разработал курс на поощрение быстрого

экономического развития стран Азии с упором на расширение регионального сотрудничества; поддержку общей эволюции в направлении «надежного прогрессивного тихоокеанского сообщества» без прямого участия в нем; подтверждалась также роль США как тихоокеанской державы и их решимость выполнять свои договорные обязательства в этом районе ³².

Наряду с «вьетнамизацией» американские политики уделяли большое внимание проблеме укрепления в рамках «доктрины Никсона» паназиатской системы военно-политических союзов, верность которым была публично декларирована президентом США во время его пребывания на Гуаме. Исходя из нового понимания роли Америки в мире, Вашингтон наметил «более сбалансированный» подход к союзам со своими «друзьями» в Азии, отличавшийся целым рядом особенностей.

Заявляя о сохранении верности договорным обязательствам перед азиатскими партнерами, Соединенные Штаты заранее оговаривали, что последние в полной мере могут рассчитывать на американский «щит» только при условии угроз со стороны ядерной державы. В других случаях США собирались отныне ограничиться оказанием военной и экономической помощи, «когда их об этом попросят, и они сочтут это нужным» ³³.

В новой международной обстановке американские союзы, по замыслу Вашингтона, должны были обладать достаточным запасом гибкости, чтобы позволить их участникам проводить автономную политику в границах американских стратегических целей. Во внешнеполитическом докладе конгрессу за 1972 г. Никсон заявлял: «Наши союзники больше не желают, чтобы союз покоился только на американских предписаниях, но и мы также не хотим, чтобы силы и жизнеспособность наших союзов зависели главным образом от американского вклада» ³⁴.

Важнейшим требованием, предъявляемым американским руководством к политике союзов США, явилось ее соответствие задаче поддержания сплоченности участников уже созданных военно-политических альянсов. При этом Никсон заявлял, что американские союзы больше не ставят своей главной целью «сдерживание» Советского Союза и Китая, что вместо этого «они стремятся к установлению вместе с ними устойчивого мира», под которым подразумевалось создание в Азии ситуации «баланса сил», когда все его основные «полюсы уравновешивали» бы друг друга. Отсюда вытекала вторая, более широкая задача коалиционной политики США — поддержание совокупной мощи некоммунистического мира в целом.

Предвидя, какие огромные масштабы приобретет тенденция местного регионализма на Азиатском континенте в 70-х годах, Соединенные Штаты поспешили объявить о своей поддержке некоторых конкретных форм проявления этой тенденции. Вашингтон не переставал подчеркивать важность органического сплетения идей азиатского регионального сотрудничества с аме-

риканскими планами «региональной обороны». «Существование союза, — утверждал Никсон, — не требует удушения подобных тенденций, оно требует лишь их совмещения и координации на основе единства и общих целей» ³⁵.

Одним из важных объектов, на который «доктрина Никсона» ориентировала американскую политику создания коалиций, являлась сфера международных экономических отношений. США выступили с лозунгом «самого тесного сотрудничества в целях экономического развития». В Вашингтоне считали, что наиболее эффективным вкладом в экономическое развитие континента будет поддержка ими «азиатской инициативы в рамках азиатских институтов» ³⁶.

Исходя из общих установок относительно коалиционной политики США в Азии, американская дипломатия подготовила ряд более конкретных мер, направленных на реорганизацию военно-политической системы «безопасности» этого региона.

Под реорганизацией системы союзов в Вашингтоне в первую очередь понимали необходимость внесения изменения в ее внутреннюю структуру. Вместо полностью скомпрометировавшего себя, утратившего всякую действенность блока СЕАТО ядром системы должен был стать новый союз АЗПАК, считавшийся более приемлемым для азиатских стран по своему составу и сравнительно незапятнанному прошлому.

«Азиатизация» региональной системы означала, что главные обязанности по поддержанию ее ударной мощи и обеспечению ее жизнеспособности должны лечь на плечи американских посредников — Японии, Австралии и Новой Зеландии. Соединенные Штаты старались как можно крепче привлечь к «обороне» Восточноазиатского субконтинента Англию и ее бывшие колонии в этом регионе.

Вашингтон с большим удовлетворением отнесся к созданию в 1971 г. пятистороннего пакта АНЗЮК, объединившего кроме бывшей метрополии — Англии — Австралию, Новую Зеландию, Малайзию и Сингапур. США стремились использовать АНЗЮК в интересах «доктрины Никсона» в Азии. Блок был призван служить «убедительным примером заботы государств Азии о нуждах своей безопасности за счет собственных ресурсов» и способствовать «устойчивости» в этом регионе. В докладе бывшего государственного секретаря США Роджерса об американской внешней политике за 1972 г., в разделе, посвященном Малайзии, в числе факторов, определяющих «прочную основу американо-малайзийской дружбы», отмечается участие последней в АНЗЮК. Как «вклад в региональное сотрудничество и стабильность» квалифицируется в том же докладе участие Сингапура в АСЕАН и АНЗЮК ³⁷.

В соответствии с «гуамской доктриной» военизация политической системы, и главным образом блока АЗПАК ³⁸, должна была проводиться по-прежнему в «ненавязчивой» форме. США

предпочитали хотя бы формально уйти в тень. Устами своих южнокорейских, тайваньских и южновьетнамских «партнеров» Вашингтон на каждой сессии Совета АЗПАК и других союзов инспирировал призывы к принятию странами-членами более действенных функций в области «обороны».

Расширение состава участников системы союзов, как и раньше, предполагалось осуществлять за счет нейтралов. Основной упор делался на пятистороннюю группировку АСЕАН. Таиланд и Филиппины неоднократно пытались убедить вступить в этот союз Камбоджу, Бирму и другие государства. США поощряли развитие более тесного сотрудничества на двусторонней основе между членами пактов и неприсоединившимися странами.

После первых лет реализации «доктрины Никсона» стало очевидным, что ее рецепты относительно модификации американской политики союзов в Азии оказались малоэффективными. «Вьетнамизация» показала, что марионеточные армии при поддержке США (но без их непосредственного участия) не в состоянии сколько-нибудь серьезно противостоять давлению прогрессивных сил. Не смогло внести перелома в ход войны на Индокитайском полуострове широкое использование в ней ВВС США. Стоимость вьетнамской авантюры по-прежнему оставалась огромной. В докладе сенатора М. Мэнсфилда «Перспективный взгляд на Азию: новая американская доктрина и Юго-Восточная Азия», который он направил сенатской комиссии по иностранным делам, отмечалось, что темпы расходования средств на войну во Вьетнаме составляли 3 млн. долл. в час³⁹. Военные поставки, финансирование южновьетнамской армии и потери в авиации отрицательно сказывались на государственном бюджете США. Младшие партнеры США по многочисленным пактам и соглашениям начали свертывать свое присутствие в Индокитае задолго до вывода американских войск.

Политика союзов США, несмотря на коррективы, которые в нее постоянно вносились, наряду с другими методами внешней политики Соединенных Штатов в Азии оказалась неспособной предотвратить банкротство американской стратегии во Вьетнаме и остальном Индокитае. Появление идеи «нейтрализации Юго-Восточной Азии», выдвинутой в совместной Декларации о мире, свободе и нейтралитете странами — членами АСЕАН в 1971 г., может быть объяснено нежеланием азиатских государств способствовать разобщению своего континента на различные враждебные группировки, стремлением поддерживать равноправные взаимовыгодные отношения со всеми странами на основе невмешательства во внутренние дела. Эта региональная группировка как под воздействием внешнеполитических событий, так и в результате эволюции взглядов на проблемы внешней политики у государственных деятелей ряда стран — членов АСЕАН все более отдаляется от проамериканской ориентации и приобретает новые позитивные черты.

Исход войны в Индокитае углубил процесс распада военно-политических группировок. В ноябре 1973 г. из СЕАТО официально вышел Пакистан. Франция, и без того уже давно не принимавшая активного участия в деятельности этой организации, решила прекратить выплату взносов в фонд СЕАТО. Рост настроений в пользу превращения этого блока в экономико-политическую организацию на Филиппинах, в Таиланде, Австралии и Новой Зеландии вынудил изменить свою позицию и США. В сентябре 1975 г. участники СЕАТО заявили, что в двухлетний срок деятельность пакта будет полностью «свернута», т. е. договор практически прекратил существование.

Не избежал потрясений и АНЗЮК. Среди азиатских участников АНЗЮК — в Малайзии и Сингапуре — росло стремление к ослаблению военно-политических связей с Англией, Австралией и Новой Зеландией. В 1974—1975 гг. вооруженные силы Англии, Австралии и Новой Зеландии в Малайзии и Сингапуре были сокращены, что в косвенной форме ослабило и военно-политические позиции США в этом районе и способствовало оздоровлению международно-политической обстановки.

Глубокие противоречия среди стран — участниц АЗПАК фактически парализовали и эту группировку. 12 марта 1973 г. Малайзия объявила о своем выходе из пакта. Днем позже открылось заседание постоянного комитета АЗПАК, на котором было принято «знаменательное» для Азиатско-Тихоокеанского Совета решение — отложить на «неопределенное время» созыв его высшего органа.

В 70-х годах стало окончательно ясно, что все усилия американской дипломатии, направленные на искусственное создание в Азии «четвертого международного силового полюса» во главе с Японией путем объединения «малых национальных центров силы», не увенчались успехом.

Неудачи американской политики союзов все больше толкают США к «переоценке» ее значения в общей американской стратегии и тактике в Азии. О меняющемся в США отношении к политике союзов в Азии свидетельствует, в частности, проходившая в сентябре 1974 г. в сенате дискуссия по поводу дальнейшего американского участия в СЕАТО, в ходе которой сенатор Бёрд подчеркивал, что жизненно важные стратегические интересы Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии «в первую очередь» связаны с «Японией, Китайской Народной Республикой и Советским Союзом», а не с СЕАТО⁴⁰.

Осознавая неэффективность своей политики военных союзов, Вашингтон тем не менее не спешит отказываться от нее. По мнению многих американских стратегов, преждевременный демонтаж созданных США в бассейне Тихого океана военно-политических «структур региональной безопасности» подрывает уверенность партнеров США в американской поддержке в случае угрозы агрессии, которой Вашингтон продолжает пугать

азиатские народы, и тем самым будто бы существенно отразится на позициях США в регионе.

К тому же, как считают американские политологи, столь резкий уход США из Азии может породить у американских политических конкурентов стремление «заполнить вакуум» в сфере американских интересов. Инцидент, разгоревшийся в январе 1974 г. из-за Парасельских островов, вызвал поэтому серьезную настороженность в американских правящих кругах.

Соединенные Штаты продолжают подчеркивать свою верность договорным обязательствам. Однако сама форма, в которой делаются заявления о готовности «выполнить до конца свой долг перед союзниками», говорит о меняющемся общем отношении США к своей политике союзов. Если в прежние времена Вашингтоном постоянно подчеркивалась глобальность своих союзнических обязательств, отмечалась масштабность ответственности США перед целыми регионами и даже континентами, то после окончания войны в Индокитае и победы там патриотических сил государственные деятели Соединенных Штатов предпочитают более конкретно определять круг стран, по отношению к которым они сохраняют военно-политические договорные обязательства.

Примечательным фактом в современной политике союзов США являются изменения в их оценках значения отдельных звеньев военно-политической системы, которую Вашингтону удалось создать в бассейне Тихого океана.

Господствовавшая в прошлом в США военно-политическая доктрина, ориентировавшая внешнюю политику страны на «сдерживание» Советского Союза и Китая путем создания вокруг них объединенного фронта проимпериалистических государств региона, обуславливала более или менее одинаковую степень важности для США всех заключенных ими союзов в Азии и на Тихом океане, исходя из общей целевой нагрузки. В Азии после окончательной победы Вьетнама, когда «успех политики США в Восточной Азии в конечном итоге зависит от взаимоотношений между Соединенными Штатами и Японией и их отношений с СССР и Китаем», когда «политическая ориентация малых стран региона перестала быть жизненно необходимой для американской безопасности и поэтому их отношения с Соединенными Штатами более не будут серьезно влиять на цели и последовательность американской политики», когда «Соединенным Штатам следует проводить более резкое различие между Юго-Восточной Азией, где американские интересы незначительны, и Северо-Восточной Азией, где их интересы очень важны»⁴¹, Вашингтон делает особый упор на дальнейшее развитие союзных связей главным образом с Японией и партнерами по АНЗЮС, т. е. с теми странами, которым США по-прежнему отводят активную роль в своих стратегических расчетах на Дальнем Востоке в 70-е годы.

США—ЯПОНИЯ: НОВЫЙ ЭТАП ПАРТНЕРСТВА

После окончания второй мировой войны между Вашингтоном и Токио установились новые отношения: период острого империалистического соперничества за преобладание на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, переросшего в военный конфликт, сменился полным американским контролем над Японией.

За время оккупации (1945—1951) Соединенные Штаты предприняли ряд мер в области аграрных отношений, трудового законодательства, которые до известной степени способствовали развитию производительных сил Японии. Реформы первых послевоенных лет носили весьма ограниченный характер и проводились прежде всего в интересах США. Тем не менее они содействовали изменению социально-экономической и политической обстановки в стране и стали одним из факторов последующего развития Японии.

Большую роль в послевоенном восстановлении японского монополистического капитализма сыграла экономическая и военная помощь США, которая использовалась Вашингтоном для укрепления зависимости Японии от американского рынка, американского капитала и техники, для расширения позиций монополий Соединенных Штатов Америки в Японии и для подчинения их интересам в целом японской экономики и политики.

Заинтересованность американского империализма в Японии определялась как экономическими, так и военно-стратегическими целями Вашингтона. С началом «холодной войны» политические стратеги Соединенных Штатов рассматривали Японию как своего потенциального союзника в Азии. Условия мирного договора, подписанного США и Японией 8 сентября 1951 г., тесно привязывали Японию к антикоммунистической стратегии Вашингтона. Заключение в тот же день двустороннего договора безопасности, обеспечившего Соединенным Штатам право и после формального прекращения оккупации Японии сохранять крупные контингенты вооруженных сил и широкую сеть военных баз на ее территории, привело к созданию Вашингтоном

нового — важнейшего — звена в его послевоенной азиатской стратегии.

Диктат Соединенных Штатов в военно-политическом союзе с Японией — союзе двух совершенно разных по силе партнеров — стал объективной основой для возникновения по мере возрождения послевоенного японского государства серьезных противоречий между этими странами во всех сферах их взаимоотношений.

50-е годы в американско-японских связях характеризовались относительным спокойствием. Это был период постепенного укрепления японских монополий, роста экономической мощи Японии. Однако уже в то время в отношениях между двумя государствами начали проявляться противоречия, и в первую очередь по вопросам ремилитаризации Японии.

Война в Корее повысила роль и значение Японии в военно-стратегических планах Вашингтона. С середины 50-х годов политика США в отношении Японии стала строиться с расчетом на ее быстрое и широкое перевооружение, с тем чтобы в конечном счете заставить ее принять на себя весомую военно-политическую роль в этом регионе. Однако попытки Вашингтона по мере экономического усиления Японии заставить ее «пропорционально» расширять военное производство и увеличивать вклад в «совместную оборону» наталкивались на противодействие японских правящих кругов. В условиях ослабления экономических и политических позиций японского монополистического капитализма в результате поражения во второй мировой войне правящие круги Японии в первый послевоенный период предпочитали предоставить «заботы об обороне» своей страны Соединенным Штатам, с тем чтобы сосредоточить все усилия на ускоренном развитии экономики и добиться уровня конкурентоспособности в отношениях со своими империалистическими партнерами, и прежде всего с США.

Укрепление экономики Японии к концу 50-х годов и недовольство японской общественности неравноправным положением страны в союзе с Соединенными Штатами (приведшее, в частности, к отмене в 1960 г. визита тогдашнего президента Д. Эйзенхауэра в Японию и падению кабинета Киси) вызвали первый в послевоенные годы кризис в американско-японских отношениях, который показал, что характер отношений между этими союзниками более не соответствует изменившейся расстановке сил.

В соответствии с происшедшими переменами правящие круги США в 1960 г. были вынуждены пойти на пересмотр договора безопасности и внести в него ряд новых положений, которые свидетельствовали о растущей заинтересованности Вашингтона в укреплении связей со своим главным азиатским союзником¹. Пересмотр договора безопасности и приход в США к власти в 1961 г. администрации Дж. Кеннеди, подтвердившей

особую важность и значение Японии для Соединенных Штатов, ознаменовали новый этап в истории послевоенных американо-японских отношений². Если в первый послевоенный период наряду с прямым военным и политическим давлением использовались различные виды помощи, то с начала 60-х годов все большую роль приобретает партнерство, значение которого возрастает по мере превращения Японии в одну из крупнейших по объему производства стран капиталистического мира, а также активизации японской дипломатии и попыток правящих кругов Японии к утверждению собственных интересов в рамках американо-японского союза.

Тем не менее перестройка американо-японского сотрудничества в начале 60-х годов лишь временно улучшила атмосферу в отношениях между двумя странами. К середине десятилетия противоречия между США и Японией вновь обострились. Относительно низкие (по сравнению с другими капиталистическими странами) затраты на «оборону» и «пассивное», по мнению Вашингтона, участие Токио в американской войне во Вьетнаме, а также усилившийся натиск Японии на позиции монополий США как на самом американском рынке, так и в странах Азии вызвали в США критику их главного азиатского партнера как «безбилетного пассажира» в американо-японском военно-политическом союзе. К этому времени экономические достижения Японии привели к росту национального самосознания в стране и усилению требований ее общественности по ликвидации «последних символов поражения»³.

Превращение вопроса об Окинаве в общенародную проблему в Японии, чреватую новым серьезным кризисом в американо-японских отношениях, привело Вашингтон к решению, зафиксированному в коммюнике Никсон — Сато 1969 г., передать этот остров под административный контроль Японии в мае 1972 г.⁴. Решение этого жизненно важного для Японии вопроса, отразившее новое соотношение сил между союзниками, стало одним из факторов, приведших к автоматическому продлению в 1970 г. американо-японского договора безопасности. После этого американо-японские отношения вступили в новый период — период расширения сферы взаимодействия и накопления новых проблем и противоречий.

В конце 60-х — начале 70-х годов американо-японские отношения прошли через еще один важный этап, имевший серьезные долговременные последствия. Несмотря на сохранение весьма значительной экономической и военной зависимости Японии от США, американские стратеги существенно изменили свой подход к этой стране. В связи с превращением Японии в один из экономических центров капитализма и возрастанием в стране политической активности на рубеже 70-х годов Япония из «рядового союзника», которым она была на протяжении большей части послевоенного периода, превратилась в ключе-

вой объект американской политики в Азии, в одну из самых важных и сложных проблем на пути реализации глобальной стратегии Соединенных Штатов.

С точки зрения общих интересов США как лидера мировой системы капитализма необходимы были теснейшая кооперация и сотрудничество с Японией во всех основных сферах их взаимоотношений, но особенно в общеполитической и военно-стратегической. В этом плане американские правящие круги считали допустимыми некоторые уступки (например, возвращение под административный контроль Японии островов Рюкю и Дайто) для приспособления американо-японского союза к новой, изменившейся в его рамках расстановке сил. Однако с точки зрения более узких, национальных интересов США (т. е. интересов американского правящего класса) с конца 60-х годов американские политические круги начали уделять внимание другим аспектам своих отношений с Японией. Соображения и мотивы, навеянные этим пониманием своих интересов, в первую очередь были связаны с обострением американо-японской конкуренции в экономической сфере. Наряду с этим в условиях политической активизации Японии среди определенной части американского правящего класса появилась убежденность, что слишком тесные консультации с Японией и другими союзниками снижают эффективность внешнеполитических акций США.

Весьма сложная и противоречивая взаимосвязь этих двух тенденций лежала в основе политики США в отношении Японии в течение почти всего послевоенного периода. Однако, если в первые полтора-два десятилетия этого периода, в разгар «холодной войны», экономической неконкурентоспособности и политической слабости Японии, верх брала первая тенденция, то в конце 60-х — начале 70-х годов и вторая дала знать о себе с полной силой. В результате подход к Японии-союзнику дополнился подходом к Японии — экономическому конкуренту, а в некоторых аспектах и политическому оппоненту.

Рост этих внутренних противоречий в американском подходе к Японии был связан как с общими тенденциями перехода США к «многополярной дипломатии», так и с тем, что Япония стала для США более мощной, более значимой, а следовательно, и более опасной силой. Со второй половины 60-х годов американские правящие круги усиленно ищут рычаги, чтобы ослабить эту потенциальную опасность роста для Вашингтона японской мощи и превратить ее в новый источник американской силы.

Явления нестабильности, кризисности и изменчивости в отношениях между Соединенными Штатами и Японией на рубеже 70-х годов раньше и острее всего проявились в области экономических отношений. Правящие круги США придают огромное значение развитию американо-японских экономических связей, рассматривая их как основу, на которой строятся бо-

лее широкие военные и политические отношения между двумя странами⁵. Однако в течение длительного времени они не желали мириться с тем, что по ряду финансово-экономических показателей японский монополистический капитализм приобрел достаточно сильные позиции, чтобы начать борьбу за переход от состояния *односторонней* экономической зависимости от Вашингтона к еще ограниченной, непропорциональной, но уже *взаимозависимости*.

С конца 60-х годов торговля и экономические отношения на межправительственном уровне оставались одним из главных спорных вопросов между США и Японией. Острая борьба в области экономики была связана с решительным натиском Японии на монополии США, наплывом японских товаров на американский рынок, в результате чего торговые отношения с Японией, служившие для США одним из важнейших источников получения валюты, с течением времени превратились в новый и весьма важный канал утечки долларов (с 1965 по 1972 г. активное сальдо Японии в торговле с США составило 12,163 млрд. долл.)⁶.

В условиях хронического дефицита американского платежного баланса, кризиса доллара и общего спада деловой активности в США на рубеже 60-х — 70-х годов американские монополии, не ограничиваясь методами «чисто экономической» конкурентной борьбы, перевели сражение в плоскость межгосударственных отношений, используя всю мощь американской государственной машины и сильнейшую экономическую и военную зависимость Японии от США.

Давление Вашингтона в экономической сфере поставило серьезные проблемы перед Японией, показав, что американские монополии осознали силу своего конкурента и пошли на весьма жесткие меры, чтобы приостановить его экспансию. По ряду причин двусторонние экономические связи пока что остаются исключительно важными для Японии, а потому ее правящим кругам, сопротивляясь, все же приходится идти на уступки своему старшему «партнеру-конкуренту». Острота американо-японских противоречий в области экономики объясняется также и тем, что, поскольку в условиях государственно-монополистического капитализма в урегулировании подобного рода конфликтов участвует правительственный аппарат двух стран, они неизбежно перерастают в политические. Так, во внешнеполитическом послании конгрессу бывший президент Никсон заявил, что экономические споры между США и Японией «могут разрушить» структуру американо-японского союза, и предупредил, что, если Токио не активизирует усилия для решения данного вопроса, это может иметь серьезные последствия для военных и политических отношений между двумя странами⁷.

Изменение валютных курсов в пользу США, либерализация торговли и инвестиций в Японии, использование системы так

называемого добровольного ограничения экспорта японских поставок в США, а также некоторые другие меры, принятые правительствами обеих стран, привели к значительному увеличению американского экспорта в Японию и резкому сокращению дефицита США в торговле с этой страной. Совместное американско-японское коммюнике 1973 г. впервые за несколько лет зафиксировало «заметное улучшение равновесия торгового баланса между двумя странами»⁸.

Валютно-финансовый и энергетический кризисы, поразившие развитые капиталистические страны, привели к ослаблению Японии как торгового конкурента Америки, резкому сокращению ее инвалютных запасов и замораживанию темпов роста японской экономики в середине 70-х годов.

Не случайно, что в период обострения межимпериалистических противоречий правящие круги США из всех своих экономических конкурентов в качестве «мишени» выбрали Японию. В значительной степени это объяснялось тем, что Япония — вторая индустриальная держава капиталистического мира — пока что остается наиболее уязвимым экономическим партнером США. Речь идет не только о весьма значительном разрыве между США и Японией по важнейшим экономическим показателям⁹ (ВНП США и Японии за 1975 г. соответственно составили 1505,7 млрд. долл. и 437 млрд. долл.), но и о том, что среди стран капиталистического мира, за исключением Канады, Япония находится в наибольшей экономической зависимости от США.

В конце 60-х — середине 70-х годов на американском рынке реализовывалось около 30% японского экспорта. Между США и Японией все еще сохраняется значительный разрыв в области научно-технического прогресса, что значительно ослабляет позиции Японии в борьбе за мировой рынок. Развитие японской экономики в исключительно большой степени зависит от внешних рынков и источников сырья, в частности от США, которые в настоящее время являются крупнейшими поставщиками промышленного сырья и сельскохозяйственных продуктов в Японию.

Энергетический кризис конца 1973 — начала 1974 г. выявил этот весьма важный аспект американско-японских отношений. США, которые лишь на 30% зависят от импорта нефти, фактически заставили Японию, которая импортирует 99% данного вида сырья, расплачиваться за свою ближневосточную политику. Счет Японии за импортируемую нефть в 1974 г. возрос до 15 млрд. долл., что впервые с 1967 г. привело к образованию дефицита в японском платежном балансе¹⁰.

Эти события наглядно показали, что при сохранении односторонней зависимости от США Япония полностью окажется в руках Вашингтона не только в сырьевых вопросах, в частности и в плане американских поставок, но и в смысле американской

внешнеполитической ориентации. Именно поэтому в то время, когда Вашингтон добивался сколачивания блока государств-потребителей, японские правящие круги пошли на односторонние, отдельные от США, прямые переговоры и последовавшие за ними политические уступки арабским странам — экспортерам нефти. Это избавило Японию от резкого сокращения поставок нефти, но вызвало новую напряженность в американо-японских отношениях.

Однако, как и прежде, и японские и американские правящие круги приложили максимум усилий для того, чтобы эта напряженность не переросла в неконтролируемые осложнения. Во время визита президента Дж. Форда в Японию в ноябре 1974 г. японская сторона изъявила желание расширить сферу Договора о взаимном сотрудничестве и безопасности с тем, чтобы он распространился, в частности, на область продовольствия и энергетики в дополнение к сотрудничеству в области обороны¹¹. В целях предупреждения новых трений эта концепция была положена в основу коммюнике Форд — Танака, опубликованного после переговоров в Токио¹².

На рубеже 70-х годов выявилось, наряду с областью торгово-экономических отношений между США и Японией, что существует довольно широкая и устойчивая область для возникновения конфликтов по военным и внешнеполитическим вопросам.

С превращением Японии во вторую индустриальную державу капиталистического мира и провозглашением республиканской администрацией США «доктрины Никсона» американо-японские отношения в сфере военной политики достигли определенного поворотного момента. В условиях внутри- и внешнеполитических осложнений и ослабления экономических позиций американского империализма на мировой арене Вашингтон сделал решительную попытку сломить сопротивление Японии и переложить на нее большую часть расходов по поддержанию американского военного присутствия на ее территории. Одновременно с этими требованиями Вашингтон поднял вопрос об увеличении японского импорта американских вооружений для реализации четвертого, пятого и шестого планов укрепления обороны Японии, считая его важной мерой, выравняющей платежный баланс США¹³.

Только вслед за решением США, принятым в начале 1973 г., о сокращении на 10% численности американского военного персонала в Японии и отказом в последующие три года от использования нескольких баз в этой стране за счет укрупнения других военных объектов японское правительство впервые согласилось на оплату большей части «программы реконструкции», стоимость которой превышает 80 млн. долл.¹⁴.

Кроме того, опасаясь новых репрессивных мер Вашингтона в области экономики, японское правительство пошло на значи-

тельные уступки, в том числе перенесло часть средств, предназначенных для внутриазиатских заказов, на импорт соответствующей военной техники из США.

На основе «доктрины Никсона», предусматривавшей активизацию военных союзников США, Вашингтон приступил к постепенному сокращению своих баз на территории Японии и передаче отдельных объектов в коллективное ведение обеих стран, а также в распоряжение японских «сил самообороны». Если к концу 60-х годов численность американского военного персонала в Японии составляла 50 тыс. человек, а на Окинаве — 45 тыс. человек, количество баз — 250, то к середине 1975 г. военное присутствие США в этой стране было ограничено 52 тыс. человек¹⁵ и 8 крупнейшими базами, которые находятся под американским контролем или в ведении вооруженных сил обеих стран¹⁶.

Таким образом, область военно-политических отношений и военной экономики является не только одним из главных направлений обострения американо-японских противоречий, но и той сферой, где происходит укрепление союза между двумя странами.

Характер проведенных в середине 70-х годов реорганизаций свидетельствует о том, что правящие круги США и Японии сумели изменить формы и сократить масштабы американского присутствия без каких-либо военно-стратегических потерь для США и осложнений для японского правительства (в плане внутренней оппозиции) и на этой основе добиться укрепления военно-политического союза между двумя странами.

Поражение США в Индокитае ускорило превращение Японии в центр американской военно-стратегической системы на Тихом океане. В условиях, когда вслед за потерей Камбоджи и Южного Вьетнама, роста антиамериканских тенденций во внешней политике Филиппин Соединенные Штаты оказались вынужденными сократить свое военное присутствие не только в Индокитае, но и во всей Юго-Восточной Азии, Япония, где базируются крупные американские вооруженные силы, превращается в основной плацдарм США на Тихом океане. «Когда разваливается картонный домик в Азии, — писала „Вашингтон Пост“, — Япония, которую мы обычно называли „краеугольным камнем“, по-видимому, становится нашей единственной опорой в этом районе»¹⁷.

С прекращением войны в Индокитае роль Северо-Восточной Азии в мировой политике возрастает, а Япония, расположенная в самом центре этой зоны, превращается в главное звено военно-политической системы США на Тихом океане. Эти изменения в стратегическом планировании США нашли отражение как в выступлении бывшего президента Форда в конгрессе 11 апреля 1975 г., так и в докладе о национальной обороне на 1976 г., представленном конгрессу бывшим министром

обороны Дж. Шлесинджером. В отличие от предыдущих программ в докладе Дж. Шлесинджера впервые особо подчеркивалось, что район Северо-Восточной Азии вокруг Японии и Южной Кореи необходимо рассматривать, как и территорию НАТО, в качестве фронта обороны и проводить здесь стратегию «выдвинутых вперед рубежей». В этих целях США принимают на вооружение тактику глубокого эшелонирования вооруженных сил: сохранение в Южной Корее важной базы в минимально необходимых размерах, использование Окинавы как базы прикрытия с тыла и развертывание вооруженных сил, которые «могут быть переброшены по воздуху» в районе от Гавайских островов до Калифорнии¹⁸. В целях разъяснения Японии новой стратегии США в Азии эту страну посетил ряд крупнейших деятелей Пентагона.

Во время визита Дж. Шлесинджера в Токио 28—1 августа 1975 г. между руководителями военных ведомств США и Японии была достигнута договоренность о создании Комитета по сотрудничеству в области обороны в качестве вспомогательного органа Японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности. В его функции, как говорилось в совместном американо-японском заявлении, опубликованном после официального учреждения данной организации на 16-й сессии Японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности, состоявшейся 8 июля 1976 г., входят «изучение и проведение консультаций, касающихся масштабов и условий японо-американского сотрудничества, включая руководящие принципы для определения мер, которые должны предприниматься с целью обеспечения согласованных совместных действий сил самообороны и американских вооруженных сил в период чрезвычайного положения».

До создания этого комитета США и Япония не имели механизма для совместных действий в случае вооруженного нападения на Японию, как это было предусмотрено ст. 5 американо-японского договора безопасности. В работу комитета будут входить ежегодные встречи между министром обороны США и начальником Управления национальной обороны Японии, а также регулярные обмены мнениями между представителями дипломатических и военных ведомств двух стран.

Идя на создание такого комитета, США попытались получить конкретные гарантии со стороны Японии в отношении использования американскими вооруженными силами некоторых или всех военных баз в Японии в случае чрезвычайного положения. Эти попытки Пентагона заручиться правом неограниченного использования военных объектов в Японии подразумевают то обстоятельство, что США намереваются использовать базы не только в случае угрозы безопасности Японии, но и в случае возникновения любой кризисной ситуации в Азии.

После провала в Индокитае США с еще большей настойчи-

востью стремятся вовлечь Японию в свои военные планы на Корейском полуострове. В американо-японском коммюнике, подписанном Никсоном и Сато в ноябре 1969 г., было зафиксировано положение о том, что безопасность Тайваня и Южной Кореи является важным фактором в обеспечении безопасности японских островов и на них распространяется зона обороны Японии¹⁹. В совместном заявлении бывшего президента Дж. Форда и премьер-министра Т. Мики, подписанном в августе 1975 г., вновь говорилось, что «безопасность Корейской Республики (т. е. Южной Кореи.— Г. О.) имеет важнейшее значение для сохранения мира на Корейском полуострове, что в свою очередь необходимо для обеспечения мира и безопасности в Азии, в том числе и Японии»²⁰.

В настоящее время «корейский вопрос» остается одним из главных потенциальных источников нового обострения напряженности в отношениях между Токио и Вашингтоном. Речь идет прежде всего о том, что позиция японских правящих кругов относительно возможности использования вооруженных сил США с баз в Японии в случаях, лишь косвенно затрагивающих безопасность страны (пункт договора безопасности о «Дальнем Востоке» подвергается наибольшей критике со стороны японских оппозиционных партий и японской общественности), таких, в частности, как безопасность Южной Кореи, по-прежнему остается непоследовательной. Так, во время встречи Форд—Мики, подтвердившей так называемый корейский пункт и послужившей основой для переговоров Шлесинджер—Саката, на которых была сделана попытка наметить план обороны для Японии, США и Южной Кореи, тогдашний японский премьер заявил, что правительство не исключает возможности использования вооруженными силами США территории Японии для развертывания военных действий на Корейском полуострове, а также не будет возражать против доставки ядерного оружия в Японию при чрезвычайных обстоятельствах, «затрагивающих как безопасность Японии, так и Южной Кореи»²¹.

Однако уже 29 октября 1975 г., выступая в бюджетной комиссии нижней палаты парламента, тот же Мики сделал заявление, вызвавшее резкое недовольство американского правительства, фактически предупредив, что Япония «не даст согласия на прямое использование американских вооруженных сил с баз в Японии, за исключением таких ситуаций, когда придется мобилизовывать японские силы самообороны»²².

Что же касается позиции УНО Японии, то, как заявил Саката, Япония предоставит США базы для снабжения американских войск в Южной Корее в случае чрезвычайной обстановки на Корейском полуострове, однако японская поддержка будет носить исключительно экономический характер и «не может быть и речи о том, чтобы Япония оказала Южной Корее военную помощь или послала туда свои войска»²³.

Хотя, с одной стороны, окончание войны во Вьетнаме было воспринято в Японии с большим облегчением и способствовало значительному улучшению американско-японских отношений (освободив японское правительство от непопулярной в Японии политики моральной и экономической поддержки американской интервенции в Индокитае) — с другой, оно вызвало серьезную озабоченность как в правящих кругах Японии, так и среди оппозиционных партий относительно надежности американских военных гарантий по обеспечению безопасности Японии, а также в целом относительно сохранения американского военного присутствия в западной части Тихого океана.

Учет возможности возникновения кризисной ситуации, непосредственно затрагивающей интересы безопасности Японии, ограниченные возможности Японии в плане самостоятельного обеспечения безопасности Японских островов²⁴, привели к тому, что в обстановке определенного «кризиса доверия», вызванного односторонними, не считающимися с интересами Японии экономическими и политическими акциями республиканской администрации США, японская сторона стала все активнее стремиться к официальному подтверждению со стороны Вашингтона их ядерных гарантий Японии.

Так, во время переговоров министра иностранных дел Японии К. Миядзава и государственного секретаря Соединенных Штатов Г. Киссинджера, состоявшихся в апреле 1975 г. в Вашингтоне, первый по поручению японского правительства и правящей партии настойчиво стремился добиться официального подтверждения американских ядерных гарантий в отношении обороны Японии²⁵.

Эти гарантии (хотя и не в договорной форме) были впервые официально зафиксированы в совместном американско-японском коммюнике 1975 г., в параграфе 4 которого признавалось, что «силы ядерного сдерживания Соединенных Штатов вносят важный вклад в обеспечение безопасности Японии». В ответ японская сторона обещала принять наряду с США активное участие в международных усилиях по ограничению гонки вооружений и в конце мая 1976 г., наконец, ратифицировала договор о нераспространении ядерного оружия, подписанный ею еще в феврале 1970 г.²⁶

Тот факт, что Япония избрала для себя большую зависимость от США в вопросах обороны, продемонстрировала и новая «Белая книга по обороне», изданная в 1976 г. под редакцией начальника УНО М. Саката. В отличие от своего предшественника Я. Накасонэ («Белая книга по обороне» Японии 1970 г.), который допускал возможность приобретения Японией тактического ядерного оружия, М. Саката заявил, что ядерное оружие нежелательно для Японии как с политической, так и с военной точек зрения, а потому в вопросах обеспечения безопасности Японии следует целиком и полностью полагаться

на ядерные гарантии США. Вторым важным аспектом новой «Белой книги по обороне» является акцент на импорт военной технологии, в то время как бывший начальник УНО Я. Накасонэ, отражая стремление некоторых кругов Японии к большей независимости от США в вопросах обороны, отдавал приоритет внутреннему производству вооружений перед иностранными закупками.

Новая «тихоокеанская доктрина», провозглашенная тогдашним президентом Фордом на Гавайях 7 декабря 1975 г., отразила определенную перестройку американско-японских отношений в сфере военной политики и наметила контуры долгосрочного стратегического курса Соединенных Штатов в отношении Японии. Второй пункт «гавайской декларации» указывает на американско-японские отношения как на основу стратегии США на Тихом океане. В этом смысле «тихоокеанскую доктрину» Форда можно рассматривать как продолжение и дальнейшее развитие основных положений «доктрины Никсона» в отношении участия Японии в реализации азиатской стратегии Соединенных Штатов. Вместе с тем новая доктрина отражает как преемственность, так и реальные изменения, происшедшие в американско-японских отношениях к середине 70-х годов, и конкретизирует их применительно к обстановке в Азии после Вьетнама.

Оценив глубину и масштабы своих отношений с государствами Восточной Азии, правящие круги США пришли к выводу, что ни в политическом, ни тем более в экономическом плане ни одна страна данного региона не может компенсировать те тесные союзнические связи, которые сложились между Вашингтоном и Токио в послевоенный период.

В результате, если для администрации Никсона было характерно игнорирование Японии по многим вопросам глобальной и даже региональной, азиатской политики, то в середине 70-х годов в Вашингтоне в большей степени склонны учитывать пожелания Японии и идти навстречу ее интересам. Кроме того, если в «доктрине Никсона» международная ситуация на Тихом океане рассматривалась как «четыреполюсная» и в политическом, и в экономическом, и в военно-стратегическом отношениях (что на практике означало наращивание военного потенциала Японии и активизацию ее военной роли в Азии), то теперь эта конфигурация рассматривается как «треугольная», а Японии четко и недвусмысленно отказывается в статусе самостоятельной военной державы. Именно поэтому Пентагон хочет ограничить «военный вклад» Японии в американско-японский союз чисто вспомогательными функциями (настаивая лишь на укреплении ее противовоздушного и противолодочного потенциала) и в целом сохранить эту страну в качестве относительно слабо вооруженной, не обладающей собственным ядерным оружием и союзной с США азиатской державы²⁷. Эта

новая американская концепция военно-политических отношений с Японией в настоящее время вполне удовлетворяет и Токио, где признается, что огромная пропасть между оперативными возможностями американских вооруженных сил и японских сил самообороны в плане обеспечения безопасности страны, по словам Саката, «в отношениях США — Япония делает невозможной структуру типа НАТО».

Активизация экономической экспансии Японии в Азии привела к тому, что в начале 70-х годов эта страна превратилась в одну из наиболее динамичных капиталистических держав в этом регионе и стала уверенно наступать на позиции своих конкурентов. В 1969 г. она обогнала США по объему торговли с азиатскими странами²⁸, а в 1971 г. по размерам предоставляемой помощи вышла на второе после США место среди капиталистических стран²⁹. По сумме капиталовложений, а также кредитов и займов в азиатских странах Япония все еще уступает Соединенным Штатам. Однако в связи с затрудненностью прежних форм экономической экспансии в США и странах Западной Европы, а также энергетическим кризисом, продемонстрировавшим необходимость диверсификации источников сырья, японский монополистический капитал все большую часть средств начинает вкладывать в экономику азиатских стран и по темпам увеличения своей деловой активности в этом регионе значительно превосходит все другие капиталистические государства.

Окончание войны во Вьетнаме привело к изменениям в азиатской политике Японии, в частности к увеличению программ помощи и расширению сотрудничества со всеми странами данного региона, в том числе и социалистическими³⁰. Действия японского правительства отчетливо показывают, что правящие круги Японии стремятся обеспечить себе в Юго-Восточной Азии экономические и политические позиции ввиду быстро меняющейся обстановки в Азии.

Визит К. Миядзава в Вашингтон в апреле 1975 г. выявил различный подход США и Японии к проблемам послевоенного Индокитая. Японское правительство спокойнее всех других азиатских союзников США отнеслось к поражению США в Индокитае и отказалось выразить солидарность с их политикой во Вьетнаме, продемонстрировав намерение пересмотреть свою политику в этом районе и взять за основу принцип «национального самоопределения», отражающий дух Парижских соглашений по Вьетнаму³¹. Как заявил Миядзава, Япония установит дипломатические отношения с любыми новыми правительствами Индокитая, способными эффективно осуществлять свою политику, и на основе этого признания будет добиваться мира и стабильности в Азии³². Бывший премьер-министр Т. Мики выразил в этом плане также намерение японского правительства еще больше расширить помощь развивающимся

странам Азии, и в частности увеличить безвозмездную помощь и предоставление займов на льготных условиях³³. Одними из первых шагов в этом направлении стали открытие в октябре 1975 г. японского посольства в Ханое, предоставление в 1975 финансовом году безвозмездной помощи ДРВ в размере 28 млн. долл. и согласие предоставить дополнительно Вьетнаму 16,5 млн. долл. в 1976 финансовом году. Менее быстро развиваются отношения Японии с новыми правительствами Камбоджи и Лаоса, но и здесь японцы полагают, что знание конкретных условий ЮВА поможет им поставить экономические отношения с этими странами на прочную основу.

С другой стороны, Вашингтон, для которого военно-политическая и экономическая «ценность» Японии как форпоста капиталистического мира в Азии значительно возросла в послевьетнамский период, все в большей степени стал учитывать японский подход и японские интересы в этом регионе с тем, чтобы удержать Японию в рамках своей глобальной и региональной стратегии. Так, выступив 18 июня 1975 г. с речью в Японском обществе в Нью-Йорке, бывший государственный секретарь Г. Киссинджер подчеркнул важность «уз Японии и Америки» и сделал определенный упор на некоторые конкретные идеи, с которыми ранее выступило японское правительство по проблемам Юго-Восточной Азии после Вьетнама. «В долгосрочном плане по мере того, как Япония будет приобретать большую политическую ответственность за Восточную Азию, США все чаще и во все большей степени придется прислушиваться к японским интересам, чем ожидать, что Япония будет руководствоваться американскими интересами. Однако для нации, привыкшей задавать тон в своих отношениях с Японией, это будет весьма сложный процесс», — пишет известный американский эксперт по Азии из Брукингского института Р. Клаф³⁴.

В начале 70-х годов произошла резкая дипломатическая активизация Японии не только в азиатском, но и в ряде других важных направлений, имеющих общемировое значение, что позволяет сделать вывод о формировании впервые в конце 60-х — начале 70-х годов первоначальных основ японской глобальной внешнеполитической стратегии³⁵.

Начала складываться японская политика в отношении таких «новых» для Японии направлений, как Западная Европа и Латинская Америка. Были предприняты усилия по интенсификации отношений с СССР.

Взяв курс на нормализацию отношений с КНР, американские стратеги в тот период не опасались серьезно осложнить отношения с Японией, будучи уверены в возможности проведения такой политики, при которой одновременно осуществлялась бы разрядка в отношениях с КНР и сохранялся контроль над Японией. «Некоторые из наших прошлогодних акций, — заявил

во внешнеполитическом послании конгрессу тогдашний президент Никсон, — поставили Японию в трудное положение. Однако в целом это ускорило эволюцию американо-японских отношений, запоздавшую, неизбежную и, в долгосрочном плане, желательную»³⁶.

На американскую инициативу в отношении Китая Япония ответила резкой активизацией собственного внешнеполитического курса. Вслед за урегулированием японо-китайских отношений уровень контактов между двумя странами стал значительно повышаться.

Япония, в отличие от США, уже в сентябре 1972 г. установила дипломатические отношения с КНР, в январе 1974 г. заключила официальное торговое соглашение, предоставившее обеим странам режим наибольшего благоприятствования, в апреле того же года подписала соглашение об открытии авиасообщения, в ноябре — соглашение о мореплавании, в августе 1975 г. — о рыболовстве³⁷.

Особенно резко в этот период контрастировали объемы японо-китайской и американо-китайской торговли (соответственно 3,3 млрд. долл. и 922 млн. долл. в 1974 г.³⁸ и 3,8 млрд. долл. и 463 млн. долл. в 1975 г.).

Хотя опережающая инициатива Японии в отношении КНР объективно не соответствует замыслам американских стратегов, всемирное значение американо-китайских контактов, несомненно, превышает значение сближения между Японией и КНР. Кроме того, в Вашингтоне учитывают, что дальнейшее углубление отношений между Токио и Пекином во многом зависит от позиции США по главным, нерешенным проблемам как в области американо-китайских, так и японо-китайских отношений.

Одним из новых важных направлений глобальной и региональной, дальневосточной, политики Японии являются ее отношения с Советским Союзом.

В США усиливается мнение, согласно которому американское участие в проектах в Советском Союзе совместно с Японией было бы весьма желательно³⁹. «Главная выгода для нашей страны, — писала „Вашингтон Пост“, — выразилась бы в более благоприятной политической атмосфере как в плане наших будущих отношений с Японией, так и в плане содействия улучшению обстановки в районе Тихого океана»⁴⁰.

Анализ американо-японских отношений в конце 60-х — середине 70-х годов позволяет сделать вывод, что в этот период две крупнейшие империалистические державы прошли через первый серьезный в послевоенные годы кризисный этап в эволюции своих отношений. В отличие от предвоенного конфликта сторонам удалось в определенной степени и до определенных пределов разрешить накопившиеся за истекшее двадцатилетие противоречия. Менее острые формы перераспределения пози-

ций в соответствии с происшедшими изменениями стали следствием целого ряда обстоятельств.

Среди них важнейшими являются общие сдвиги в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма, ведущие, помимо всего прочего, к осознанию правящими кругами империалистических держав необходимости разрешать свои внутренние противоречия со значительно большей, чем в прежние времена, долей сдержанности и самоконтроля; общие военно-политические и экономические интересы США и Японии в качестве ведущих держав империализма как в Азии, так и во всем мире; относительная слабость японского правящего класса, его возможность на нынешнем этапе бороться не за собственную гегемонию, а лишь за более выгодные условия в рамках возглавляемой Соединенными Штатами союзной системы и капиталистического мира в целом.

Болезненная «утряска» американо-японских противоречий на рубеже 70-х годов привела в основном к выравниванию политической реальности с происшедшими сдвигами в двустороннем соотношении сил. Япония остается стратегически зависимым партнером США, и это обуславливает готовность ее правящих классов идти на серьезные уступки в различных областях ради сохранения «конструктивных» — т. е. таких, которые продолжают приносить им выгоды, — связей с Соединенными Штатами. Вместе с тем итоги кризисных лет привели к кодификации совершенно иной роли Японии в рамках американо-японского военно-политического союза.

В результате ожесточенной борьбы в сфере экономики японские правящие круги еще не достигли своих целей, но значительно сократили одностороннюю зависимость от США и создали определенные предпосылки для углубления взаимозависимости экономики двух стран. Подобное изменение в соотношении сил привело к осознанию правящими кругами США того факта, что они не смогут в такой же мере, как раньше, использовать экономическую зависимость Японии для подчинения ее интересам американского империализма. Вместе с тем экономические противоречия между США и Японией в конце 60-х — начале 70-х гг., связанные с затяжным экономическим спадом и инфляцией в развитых капиталистических странах, привели к росту осознания в Вашингтоне и Токио, что их двусторонние экономические проблемы определяются глобальными обстоятельствами, а потому должны решаться путем многосторонних усилий. В связи с этим представляется, что, хотя между Соединенными Штатами и Японией время от времени могут возникать разногласия относительно того, каким способом лучше разрешать эти многосторонние проблемы, крайне маловероятно, чтобы в ближайшие годы противоречия в сфере экономики вновь породили острую напряженность в отношениях между двумя государствами.

В военной сфере США оказались частично заинтересованными в ослаблении степени своего непосредственного присутствия в Японии. Возвращение Окинавы, сокращение количества американских баз и военного персонала, дислоцированных в этой стране, создали предпосылки для военной активизации Японии при сохранении общестратегической проамериканской ориентации. Таким образом, каковы бы ни были технические проблемы военного сотрудничества между двумя странами, центральным аспектом американско-японских отношений (особенно в свете ратификации Японией договора о нераспространении ядерного оружия) остается зависимость Японии от оборонных гарантий и «ядерного зонтика» Соединенных Штатов.

В политической области пока не вырисовывается никакого серьезного кризиса в отношениях между двумя странами. Речь идет прежде всего о том, что в этой сфере двусторонних отношений Японии удалось наиболее существенно расширить свою автономию. Если в самых общих направлениях глобальной стратегии японские правящие круги продолжают следовать в фарватере американского внешнеполитического курса, то в очень важных сферах региональной политики, прямо соприкасающихся с глобальными вопросами (политика в Юго-Восточной Азии, некоторые аспекты японо-китайских и японо-советских отношений, особый курс в отношении арабских стран), они отстаивали у Вашингтона «право» до известной степени проводить собственную линию и преследовать собственные интересы, даже если это каким-то образом не совпадает с глобальными или региональными планами Америки. Это положение было подтверждено в официальных заявлениях руководства обеих стран во время американско-японской встречи в верхах в августе 1975 г. В ответ на заявление премьер-министра Т. Мики о том, что в своей дипломатии Япония будет иногда действовать независимо от дипломатии Соединенных Штатов, государственный секретарь Г. Киссинджер сказал, что в Вашингтоне «не рассчитывают на проведение идентичной политики», но при этом полагают, что новые «особые» отношения между Японией и Соединенными Штатами будут подразумевать тесное сотрудничество в глобальной стратегии⁴¹.

Кризисный период рубежа 70-х годов, во время которого Вашингтон предпринял по отношению к Японии ряд мер, продиктованных прежде всего интересами Соединенных Штатов, привел к росту притупленных в годы полной зависимости от США националистического сознания и политического мышления японских правящих кругов. Причем в некоторых аспектах эти возрождающиеся националистические устремления носят определенный антиамериканский характер и этот дополнительный субъективный фактор, возможно, будет оказывать существенное воздействие на дальнейшую эволюцию американско-японских отношений.

ПОЛИТИКА США В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ¹

В процессе формирования азиатской политики США после второй мировой войны для правящих кругов в США определилось большое военно-стратегическое, политическое и экономическое значение района Юго-Восточной Азии. Стремление установить свое монопольное влияние в странах Юго-Восточной Азии и использовать их ресурсы в борьбе против социализма и национально-освободительного движения было важнейшей причиной расширения экспансии США в этом районе. Борьба США против сил национально-освободительного движения в этом регионе привела к открытой вооруженной агрессии против народов Индокитая, в то время как в других странах ЮВА на первый план вышла американская экономико-политическая экспансия. США рассчитывали, раздувая войну в Индокитае, что военный щит надежно прикроет неуклонно расширявшуюся экспансию в других странах Юго-Восточной Азии.

В конце 60-х — начале 70-х годов экономические и военно-политические позиции США в ЮВА претерпели значительные изменения. В экономической области возрастание значения Юго-Восточной Азии для США в этот период было непосредственно связано с переменами, происшедшими на мировом рынке сырья, особенно нефти. Подрыв позиций американских нефтяных монополий на Ближнем Востоке способствовал превращению ЮВА с ее перспективными нефтеносными районами в объект их активной экспансии. Юго-Восточная Азия продолжала сохранять немаловажное значение для США как источник получения такого стратегического сырья, как натуральный каучук и олово. В 1974 г. США приобретали из Юго-Восточной Азии 85% потребляемого натурального каучука и 80% олова². Большое значение имела Юго-Восточная Азия и как источник получения древесины, сахара, пальмового масла.

В конце 60-х — начале 70-х годов американский капитал устремился широким потоком в Юго-Восточную Азию. Это объяснялось как естественными богатствами района, особенно его энергетическим сырьем, так и тем, что до последнего времени большинство стран ЮВА проводило экономическую поли-

тику, благоприятствующую деятельности американского капитала. В равной мере это относилось к Индонезии, Малайзии, Филиппинам, Сингапуру и Таиланду. О размерах американской экономической экспансии в Юго-Восточной Азии можно судить хотя бы по прямым американским капиталовложениям, достигшим в 1975 г. 5 млрд. долл., а к 1980 г., по расчетам Стэнфордского исследовательского института, они должны возрасти еще вдвое³.

Американский капитал развернул особенно широкую деятельность в крупнейшей стране Юго-Восточной Азии — Индонезии, обладающей огромными природными богатствами, в том числе и энергетическим сырьем — нефтью и газом. В 1974 г. приток американского капитала в Индонезию превысил его приток в какую-либо другую страну⁴ Азии, включая Японию⁵. По официальным американским данным, с 1967 г., когда был издан закон, благоприятствующий иностранным вкладчикам капитала, по декабрь 1973 г. в экономику Индонезии было инвестировано 3 млрд. долл. иностранных капиталов, причем американские, главным образом нефтяные, монополии инвестировали 1,7 млрд. долл.⁶ В 1974 и 1975 гг. американские капиталовложения продолжали возрастать. Только нефтяные монополии, в основном американские, действовавшие в качестве подрядчиков индонезийской государственной нефтяной компании Пертамина, предполагали инвестировать в добычу и разведку нефти в 1975 г. более 600 млн. долл.⁷ По размерам нефтедобычи в Индонезии первое место среди иностранных компаний в 1974 г. занимала американская монополия «Калтекс», а второе — «Стандард Вакуум (Станвак)»⁸, которые вместе на о-ве Суматра добывали в 1974 г. около 126 тыс. т нефти в день, т. е. подавляющую часть всей индонезийской нефтедобычи, составлявшей в конце 1974 г. около 185 тыс. т в день⁹.

Несмотря на то что индонезийское правительство придерживалось в целом благоприятной позиции в отношении иностранных капиталовложений, в том числе и в нефтяную промышленность страны, в начале 70-х годов обозначилось стремление индонезийских властей уменьшить преимущества для иностранных вкладчиков. Это было связано как с нараставшим недовольством широких слоев населения Индонезии засильем в стране иностранного капитала, вылившимся в 1974 г. в ряд бурных антиимпериалистических выступлений, серьезно встревоживших правящие круги страны, так и с изменившимся соотношением сил между индонезийскими производителями нефти и иностранными нефтяными монополиями.

В конце 60-х годов индонезийская государственная нефтяная компания Пертамина ввела в действие новую систему расчетов с иностранными нефтяными компаниями, основанную непосредственно на долевом распределении добываемой нефти, а не на концессионных платежах, как это было прежде, что увеличи-

ло доходы Индонезии и ее контроль над деятельностью иностранных нефтяных компаний. Однако и эта новая система распределения доходов оставалась более выгодной для нефтяных монополий, нежели система распределения доходов, действовавшая в ряде других нефтедобывающих стран. В пропорциональном отношении прибыли американских компаний в Индонезии превосходили в конце 1974 г. их прибыли на Ближнем Востоке в 20 раз. Кроме того, эта система лишь вводилась в действие, а крупнейшие американские нефтяные монополии «Калтекс» и «Станвак» получали огромные прибыли в соответствии со старой системой распределения доходов¹⁰.

В 1974—1975 гг. правительство Индонезии увеличило свою долю в распределении добычи нефти. В это время доход индонезийской стороны от нефти составил более 3 млрд. долл., что представляло собой более чем шестикратное увеличение сравнительно с 1972—1973 гг.¹¹. Однако и в 1974—1975 гг. иностранные монополии продолжали получать примерно половину выручки от добывавшейся в Индонезии нефти. В 1976 г. американские монополии были вынуждены пойти на новое увеличение доходов Индонезии от добываемой в стране нефти.

Американский капитал развернул деятельность и в других странах Юго-Восточной Азии. Разведка и добыча нефти и газа привлекала значительную долю новых американских капиталовложений. От Бирмы до Малайзии крупнейшие американские нефтяные монополии начали разведку, а кое-где и добычу нефти и газа, причем особенно широкие поисковые работы американские компании производили в водных пространствах, окружающих страны Юго-Восточной Азии. В 1974 г. американская компания «Эссо Эксплорэйшн» купила за 44 млн. долл. нефтяную концессию в Андаманском море, у побережья Таиланда¹². Американские нефтяные компании участвовали в поисковых работах и у берегов Бирмы, причем доходы от нефтедобычи в этом районе распределялись по индонезийской системе¹³.

Широкую деятельность развернули американские нефтяные компании в Малайзии и Сингапуре.

Американская нефтяная компания «Континентал Ойл» приступила к добыче нефти в Малайзии у восточного побережья Малаккского полуострова, а американская нефтяная компания «Эссо Эксплорэйшн» с конца 1974 г. начала нефтедобычу в Сабахе, расположенном на о-ве Калимантан, в малайзийской части¹⁴.

«Нефтяной столицей» американских нефтяных монополий в Юго-Восточной Азии стал Сингапур, где находились их организационно-финансовые центры. В начале 70-х годов тысячи американских бизнесменов, связанных с добычей и разведкой нефти и газа, разместились в Сингапуре, открыв там даже особый «нефтяной клуб»¹⁵. Американские нефтяные монополии

контролировали и нефтеперерабатывающую промышленность Сингапура, которая по своей мощности в начале 70-х годов занимала третье место в мире — после Хьюстона и Роттердама ¹⁶.

В погоне за энергетическим сырьем Юго-Восточной Азии американские монополии испытывают конкуренцию со стороны японского капитала. Острая борьба между американскими и японскими монополиями разгорелась, в частности, вокруг строительства в Индонезии заводов по сжижению газа на сумму в 3,5 млрд. долл. Пять японских компаний, действовавших при поддержке японского правительства, предоставили кредит на сумму в 900 млн. долл. на сравнительно благоприятных условиях и предложили наивысшую цену за газ, что позволило им оттеснить американскую компанию «Пасифик Лайтнинг», поддерживавшуюся правительством США ¹⁷.

Американские монополии проявляют значительную активность и в других отраслях хозяйства стран Юго-Восточной Азии. Американские монополии вложили с 1968 по 1975 г. сотни млн. долл. в различные отрасли хозяйства Индонезии, помимо нефтяной промышленности ¹⁸. Для частных американских капиталовложений в Индонезии была характерна большая доля единоличного владения создаваемыми там предприятиями, в отличие от японских частных капиталовложений. К числу подобных предприятий, принадлежавших целиком американскому капиталу, относились предприятия американских компаний «Гудир», «Юнион Карбид» и «Фэйрчайлд» ¹⁹.

К 1975 г. по объему частных американских капиталовложений в Юго-Восточной Азии важное место сохранили Филиппины. По некоторым оценкам, американские частные капиталовложения на Филиппинах в 1975 г. достигали 3 млрд. долл. ²⁰. Американские капиталовложения на Филиппинах в 1974 г. составляли примерно 80% всех иностранных капиталовложений ²¹. Однако, как и в других странах Юго-Восточной Азии, основным конкурентом в области капиталовложений были японские монополии. В 1974 г. по темпам инвестирования капитала на Филиппинах Япония начала обгонять США. С января по март 1974 г. японские капиталовложения на Филиппинах составили 5,3 млн. долл., а американские — лишь 2,43 млн. долл. ²².

В конце 60-х — начале 70-х годов происходил бурный рост частных американских капиталовложений в Сингапуре и Малайзии. Так, в 1974 г. американские частные капиталовложения в Сингапуре составляли около 584 млн. долл., что в расчете на душу населения (в Сингапуре в 1974 г. было около двух миллионов жителей) было значительно больше, нежели в других странах Юго-Восточной Азии, и действовало там 450 американских компаний ²³. Американские капиталовложения в Сингапуре быстро возрастали. Только за 1973 г. они увеличились на 25%. Американские компании создали в Сингапуре предприятия в судостроительной, электронной и других ви-

дах промышленности. Большая часть продукции этих предприятий экспортировалась.

Широкую деятельность развернул американский частный капитал и в соседней Малайзии. В 1974 г. американские частные капиталовложения в Малайзии достигли 390 млн. долл., увеличившись за несколько лет более чем вдвое, а в 1975 г. они составили уже около 500 млн. долл. В начале 70-х годов в электронной промышленности Малайзии создали предприятия американские монополии «РСА», «Алфа Металс» и др.²⁴. Американцами были построены предприятия и по производству транспортных средств, предметов домашнего обихода, текстильных изделий и др.

Меньшую активность проявлял американский частный капитал в Таиланде, что объяснялось как тревожившей американские монополии близостью индокитайского театра военных действий, так и недостатком в Таиланде квалифицированной рабочей силы, развитой кредитно-финансовой системы и т. д. В 1973 г. прямые американские капиталовложения в Таиланде составили 140 млн. долл.²⁵.

Для прокладки пути американскому частному капиталу и поощрения развития капиталистических отношений в странах Юго-Восточной Азии США широко использовали государственную помощь. Наибольшие размеры она приобрела в Индонезии, а также на Филиппинах и в Таиланде. В Сингапуре и Малайзии она была очень невелика, поскольку правящие круги США полагали, что капиталистические отношения в этих странах достаточно устойчивы и без американской экономической поддержки.

В конце 60-х годов крупнейшие капиталистические страны во главе с США создали Межправительственную группу помощи Индонезии. Ее ежегодная помощь составляла в среднем около 500 млн. долл., причем США вносили примерно третью часть этой суммы²⁶. Так, в 1972 г. США предоставили Индонезии в виде кредитов и субсидий 159 млн. долл.²⁷. Значительная часть этих сумм шла на финансирование американского сельскохозяйственного экспорта, а остальная — на финансирование строительства второстепенных объектов. В 1975 г. США предоставили Индонезии по программе Межправительственной группы помощи Индонезии 176 млн. долл., причем кредитование продовольственного экспорта составило большую часть этой суммы — 116 млн. долл.²⁸. С 1973 г. в связи с повышением цен на нефть внешнеторговые доходы Индонезии значительно возросли. Ссылаясь на это, США и другие члены Межправительственной группы помощи Индонезии объявили, что начиная с апреля 1975 г. эта помощь будет предоставляться на гораздо более жестких условиях²⁹.

Предоставление Соединенными Штатами государственной экономической помощи Индонезии сопровождалось внедрением

американских экономических экспертов в центральные экономические учреждения Индонезии, где они стремились оказать влияние на разработку экономической политики Индонезии, которая велась бы в интересах американских монополий в стране. Для руководства финансовой политикой Индонезии США прислали группу экономистов из калифорнийского университета в Беркли, получившую выразительное название «берклийская мафия»³⁰.

Американская государственная помощь Филиппинам в 60-х — начале 70-х годов была также весьма значительной. В 1973 г. она составила 155 млн. долл.³¹. Американская государственная экономическая помощь частично шла на финансирование филиппинской правительственной «программы общественной безопасности». На средства, распределявшиеся Управлением международного развития, были созданы военно-тренировочные центры, усовершенствованы полицейские средства связи³². Меньше средств США предоставляли на экономическую помощь Таиланду. Экономическая помощь США Таиланду была рассчитана на то, чтобы в какой-то мере укрепить социально-экономическую структуру Таиланда, размываемую социальными и национальными противоречиями. В 1974 г. по программе помощи США финансировали осуществление в Таиланде 22 экономических проектов в сельском хозяйстве; медицине, административном управлении³³.

Большую роль в 60-х — начале 70-х годов играла и внешне-торговая экспансия США в странах Юго-Восточной Азии. С 1958 по 1970 г. американская торговля со странами этого региона выросла с 1156 млн. долл. до 2570 млн. долл. и составила 17% всей их торговли. В то же время Япония стала составлять все более серьезную конкуренцию США в торговле. В 1970 г. торговля стран Юго-Восточной Азии с Японией достигла 25,5% всего торгового оборота этого района³⁴.

Для торговли США со странами Юго-Восточной Азии в течение ряда лет было характерно устойчивое сохранение положительного сальдо внешнеторгового баланса. Исключением в этом отношении была американо-малайзийская и американо-филиппинская торговля³⁵. В связи с повышением с 1973 г. цен на индонезийскую нефть и ростом объема ее импорта в США они имели отрицательное сальдо внешнеторгового баланса и с Индонезией в 1973—1975 гг.³⁶.

В целях экономической экспансии в странах Юго-Восточной Азии США широко использовали и международные финансово-экономические организации, особенно Международный банк реконструкции и развития и его филиалы.

Разнообразная экономическая деятельность США в странах Юго-Восточной Азии — частнопредпринимательская активность, использование государственных методов экспансии, внешнеторговое проникновение, вторжение в экономику при по-

мощи международных финансово-экономических учреждений — была направлена на закрепление экономики стран Юго-Восточной Азии в качестве придатка экономики развитых капиталистических стран, и в первую очередь США. Это вызвало неуклонно возрастающее противодействие со стороны стран Юго-Восточной Азии.

Даже среди местной буржуазии стран Юго-Восточной Азии нарастало стремление уменьшить экономическую зависимость от иностранного, в первую очередь американского, капитала. Весной 1974 г. председатель Индонезийской торговой и промышленной палаты Сакендар обратился к правительству с требованием ограничить деятельность иностранных компаний в Индонезии³⁷. В 1973—1974 гг. индонезийское правительство провозгласило новые, более жесткие, правила для иностранных инвесторов. В соответствии с этими правилами были установлены сроки передачи индонезийской стороне по меньшей мере 51% капитала в смешанных предприятиях. Правительство также запретило иностранные капиталовложения в производство предметов домашнего обихода, изделий из древесины и некоторых видов сырья³⁸. Разумеется, это были лишь второстепенные отрасли экономики и иностранные инвесторы, вкладывавшие капиталы в ключевые отрасли хозяйства, по существу, были мало затронуты этим. После волнений в январе 1974 г., направленных, в частности, против засилья иностранного капитала в стране, президент Сухарто обещал предпринять новые меры для ограничения деятельности иностранного капитала в Индонезии. Сухарто заявил, что иностранные инвесторы должны найти местных партнеров, ускорить передачи контрольного пакета акций в смешанных предприятиях индонезийцам; число отраслей экономики, закрытых для иностранных вкладчиков, будет расширено; иностранные предприниматели, задерживающие передачу должностей на их предприятиях индонезийцам, будут ограничены в своей деятельности; налоговые льготы для иностранных вкладчиков капитала будут пересмотрены³⁹.

Большое недовольство вызвал в Индонезии новый торговый закон, принятый конгрессом США в конце 1974 г. Представители как широкой общественности, так и правительственных кругов выражали недовольство тем, что в соответствии с этим законом Индонезия как член ОПЕК была лишена возможности пользоваться в США предпочтительным тарифом, полагавшимся ей в качестве развивающейся страны⁴⁰.

После окончания действия в июле 1974 г. американо-филиппинского соглашения Лауреля — Лангли о преимущественных торговых и экономических правах США на Филиппинах сравнительно с другими иностранными государствами филиппинские власти приняли ряд мер, несколько ограничивших деятельность американских монополий в стране. Министр юстиции Филиппин Сантос, применяя новое филиппинское законодательство, огра-

ничивающее права американских монополий владеть землей и имуществом на Филиппинах, принял ряд юридических мер, лишивших крупнейшие американские монополии «Мобил», «Гетти Ойл», «Гудир Тайер энд Раббер К°» и другие возможности обойти это законодательство⁴¹.

Новые веяния проявились и в тайлано-американских экономических отношениях в период 1973—1976 гг., после свержения военной диктатуры осенью 1973 г. В январе 1975 г. правительство Таиланда заявило, что оно отменило концессию американской монополии «Юнион Карбид Корпорейшн», сославшись на то, что американская монополия незаконно получила концессию у бывшего военного режима⁴². В декабре 1974 г. тайландское правительство направило протест США по поводу того, что Соединенные Штаты намеревались продать на международном рынке около 100 тыс. т олова из своих стратегических запасов⁴³. Подобные действия США, направленные на снижение цен на олово, сильно били по интересам Таиланда, как и других развивающихся стран — производителей олова. Однако приход к власти в Таиланде в октябре 1976 г. правых сил вновь приостановил процесс освобождения страны от засилья американских и других иностранных монополий.

Среди различных слоев населения Малайзии также нарастали требования ограничить господство иностранного капитала. В июне 1974 г. влиятельная Малайская торговая и промышленная палата потребовала у правительства пересмотреть «слишком либеральную» политику в отношении иностранных капиталовложений в Малайзии, поскольку необходимо «воспрепятствовать господству иностранного капитала в экономике страны»⁴⁴.

Настойчивое стремление американских монополий надолго и всесторонне экономически утвердиться в странах Юго-Восточной Азии все более вступало в противоречие с действительной политической обстановкой в этом районе.

Новая волна антиамериканских настроений в странах Юго-Восточной Азии поднялась после поражения США в Индокитае весной 1975 г. Ослабление военно-политических позиций США в Юго-Восточной Азии ускорило рост требований проведения прогрессивных демократических преобразований, ограничения как экономического, так и военно-политического присутствия США в этом районе.

Буржуазно-либеральное правительство, пришедшее к власти в Таиланде осенью 1973 г., не только провело меры общедемократического характера, оздоровившие социально-политическую обстановку в стране, но и ограничило возможности США использовать Таиланд в качестве военно-политического плацдарма во всем районе Юго-Восточной Азии.

В марте 1974 г. между США и Таиландом было достигнуто соглашение о сокращении к концу 1974 г. числа американ-

ских военнослужащих в Таиланде на десять тысяч человек, а также о сокращении к концу года числа находившихся в Таиланде самолетов тактической и стратегической авиации⁴⁵. В мае 1974 г. в Таиланде было 34 тыс. американских военнослужащих, в основном занятых в обслуживании американской военной авиации, и более 550 самолетов военной авиации США, включая приблизительно 50 бомбардировщиков Б-52. К началу сентября 1974 г. число американских военных самолетов было сокращено до 350. После этого представители Таиланда и США заявили, что дальнейшие сокращения будут проведены «соответственно с состоянием безопасности в Юго-Восточной Азии»⁴⁶.

В марте 1974 г. представитель тайландского министерства иностранных дел заявил, что впредь все действия военно-воздушных сил США с тайландских баз должны получать предварительное одобрение тайландского правительства. При этом он имел в виду сделанное незадолго до этого заявление Пентагона о том, что бомбардировщики Б-52, находившиеся на военно-воздушной базе Утапао в Таиланде, могли быть использованы для патрулирования Индийского океана⁴⁷.

После этих шагов тайландского правительства широкие слои тайландской общественности усилили борьбу за полный и скорейший вывод всех американских вооруженных сил из Таиланда. Демократические тайландские организации наряду с требованием углубления социально-политических мероприятий неизменно включали и требование полного и быстрого удаления вооруженных сил США из Таиланда. В марте 1975 г. объединение социалистических партий в новом парламенте Таиланда наряду с предложениями о легализации Коммунистической партии Таиланда, национализации ведущих отраслей промышленности потребовало и немедленного вывода вооруженных сил США из Таиланда⁴⁸. Активную деятельность, направленную на удаление вооруженных сил США из Таиланда, развернули организации тайландской молодежи. В июле 1974 г. 16 студенческих организаций в совместном заявлении потребовали немедленного вывода всех американских военнослужащих из Таиланда⁴⁹.

Демократические силы Таиланда усиливали борьбу не только против военного присутствия США в Таиланде, но и против их политического засилья в стране. С 1974 г. среди тайландской общественности стало все больше усиливаться движение за удаление из страны американских организаций, призванных осуществлять политическое проникновение США в Таиланде. Тайландские демократические организации, в частности студенческие, выражали недовольство деятельностью в стране американского Корпуса мира, обвиняя эту организацию в сотрудничестве с Центральным разведывательным управлением⁵⁰. Широкие круги тайландского народа выражали свое негодование

военно-политическим засильем США в Таиланде и путем проведения массовых антиамериканских выступлений. Например, в июле 1974 г. около 4 тыс. студентов в День американской независимости провели собрание протеста против американской политики⁵¹.

Напуганные размахом общедемократического и антиамериканского движения в стране, правые круги Таиланда, опирающиеся на военные круги и проамериканские группировки буржуазии, отстранили от власти в октябре 1976 г. правительство Таиланда и установили в стране военную диктатуру.

На рубеже 70-х годов развивался процесс ослабления американских военно-политических позиций на Филиппинах. Это серьезно влияло на американские военно-политические позиции как в Юго-Восточной Азии, так и в Тихом океане. Весной 1974 г. главнокомандующий вооруженными силами США в районе Тихого океана адмирал Гейлер заявил: «Наши базы в Японии и на *Филиппинах* (подчеркнуто нами. — В. Р.) являются основой наших стратегических позиций на Тихом океане»⁵². Крупнейшая военно-морская база США на Филиппинах — Субик-Бей служила плацдармом для операций американского военно-морского флота и в Индийском океане⁵³. В апреле 1974 г., например, американские авианосцы после плавания в Индийском океане вернулись на свою стоянку в Субик-Бей⁵⁴.

Равным образом большое значение для американских стратегических позиций в Юго-Восточной Азии имела и крупная военно-воздушная база США на Филиппинах Кларк-Филд, которая использовалась 13-й американской воздушной армией⁵⁵. Стоимость этих американских военных баз на Филиппинах в 1974 г. оценивалась по меньшей мере в 2 млрд. долл.⁵⁶.

США использовали свои базы на Филиппинах для ведения военных действий в Индокитае, а также и для оказания влияния на внутриполитическую обстановку на Филиппинах, стремясь сдержать стремление широких масс филиппинского народа к прогрессивным социально-политическим преобразованиям и к проведению страной независимого курса во внешней политике.

Однако, несмотря на широкое военно-политическое проникновение США, социально-политическое положение на Филиппинах становилось с каждым годом все менее благоприятным для осуществления американских экспансионистских планов. В 1973 г. представители Пентагона, оценивая обстановку на Филиппинах с точки зрения использования Филиппин в интересах дальнейшей военно-политической экспансии США, охарактеризовали ее как «политический пороховой погреб»⁵⁷. Среди широких народных масс, в кругах влиятельных представителей правящих группировок Филиппин росло убеждение, что ослабление военно-политической зависимости от США создаст условия для осуществления необходимых социально-политиче-

ских преобразований в стране и проведения Филиппинами независимой внешней политики.

Для сохранения своего влияния на Филиппинах США стремятся использовать трудности, с которыми столкнулись Филиппины в 70-х годах, в частности волнения среди мусульманского населения южных островов Филиппинского архипелага, а также вооруженные выступления некоторых групп населения о-ва Лусон. Для оказания давления на политику Филиппин США пытались использовать военную помощь, которую они оказывали в 60-х и 70-х годах филиппинской армии и полиции. Средняя ежегодная стоимость американской военной помощи Филиппинам составляла в 60-х годах 30 млн. долл.⁵⁸. Примерно такую же сумму она составляла и в первой половине 70-х годов. В 1974—1975 гг. американская военная помощь Филиппинам составляла 25,4 млн. долл.⁵⁹. По программе военной помощи США поставляли Филиппинам вертолеты, транспортные самолеты, пулеметы, ружья и другие виды вооружения⁶⁰.

Нарастание антиамериканских настроений на Филиппинах привело уже в 60-х годах к постепенному изменению некоторых условий американо-филиппинских военных соглашений. В 1966 г. был сокращен срок американского владения военными базами на Филиппинах с 99 до 25 лет. Американская база в Сангли-Пойнт была передана Филиппинам. К Филиппинам отошла часть территории американских военных баз Кларк-Филд, Кэмп Джон Хей, Замбалес и Батаан⁶¹.

В 1974 г. начались американо-филиппинские переговоры о пересмотре условий американо-филиппинского соглашения о базах и Договора о взаимной обороне. Первоначально филиппинская сторона не выдвигала требований решительного изменения соглашения о базах, настаивая лишь на том, чтобы филиппинские граждане на американских военных базах и американские граждане вне пределов баз подлежали юрисдикции филиппинских судов⁶². Однако нарастающее стремление широких масс филиппинского народа как к ускорению социально-политических преобразований в стране, так и к разрыву тесных военно-политических связей с США, а также изменение международной обстановки, особенно поражение США в индокитайской войне, оказали воздействие и на позицию руководящих филиппинских кругов в ходе переговоров.

В апреле 1975 г. филиппинское правительство уведомило США, что оно хочет видоизменить условия филиппино-американских военных соглашений, особенно соглашения о базах⁶³.

Потерпев поражение на Азиатском континенте и испытывая сопротивление в своих старых опорных пунктах, подобных Филиппинам, США пытались расширить военно-политические позиции в Индонезии, Сингапуре и Малайзии. С точки зрения правящих кругов США, эти страны приобретают особое военно-

стратегическое и политическое значение, так как они контролируют стратегические проливы, связывающие Тихий и Индийский океаны — Малаккский, Зондский, Ломбокский и др.

В Малайзии США особенно широко применяли политические методы экспансии. В 1972 г., например, число представителей американского Корпуса мира в Малайзии заметно превышало их число в других странах Юго-Восточной Азии⁶⁴. Значительную деятельность развили в Малайзии и американские культурно-социальные организации, стремившиеся глубже внедриться в социально-политическую жизнь этой страны с целью сдерживания развития прогрессивных, антиимпериалистических настроений.

США, стремясь расширить свои военно-политические связи, пытались использовать поставки вооружения для малайзийской армии, а также обучение малайзийских военнослужащих у себя в стране. В 1974 г. Малайзия подписала контракт на закупку в США шестнадцати истребителей Ф-5Е и шести военно-транспортных самолетов «Геркулес С-130»⁶⁵.

Однако в целом Малайзия проявляла значительную сдержанность в плане развития военно-политических связей с США. Она неодобрительно восприняла планы США расширить американские военно-стратегические плацдармы в Индийском океане, в том числе военную базу на о-ве Диего-Гарсия, как противоречащие созданию «зоны мира» в этом районе⁶⁶. Малайзия не поддерживала существование американских военных баз и в странах Юго-Восточной Азии⁶⁷.

В некоторых отношениях военно-политическая экспансия США в соседнем Сингапуре значительно превосходила американскую экспансию в Малайзии. Это объяснялось особо выгодным военно-стратегическим расположением Сингапура на пути между Тихим и Индийским океанами. В июле 1971 г. президент Сингапура Шиарес заявил: «Поскольку Сингапур представляет собой ворота для обоих (Индийского и Тихого) океанов, его стратегическое значение как в мирное, так и в военное время еще более возросло, а не уменьшилось после британского ухода»⁶⁸.

После отделения Сингапура от Малайзии в 1965 г. и превращения его в самостоятельное государство американская военно-политическая экспансия в Сингапуре развивалась в нескольких направлениях.

Вооруженные силы США стремились в первую очередь укрепиться на бывших английских военно-морских и военно-воздушных базах в Сингапуре, который, по мнению американских военных, является «великолепным запасным плацдармом» США в Азии⁶⁹. Американский военно-морской флот пытался создать в Сингапуре постоянную стоянку. Адмирал Ларок, директор Центра военной информации, заявил: «Я предвижу, что военно-морской флот будет все дольше находиться в районе

Индийского и Тихого океанов. Один из путей достижения этого — обеспечение себе постоянных стоянок. В Сингапур и в другие места мы проникаем таким способом»⁷⁰.

Военно-морской флот США все настойчивее стремился использовать Сингапурский и Малаккский проливы для расширения своего проникновения в Индийский океан, причем демонстративно делал это и в периоды международных кризисов. Во время ближневосточной войны в октябре 1973 г. американская эскадра проследовала в Индийский океан через Сингапурский и Малаккский проливы⁷¹.

США стремятся усилить свое влияние в Сингапуре и путем расширения поставок оружия и снаряжения для вооруженных сил Сингапура, а также используют средства, направленные на расширение американского политического влияния в Сингапуре.

Однако стремление США к расширению своих военно-политических позиций в Сингапуре встречает нарастающее противодействие со стороны широких слоев населения Сингапура и его руководящих кругов.

В 1971 г. сингапурское правительство закрыло газету «Сингапор Гералд», когда было обнаружено, что в финансировании ее принимало участие ЦРУ⁷². В конце 1974 г. сингапурский суд оштрафовал местных представителей американского журнала «Ньюсуик» за то, что они способствовали опубликованию в этом издании в ноябре 1974 г. антисингапурской статьи⁷³. Прогрессивные явления во внутриполитическом и внешнеполитическом курсе сингапурского правительства вызывали недовольство в империалистических странах, в том числе и в США.

Проявляя солидарность с развивающимися странами, сингапурское правительство ограничивало возможности США использовать Сингапур в качестве своего «запасного плацдарма». Острые разногласия возникли между Сингапуром и США во время войны на Ближнем Востоке в октябре 1973 г. В этот период сингапурское правительство на некоторое время прекратило поставлять горючее для кораблей 7-го флота США⁷⁴.

После поражения США в Индокитае весной 1975 г. руководящие деятели Сингапура вновь решительно выступили против военных связей с США. В конце апреля 1975 г. премьер-министр Сингапура Ли Куан-ю полностью отверг предположения, что ликвидируемые американские сооружения в Таиланде могут быть переведены в Сингапур⁷⁵.

Наконец, нарастающую угрозу для американских планов использования Сингапура в качестве военной базы представлял неуклонный и быстрый рост антиимпериалистических настроений среди широких кругов населения Сингапура, в том числе среди рабочих и молодежи. На предприятиях, принадлежавших американскому капиталу в Сингапуре, состоялось несколько забастовок, принявших политический, антиамериканский харак-

тер. Бурные антиамериканские выступления провели сингапурские студенты.

США настойчиво стремятся вовлечь в свои военно-политические планы крупнейшую страну Юго-Восточной Азии — Индонезию. В 1969 г. тогдашний президент США Никсон посетил Индонезию, что было показателем возросшего интереса Вашингтона к этой стране. С начала 70-х годов американская военная помощь Индонезии неуклонно возрастала. Так, в 1970 г. она составила 5,8 млн. долл. в 1971 г. — 18 млн., а в 1972 г. — 28 млн. долл.⁷⁶.

Раскрывая планы американских военных стратегов, журнал военно-морского флота США «Си Пауэр» писал: «Модернизированный Индонезийский военно-морской флот потенциально сможет контролировать стратегический Малаккский пролив и весь Малайский барьер»⁷⁷.

По сведениям печати, в 70-х годах США начали поставлять Индонезии военные суда, включая эсминцы, а также финансировать модернизацию некоторых портов, в частности порта в Сурабае. США поставили индонезийской армии ряд видов оружия, в том числе самолеты, броневики и т. д.⁷⁸.

Тем не менее весной 1974 г. Индонезия выразила несогласие с американскими планами превращения о-ва Диего-Гарсия в Индийском океане в крупную американскую военную базу⁷⁹. Представители индонезийского правительства высказали неодобрение планам создания региональной военной группировки в Юго-Восточной Азии⁸⁰, которые выдвигали США.

Поражение США весной 1975 г. в Индокитае еще более усилило сомнения индонезийских правящих кругов в целесообразности укрепления военных связей с США. В конце мая 1975 г. министр иностранных дел Индонезии Адам Малик заявил, что «недавние события создали новую общеполитическую ситуацию в Юго-Восточной Азии, к которой все нации должны приспособиться»⁸¹.

Рассмотрение политики США в странах Юго-Восточной Азии в конце 60-х — начале 70-х годов позволяет сделать вывод о неудаче американской империалистической экспансии в этом районе мира и бесперспективности планов США закрепиться в этом районе и в будущем, используя новые методы экспансии, включающие большее применение экономических рычагов воздействия на обстановку в этом районе, а также более широкое использование противоречий между странами Юго-Восточной Азии.

ПОЛИТИКА США В ИНДОКИТАЕ

Политика США в Индокитае явилась составной частью глобального экспансионистского курса США после второй мировой войны. Вместе с тем Индокитай в послевоенный период превратился в самостоятельное региональное направление американской внешней политики. В этом районе Азии особенно отчетливо проявилась политика США в отношении мирового революционного, национально-освободительного движения.

Агрессивный курс империализма достиг своего апогея в войне, развязанной против народов Индокитая. Агрессия США во Вьетнаме вылилась в самую длительную войну, которую США вели за всю свою историю.

Война во Вьетнаме не была чисто региональным явлением. Она затронула интересы многих государств, оказала серьезные последствия на всю международную политику. Сам факт империалистической агрессии против социалистического государства — Демократической Республики Вьетнам — препятствовал возможному оздоровлению международной атмосферы. В этой связи следует подчеркнуть, что не случайно борьба за прекращение войны и ликвидацию очага международной напряженности в Индокитае явилась одним из главных пунктов Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС, стала требованием социалистических стран, всех миролюбивых и прогрессивных сил современности.

В советской научной литературе исследовались некоторые политические и военно-стратегические аспекты политики США во Вьетнаме и в Индокитае в целом в 50—60-е годы. Анализу советских ученых были подвергнуты различные аспекты индокитайской политики США в конце 60-х — начале 70-х годов, когда в американских правящих кругах происходили переосмотр и изменение политического курса во Вьетнаме¹.

В данной главе предпринята попытка проследить эволюцию политики США в Индокитае за послевоенный период, выявить основные этапы ее развития, а также рассмотреть и проанализировать некоторые аспекты американской политики в индокитайском субрегионе после подписания Парижского соглашения по Вьетнаму.

Ко времени окончания второй мировой войны в результате разгрома фашизма и ослабления колониальных держав в Индокитае сложилась новая обстановка, характеризовавшаяся нарастанием национально-освободительного движения.

В тех условиях правящие круги Соединенных Штатов, рассчитывая на расширение зоны своего влияния в Азии, приветствовали процесс деколонизации в Индокитае. В 1945 г. руководство США было убеждено (и напоминало об этом Франции), что для сохранения империалистического влияния в странах Азии западным державам следовало пойти на частичное признание реальных сдвигов в Индокитае с тем, чтобы направить развитие стран этого региона по приемлемому для империализма пути. Об этом свидетельствовало содержание телеграммы американскому посольству в Париже, составленной в госдепартаменте в конце мая 1945 г. В телеграмме подчеркивалось, что «без признания динамичных тенденций в сторону самоуправления среди народов Азии на Дальнем Востоке не может быть мира и стабильности, а народы Юго-Восточной Азии могут принять идеологии, противоположные нашей собственной, или развить паназиатское движение против всех западных держав»².

Когда в сентябре 1945 г. было провозглашено создание Демократической Республики Вьетнам, правящие круги Соединенных Штатов решили использовать достижение независимости бывшей французской колонией в своих целях и распространить сферу своего влияния на весь Индокитай, занимающий выгодное географическое положение в Азии. США предложили руководству ДРВ политическую поддержку и экономическую помощь, но взамен потребовали уступок, которые бы поставили ДРВ в полную зависимость от Соединенных Штатов.

В обстановке нарастания национально-освободительного движения и укрепления сил социализма в Азии американские правящие круги со временем полностью перешли на позиции активной борьбы против антиимпериалистических сил Лаоса, Камбоджи (Кампучия) и Вьетнама. Главной целью индокитайской политики США стало стремление нанести поражение освободительному движению народов этих стран и добиться обеспечения собственных империалистических интересов в субрегионе.

Предоставляя Франции помощь по «плану Маршалла», США уже с 1948 г. способствовали продолжению колониальной войны, а в феврале 1950 г. Совет национальной безопасности США вынес решение оказать помощь непосредственно колониальным войскам в Индокитае. При этом американские военно-политические стратеги, как свидетельствуют «документы Пентагона», руководствовались следующими соображениями: «Для интересов безопасности США важно, чтобы были приняты все практические меры для предотвращения дальнейшей коммунистической экспансии в Юго-Восточ-

ной Азии. Индокитай занимает ключевое положение, и он находится под непосредственной угрозой. Если Индокитай будет контролироваться коммунистическим правительством, можно ожидать, что под коммунистическое господство попадут соседние страны — Таиланд и Бирма. Тогда баланс сил в Юго-Восточной Азии оказался бы в серьезной опасности»³. Именно в это время в Вашингтоне начали разрабатываться секретные планы, предусматривавшие возможности более активного участия США в индокитайском конфликте.

Связано это было, в частности, с тем, что, несмотря на значительную американскую военную помощь, французские колонизаторы не могли добиться военной победы над силами национального освобождения Вьетнама. В начале 50-х годов правящие круги Франции все больше склонялись к необходимости политического решения индокитайской проблемы. Помимо давления со стороны общественности в пользу политического урегулирования действовало и практическое стремление французского руководства сохранить по возможности экономические и политические позиции Франции в Индокитае. Это стремление частично удалось реализовать в отношении Камбоджи, где осенью 1953 г. в результате франко-камбоджийских переговоров к власти пришло независимое королевское правительство.

Поражение Франции в колониальной войне против народов Индокитая и вынужденное согласие ее правительства пойти на политическое урегулирование послужили толчком к резкой активизации политики Вашингтона в этом районе. При той расстановке сил, которая существовала в Индокитае, США не были заинтересованы в политическом урегулировании во Вьетнаме и Лаосе и подталкивали Францию к продолжению войны. К 1954 г. объем американской военной помощи Франции для ведения колониальной войны достиг 1,1 млрд. долл., что покрывало 78% расходов на войну⁴.

Одновременно в правящих кругах Соединенных Штатов дискутировался вопрос о более активных формах американского вмешательства в дела народов Индокитая, в частности о возможности посылки во Вьетнам вооруженных сил США и даже использования в этой стране атомного оружия.

Вместе с тем опыт корейской войны, отрицательное отношение общественности и конгресса к возможности нового вооруженного вмешательства в Азии связывали руки сторонникам идеи вооруженного вмешательства в Индокитае в правительстве США. В выступлениях Д. Ф. Даллеса и Д. Эйзенхауэра наиболее частым был призыв к коллективным действиям западных стран ради спасения империалистических позиций в этом субрегионе.

Попытки американского правительства вовлечь в индокитайский конфликт другие империалистические державы не увенчались успехом. Учитывая отрицательное отношение к пер-

спективе расширения конфликта в Индокитае со стороны почти всех азиатских членов Британского содружества наций, а также опасаясь, что США могут втянуть союзников в большую войну с социалистическими странами, против коллективных военных акций выступило английское руководство.

Таким образом, к началу Конференции по вопросу мирного урегулирования конфликта в Индокитае летом 1954 г. в Женеве перед Соединенными Штатами стояла дилемма: либо заменить Францию во Вьетнаме и таким образом втянуться в новую войну в Азии, либо признать реальное положение вещей и смириться с участием в работе международной конференции.

Американское руководство пошло на переговоры по Индокитаю, однако заняло на них весьма двусмысленную позицию. По мнению Д. Ф. Даллеса, в существовавших тогда условиях «любое урегулирование путем переговоров означало бы возможную потерю нами и приобретение коммунистами не только Индокитая, но и всей Юго-Восточной Азии, потеря же Индокитая представляла бы серьезную угрозу для безопасности США»⁵.

Несмотря на маневры американской дипломатии, работа конференции завершилась подписанием Женевских соглашений 1954 г. по Индокитаю. Эти соглашения зафиксировали реальные изменения обстановки в субрегионе, происшедшие в начале 50-х годов. Они признали права вьетнамского, лаосского и камбоджийского народов на независимость, единство и территориальную целостность, гарантировали их нейтралитет.

В отношении Вьетнама было предусмотрено установление временной демаркационной линии немного южнее 17-й параллели. В Лаосе силы сопротивления заняли две северо-восточные провинции страны, а в Камбодже войска демобилизовывались. В соответствии с соглашениями обе части Вьетнама, Лаос и Камбоджа не должны были участвовать в военных союзах и допускать создание иностранных баз на своей территории. В Лаосе и Камбодже в 1955 г., а во Вьетнаме не позднее 1956 г. предполагалось провести всеобщие свободные выборы в соответствии с волей народов этих стран.

Условия Женевских соглашений представляли собой серьезный удар по планам правящих кругов США остановить волну национально-освободительного движения в Индокитае с помощью колониальных войск Франции. Неудивительно, что американская дипломатия отказалась присоединиться к этим соглашениям и поставила перед собой цель сорвать их.

С завершением работы Женевской конференции совпало и окончание первого этапа индокитайской политики США. Начав с поддержки лозунга деколонизации народов азиатских стран, правящие круги Соединенных Штатов перед лицом успехов национально-освободительного движения в Индокитае, появления на международной арене социалистической системы

перешли к поддержке колонизаторов. В восприятии американского руководства война в Индокитае в начале 50-х годов все больше превращалась из регионального явления в столкновение двух противоположных социально-экономических систем, а освободительное движение в субрегионе рассматривалось как инструмент «мирового коммунистического заговора».

Начиная со второй половины 1954 г. правящие круги США начали перестраивать методы своей деятельности в Индокитае. Правительство США в отношении Вьетнама с самого начала рассматривало 17-ю параллель не как демаркационную линию, временно разделившую страну на две зоны, а как постоянную границу. В октябре 1954 г. США начали оказывать экономическую и военную помощь проимпериалистическим силам на юге Вьетнама, минуя Францию. В нарушение Женевских соглашений Южный Вьетнам 26 октября 1955 г. был провозглашен республикой, а американский ставленник Нго Динь Дьем — ее президентом. В тот же день правительство США признало Дьема «главой Республики Вьетнам».

Внимание американских правящих кругов было главным образом приковано к Вьетнаму — наиболее передовой и революционной части Индокитая, где возник народно-демократический строй. Цель Соединенных Штатов в этой стране в те годы заключалась в том, чтобы упрочить проимпериалистические силы на юге Вьетнама и тем самым создать противовес революционным силам на севере страны.

Вместе с тем внешнеполитические интересы американского руководства в Индокитае не ограничивались только Вьетнамом. Учитывая важное стратегическое положение Лаоса в субрегионе, США стремились распространить свое влияние и на эту страну. На протяжении 1954 г. Соединенные Штаты внедряли в Лаос американских военных и технических советников, оказывали военную помощь частям королевской армии. Стремясь упрочить свои позиции в этой стране, правящие круги США опирались на местных реакционных деятелей, ранее служивших опорой колонизаторов. В начале 1955 г. правительство Катая Дон Сосорита, используя поддержку со стороны США, начало военные действия против патриотических сил, дислоцированных в соответствии с Женевскими соглашениями в двух провинциях — Самныя и Фонгсали. Такие акции проимпериалистических сил в Лаосе вскоре натолкнулись на противодействие различных патриотически настроенных кругов этой страны. В феврале 1955 г. в Лаосе было создано правительство Суванна Фумы, которое вступило в переговоры с Патриотическим фронтом Лаоса с целью прекращения внутреннего конфликта и создания коалиционного правительства. Эти переговоры увенчались успехом и привели к подписанию 2 ноября 1957 г. соглашения, в котором признавалось положение ПФЛ как законной партии и создавалось коалиционное правительство с уча-

ствием представителей фронта. Такое развитие событий не устраивало руководство США, и американское правительство предпринимало меры к тому, чтобы свергнуть нейтралистское правительство в Лаосе и поставить у власти в этой стране верных себе людей.

После заключения Женевских соглашений Соединенные Штаты стремились обосновать в правовом отношении свое возмущение вмешательством в дела Индокитая. Усилиями государственного секретаря США Д. Ф. Даллеса сфера действия Договора об обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО), заключенного по инициативе США в сентябре 1954 г., в нарушение Женевских соглашений была с помощью дополнительного протокола распространена на Вьетнам, Лаос и Камбоджу.

Взяв на себя обязанности по укреплению южновьетнамского режима, правительство США оказалось втянутым в борьбу внутри страны. Все больше сил расходовалось на удержание у власти Нго Динь Дьема, против режима которого выступали все более широкие слои южновьетнамского населения. В Южном Вьетнаме разгоралась гражданская война.

К началу 60-х годов освободительное движение в субрегионе приняло настолько широкий размах, что созданные Соединенными Штатами режимы оказались под угрозой полного развала.

С приходом к власти президента Дж. Кеннеди в 1961 г. в американской стратегии во Вьетнаме и развивающихся странах в целом нашло свое проявление стремление к использованию более изощренных методов борьбы с национально-освободительным движением. Демократическая администрация сделала ставку на применение контрреволюционных операций в Южном Вьетнаме. В те годы была разработана и начала реализовываться «программа стратегических поселений». Цель этого плана заключалась в переселении тысяч крестьян из районов наибольшей активности партизанского движения с тем, чтобы отрезать партизан от помощи со стороны населения и таким образом подорвать базу сопротивления правящему режиму.

Попытка реализации этой программы вызвала серьезное сопротивление южновьетнамских крестьян. Именно в эти годы значительно расширилась социальная база оппозиционного движения в стране. Вполне понятным было резкое недовольство многих тысяч крестьянских семей экономическими неурядицами и трудностями, обусловленными переселением в другие районы страны. Переселение огромных крестьянских масс во Вьетнаме, где чрезвычайно сильна традиционная привязанность людей к земле предков, где священным считается почитание и сохранение могил, превратило эту операцию в очень сложное и опасное предприятие для южновьетнамской администрации и ее американских советников.

Правительство Кеннеди не оставляло надежды превратить Южный Вьетнам в жизнеспособное государство, которое бы являлось антикоммунистическим бастионом в Юго-Восточной Азии.

Такая политика терпела провал, так как режим Дьема восстановил против себя почти все основные слои южновьетнамского населения, что в конце концов привело американские правящие круги к выводу о необходимости «сменить лошадь» и поставить у власти в Сайгоне более способных и удачливых марионеток. Так, в ноябре 1963 г. при активном участии американского посольства в Сайгоне и ЦРУ был организован государственный переворот и Нго Динь Дьем был убит.

С приходом к власти президента Джонсона начался новый этап индокитайской политики США, который характеризовался стремлением руководства Вашингтона нанести решительное военное поражение национально-освободительному движению в Индокитае. Вскоре после вступления в должность новый президент приступил к эскалации войны во Вьетнаме. В феврале 1964 г. был принят так называемый Операционный план 34А, в соответствии с которым предусматривалось проведение ряда акций против Демократической Республики Вьетнам: полеты разведывательных самолетов «У-2» над северовьетнамской территорией, высадки парашютных и военно-морских десантов для осуществления диверсионных операций против ДРВ, осуществление воздушных операций в Лаосе и патрулирование американских кораблей в Тонкинском заливе в непосредственной близости от побережья Северного Вьетнама⁶. В то же время госдепартамент начал готовить проект резолюции конгресса, позднее вошедшей в историю под названием «тонкинской», которая заранее давала бы президенту права для использования всех средств, в том числе и вооруженных сил США, в борьбе с патриотическими силами в Индокитае.

В августе 1964 г. администрация Джонсона, сославшись на якобы имевшие место нападения северовьетнамских торпедных катеров на патрулировавшие в Тонкинском заливе американские эсминцы «Маддокс» и «Тэрнер джой», санкционировала «ответные» воздушные налеты на территорию ДРВ. Президент Джонсон обратился к лидерам демократов и республиканцев в конгрессе и призвал их предоставить исполнительной власти полномочия для совершения таких действий и в будущем. 10 сентября подавляющим большинством голосов «тонкинская резолюция» была принята обеими палатами американского конгресса.

Широкое и систематическое осуществление воздушных налетов на территорию ДРВ началось в феврале 1965 г., когда южновьетнамские партизаны нанесли удары по двум американским военным лагерям. Одновременно правительство Джонсона развернуло сухопутную войну в Южном Вьетнаме. Опре-

деленную роль в возрастании агрессивности индокитайской политики США в середине 60-х годов сыграли и личные взгляды тогдашнего президента и его ближайшего окружения на пути и методы сохранения лидерства Соединенных Штатов в Азии, что нашло свое отражение в «азиатской доктрине» Джонсона. Военная эскалация, проводившаяся Джонсоном во Вьетнаме, не в последнюю очередь была связана с весьма специфически понятыми престижными соображениями, со стремлением президента США подчеркнуть «твердость Америки» в международных делах.

Проводя широкие военные операции, военно-политические стратеги Вашингтона не отказались от использования различного рода «противоповстанческих операций». В 1966 г. для Южного Вьетнама была разработана и начала проводиться программа «умиротворения». В ней предусматривалось присутствие групп американских советников во всех районах страны. Непосредственное претворение программы возлагалось на так называемых районных старост — полугражданский пост, на который назначались из центра офицеры южновьетнамской армии. Эти администраторы совместно с американскими советниками должны были заниматься подготовкой местных полицейских формирований. В их задачу входил также сбор самых различных сведений о противнике, которые затем суммировались в докладах, посылавшихся в центр. Эти данные обрабатывались на компьютере в штабе американского командования в Сайгоне, и на их основе ежемесячно создавалась общая картина реализации программы «умиротворения».

Наступление патриотов Южного Вьетнама в январе—феврале 1968 г. нанесло сильнейший удар по всей программе, опрокинув многочисленные оптимистические прогнозы экспертов по противопартизанской войне.

Непосредственно с общим направлением политики США и сайгонского режима была связана программа, инициатором проведения которой явилось Центральное разведывательное управление США. Речь идет о программе «Феникс», в задачу которой входила борьба против революционного подпольного аппарата НФО в деревнях, поселках и городах Южного Вьетнама. В ходе осуществления программы «нейтрализации и уничтожения» активных членов НФО ЮВ было проведено большое число карательных операций под руководством специальных сил, так называемых «зеленых беретов». В результате было уничтожено (по американским данным) несколько десятков тысяч человек. В сущности, реализация этих программ представляла собой кампанию террора против широких слоев южновьетнамского населения. Каков же результат?

Дональд Кирк, американский журналист, прошедший несколько лет в странах Юго-Восточной Азии, писал в своей книге «Более широкая война», что «самым большим разочарова-

нием и острейшим признаком скрытой силы противника было отсутствие успеха программы „Феникс“, попытки уничтожить так называемую инфраструктуру Вьетконга»⁷. Претворение этой программы в жизнь натолкнулось на сильнейшее сопротивление населения Южного Вьетнама⁸.

Несмотря на репрессии и многолетнюю вооруженную интервенцию Соединенных Штатов, патриоты Вьетнама в период вьетнамского Нового года («Тет») — в январе—феврале 1968 г. — нанесли мощный удар по американским войскам и их сайгонским союзникам. Это наступление до основания потрясло стратегию президента Джонсона во Вьетнаме⁹. Для многих американцев настоящим шоком явился факт занятия партизанами американского посольства в Сайгоне, в то время как в Южном Вьетнаме находилось полмиллиона военнослужащих США.

Антивоенное движение широких слоев американцев, в первую очередь молодежи и интеллигенции, способствовало активизации критики внешнеполитического курса администрации Джонсона в прессе, со стороны буржуазных публицистов, ряда известных политических деятелей. Провалы военных планов США во Вьетнаме в сочетании с обострением экономических проблем внутри страны и осложнением внешнеполитических позиций Соединенных Штатов свидетельствовали о серьезном просчете правящих кругов Америки в оценке силы и возможностей Соединенных Штатов влиять на развитие событий в Индокитае и в других частях мира.

В этих условиях антивоенное движение и критика наиболее одиозных проявлений агрессивной внешней политики страны способствовали распространению настроений в пользу перемен во внешней политике США как в широких слоях населения, так и у отдельных представителей правящих кругов.

Дебаты в среде американских буржуазных ученых, дипломатов и военных по основным вопросам внешней политики страны, развернувшиеся в конце 60-х годов, в определенной степени способствовали выработке идейно-теоретического обоснования необходимости пересмотра и изменения методов политики США в Индокитае.

В рекомендациях ученых в конце 60-х годов фигурировали призывы проводить более гибкую политику в отношении азиатских стран, с тем чтобы избежать повторения войны, аналогичной вьетнамской. Крупный востоковед, бывший посол США в Японии Э. Рейшауэр призывал руководство страны впредь особенно осторожно подходить к вопросам военной вовлеченности на Азиатском материке, делать больший упор на островную стратегию и мобильный военно-морской флот¹⁰.

Профессор Калифорнийского университета в Беркли Р. Скалапино в коллективной работе «Внешняя политика США. Перспективы и предложения на 1970-е годы» писал о

необходимости ограничения роли США в обороне азиатских государств, подчеркнув, что «основная ответственность за свою оборону лежит на государствах, которых это касается непосредственно»¹¹.

Провал индокитайской стратегии Джонсона, обострение экономических, внутри- и внешнеполитических проблем Соединенных Штатов, активные оппозиционные выступления представителей различных политических сил в стране обусловили решение президента Джонсона фактически признать провал своей политики, что выразилось в его решении ограничить бомбардировки ДРВ и не добиваться переизбрания на пост президента на следующий срок.

Так завершился очередной этап индокитайской политики США, характеризовавшийся чрезвычайно широким и массированным применением военной силы и вовлечением более чем полумиллионной наземной армии в войну во Вьетнаме.

С приходом в январе 1969 г. к власти республиканской администрации упор во вьетнамской политике США был сделан на претворение в жизнь курса «вьетнамизации». Главная задача этой программы в Южном Вьетнаме заключалась в обеспечении условий для вывода американских войск при сохранении у власти в стране проимпериалистических сил.

План «вьетнамизации» предусматривал прежде всего максимальное насыщение армии Сайгона военной техникой. По данным американского журнала «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Репорт», Соединенные Штаты в 1969—1973 гг. поставили своему союзнику в Южном Вьетнаме 923 тыс. единиц легкого стрелкового оружия и пулеметов, около 31 тыс. танков и орудий, 60 тыс. автомобилей, 50 тыс. комплектов радиоаппаратуры, военные катера. Военно-воздушные силы Сайгона, располагавшие 300 самолетами в 1969 г., к началу 1973 г. насчитывали 2400 машин¹².

Одновременно Соединенные Штаты вместе с сайгонской администрацией продолжали проводить политику «умиротворения» южновьетнамского населения. Республиканская администрация стремилась использовать в своих целях и политику реформ, в частности в области аграрных отношений, а также в административной сфере, с целью расширения социальной базы проимпериалистического режима в Сайгоне.

Вместе с тем индокитайская политика Никсона была в значительной степени противоречива. Наряду с программами и мероприятиями, направленными на сокращение численности американских войск во Вьетнаме, постепенного их вывода из боевых действий и замены сайгонскими войсками республиканская администрация прибегала и к активному использованию военной мощи США в субрегионе.

В мае 1970 г. Соединенные Штаты совместно с сайгонскими войсками предприняли вооруженную интервенцию на терри-

торию Камбоджи для оказания помощи проамериканским силам во главе с генералом Лон Нолом, который пришел к власти в результате государственного переворота в марте того же года. В январе—феврале 1971 г. сайгонские войска под командованием и при участии американских офицеров вторглись в освобожденные районы Лаоса. С весны 1972 г. Соединенные Штаты не только вновь предприняли воздушные налеты на ДРВ, но и осуществили такие акции, на которые не решилось правительство Джонсона, — минирование северовьетнамских гаваней и водных путей.

В то время как на переговорах в Париже между США и Сайгоном, с одной стороны, и ДРВ и ВРП РЮВ — с другой, обсуждался путь к политическому урегулированию, республиканская администрация предприняла в конце 1972 г. самые мощные за всю историю войны бомбардировки территории Демократической Республики Вьетнам. США стремились таким образом оказать давление на ДРВ и патриотические силы Южного Вьетнама в канун подписания соглашения. Складывалось впечатление, что эти действия, заведомо предпринятые перед достижением соглашения, должны были также служить «демонстрацией мощи» американской военщины с тем, чтобы военно-промышленные круги могли в любое время сослаться на пример использования вооруженной силы, которая якобы поставила «последнюю точку» в многолетней войне. Однако эти действия США не запугали ДРВ и ВРП РЮВ, которые добились справедливых условий соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, отражавших мощь освободительного движения вьетнамского народа, опиравшегося на помощь социалистических стран во главе с Советским Союзом.

Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме было подписано в Париже 27 января 1973 г. Заключение этого Соглашения явилось большим событием в международной жизни, свидетельствовавшим о вынужденном изменении политики США. Самое важное положение этого документа было зафиксировано в ст. 1. Оно гласило: «Соединенные Штаты и все другие страны уважают независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама, как они признаны в Женевских соглашениях 1954 г. по Вьетнаму». В ст. 20 Соглашения стороны также взяли на себя обязательство уважать нейтралитет Камбоджи и Лаоса.

Итак, после двух десятилетий бесплодных усилий в Индокитае, стоивших Соединенным Штатам десятков тысяч жизней и сотен миллионов долларов, руководство страны сделало в начале 70-х годов реалистический вывод о том, что решение в свою пользу индокитайской проблемы на поле боя невозможно, что локальная война проиграна и что, следовательно, для выхода из тупика, в котором Соединенные Штаты Америки оказа-

лись в Индокитае, имелся лишь один путь — политическое урегулирование.

На протяжении 1969—1973 гг. администрация Никсона проводила, хотя и не всегда последовательно, политику уменьшения вовлеченности Соединенных Штатов в войну во Вьетнаме. К 1973 г. американские вооруженные силы были выведены из Вьетнама.

«Выход» Соединенных Штатов из войны во Вьетнаме способствовал разрешению некоторых острых внутривнутриполитических проблем, стоявших перед республиканской администрацией, — ослабил антивоенное движение, позволил в большей мере сконцентрировать усилия руководства США на решении основных внешне- и внутривнутриполитических проблем страны.

С 1973 г. начался новый этап индокитайской политики Соединенных Штатов. На формирование внешнеполитического курса США в Индокитае после подписания Парижского соглашения по Вьетнаму оказывал воздействие целый ряд факторов. В 70-е годы в шкале приоритетов американского руководства на первый план вышли ключевые вопросы международной и внутривнутриполитической жизни, потребность разрешения которых остро проявилась в годы войны во Вьетнаме.

В этих условиях проблемы Индокитая в планах правящих кругов США заняли более подчиненное положение по сравнению с общеазиатскими и общемировыми проблемами.

В Южном Вьетнаме после подписания Парижского соглашения США предприняли попытку сохранить у власти проимпериалистические силы без непосредственного вовлечения американских войск и окончательно испытать тем самым на практике применимость в условиях Индокитая основных формул «доктрины Никсона».

Незадолго до подписания Парижского соглашения режим Тхиеу получил дополнительное «вливание» в виде специальных программ военной помощи. Помимо 2,27 млрд. долл., ассигнованных конгрессом США на военную помощь Южному Вьетнаму на 1973 г., в соответствии с «программами усиления» вооруженные силы Сайгона получили перед подписанием соглашения о прекращении войны военное снаряжение на сумму 753,3 млн. долл. Одновременно сайгонской армии было передано вооружение, использовавшееся южнокорейскими войсками во Вьетнаме, а также практически все снаряжение уходивших американских войск¹³.

Опираясь на эту помощь, сайгонская администрация сразу же после подписания Парижского соглашения развернула наступательные действия против патриотических сил. При этом преследовались такие цели, как оккупация части территории освобожденной зоны и ликвидация в ней народной власти, а также попытка захватить урожай риса и насильственно мобилизовать новобранцев.

Активизация военных действий сайгонской армией должна была подтвердить позицию марионеточной администрации, которая заключалась в том, что Южный Вьетнам — единое национальное, политическое и государственное образование во главе с «законным» правительством Тхиеу. Несмотря на подписание Парижского соглашения, предусматривавшего проведение подлинно свободных и демократических всеобщих выборов, сайгонская администрация не имела намерений делить власть с кем бы то ни было. Тхиеу не признавал существования как Временного революционного правительства Республики Южный Вьетнам, так и «третьей силы» — нейтралистских кругов в Южном Вьетнаме.

Военные акции администрации Тхиеу привели к активизации боевых действий в стране и решительному наступлению патриотических сил¹⁴, завершившемуся полным поражением администрации Тхиеу.

Таким образом, несмотря на многолетние усилия Соединенных Штатов по созданию и укреплению марионеточного сайгонского режима путем использования программ «вьетнамизации», попыток проведения различных реформ после вывода из страны американских войск, сайгонский режим быстро развалился, с одной стороны, под ударами патриотических сил, а с другой — изнутри — в результате непрочности антинародного режима, навязанного Южному Вьетнаму правящими кругами США.

Аналогичная участь постигла и правый режим генерала Лон Нола, установленный в Камбодже в марте 1970 г. С первого же дня существования этого режима проявилась его слабость и нестабильность. Для оказания поддержки Лон Нолу в борьбе с патриотическими силами 30 апреля 1970 г. в Камбоджу вторгся многотысячный экспедиционный корпус американско-сайгонских войск. В то время как последние части американских войск выводились из Южного Вьетнама, военно-воздушные силы США продолжали оказывать активную боевую поддержку пномпеньской армии вплоть до 15 августа 1973 г. После этой даты вступило в силу решение американского конгресса, принятое в конце июня 1973 г. о прекращении финансирования действий ВВС США в Камбодже.

В последовавший за тем период Соединенные Штаты продолжали оказывать значительную помощь прозападному правительству в Камбодже, поставляя различное военное снаряжение, включая самолеты, артиллерийские орудия, бронемшины, а также значительное количество продовольствия. ВВС США продолжали совершать разведывательные полеты над Камбоджей, наводя и корректируя лонноловскую бомбардировочную авиацию на объекты в освобожденных районах страны.

Несмотря на существенную американскую поддержку, положение антинародного режима продолжало ухудшаться. Борьбу против него возглавил Национальный единый фронт Кам-

боджи (НЕФК), объединивший представителей различных политических течений и партий. Под руководством НЕФК были созданы Народные вооруженные силы национального освобождения, которые оказались в состоянии не только успешно обороняться и отражать удары интервентов, но и осуществлять активные наступательные операции.

В результате упорной вооруженной борьбы силы национального освобождения Камбоджи в начале 1973 г. вышли на подступы к Пномпеню, а затем блокировали столицу страны. Окончательное крушение власти Лон Нола стало неизбежным.

По мере дальнейшего ухудшения положения проимпериалистического режима в Камбодже военное ведомство США стремилось изыскать дополнительные средства для поддержки своего союзника. В то же время в самих Соединенных Штатах было немало противников такой политики. Неоднократные опросы общественного мнения в США выявляли, что большинство американцев высказывалось против дополнительной помощи режиму Лон Нола.

Большинство американских законодателей также высказывалось против дополнительной помощи Камбодже. Хотя республиканская администрация в Вашингтоне пыталась сделать упор на то, что ответственность в случае «потери» Камбоджи ляжет на демократическое большинство в конгрессе, это лишь еще больше обострило отношения конгресса с Белым домом. «За провалы американской политики в Индокитае несут ответственность обе партии», — подчеркнул сенатор Э. Маски¹⁵.

Соединенные Штаты в течение ряда лет срывали попытки нормализовать обстановку в Лаосе, оказывая поддержку правым силам в стране. Объяснялась такая политика тем, что, подготавливая эскалацию военных действий во Вьетнаме, американская военщина стремилась обеспечить себе безопасные фланги. Лаосу в этих планах уделялось особое место, так как он занимает важное стратегическое положение в Индокитае — с севера и северо-запада граничит с Китаем и СРВ, на западе и юго-востоке — с Таиландом, Камбоджей и югом Вьетнама. Недаром в свое время в правящих кругах Соединенных Штатов Лаос рассматривали как «кинжал, направленный в сердце полуострова Индокитай».

Американские ВВС начали регулярные бомбардировки районов, находившихся под контролем патриотов Лаоса, 17 мая 1964 г., т. е. за два с лишним месяца до того, как была развязана воздушная война против Демократической Республики Вьетнам. Тем самым США в одностороннем порядке нарушили подписанное ими же Женевское соглашение 1962 г. о нейтралитете Лаоса. В начале 1971 г. была предпринята прямая интервенция в Лаос сайгонских войск под командованием и при участии американских офицеров (операция «Ламшон-719»). Операция эта полностью провалилась. Интервенты

были разгромлены патриотическими силами и отступили в Южный Вьетнам.

Провал этой операции, как и весь американский опыт войны в Индокитае, доказал тщетность попыток ликвидировать национально-освободительное движение в Лаосе с помощью вооруженной интервенции.

Оздоровление международного климата, а также значительное укрепление патриотических сил Лаоса привели к подписанию Вьентьянского соглашения в феврале 1973 г. Путь к последующим соглашениям между лаосскими сторонами не был легким, да и трудно было бы ожидать быстрого разрешения всех проблем, накопившихся за долгие годы войны и иностранного вмешательства. Реакционные круги Лаоса неоднократно предпринимали усилия в целях срыва или по крайней мере затягивания двусторонних переговоров и реализации уже согласованных решений.

Соглашением по Лаосу предусматривалось прекращение военных действий на всей лаосской территории, политическое урегулирование всех спорных проблем в Лаосе на основе национального согласия. В соответствии с соглашением все иностранные государства должны были окончательно отказаться от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны, в том числе и от военных обязательств в Лаосе. Соглашением также предусматривалась ликвидация «специальных войск», которые были созданы в 60-е годы для борьбы с патриотическими силами и финансировались из средств американского Центрального разведывательного управления.

Прогрессу в деле разрешения внутренних проблем в этой стране способствовал вывод из Лаоса иностранных войск. К моменту подписания Вьентьянского соглашения в Лаосе находилось свыше тысячи военнослужащих США и тайландские нерегулярные войска в составе 27 пехотных батальонов и 3 артиллерийских дивизионов. К концу 1973 г. численность тайландских войск была уменьшена до 10 батальонов¹⁶, а в начале 1974 г. в печати появились сообщения, что авиакомпания «Эйр Америка» прекратила свою деятельность и расформировалась, после того как она в течение 10 лет служила прикрытием для вмешательства ЦРУ в Лаос. Это ведомство, используя самолеты и вертолеты авиакомпании, обеспечивало деятельность в стране наемной «специальной армии» правого генерала Ванг Пао.

В соответствии с протоколом к Вьентьянскому соглашению, который был подписан 14 сентября 1973 г. и предусматривал вывод всех иностранных войск из Лаоса в двухмесячный срок после формирования коалиционных органов власти, американские военные советники покинули страну в начале июня 1974 г. В то же время с баз на территории Лаоса на родину было отправлено 9 тыс. оставшихся там тайландских наемников.

После долгой и кровопролитной индокитайской войны, с трудом выбравшись из Вьетнама, Соединенные Штаты не были заинтересованы в обострении конфликта в Лаосе. Учитывая реальную расстановку сил в этой стране, американское руководство на протяжении времени, прошедшего после подписания Парижского и Вьентьянского соглашений, стремилось поддерживать политическое и военное равновесие в этой стране. В то же время правящие круги США не хотели «чрезмерного» усиления патриотических сил Лаоса. С этой целью США продолжали оказывать поддержку вьентьянской стороне. В конце июня 1974 г. сенатор Э. Кеннеди — председатель подкомиссии по делам беженцев юридической комиссии сената США огласил выводы секретного доклада Главного счетного управления о программах помощи Лаосу. Судя по этому докладу, почти вся американская экономическая помощь направлялась в зону вьентьянской администрации. Исключительно королевским лаосским вооруженным силам предназначалась и военная помощь¹⁷.

После формирования Временного правительства и Национального совета в начале апреля 1974 г. Соединенные Штаты продолжали усиливать вьентьянские вооруженные силы, в том числе и за счет формирований, находившихся на содержании ЦРУ. «Секретная армия» во главе с генералом Ванг Пао, насчитывавшая в разгар военных действий около 11 тыс. человек, была официально расформирована 30 июня 1974 г. Около 6 тыс. человек из состава этой армии были включены в регулярную армию вьентьянской зоны.

Однако победа Национального единого фронта Камбоджи и Национального фронта освобождения в Южном Вьетнаме сорвала планы американского руководства укрепить позиции реакции в Лаосе и создала возможность устранения последних препятствий на пути к подлинному миру в стране и ограничению происков правых проимпериалистических сил и резкому ослаблению их влияния в Лаосе.

* * *

Исторические события во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже завершили четвертьвековой период индокитайской политики США, на протяжении которого правящие круги Соединенных Штатов тщетно пытались подавить революционное движение путем поддержки колониальной войны в Индокитае, насаждения антинародных, реакционных режимов, открытого вооруженного вмешательства и разжигания гражданской войны в странах этого региона. Развязав войну во Вьетнаме, силы империализма стремились нанести удар не только по революционному движению во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, но и по национально-освободительному движению в Юго-Восточной Азии и других районах мира.

События в Индокитае показали нереальность империалистической политики «сдерживания» сил прогресса, развеяли иллюзию всемогущества империализма.

Высокая оценка результатов борьбы народов Индокитая была дана на XXV съезде КПСС. «Потерпела крах самая крупная после второй мировой войны попытка империализма вооруженной рукой расправиться с социалистическим государством и раздавить национально-освободительную революцию,— заявил в отчетном докладе Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. — Героизм и самоотверженность вьетнамского народа, соединенные с решительной поддержкой его странами социализма и прогрессивной общественностью всего мира, оказались сильнее армий интервентов и их пособников»¹⁸.

Победа сил национального освобождения в Индокитае, создание единой Социалистической Республики Вьетнам, Лаосской Народно-Демократической Республики и Демократической Кампучии внесли новый элемент в расстановку сил в этом районе мира.

Исторические перемены на Индокитайском полуострове усилили стремление народов других стран Азии проводить самостоятельный курс, отвечающий возросшей международной роли и политическому самосознанию стран этого континента.

В результате прекращения войны в Индокитае был ликвидирован один из самых долголетних и опасных очагов международной напряженности как в Азии, так и во всем мире и тем самым были созданы предпосылки для формирования в Азии политического климата, основанного на равноправном сотрудничестве стран этого континента, независимо от их общественно-политического строя, в условиях мира и безопасности.

ПОЛИТИКА США В СТРАНАХ ЮЖНОЙ АЗИИ

В южноазиатский политико-географический район обычно включают страны, которые прежде входили в состав Британской Индии или находились в ее орбите, — Индию, Пакистан, Бангладеш, Шри Ланку и Непал. Эти страны омываются водами Индийского океана, значение которого в 70-е годы в экономическом, политическом и стратегическом плане неизмеримо возросло, о чем уже говорилось в главе IV.

До окончания второй мировой войны и завоевания странами Южной Азии политической независимости позиции США в этом районе были крайне незначительными из-за безраздельного господства в нем английского империализма, хотя в течение второй мировой войны США уже предпринимали некоторые попытки укрепиться в Индии.

Национально-освободительная борьба народов Индостанского субконтинента после победы демократических и прогрессивных сил во главе с Советским Союзом над фашизмом во второй мировой войне привела к ликвидации господства Англии в Британской Индии.

Последствия колониального господства Великобритании, а также разделение субконтинента на два государства, между которыми уже в момент образования существовали определенные территориальные споры и религиозные конфликты, привели к возникновению обстановки напряженности и взаимного недоверия в этом районе. Такое положение отвечало долгосрочным планам империалистических кругов Запада, стремившихся использовать индо-пакистанские разногласия в целях политического контроля над всем субконтинентом, а также и над внутренней жизнью в освободившихся государствах.

Успехи национально-освободительного движения в странах Южной Азии после второй мировой войны и поражение колониализма создали благоприятные возможности для развития антифеодальной и антиимпериалистической борьбы непальского народа. В специфических условиях Непала — при крайней малочисленности рабочего класса, слабости буржуазии, средневековом укладе жизни — демократическое движение проходило под лозунгом возвращения королю его прерогатив, которые были узурпированы родом Рана еще в 1846 г. Представители

этого рода обычно ориентировались на тесное сотрудничество с колониализмом, и поэтому борьба против него имела характер антиколониальной революции. В 1951 г. произошло объединение антиимпериалистических сил, которые и положили конец полуколониальной зависимости Непала. В том же году Непал провозгласил конституционную монархию.

В годы второй мировой войны широко развернулась борьба за национальное освобождение на Цейлоне (ныне Республика Шри Ланка). Подъем национально-освободительного движения в Британской Индии после войны вынудил Великобританию предоставить Цейлону в феврале 1948 г. независимость. Однако согласно конституции, навязанной Англией в период предоставления независимости, Цейлон оставался британским доминионом. И лишь в мае 1972 г. была провозглашена республика.

Несмотря на то что политика США в отношении каждой из стран южноазиатского региона проводилась дифференцированно и степень ее активности была далеко не одинаковой, можно все же с достаточной ясностью выявить некоторые общие черты, которые объяснялись существованием главных целей в азиатском политическом курсе США. Эти цели сводились к созданию «заслона» вокруг социалистических стран, подавлению национально-освободительного движения и усилению американского политического и экономического влияния в Южной Азии.

Путь к осуществлению намеченных целей, по мнению американских правящих кругов, лежал через создание системы военно-политических блоков, которые объединяли бы наряду со странами других регионов Азии и страны Южной Азии. Играя главную роль в этих блоках, Соединенные Штаты надеялись осуществлять постоянный контроль над внешнеполитической деятельностью стран-участниц и контролировать таким образом общую международно-политическую ситуацию в этом регионе. Одновременно американские правящие круги стремились объединить такие социально-экономические и политические силы внутри южноазиатских стран, на которые можно было бы опереться в борьбе со странами социализма, с прогрессивными силами в этом районе мира.

Центральное место в Южной Азии и по своим экономико-демографическим характеристикам, и по политическому весу занимает Индия. Она является второй по численности населения страной мира, оказывает большое влияние на формирование межгосударственных отношений в Азии, играет видную роль в мировой политике. С самого создания независимой Индии США уделяли большое внимание проблемам налаживания тесного сотрудничества с руководящими кругами молодой республики¹. Примечательно, что и период, предшествовавший завоеванию Индией независимости, был насыщен интенсивными переговорами между Соединенными Штатами и Великобританией относительно американских интересов в этой стране. Намере-

ваясь усилить свои позиции в Индии за счет ослабления влияния Англии и одновременно опасаясь революционных преобразований в стране в ходе деколонизации, которые подрывали бы общие позиции империализма в Азии, США поддерживали стремление Англии навязать Индии тяжелые условия отмены колониального управления и разделение страны на два доминиона.

Однако до образования КНР в 1949 г. американский внешнеполитический курс в отношении стран Южной Азии не был столь четко выражен, как это было позднее, так как правящие круги США стремились использовать Китай в качестве главного объекта своей азиатской политики. После создания КНР Соединенные Штаты значительно усилили свой интерес к Индии.

В 1949 г. правительство Соединенных Штатов пригласило первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру посетить Вашингтон. Раскрывая подлинный смысл политической активности американских правящих кругов в отношении Индии, газета «Нью-Йорк Таймс» писала в то время, что «новая политика США на Востоке имеет своей целью воспрепятствовать распространению коммунизма в Южной и Юго-Восточной Азии... Индия с ее военным и экономическим потенциалом является ключом к успеху политики США в Азии»². Уже в этот приезд индийского премьер-министра Вашингтон пытался заручиться поддержкой Индии в проведении своей азиатской политики и привлечь Индию к более активному участию в планах создания новой проамериканской структуры отношений в Азии.

Однако правительство Неру не пошло на военное сотрудничество с Соединенными Штатами, считая, что это вело бы к подрыву индийского нейтралитета, который именно в этот период был определен как главный внешнеполитический принцип страны. Провозгласив курс на проведение активной политики мира в Азии, Индия не одобрила действий США в связи с войной в Корее. Индия отказалась также поддержать предложенный США сепаратный мирный договор для Японии, предоставлявший американцам право содержать в Японии свои войска и сохранявший на ее территории американские военные базы.

Это создавало известные противоречия в американо-индийских отношениях. В 1951 г. Честер Боулс, который был назначен послом США в Индии, анализируя итоги американской политики, признал резкое ухудшение отношений между обеими странами. «Для миллионов голодающих и нищих лозунг борьбы с коммунизмом лишен политического и идеологического смысла... — заявил он. — Разработанная и осуществляемая под руководством США программа обороны для Азии в настоящее время политически мертва»³.

В начале 50-х годов в политике Соединенных Штатов по отношению к Индии наметились некоторые тактические изменения. Американские политические лидеры стали меньше гово-

речь о разногласиях и больше акцентировать внимание на общности интересов двух стран.

В этот период Соединенные Штаты предприняли шаги по усилению экономической помощи Индии, надеясь, что помощь Индии в преодолении некоторых проблем развития экономики вынудит правительство страны пересмотреть свой внешнеполитический курс, отказаться от позиции нейтралитета и изменить отношение к военным блокам и союзам в Азии. Эти надежды потерпели крах вследствие шагов правительства Неру по демократизации внутривнутриполитической жизни в Индии⁴. Назвав создавшееся положение «опасным», бывший государственный секретарь США Д. Ачесон предложил в качестве противовеса расширению влияния демократических сил ускорить осуществление американской программы экономической помощи Индии⁵. Однако новая администрация в Вашингтоне предпочла усилить давление на Индию, и американская политика во времена Даллеса отличалась крайне грубым и лобовым подходом к американо-индийским отношениям.

Расхождения между США и Индией по проблемам глобальной политики, а также в подходе к ситуации в Южной Азии (США устраивало состояние конфронтации между Индией и Пакистаном, в то время как индийское правительство надеялось на политическое урегулирование своих разногласий с Пакистаном при помощи США) усиливали противоречия в американо-индийских отношениях. После того как в конце 50-х — начале 60-х годов Индия пошла на широкое развитие отношений с Советским Союзом и приняла предложения советского правительства об экономической помощи, политика США еще более ужесточилась. Анализируя американскую политику в Азии в этот период, гонконгский журнал «Фар Истерн Экономик Ревью» писал, что Соединенные Штаты не могли понять позицию стран Южной Азии, которая, за исключением Пакистана, была направлена на неприсоединение. Эта неспособность была главной причиной, почему политика Вашингтона в этом районе не нашла широкой поддержки. «Как при Трумэне, Эйзенхауэре или Джонсоне, так и при вспышках либерализма Кеннеди Вашингтон, — отмечалось на страницах журнала, — был склонен искать сателлитов в Южной Азии и делать из них государства-клиенты»⁶.

Потерпев неудачу в стремлении приобщить к блоковой системе Индию, твердо и последовательно придерживавшуюся политики неприсоединения, Соединенные Штаты сделали главную ставку в своей южноазиатской политике на Пакистан. Государственный секретарь в администрации Эйзенхауэра Дж. Ф. Даллес считал, что Пакистан будет «полезным дополнением к глобальной блоковой системе», в региональном же аспекте были предприняты все меры с целью «усиления Пакистана против Индии»⁷.

Поддержание атмосферы недоверия и соперничества между Индией и Пакистаном из-за кашмирского вопроса давало правящим кругам США возможность попытаться поставить под свой полный контроль ситуацию на субконтиненте и оказывать постоянное давление как на политику союзного Пакистана (в 1954 г. Пакистан вошел в состав блока СЕАТО, в 1955 г. — в СЕНТО), так и на внешнюю политику Индии, изолируя вместе с тем эти страны от «великодержавного соперничества в Азии»⁸. Этим целям США отвечало и отношение правящих кругов Пакистана к вопросу о Кашмире. Международно-правовой статус Кашмира упростился после того, как законодательный орган княжества принял решение о вхождении его в Индийский Союз. В июле 1952 г. между махараджей Кашмира и Индией было подписано Делийское соглашение, по которому Кашмир вошел в состав Индии на правах штата (Джамму и Кашмир).

Пакистан, однако, отказался признать результаты этого соглашения. Эта ситуация весьма осложняла всю политическую обстановку в Южной Азии и иногда вызывала вооруженные конфликты между двумя странами (1947—1949, 1965 и 1971 гг.), а главное, активно использовалась западными странами для проведения политики «баланса сил» на субконтиненте, при которой оба государства не могли заняться политическим урегулированием разделяющих их вопросов.

Пакистану, по мнению американских внешнеполитических деятелей, принадлежало важное место в стратегических планах США в этом районе. В послевоенные годы ему отводилась одна из главных ролей в процессе создания американских военных блоков в Юго-Восточной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке. Он фактически связывал два империалистических блока в странах Азии — СЕАТО и СЕНТО, через него Вашингтон надеялся расширить свое влияние в мусульманских странах Ближнего и Среднего Востока.

В мае 1954 г. в Карачи было подписано американо-пакистанское соглашение, предусматривавшее оказание США военной помощи Пакистану. Это соглашение в немалой степени способствовало дальнейшему обострению конфликта между Пакистаном и Индией и приблизило, как отмечал в одном из своих выступлений Дж. Неру, опасность войны непосредственно к границам Индии. В то же время оно еще больше осложнило и американо-индийские отношения. Американская политика, таким образом направленная против интересов не только народов Индии и Пакистана, но и народов всей Азии, так как она преследовала цель расколоть единство азиатских стран, превратилась в важный фактор дестабилизации обстановки в Южной Азии.

В Индии это соглашение вызвало бурный протест. Индийское правительство расценило его как откровенно недружелюб-

ный шаг Вашингтона, направленный на проведение в Южной Азии политики «разделяй и властвуй». В Соединенных Штатах против соглашения выступили сенатор Фулбрайт, бывший посол в Индии Боулс, а также другие представители американской общественности. Чтобы не ухудшать отношений с Индией, президент Эйзенхауэр заверил Джавахарлала Неру в том, что Пакистан никогда не применит американское оружие против Индии, а если это и произойдет, то Соединенные Штаты положительно рассмотрят любую просьбу Индии о предоставлении ей оружия.

Оказывая давление на индийское правительство с целью заставить его отказаться от политики неприсоединения, США в то же время опасались полного разрыва с Индией. Поэтому каждый враждебный шаг сопровождался дипломатическим маневрированием. В марте 1956 г. после окончания сессии совета СЕАТО, на которой были признаны притязания Пакистана на Кашмир, Даллес направился в Индию. На пресс-конференции в Дели он заявил, что США не разрешат Пакистану использовать американское оружие против Индии. Однако недовольство американской политикой в Индии, отрицательная реакция всей индийской общественности на пропакистанскую ориентацию Вашингтона сделали поездку Даллеса безуспешной.

Очевидная бесперспективность тактики политического и военного давления на Индию, необходимость проведения более гибкого курса по отношению к развивающимся странам в целом выразились в том, что в США стали все чаще раздаваться голоса, призывавшие к изменению политики «грубого и непреклонного отношения к нейтрализму». Учет новых тенденций в мировой политике заставил правящие круги США искать более гибкие средства проведения своего курса в Азии. Постепенно пришло и понимание нереальности расчетов на расширение СЕАТО за счет вступления в него Индии, а также неприсоединившихся стран Юго-Восточной Азии. Поэтому уже в середине 50-х годов некоторые представители правящих кругов Соединенных Штатов выступили против сокращения⁹ американской помощи Индии как средства оказания давления на ее политику.

О «новом» отношении к Индии заговорил в конце 50-х годов сенатор Дж. Ф. Кеннеди. Он высказался за провозглашение «плана Маршалла» для Азии, т. е. за существенное увеличение финансовой помощи развивающимся странам в целях содействия решению некоторых наиболее трудных проблем развития и тем самым удержания их в рамках мировой капиталистической системы. Основным объектом реализации азиатского варианта этого плана должна была стать Индия. Предложенная Кеннеди и начавшая осуществляться в период его пребывания у власти программа помощи является примером новых способов вмешательства американского империализма в соци-

ально-политические процессы развивающихся стран¹⁰. Эти новые методы были вызваны необходимостью упрочения положения тех сил внутри Индии, которые выступали за всемерное укрепление крупной буржуазии и развитие Индии по капиталистическому пути.

Несмотря на временный успех, который имела «новая» политика Кеннеди в своей начальной стадии, она не оправдала в конечном счете тех больших надежд, которые на нее возлагались. Попытка американских правящих кругов затормозить объективный процесс обострения социальных противоречий и размежевания классовых и политических сил в стране оказалась несостоятельной.

В конце 1962 г., когда на границе между Индией и Китаем произошел пограничный военный конфликт, Соединенные Штаты усилили нажим на индийское правительство по всем линиям — дипломатической, военной, экономической и политической. Они стремились использовать этот инцидент для расширения своего влияния в Индии и возможной переориентации внешнеполитического курса индийского правительства на более тесные военно-политические связи с США и СЕАТО.

В ответ на обращение Неру к американскому правительству с просьбой о военной помощи правящие круги Соединенных Штатов прежде всего потребовали удаления из состава индийского правительства министра обороны Кришна Менона, который возглавлял левое крыло Национального конгресса и вел постоянную борьбу с индийской реакцией. 14 ноября 1962 г. между США и Индией было подписано соглашение о военной помощи, которое включало дискриминационные условия в отношении последней. В частности, индийские власти должны были предоставлять информацию об использовании американского оружия и военных материалов.

Однако ни военная помощь, ни политическое и экономическое давление не позволили администрации Кеннеди навязать Индии свои требования о создании «совместной индо-пакистанской системы обороны Индостана» и размещении иностранных военных баз на индийской территории. Индия отказалась предпринять любые действия, которые могли бы поставить под сомнение ее принципиальную политику неприсоединения¹¹.

Потерпев неудачу в осуществлении своих планов во время индийско-китайского вооруженного конфликта, Соединенные Штаты вновь взяли курс на поддержание «равновесия сил» между Индией и Пакистаном. Это привело к новому ухудшению отношений между двумя странами. Осенью 1965 г. вспыхнул индийско-пакистанский конфликт в Кашмире. Однако попытки США занять место посредника в этом конфликте были сорваны в результате мирной инициативы Советского правительства, которое предложило свои услуги воюющим странам и содействовало достижению прекращения огня. Оценивая роль

США в этом конфликте, известный американский специалист по проблемам Южной Азии У. Уилкоккс писал, что «американская политика во время и после войны разочаровала как Индию, так и Пакистан»¹².

В конце 60-х — начале 70-х годов, уделяя основное внимание проблемам, связанным с внешнеполитическим курсом на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, Соединенные Штаты не могли разработать сколько-нибудь конкретной, целенаправленной политики в отношении стран Южноазиатского субконтинента. Видимо, поэтому во время дебатов в конгрессе по проблемам американской политики в Южной Азии интересы США в таких вопросах, как безопасность южноазиатских стран, их независимость и экономическое развитие, по мнению председателя подкомиссии по Ближнему Востоку и Южной Азии комиссии по иностранным делам палаты представителей конгресса Ли Гамильтона, «были определены в широком и неясном смысле»¹³. Во время этих дебатов подчеркивалось также, что стратегические интересы США сводились в этот период главным образом к «региональной стабильности и избежанию такой ситуации в Южной Азии или прилегающих районах Индийского океана и Персидского залива, которая вела бы к широкому присутствию, участию или интервенции любой другой державы»¹⁴.

Это высказывание раскрывает одну из главных целей в политике США по отношению к Южной Азии в рамках общеазиатской и глобальной политики — сдерживание и ограничение растущих экономических, политических и культурных связей южноазиатских стран с социалистическими, и прежде всего с Советским Союзом. Уже в середине 50-х годов одной из главных опасностей для американской политики в Южной Азии правящие круги США считали развитие нормальных деловых отношений и сотрудничества между Индией и Советским Союзом. Советский Союз всегда оказывал действенную поддержку политике неприсоединения, проводимой Индией и другими странами Южной Азии. Он последовательно боролся против создания агрессивных военных блоков, военных баз и других плацдармов вооруженной агрессии в этом районе. Большую помощь Советский Союз оказал Индии в укреплении экономической независимости и создании индустриальной базы.

Именно отрицательное отношение США к политике нейтральной Индии, поддерживавшей тесные связи с Советским Союзом и заключившей с ним Договор о мире, дружбе и сотрудничестве в августе 1971 г., определило общую антииндийскую позицию администрации республиканцев во время индийско-пакистанского конфликта 1971 г. Поэтому одним из результатов индийско-пакистанского конфликта 1971 г. для политики США стало резкое обострение ухудшавшихся еще до этого конфликта отношений с Индией. Начиная с середины

60-х годов уровень американской экономической помощи Индии резко упал. Так, если в 1966 г. американская помощь Индии составляла 901 млн. долл., то в 1970 г. — только 439 млн. долл.¹⁵

Сократился также культурный обмен в различных областях. Значительно уменьшился объем торговли. Подкомиссия палаты представителей конгресса по Ближнему Востоку и Южной Азии, анализируя эволюцию американо-индийских отношений, пришла к выводу, что «между Соединенными Штатами и Индией существовали проблемы, которые были совершенно независимыми от индийско-пакистанской войны 1971 г., и что эта война лишь обострила разногласия и поставила их в центр внимания»¹⁶.

«Крен» в сторону Пакистана, который администрация Никсона сделала во время этого конфликта, лишь выявил и публично продемонстрировал резкое ухудшение американо-индийских отношений. Секретные документы, опубликованные обозревателем Дж. Андерсоном в газете «Вашингтон Пост» в декабре 1971 г., свидетельствовали о том, что «при определенных обстоятельствах» Вашингтон был готов оказать прямую военную поддержку Пакистану. Об этом недвусмысленно говорит и тот факт, что в разгар военных действий в воды Бенгальского залива был направлен самый крупный в то время американский авианосец «Энтерпрайз», сопровождаемый другими кораблями. Цель этой демонстрации, как свидетельствуют опубликованные документы, состояла в том, чтобы заставить Индию отвлечь свои корабли и самолеты от театра военных действий для слежения за этой оперативной группой. Эта американская акция вызвала бурю негодования как в Индии, так и за ее пределами.

Обострение отношений между Индией и Соединенными Штатами побудило индийское правительство принять ряд решений, направленных на то, чтобы сократить зависимость Индии от американской помощи. Одновременно еще более обострились дипломатические отношения: Индия неоднократно подвергала резкой критике военные действия США во Вьетнаме, политические деятели Индии, включая самых высокопоставленных, обвиняли ЦРУ во вмешательстве во внутренние дела Индии.

В 1972—1973 гг. в политике США на Южноазиатском субконтиненте обозначился новый этап. Это объясняется не столько эволюцией собственно американо-южноазиатских отношений, сколько тем, что для Соединенных Штатов резко возросло именно в это время значение зоны Персидского залива и всего Индийского океана, где Южная Азия занимает особо важное политическое и стратегическое место. Учитывая возросший вес Индии, как одной из самых влиятельных стран в бассейне Индийского океана, Соединенные Штаты попытались несколько

по-иному подойти к отношениям с ней. Так, в своем послании конгрессу от 9 февраля 1972 г. тогдашний президент США Никсон назвал Индию «великой страной, свободной и демократической нацией, с будущим которой, как образцом прогресса для стран развивающегося мира, Соединенные Штаты связали свои надежды»¹⁷.

Подобные заявления со стороны высших официальных лиц США отражали известное признание возрастания роли Индии для политики США в Азии. «Индия, — писал известный специалист по южноазиатской политике США Ф. Тэлбот, — хотя бы благодаря своим размерам и населению, а также своему географическому положению и влиянию на своих более мелких соседей, должна рассматриваться как потенциально главный фактор в Азии»¹⁸. В различных американских оценках положения на Южноазиатском субконтиненте, сделанных в начале 70-х годов, содержалось прямое признание за Индией ведущей роли в Южной Азии. На заседании подкомиссии по Ближнему Востоку и Южной Азии 27 марта 1973 г. декан школы им. Вудро Вильсона при Принстонском университете Джон Льюис отмечал: «Совершенно очевидно, что в нашем правительстве нет ни одного человека, который имел бы сейчас сомнение относительно доминирующего положения Индии на субконтиненте»¹⁹. Во многих случаях за этими признаниями стояла известная готовность Соединенных Штатов идти на нормализацию отношений с Индией.

Тем не менее скачкообразность американско-индийских межгосударственных отношений, по оценке некоторых американских специалистов, остается характерной чертой политики США на субконтиненте на современном этапе. После индийско-пакистанского конфликта 1971 г. республиканская администрация попыталась «сгладить» эффект своей антииндийской позиции в ходе конфликта. Назначенный в то время послом США в Индии Д. П. Мойнихэн, на которого была возложена задача в кратчайший срок наладить отношения с этой страной, добился определенных результатов в своей миссии. За два года его пребывания на этом дипломатическом посту Соединенные Штаты урегулировали вопрос о так называемом индийском долге, накопившемся в результате продажи ей американского продовольствия на основе «закона 480». Намечалось улучшение научных и культурных связей между двумя странами.

Смена президента в Соединенных Штатах в 1974 г., по мнению индийских правительственных кругов, должна была внести дальнейшие улучшения во взаимоотношения двух стран. Как заявил тогдашний председатель правящей партии Индийский национальный конгресс Ш. Д. Шарма, перестановки в Белом доме могут способствовать улучшению индийско-американских отношений. Однако остается целый ряд глубоких и объектив-

ных факторов, которые по-прежнему затрудняют коренное улучшение отношений между Индией и Соединенными Штатами. В первую очередь это продолжающиеся попытки США расширить свое влияние в зоне Индийского океана.

При разработке политики в южноазиатском регионе Соединенные Штаты учитывают политическую обстановку в бассейне всего Индийского океана. В 70-е годы роль стран, расположенных на берегах этого океана, в международных делах значительно возросла. Они оказывают заметное влияние на деятельность ООН, активно сотрудничают с другими странами, придерживающимися антиимпериалистической позиции в вопросах внешней политики. Вместе с тем здесь присутствуют союзная и дружественная Соединенным Штатам Австралия, а также ЮАР, где вложены значительные американские инвестиции. Здесь же действуют военно-политические блоки СЕНТО и АНЗЮС, в которых США принимают прямое или косвенное участие. Эта зона является одним из центров азиатского и африканского национально-освободительного движения. Выражая мнение военных кругов Соединенных Штатов, журнал «Милитери Ревью» еще в начале 70-х годов писал: «Страна, которая в будущем может оказывать влияние на этот регион и контролировать новый мировой центр, будет господствующей силой во всем мире»²⁰.

Требование Пентагона создать на о-ве Диего-Гарсия крупную базу ВМС и ВВС США отвечает положениям так называемой островной стратегии Вашингтона, которая предполагает совершенствование системы базирования американских военно-морских и военно-воздушных сил, оснащенных ядерным оружием, с целью обеспечения более оперативного развертывания своих вооруженных сил у берегов стран Азии и Африки при «малозаметном» присутствии.

Индия, как и многие другие страны бассейна Индийского океана, выступила с резким протестом против планов строительства американской базы на о-ве Диего-Гарсия. «Попытки создать ядерную военно-морскую базу на о-ве Диего-Гарсия,— заявила бывший премьер-министр Индии Ганди,— расцениваются как угроза безопасности всем странам бассейна океана»²¹. Между США и Индией по вопросам строительства базы на о-ве Диего-Гарсия появились острые разногласия. Серьезным фактором, ухудшающим к тому же американско-индийские отношения, является непрекращающаяся деятельность ЦРУ в Индии. Представители руководящих кругов Индии неоднократно выражали беспокойство в связи с деятельностью в стране Центрального разведывательного управления, которое поддерживает антиправительственную деятельность реакционных индийских организаций.

В конце 1974 — начале 1975 г. американско-индийские отношения вновь испытали кризисное напряжение. Резко отрица-

тельный резонанс в политических кругах Индии вызвало сообщение об отмене Соединенными Штатами эмбарго на поставки оружия в Пакистан, которое было введено 10 лет назад во время индийско-пакистанского конфликта 1965 г. Решение Белого дома, объявленное в конце февраля 1975 г., по мнению индийской общественности, в первую очередь затруднит нормализацию отношений, которая происходит между Индией и Пакистаном на основе соглашения 1972 г., заключенного в Симле. Именно благодаря этому соглашению между двумя странами произошел обмен пленными, оживилась торговля, наладилась воздушная, телеграфная и телефонная связь, установлены дипломатические отношения. Пакистан признал молодую независимую Республику Бангладеш. Широкая общественность Южноазиатского субконтинента констатировала позитивные сдвиги в урегулировании и налаживании добрососедских отношений среди стран региона.

Выступая 26 февраля 1975 г. в Совете штатов, бывший премьер-министр Индии заявила, что принятое Соединенными Штатами решение об отмене эмбарго на поставки оружия Пакистану может «разбередить старые раны и помешать процессу выздоровления и нормализации, которого мы добивались столь упорно»²². Момент, выбранный Вашингтоном для ухудшения политического климата на субконтиненте, характеризуется тем, что еще не были окончательно достигнуты нормальные отношения между странами Южной Азии, не решен ряд жизненно важных проблем. Поэтому подобные действия Соединенных Штатов свидетельствуют о стремлении определенных кругов в этой стране приостановить и, возможно, повернуть вспять процесс нормализации отношений, исключить возможность завершения позитивных мероприятий, начатых на основе доверия и уважения друг к другу и отвечающих жизненным интересам народов этого района мира.

События, происходящие в середине 70-х годов в зоне Индийского океана, свидетельствуют о том, что курс США, направленный на возможное изменение статус-кво в Южной Азии, затрагивает проблемы не только собственно этого региона, но может рассматриваться в более широком плане. Проведение такого курса включает наращивание военного потенциала стран Персидского залива, рост военного американского присутствия в бассейне Индийского океана.

Что касается Пакистана, то Соединенные Штаты, как это очевидно, намерены оказывать поддержку его перевооружению и в дальнейшем. Такая политика, как заявил во внешнеполитическом послании тогдашний государственный секретарь Г. Киссинджер, вытекает «из наших давних взаимоотношений и важности Пакистана для стабильности всего региона»²³. В то же время некоторые американские специалисты-международники

ставят под сомнение важность Пакистана для традиционного американского курса на поддержание в этом районе «баланса сил», особенно после создания Бангладеш²⁴.

Тем не менее официальная политика помощи Пакистану остается, как подчеркнул в 1973 г. президент Никсон, «краеугольным камнем внешней политики США»²⁵. В совместном американо-пакистанском заявлении, которое подвело итоги визита премьер-министра Пакистана в Соединенные Штаты в сентябре 1973 г., президент Никсон заверил главу пакистанского правительства в «твердой поддержке Соединенными Штатами пакистанской независимости и территориальной неприкосновенности, которые он (президент.— А. П.) рассматривает в качестве руководящего принципа американской внешней политики»²⁶.

При этом США были готовы учесть, что позиция Пакистана в отношении военных блоков, а также его внешнеполитический курс в Южной Азии претерпели за последние годы известные перемены. Начиная с 1965 г., когда члены СЕНТО отказались поддержать его в споре с Индией по кашмирскому вопросу, правительство Пакистана стало играть менее активную роль в его деятельности. Что же касается СЕАТО, то Пакистан объявил в 1972 г. о полном выходе из этого военного блока. Гражданское правительство, сменившее традиционные военные режимы в Пакистане, с первых шагов стремилось проводить более независимую внешнюю политику, отвечающую интересам мира и безопасности в Азии, было готово к отказу от политики конфронтации с Индией. Поэтому политика США в отношении Пакистана в целом была направлена на то, чтобы сдерживать позитивные действия его правительства, при условии сохранения связей с США.

Самым молодым государством Южной Азии является Народная Республика Бангладеш, независимость которой была провозглашена в 1971 г. Соединенные Штаты, учитывая сложившуюся в первой половине 70-х годов обстановку в Южной Азии, пошли на признание молодой республики. Стремясь превратить Бангладеш в еще один фактор южноазиатского «баланса сил», они начали оказывать этому государству широкую экономическую помощь²⁷. Как отмечала индийская печать, Бангладеш еще не списана со счетов американской политики. Судя по внешнеполитическому посланию тогдашнего президента Никсона конгрессу, Вашингтон решил индивидуально подходить к странам субконтинента. Оказывая давление на Индию, он в то же время сулил щедрые долларовые подачки Бангладеш.

В проведении такого курса прослеживалось стремление США ослабить дружественные отношения между Индией и Бангладеш, что, собственно, остается одним из основных направлений американской политики в Южной Азии и в середине 70-х годов. Весьма существенно возросли надежды в США

на определенный успех этой политики после государственного переворота в Бангладеш в августе 1975 г., когда к власти в стране пришли новые люди.

В середине 70-х годов при выработке внешнеполитического курса в Южной Азии правящие круги США учитывают возможное влияние Ирана на политическую обстановку в этом регионе. Иран непосредственно граничит с Пакистаном и Афганистаном, имеет прямой выход в Персидский залив и Индийский океан. Растущая зависимость капиталистических государств от нефти стран Персидского залива повысила роль Ирана как крупнейшего в мире после Саудовской Аравии экспортера нефти и доминирующей военной державы в этом регионе²⁸. «После ухода англичан из Персидского залива, — пишут внешнеполитические эксперты Р. Баррелл и А. Коттрелл, — страной, которая выдвинулась как самая сильная местная держава, является Иран»²⁹.

По мнению американских политических деятелей и ученых, Иран может сыграть значительную роль в сохранении выгодного Соединенным Штатам «равновесия сил» между странами Южной Азии ввиду ослабления Пакистана после войны на субконтиненте в 1971 г. Официальная политика республиканской администрации была направлена на сохранение тесных связей с Ираном и на всемерное содействие его стремлению превратиться в одно из сильнейших в военном и экономическом отношениях государств бассейна Индийского океана. В усилении Ирана и росте его влияния политические круги США видят весьма важный фактор упрочения позиций Запада в зоне Персидского залива и одновременно на Южноазиатском субконтиненте.

Разработка американской политики в Южной Азии сегодня ограничена несколькими важными соображениями. Главным из них является несравненно меньшая значимость стран этого региона в американских внешнеполитических планах по сравнению со странами Ближнего и Дальнего Востока и вытекающая отсюда чрезмерная вовлеченность США в ближневосточные и дальневосточные дела. Неопределившаяся разработка внешнеполитического курса Вашингтона в отношении рассматриваемых стран и традиционное стремление в значительно большей степени ориентироваться на поддержание региональной напряженности, чем на активную вовлеченность, всегда порождали как у американских исследователей, так и у руководящих деятелей многочисленные споры относительно подлинных американских интересов и способов их достижения в этом регионе.

Не устранены до конца неясности и противоречия в подходе США к своим целям в этом районе и на современном этапе. Можно сказать лишь, что помимо индивидуального подхода к каждому государству субконтинента, с которым у Соединенных Штатов уже сложились определенные отношения, аме-

риканские политические круги рассматривают весь регион как совокупность государств, между которыми существуют как известные географические, экономические, политические и культурные связи, так и разного рода разногласия. Эти разногласия и споры, являющиеся главным образом наследием колониального прошлого и двух с лишним десятилетий американской политики, используются Соединенными Штатами в качестве средства для поддержания в этом районе нового «баланса сил», который давал бы возможность Вашингтону контролировать в дальнейшем положение в Южной Азии, не увеличивая чрезмерно свои обязательства в расположенных здесь странах. Таким путем США хотели бы включить южноазиатский регион в схему разрабатываемого на современном этапе общеазиатского политического курса, в котором ограниченная вовлеченность и «малозаметное» присутствие самих Соединенных Штатов дополнялись бы их способностью контролировать основные международно-политические процессы на региональных уровнях.

ПОЛИТИКА США
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Исторически Ближний (по американской терминологии — Средний) Восток издавна рассматривался в США как вполне самостоятельное региональное внешнеполитическое направление. Сам термин «Средний Восток» был впервые введен в американскую, а затем в мировую политическую литературу известным военно-морским историком адмиралом А. Мэхэном лишь в 1902 г.¹ Каких-либо твердо и безоговорочно установленных границ этого региона нет, но, как указывают американские ученые, существует «определенное взаимопонимание» включать в него государства, расположенные на территории, простирающейся от Египта до Персидского залива и от Турции и Ирана до Индийского океана. В дальнейшем, как отмечает один из крупнейших американских специалистов в области политики США на Ближнем Востоке, профессор Дж. Ленчовский, «при рассмотрении стратегических, экономических и культурных аспектов интересов США в этом районе стало общей практикой включать также в число ближневосточных государств арабские страны Северной Африки»². Как представляется, при рассмотрении проблем политики США на Ближнем Востоке наиболее целесообразно исходить именно из такого подхода к географическим границам этого региона, учитывая, однако, что центральной проблемой этой политики на протяжении уже более чем четверти века были и остаются так называемый арабо-израильский конфликт и вопросы отношений США с арабскими странами и Израилем.

Находящийся на стыке трех континентов Ближний Восток, через который проходят к тому же кратчайшие коммуникации между двумя наиболее населенными континентами — Европой и Азией, всегда привлекал самое пристальное внимание всех претендентов на роль вершителей судеб мира. На протяжении многих тысячелетий народы этого региона были вынуждены вести ожесточенную борьбу против сменявших друг друга поработителей. Со второй половины XIX в. Ближний Восток стал ареной острых схваток между старыми и новыми колонизаторами, между различными империалистическими державами, борющимися за передел сложившихся сфер влияния. Соединенные

Штаты не составляют в этом отношении исключения, хотя и вступили в полной мере в эту борьбу значительно позднее других империалистических держав.

Тем не менее уже в самом начале XIX в. в Восточном и Южном Средиземноморье стали явно видны характерные черты той политики, которая была присуща действиям США в бассейне Тихого океана и в других регионах мира. Примечательно, что в первые годы XIX в. США постоянно держали в водах Средиземноморья особую эскадру — предшественницу нынешнего 6-го флота. Таким образом, еще на рубеже XVIII и XIX вв. Соединенные Штаты рассматривали Ближний Восток как одно из возможных самостоятельных и весьма перспективных направлений своей будущей экспансии.

В полной мере активизировался на Ближнем Востоке американский империализм лишь в канун первой мировой войны, что было связано прежде всего с перспективами развития нефтедобычи в этом районе. Однако, несмотря на энергичную деятельность многочисленных американских миссионерских и филантропических организаций, прочно укоренившихся к тому времени в пределах бывшей Османской империи, и напористость американских торговых и промышленных фирм, открыто поддерживаемых правительством США, на первом этапе попытки американского капитала получить нефтяные концессии в этом регионе в целом оказались безуспешными, так как встретили решительное противодействие Англии, а также Франции и Германии, которые доминировали там в тот период.

После окончания первой мировой войны американские монополии начали еще более настойчиво предпринимать попытки добиться нефтяных концессий на Ближнем Востоке. Советский нарком иностранных дел Г. В. Чичерин, характеризуя действия США на Ближнем Востоке в первой половине 20-х годов, писал, что «американские агенты и американское золото стали и на Ближнем Востоке играть чрезвычайно важную роль» и что «пацифистская оболочка американской политики не должна нас обманывать относительно ее глубоко агрессивного содержания»³. Американская активность на Ближнем Востоке сопровождалась подогреваемой внутри Соединенных Штатов, видимо не без умысла, кампанией распространения панических слухов о том, что нефтяные запасы США истощатся через четыре-шесть лет. В результате упорной борьбы с английскими конкурентами мощные американские нефтяные компании, пользовавшиеся к тому же широкой поддержкой государственного аппарата США, сумели постепенно внедриться в нефтедобывающую промышленность стран Ближнего Востока. Тем не менее в 1940 г. английские компании все еще контролировали там 72% всех разведанных запасов нефти, в то время как на долю американских приходилось всего 9,8%⁴. И все же в канун второй мировой войны США создали на Ближнем Востоке базу для дальнейшей экс-

пансии. Главный ее форпост составили американские нефтяные концессии в Саудовской Аравии.

Новая эра в ближневосточной политике США наступила после окончания второй мировой войны и особенно в период «холодной войны». Именно в послевоенные годы Ближний Восток твердо занял одно из первых мест в системе американских внешнеполитических приоритетов. Это объясняется тем, что параллельно с процессом расширения экономической экспансии США в этом районе неуклонно возрастала и его военно-стратегическая и политическая роль в глобальных планах США.

В обстановке острого исторического противоборства на международной арене между силами мира, прогресса и социализма, с одной стороны, и силами агрессии, реакции и империализма — с другой, характерного для периода, следовавшего за окончанием второй мировой войны, Соединенные Штаты придавали Ближнему Востоку первостепенное значение и в плане борьбы за весь «третий мир», роль и влияние арабских государств в котором неизмеримо возросли. Переход ряда арабских стран на путь прогрессивного социально-экономического развития, превращение Ближнего Востока в один из главнейших центров национально-освободительного движения, выступающего в целом как фактор, противодействующий политике США, также не могли не оказывать серьезного воздействия на выработку Соединенными Штатами подходов к этому региону.

Все большее значение для США приобретают и соображения, связанные с исключительными нефтяными богатствами Ближнего Востока, в недрах которого заключено, по официальным американским данным, почти 67% всех «доказанных» запасов нефти за пределами социалистических стран (вместе с арабскими странами Северной Африки даже 73% этих запасов)⁵. До начала 70-х годов нефтяные интересы США на Ближнем Востоке, при всем значении, которое им придавалось, ассоциировались прежде всего с огромными доходами, которые получали в этом регионе американские нефтяные монополии, и с тем позитивным воздействием, которое оказывали эти доходы (равно как и постоянно активное сальдо торгового баланса США с ближневосточными странами) на общий американский платежный баланс, сводившийся в течение уже многих лет, как правило, со значительным дефицитом. Кроме того, контроль над значительной частью добычи ближневосточной нефти рассматривался американским империализмом как важный дополнительный рычаг воздействия на другие нефтепотребляющие страны. Все эти факторы продолжают сохранять свое значение. Но в последние годы все большую роль стала играть для США сама возможность гарантированного физического импорта нефти с Ближнего Востока по «приемлемым» ценам. Особую важность этот последний фактор приобрел с развитием в капиталистическом мире в 70-х годах энергетического кризиса.

Дело в том, что любые меры, которые могут предпринять США как самостоятельно, так и совместно с другими развитыми капиталистическими странами для преодоления последствий энергетического кризиса за счет использования национальных ресурсов в лучшем случае принесут ощутимые результаты лишь к середине 80-х годов. Поэтому проблема гарантированных поставок нефти в США и особенно в другие развитые капиталистические страны в ближайшее десятилетие будет оставаться исключительно острой. «Основные промышленные страны мало что могут сделать для того, чтобы сразу же уменьшить свою зависимость от импорта нефти», — подчеркивается в ежегодном докладе американского Совета по вопросам международной экономической политики⁶.

Однако, поскольку традиционные источники поставок нефти в Соединенные Штаты из стран Западного полушария (в первую очередь Венесуэлы и Канады), доля которых в американском импорте нефти стала заметно сокращаться еще с начала 70-х годов, явно не смогут удовлетворить потребностей американской энергетики, постольку все большую роль для США начинает играть нефть Восточного полушария. В Восточном полушарии за пределами социалистических стран крупнейшие доказанные нефтяные месторождения сосредоточены на территории государств Ближнего Востока и в арабских странах Северной Африки.

Поэтому единственным источником, который в 70-х годах может удовлетворить растущие потребности в нефти США, как, впрочем, и других капиталистических стран, являются страны Ближнего Востока и арабские страны Северной Африки с их богатейшими нефтяными ресурсами. Более того, есть серьезные основания предполагать, что именно в этом районе могут находиться и новые, еще не открытые богатейшие нефтяные месторождения.

Особенность нефтяных ресурсов стран Ближнего Востока заключается также в удобстве их залегания и исключительной мощности пластов. С этим связаны чрезвычайно низкие издержки при ее добыче. Так, по данным лондонского журнала «Бэнкер», себестоимость добычи 1 барреля нефти на Ближнем Востоке составляла в 60-х годах всего 1,5 цента, в Африке — 13 центов, в Венесуэле — 15 центов, в то время как в США и Канаде — 1 долл. 40 центов, а в странах Западной Европы — 3 долл.⁷

К этому следует добавить, что главные производители нефти на Ближнем Востоке уже располагают развитой инфраструктурой (нефтепроводы, нефтеналивные порты и т. д.) для обеспечения ее поставок. Создание подобной инфраструктуры в любом другом районе мира, где могут быть открыты новые месторождения нефти, потребовало бы огромных дополнительных капиталовложений. Это в первую очередь относится к арктическим

районам, примыкающим к Аляске и Канаде, а также к континентальному шельфу Юго-Восточной Азии, где, по существующим предположениям, наиболее вероятны такие открытия.

Неудивительно поэтому, что импорт Соединенными Штатами нефти и нефтепродуктов из стран Ближнего Востока с начала 70-х годов неуклонно возрастал. Так, если в 1971 г. он составлял всего 3,2% общего потребления нефти в США, то в 1973 г. США как непосредственно, так и через третьи страны (значительная часть сырой нефти, поступающей в США из ближневосточного региона перерабатывается на нефтеочистительных заводах, расположенных в районе Карибского моря, и поэтому в отчетах обычно проходит как нефть, поступающая из стран Латинской Америки) импортировали из стран Ближнего Востока и Северной Африки около 12% необходимой им нефти⁸. Согласно данным, приводимым в ежегодном докладе Совета экономических советников, который был направлен президентом США в конгресс, только из арабских стран (не считая Ирана) Соединенные Штаты должны были в 1974 г. ввезти около 16% всей необходимой им нефти⁹. Расчеты американских специалистов показывают, что к 1980 г. США, возможно, будут вынуждены импортировать из арабских стран и Ирана около 35% общего количества необходимой им нефти¹⁰.

Избежать, следовательно, серьезной зависимости от поставок нефти в больших количествах из стран Ближнего Востока и Северной Африки Соединенные Штаты в ближайшие годы не смогут. Нефть, которую США уже получают из этих стран, — подчеркивал еженедельник „Ньюсуик“, — не может быть получена ни из каких других источников в мире»¹¹.

Не меньшее (фактически неизмеримо большее) значение имеют поставки ближневосточной нефти для Японии и западноевропейских стран. Но это, в свою очередь, с еще большей остротой ставит вопрос о новом раунде межимпериалистических противоречий на Ближнем Востоке, в частности о новом этапе межимпериалистической борьбы за ближневосточную нефть.

Все это, безусловно, оказало серьезное влияние на ближневосточную политику США, тем более что созревание и развитие энергетического кризиса было в значительной мере ускорено мерами, предпринятыми арабскими нефтедобывающими странами, как и другими странами, входящими в Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК), в связи с разразившейся в октябре 1973 г. четвертой арабо-израильской войной, внесшей серьезное изменение в политическое положение на Ближнем Востоке.

Разрабатывая конкретные политические шаги на Ближнем Востоке, Вашингтон вынужден во все большей степени учитывать, кроме того, реакцию Советского Союза, как объективного союзника всех прогрессивных сил.

Наконец, касаясь подхода США к Ближнему Востоку, нельзя оставлять без внимания и тот факт, что в течение уже ряда

десятилетий в Соединенных Штатах прочно укоренилась традиция рассматривать все связанные с этим регионом проблемы не только в плане внешнеполитическом, но и как важный фактор внутренней политики. Этот феномен, определяющий во многом специфику ближневосточной политики США на протяжении более четверти века, объясняется прежде всего действиями весьма активного израильского лобби, которое в Соединенных Штатах опирается на крупнейшую в мире еврейскую общину, насчитывающую около 6 млн. человек и оказывающую заметное влияние на политическую жизнь страны. И все же, сколько бы влиятельным ни было в США израильское лобби и какими бы тесными связями с основными монополистическими группировками страны ни обладало, оно представляет интересы лишь определенной части американских предпринимателей, а точка зрения любой американской администрации на проведение конкретной внешнеполитической линии в том или ином регионе (в том числе и на Ближнем Востоке) в конечном счете определяется всем комплексом политических, экономических и военно-стратегических целей США, как их понимает американский истеблишмент в целом.

В последние годы в Вашингтоне все большее распространение получает идея о том, что интересы США и Израиля на Ближнем Востоке не всегда и не во всем идентичны, ибо американские цели далеко выходят за рамки обеспечения интересов Израиля на Ближнем Востоке. Однако израильское лобби сохраняет все еще весьма большое влияние на определение ближневосточного политического курса Вашингтона, особенно в годы президентских выборов в США, и может добиваться внесения некоторых коррективов в выгодном для себя духе в генеральную внешнеполитическую линию Соединенных Штатов на Ближнем Востоке, во всяком случае, в тех рамках, в каких основные интересы правящих кругов США и Израиля совпадают, в том числе и в плане борьбы с национально-освободительным движением.

Таковы некоторые наиболее характерные черты, определяющие специфику ближневосточной политики США. Касаясь основных этапов развития этой политики после второй мировой войны, необходимо сразу же отметить, что на ее выработку постоянно оказывало влияние стремление не только учесть специфику региона, но и ввести подход США к ближневосточным проблемам в русло глобальной политики США. В последнее время вторая тенденция становится все более доминирующей.

На протяжении всего послевоенного периода Соединенные Штаты, придавая Ближнему Востоку исключительно большое значение, не прекращали настойчивых попыток укрепить свои позиции в этом районе, использовать его как один из опорных пунктов в борьбе с силами социализма и национально-освободительного движения. Выражая широко распространенное в США

мнение, руководитель отдела по делам Ближнего Востока и Северной Африки Корпорации аналитических исследований Бернард Рейх указывал, что этот «основной компонент всей послевоенной ближневосточной политики США» оставался неизменным и что «эта политика первоначально была испытана еще в Турции, Иране и Греции»¹². И хотя суть ближневосточной политики Вашингтона на протяжении всего послевоенного периода оставалась неизменной, методы действий, к которым прибегали Соединенные Штаты на Ближнем Востоке, неоднократно менялись.

На первом этапе США еще не считали, что располагают достаточными средствами и возможностями для самостоятельных действий во всем регионе. Поэтому основные свои усилия они сконцентрировали на странах так называемого «северного яруса», непосредственно граничащих с Советским Союзом или другими европейскими социалистическими странами, т. е. на Иране, Турции и Греции, что наиболее ярко проявилось в провозглашении 12 марта 1947 г. «доктрины Трумэна» — первой крупной американской внешнеполитической доктрины послевоенного периода, ознаменовавшей, по признанию даже американских ученых, начало «холодной войны»¹³.

В отношении же арабских стран Соединенные Штаты на том этапе пытались координировать свою политику с Англией и Францией, которые еще располагали на Арабском Востоке неизмеримо более прочными позициями, чем США. В результате такой координации 25 мая 1950 г. появилась на свет «тройственная декларация» США, Англии и Франции, по которой эти три страны в обход ООН, в одностороннем порядке фактически возлагали на себя роль гарантов перемирия 1949 г. между арабскими странами и Израилем и присваивали себе право определять уровни вооруженных сил и вооружений этих государств.

Вместе с тем авторы декларации не скупились и на громкие слова. Они декларировали «свою глубокую заинтересованность в содействии установлению и поддержанию мира и стабильности в этом районе и свое желание способствовать осуществлению этой цели, а также свою неизменную оппозицию использованию силы или угрозы силы в отношениях между любыми государствами этого района». Более того, США, Англия и Франция торжественно провозгласили готовность «в случае, если их правительства обнаружат, что любое из ближневосточных государств ведет подготовку к нарушению границ или линий перемирия, немедленно предпринять в соответствии со своими обязательствами в качестве членов Организации Объединенных Наций действия как в рамках ООН, так и вне рамок этой организации с целью предотвратить такое нарушение»¹⁴. Чего стоили эти обязательства, показала англо-франко-израильская агрессия против Египта в 1956 г.

Империалистический характер «тройственной декларации»

был тем не менее настолько очевиден, что даже прозападные правительства Египта, Сирии, Ливана, Саудовской Аравии, Йемена, Ирака и Иордании сочли необходимым сразу же выступить с совместным ответом на нее, в котором подчеркнули, что «не допустят никакого действия, которое наносило бы ущерб их суверенитету или их независимости»¹⁵.

Одновременно на Ближнем Востоке, как и в других районах мира, США взяли курс на укрепление своих позиций с помощью включения государств этого региона в различные военные блоки, созданные или планировавшиеся к созданию империалистическими державами под американской эгидой.

Особенно активизировались США в этом отношении после создания НАТО и развязывания войны в Корее в 1950 г. Так, на протяжении 1950—1951 гг. США, Англия и Франция, а также Турция неоднократно выдвигали предложения о создании так называемого Средневосточного командования, в распоряжение которого должны были бы перейти все вооруженные силы ближневосточных государств. Кроме того, США, Англия, Франция и Турция должны были получить возможность вводить свои войска на территории стран — участниц командования в целях «совместной обороны». Эти планы также были отвергнуты арабскими странами, которые справедливо расценили их как попытку сохранить империалистическое господство на Ближнем Востоке, лишь сменив его вывеску и заменив, допустим, в Египте английское господство своего рода межимпериалистическим кондоминиумом.

Отказ арабских стран поддержать план создания Средневосточного командования, твердая позиция Советского Союза, который предупредил правительства США, Англии, Франции и Турции об опасных последствиях их агрессивных планов, а также острая межимпериалистическая борьба между США и Англией за руководящую роль в будущем блоке предопределили провал попытки его создания. Тем не менее США и Англия не прекращали усилий по сколачиванию на Ближнем Востоке в той или иной форме военного блока, в который помимо западных держав и Турции должны были бы войти арабские страны и Израиль. Лишь в 1953 г. после поездки по ближневосточному региону Джона Фостера Даллеса, который пришел к выводу, что на Ближнем Востоке нет реальных условий для создания организации, полностью аналогичной НАТО и охватывающей все страны региона, была выдвинута идея организации блока только мусульманских стран. Однако и этот, как и другие варианты военного пакта не был осуществлен, и было принято решение начать строительство такого пакта с двусторонних соглашений между отдельными возможными его членами, к числу которых был подключен Пакистан. Поскольку особый упор делался на вовлечение в пакт в первую очередь стран, граничащих с Советским Союзом или расположенных сравнительно близко от него,

после реакционного переворота в Иране в августе 1953 г., в подготовке и организации которого ведущую роль сыграла американская агентура, практически был поставлен вопрос и о включении Ирана в число членов такого пакта. Планировалось также привлечь в той или иной форме в создаваемую организацию Афганистан, но конкретной реализации эти планы так и не получили.

Начало новой системы было положено заключением 2 апреля 1954 г. военного пакта между Турцией, которая с 1952 г. уже была членом НАТО, и Пакистаном с идеей расширить его затем за счет других стран Ближнего Востока. Когда в сентябре того же года Пакистан вместе с США, Англией, Францией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом и Филиппинами подписал Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии (СЕАТО), окончательно вырисовался американский план окружения Советского Союза и других социалистических стран системой взаимоперекрещивающихся военных блоков, простирающейся сплошной цепью от Европы до Дальнего Востока.

В апреле 1954 г. США расширили военную помощь Ираку, где у власти в то время находился реакционный режим английского ставленника Нури Саида, а в феврале 1955 г. в Багдаде был подписан Договор о взаимном сотрудничестве между Ираком и Турцией, положивший начало окрещенному по месту его рождения Багдадскому пакту. 4 апреля к этому новому военно-политическому союзу присоединилась Англия, 23 сентября — Пакистан и 11 октября — Иран.

Соединенные Штаты, хотя они и активно поддерживали саму идею создания такого пакта, формально в него не вошли¹⁶. Такая позиция США объяснялась рядом причин. Среди них необходимо отметить тот факт, что англичане отнюдь не собирались уступить американцам контроль над этим пактом и рассчитывали играть в нем решающую роль, используя прежде всего свои прочные позиции в Ираке. Но главная причина заключалась, видимо, в нежелании США еще больше осложнить свои отношения с подавляющим большинством арабских стран, которые с полным основанием расценили этот пакт как попытку расколоть фронт арабских государств, начинавших под влиянием прежде всего египетской революции 1952 г. приобретать антиимпериалистический характер. Правящие же круги США не теряли надежду втянуть в орбиту своей политики арабские государства, завоевавшие национальный суверенитет.

В середине 50-х годов, особенно после июльской революции 1952 г. в Египте, правящие круги США стали все больше полагаться в плане реализации этой надежды на попытки воспрепятствовать экономическому и социальному прогрессу арабских стран с помощью методов неокOLONиализма, что связано с новым, весьма кратковременным и не очень четко выраженным, этапом в ближневосточной политике США. Не ослабляя внима-

ния к блоковой политике, Вашингтон на этом этапе начал активно предпринимать попытки сближения с арабскими государствами на основе обновленной стратегии, делавшей упор на посулы экономической помощи. «Широкая по степени своего распространения и длительная по времени осуществления программа американского участия в экономическом развитии слаборазвитых регионов,— заявляли в те годы видные американские социологи и международники М. Милликэн и У. Ростоу,— может и должна быть одним из наиболее важных средств осуществления целей американской внешней политики»¹⁷. Предоставление американской помощи ближневосточным странам на том этапе, однако, как правило, жестко обуславливалось консервацией в них возможно более реакционных общественных отношений и поддержкой антинародных монархических и феодальных клик и режимов. Да и этот курс проводился весьма непоследовательно. Когда «политика пряника» не срабатывала и не приносила желаемых результатов, как это было, например, с покойным египетским президентом Насером, США вновь прибегали к «политике кнута», оказывая на непокорные арабские страны жесткое экономическое и даже военное давление.

В этой связи стоит напомнить об известном решении Джона Фостера Даллеса отказаться от достигнутого уже в принципе соглашения относительно финансирования Соединенными Штатами совместно с Англией и Международным банком реконструкции и развития строительства высотной плотины в районе Асуана после того, как Египет отверг выдвинутые США кабальные условия¹⁸. По словам президента Насера, принятие этих условий «означало бы фактически установление иностранного контроля над финансами, бюджетом и экономикой страны в целом»¹⁹. Ответом на шантаж Даллеса была, как известно, национализация Египтом Суэцкого канала, ознаменовавшая собой, как и последовавшая за ней тройственная англо-франко-израильская агрессия, один из ключевых моментов в развитии событий на Ближнем Востоке.

Именно с этим связан переход к следующему, третьему этапу в ближневосточной политике США. После бесславного провала тройственной агрессии против Египта в 1956 г. лидирующее положение США на Ближнем Востоке другими империалистическими державами уже не оспаривалось, и Соединенные Штаты открыто выступили в качестве наследника старых колониальных империй — Англии и Франции. Сложившееся к тому времени соотношение сил между империалистическими державами на Ближнем Востоке, как его понимали в Вашингтоне, должна была закрепить юридически так называемая «доктрина Эйзенхауэра», сформулированная в специальном послании, с которым президент США обратился к конгрессу 5 января 1957 г. Эта доктрина, одобренная совместной резолюцией конгресса США 9 марта 1957 г., в одностороннем порядке провозглашала право

президента США вмешиваться, в том числе и вооруженным путем, во внутренние дела любой страны Ближнего Востока для борьбы с «международным коммунизмом».

Агрессивная направленность и колонизаторский характер «доктрины Эйзенхауэра», преследовавшей цель воздвигнуть барьер на пути дальнейшего развития освободительного движения народов стран Ближнего Востока и закрепить за США привилегированные позиции в этом районе мира, была настолько очевидна, что, несмотря на содержащиеся в ней туманные фразы о миролюбии США и заботе, проявляемой в отношении ближневосточных стран, из всех арабских стран лишь королевская Ливия и Ливан решились открыто выразить с ней согласие. Даже член Багдадского пакта Ирак не считал возможным пойти на это.

Осенью 1957 г. обстановка на Ближнем Востоке вновь резко накалилась. А 14 июля 1958 г., когда монархия в Ираке была свергнута и новое правительство немедленно объявило о выходе Ирака из Багдадского пакта, американский империализм, воспользовавшись как прикрытием «доктриной Эйзенхауэра», прибег к открытой вооруженной интервенции. Стремясь нанести сокрушительный удар по антиимпериалистическим силам на Ближнем Востоке и предотвратить распространение иракского примера на соседние арабские страны, США 15 июля высадили свою морскую пехоту в Ливане, а 17 июля обеспечили поддержкой с воздуха английский десант в Иордании.

Попытки США открыто взять на себя жандармские функции на Ближнем Востоке встретили решительный отпор со стороны большинства независимых арабских государств, получивших твердую поддержку миролюбивых стран во главе с Советским Союзом. Революцию в Ираке задуть не удалось. Да и из Ливана и Иордании США и Англия были вынуждены вывести свои войска в конце 1958 г. Таким образом, ставка США на прямое вооруженное вмешательство в дела ближневосточных стран с тем, чтобы направить их социально-экономическое и политическое развитие в угодном для себя направлении, успеха не имела. Наоборот, опираясь на сочувствие и поддержку Советского Союза и других стран социалистического содружества, многие государства Ближнего Востока именно в конце 50-х — начале 60-х годов сделали ряд важных шагов по пути не только к полному политическому, но и к экономическому освобождению от пут иностранного капитала.

Дальнейший подъем национально-освободительного движения на Ближнем Востоке вообще поставил под вопрос будущее позиций американского империализма в этом регионе. В США все чаще стали выражаться опасения, что непосредственное участие в военном противоборстве на Ближнем Востоке может лишь еще более ускорить подрыв экономических и военно-стратегических позиций Вашингтона во всем этом районе.

Все это предопределило переход к новому, четвертому этапу в ближневосточной политике США, совпавшему с приходом в Белый дом демократической администрации Джона Кеннеди. Несмотря на внесение довольно заметных изменений в методы достижения целей, определяющей чертой и этого этапа, подчеркивал председатель Коммунистической партии США Г. Уинстон, оставались «поиски оптимальной стратегии, направленной на консолидацию, а возможно, и расширение сферы капитализма, в которой США располагают своей собственной невидимой колониальной империей»²⁰.

Этой цели и отвечала провозглашенная президентом Кеннеди политика «новых рубежей», представляющая собой, как справедливо отмечал советский исследователь В. Ф. Ли, «сочетание старых и новых, традиционных и усовершенствованных, завуалированных и прямых приемов и методов экспансии»²¹.

Настоятельная необходимость внесения изменений в политику США на Ближнем Востоке назрела еще до прихода Джона Кеннеди в Белый дом. «После смерти Джона Фостера Даллеса (последовавшей в 1959 г.—А. К.),— писал видный американский специалист по проблемам Ближнего Востока У. Полк,— стало ясно, что Соединенные Штаты оказались не в состоянии навязать свои желания на Ближнем Востоке». «Теория, лежащая в основе американской политики в тот период,— продолжал он,— основывалась на двух идеях. Одна из них заключалась в том, что даже в странах, режимы которых враждебны к США, возможно использование американской помощи для поощрения тех тенденций и тех людей, которые будут способствовать созданию ситуации, более благоприятной для реализации американских интересов. Другая — в том, что без ущерба для достижения своих фундаментальных целей Соединенные Штаты могут на длительный период времени допустить высокий уровень арабской политической активности»²². С приходом администрации Кеннеди в 1961 г. появилась возможность переоценить и перестроить американскую политику на Ближнем Востоке.

При администрации Кеннеди были значительно увеличены, в частности в начале 60-х годов, поставки продовольствия арабским странам на основе «закона 480». Стремясь завоевать расположение ближневосточных стран, США предприняли ряд шагов к сокращению своего военного присутствия в этом регионе: в 1961 г. по просьбе правительства Саудовской Аравии они вывели с авиабазы Дахран свои военные подразделения, которые находились там со времен второй мировой войны. Одновременно в начале 60-х годов США неоднократно пытались взять на себя роль «беспристрастного» арбитра и посредника на Ближнем Востоке. Достаточно вспомнить в этой связи предложение американского посла Банкера о посредничестве между сторонами в гражданской войне в Йемене; миссию президента Фонда Кар-

неги Джозефа Джонсона на Ближний Восток, предпринятую в рамках ООН в конце 1961 — начале 1962 г. для «консультаций» с правительствами Израиля и арабских стран по палестинской проблеме и т. д.

Однако не эти маневры, рассчитанные на создание благоприятного для США климата в ближневосточных странах, представляли собой основное русло ближневосточной политики США на данном этапе. Специфика этой политики (и в этом она кардинально отличалась от политики «новых рубежей», проводившейся в других регионах) заключалась в том, что все больший упор в ней делался на военное сотрудничество с Израилем, который преследовал свои собственные экспансионистские планы. Именно эта тенденция — ставка на Израиль как главное орудие достижения своих целей — стала полностью превалировать в ближневосточной политике США уже в первой половине 60-х годов. Характеризуя ближневосточную политику США этого периода, газета «Нью-Йорк Таймс» справедливо отмечала, что, «потерпев провал с Багдадским пактом и с доктриной Эйзенхауэра, Соединенные Штаты пытаются использовать Израиль в своих интересах в этом районе»²³.

Переход к открытому, прямому военному сотрудничеству США с Израилем окончательно наметился в 1962 г., когда была достигнута первая договоренность о поставках последнему оружия непосредственно из США, в частности о поставках американских зенитных ракет «Хок» и о направлении в Соединенные Штаты израильских военных специалистов для обучения обращению с ними. Практически эти ракеты начали поступать в Израиль с конца 1963 г. В 1966 г. было подписано соглашение о поставках в Израиль американских штурмовиков «Скайхок» и танков «Паттон».

Это, конечно, не означает, что до начала 60-х годов Соединенные Штаты не поддерживали агрессивных замыслов Израиля, который с самых первых дней своего существования был американским форпостом на Ближнем Востоке. Еще в 1952 г. между Израилем и США было подписано Соглашение о помощи по обеспечению взаимной безопасности, по которому Израиль, в частности, обязывался «предоставлять в распоряжение США оборудование, материалы, услуги и другую помощь», вместе с США «участвовать в обороне района, частью которого он является», а также в мероприятиях «по охране международной безопасности»²⁴.

Однако в то время США открыто не брали на себя каких-либо военных обязательств в отношении Израиля. В 50-х годах Вашингтон, видимо, еще не считал целесообразным при всей своей поддержке израильских экспансионистов открыто и официально связывать себя с ними и тем самым еще больше отталкивать от себя арабские страны. Лишь с 60-х годов, и особенно после прихода в Белый дом администрации Линдона Джонсона

и расширения вооруженной интервенции США во Вьетнаме, американское оружие открыто полилось в Израиль широким потоком. Одновременно США значительно сократили масштабы своего зангравания с арабскими странами, резко уменьшив, в частности, объем предоставляемой им экономической помощи. Впрочем, тенденция к сокращению экономической помощи США развивающимся странам в эти годы не ограничивалась только арабскими странами.

К середине 60-х годов (и с этим связано наступление пятого этапа в ближневосточной политике США) Израиль превратился в бесспорную главную ударную силу американского империализма на Ближнем Востоке, с помощью которой Вашингтон рассчитывал добиться своих целей, не идя вместе с тем на непосредственное вооруженное вмешательство. Наиболее ярко проявилось это в ходе израильской агрессии 1967 г., в основе которой, как подчеркивалось в Заявлении Верховного Совета СССР о положении на Ближнем Востоке от 15 июля 1970 г., лежала «политика империализма, стремящегося нанести удар по освободительному движению арабских народов и сохранить свои стратегические и экономические позиции в этом районе, в особенности возможность эксплуатировать его нефтяные богатства». Вместе с тем, отмечалось далее в этом заявлении, «агрессия Израиля на Ближнем Востоке, поддерживаемая неокOLONналистскими кругами, направлена не только против арабских государств. То, что происходит в этом районе, на стыке азиатского и африканского континентов, имеет прямое отношение к судьбам народов всех стран Азии и Африки, к судьбам всеобщего мира и безопасности народов»²⁵.

На первых порах после июньской агрессии 1967 г. Вашингтон чувствовал себя настолько близким к достижению своих целей на Ближнем Востоке, что посчитал возможным отбросить всякий камуфляж. Как подчеркивал влиятельный журнал «Форчун», имея в виду «тройственную декларацию» 1950 г., приверженность к которой подтверждали американские президенты, занимавшие кресло в Белом доме после Гарри Трумэна, США пошли даже на то, чтобы «отказаться от взятого на себя за 17 лет до этого безусловного обязательства защищать территориальную целостность всех государств Ближнего Востока»²⁶.

Однако курс на откровенную и одностороннюю ориентацию на Израиль, на «израилизацию», хотя и создавал определенную ширму для прикрытия действий американского империализма на Ближнем Востоке и на первых порах казался успешным²⁷, в конечном счете, как показало дальнейшее развитие событий в этом регионе мира, успеха США не принес. Подавить национально-освободительное движение арабских народов и тем самым упрочить американские позиции на Ближнем Востоке с помощью израильской агрессии не удалось. Наоборот, вскоре после агрессии это движение поднялось на новую, более высо-

кую ступень. Добились независимости народы Бахрейна, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов. Не удалось сокрушить республиканский строй в Йемене. Завершилась победой борьба за независимость Южного Йемена, где была создана Народная Демократическая Республика Йемен, народ которой активно приступил к социальному переустройству своей страны. После победы революции на путь новой жизни встала Ливия. Важные положительные изменения социального порядка произошли в Ираке и Алжире.

Такое развитие событий на Ближнем Востоке не могло не вызвать явного недовольства в США, где все громче стали раздаваться голоса о необходимости поисков новых путей к достижению американских целей на Ближнем Востоке. «Наступило время,—подчеркивалось в журнале „Форчун“,—провести реалистическую всестороннюю переоценку наших целей в арабском мире, системы приоритетов и средств, с помощью которых эти цели лучше всего могут быть достигнуты»²⁸. Особенно усилились в США требования пересмотреть методы достижения целей (ибо, по существу, вопрос о пересмотре задач, которые оставались неизменными, не стоял) на рубеже 60-х и 70-х годов. Объективной основой подобных требований было явное несоответствие методов ближневосточной политики США той конкретной политической обстановке, которая складывалась как в этом районе земного шара, так и в мире вообще.

Так создались предпосылки для новых изменений в американской тактике на Ближнем Востоке, для попыток достигнуть старых целей новыми методами, характерными для 70-х годов. Особенно отчетливо этот новый, шестой этап в ближневосточной политике проявился после октябрьской войны 1973 г. Большую роль в этом плане сыграл также энергетический кризис, охвативший с конца 1973 г. весь капиталистический мир.

Суть новых методов США на Ближнем Востоке можно было бы сформулировать как политику «арабизации» и «иранизации», которая вписывается в общую внешнеполитическую доктрину США, преследующую цель задержать национально-освободительное движение в странах «третьего мира», используя в первую очередь силы местных режимов. В долговременном плане этот курс на Ближнем Востоке означает некоторый отход от односторонней ориентации на Израиль как единственную проамериканскую ударную силу в этом районе. Такой частичный отход, по мнению Вашингтона, должен открыть для Соединенных Штатов дополнительные возможности для политического маневрирования на Ближнем Востоке, создавая условия для диверсификации, максимального расширения круга американских партнеров и клиентов, с одной стороны, и предпосылки для укрепления проамериканских кругов арабских стран—с другой. Стремясь предотвратить развитие ближневосточных стран по некапиталистическому пути, способствовать созданию благопри-

ятных условий для расширенного воспроизводства в них капиталистических отношений и тем самым преодолеть в какой-то мере последствия краха колониальной системы и в то же время закрепить за собой преобладающие позиции на Ближнем Востоке, Вашингтон сделал главную ставку на экономико-техническую и военную привязку этих стран к США и капиталистической системе хозяйства в целом. Имея в виду прежде всего укрепление частного сектора экономики ближневосточных стран, США на первый план вновь выдвигают посулы экономической и технической помощи. Одновременно даются обещания занять «беспристрастную» позицию в деле урегулирования ближневосточного кризиса и других конфликтов в этом районе и т. д.

Чтобы привязать к себе ближневосточные страны экономически, США идут на такие меры, которые всего несколько лет назад казались просто немыслимыми. Они, например, не противятся в ряде случаев частичной или даже полной национализации (конечно, при «надлежащей» компенсации) принадлежавших ранее американским компаниям предприятий, в том числе и в нефтедобывающей промышленности, охотно идут на различные формы сотрудничества с национальным капиталом ближневосточных стран, способствуют даже развитию в этих странах вполне современных промышленных предприятий и целых отраслей промышленности. В основе этих шагов лежит, разумеется, не что иное, как далеко идущий корыстный расчет. «Участие в американском бизнесе (национального или государственного капитала ближневосточных стран.— А. К.),— писал по этому поводу еще в начале 1972 г. в редакционной статье журнал „Бизнес Уик“,— может лучше удержать от экспроприации, чем любое число канонеров»²⁹.

Для того чтобы эти методы действовали успешно, США заинтересованы в определенном уровне стабильности на Ближнем Востоке, прежде всего в странах, наиболее тесно связавших себя с американским империализмом. Одним из путей к созданию такой стабильности является, по мнению Вашингтона, поддержка «региональных коллективных усилий по охране района», т. е. создание под эгидой США системы пактов между проамериканскими консервативными режимами, направленной в первую очередь на борьбу с национально-освободительным движением в ближневосточных странах. Отсюда стремление активизировать деятельность СЕНТО, настойчивые попытки сколотить блок монархических государств в районе Персидского залива с возможным вовлечением в него и немонархических стран и т. д. Ради достижения этой цели Соединенные Штаты способствуют некоторому смягчению исторически сложившихся, подчас достаточно острых территориальных, династических, престижных, религиозных и других противоречий, существующих между теми ближневосточными странами, на которые США делают ставку в первую очередь.

Вместе с тем в полной мере сохраняется и курс на подрыв или перерождение прогрессивных систем в развивающихся странах. Новым элементом в этом курсе является все больший упор на использование богатых нефтью и, следовательно, валютными ресурсами монархических режимов стран Персидского залива, которым отводится двоякая роль. С одной стороны, эти страны должны быть своего рода витриной «успешного решения» экономических и социальных проблем в рамках капиталистической системы, прежде всего в результате сотрудничества с США. С другой — они должны использовать часть из своих колоссальных валютных накоплений для оказания помощи другим развивающимся странам. Поскольку социальные цели и практические формы такой помощи не отличаются фактически от тех, на основе которых действуют империалистические государства, постольку объективно эта помощь должна способствовать созданию серьезных дополнительных препятствий на пути социального прогресса получающих ее развивающихся стран, и в частности содействовать активизации в этих странах правых элементов, толкающих их на развитие по капиталистическому пути.

Особые надежды в плане замены прогрессивных систем в странах «третьего мира» Соединенные Штаты возлагают на нынешнем этапе на Саудовскую Аравию и Иран, которые выступают в роли привилегированных клиентов США. Касаясь все расширяющихся программ «сотрудничества» США с этими странами, и в частности колоссальных по объему поставок им самого современного американского оружия и заключения с ними соглашений о широком экономическом, научно-техническом и военном сотрудничестве на долговременной основе, обозреватель газеты «Вашингтон Пост» Джозеф Крафт подчеркивал, что, «даже уходя столь болезненно из Юго-Восточной Азии, США погружаются в Персидский залив». Вместе с тем Дж. Крафт предупреждал, что «шах и король — хитрые покупатели, руководствующиеся собственными интересами, не всегда совпадающими с американскими идеями»³⁰.

Поэтому, создавая «благоприятный» для себя климат в ближневосточных странах, пытаюсь заинтересовать их в сотрудничестве с США, Вашингтон по-прежнему не отбрасывает полностью возможности возвращения к методам грубого шантажа и прямого военного давления на страны Ближнего Востока. Об этом недвусмысленно свидетельствуют многочисленные высказывания высокопоставленных государственных и военных деятелей США. Угрозы, время от времени раздающиеся из Вашингтона в адрес ближневосточных стран, показывают, что нельзя исключать того, что при определенном развитии событий в этом регионе мира США могут вновь занять более жесткую позицию.

Однако едва ли можно ожидать, что сейчас, когда соотношение сил в мире изменилось, подобные методы окажутся более успешными, чем десятилетие или два назад.

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

По свидетельству историков, первые контакты между Соединенными Штатами и Китаем начались в сфере торговли и датируются 1784 г. Вслед за купцами в Китай устремились американские миссионеры, и к началу 30-х годов нынешнего столетия их численность в Китае была больше, чем в какой-либо другой стране мира.

С появлением доктрины «открытых дверей», выдвинутой в 1899 г. тогдашним государственным секретарем США Хэем, в американской исторической литературе стала широко распространяться версия, согласно которой политика США в Китае отличалась от политики других держав своим «бескорыстием»; принцип «открытых дверей» был-де направлен в защиту независимости и суверенитета Китая, в то время как остальные державы строили планы его раздела, стремились к «полной колонизации Дальнего Востока»¹. Эта версия, однако, отражала точку зрения лишь официальных кругов Вашингтона и отнюдь не соответствовала действительному положению вещей. На деле же правители Америки на протяжении всего XIX в. вмешивались в той или иной форме во внутренние дела Китая, осуществляя в Азии чисто колониальную политику. Так, они поддержали Англию в ее захватнической войне с Китаем в период первой «опиумной войны» (1839—1842); американские военные корабли принимали участие в боевых действиях на стороне захватчиков во время второй и третьей «опиумных войн» (1856—1860), когда Англия и Франция совместно вторглись в Китай и оккупировали Тяньцзинь и Пекин; вместе с Англией и Францией Соединенные Штаты приняли активное участие в подавлении Тайпинского революционного движения (1851—1864).

В период революции 1911—1913 гг. в Китае американский империализм был на стороне контрреволюционных сил во главе с Юань Ши-каем. Спустя некоторое время Соединенные Штаты выступили в качестве одного из организаторов и активных участников подавления сил китайской демократии во время национальной революции 1925—1927 гг. США решительно поддержали тогда контрреволюционные силы во главе с предателем и врагом китайского народа Чан Кай-ши. «Американские импери-

алисты никогда не были друзьями китайского народа,— заявил на заседании Совета Безопасности ООН в 1950 г. представитель Китайской Народной Республики.— Они постоянно становились на сторону врагов китайского народа. Они всегда были врагами китайского народа»².

Советский историк Г. В. Астафьев подчеркивает, что политика США в Китае, которая маскировалась либеральными фразами о «дружбе», сочувствии и помощи китайскому народу в его стремлении к освобождению и объединению, являлась характерным примером колониальной политики США. Он выделяет следующие особенности китайской политики Соединенных Штатов, сложившейся еще в конце XIX в.: так называемая политика открытых дверей, направленная на недопущение раздела Китая другими империалистическими державами до тех пор, пока США сами не станут достаточно сильными, чтобы проглотить его целиком; стремление избегать открытого вмешательства в дела Китая, используя для установления своего господства в Китае местную феодально-компрадорскую реакцию, феодалов-милитаристов, тесно связанных с империалистами и заинтересованных в помощи со стороны империализма для поддержания своей власти и подавления освободительного движения народных масс; стремление путем широкой военной, политической и экономической поддержки феодально-милитаристских клик и отдельных милитаристов создать «сильное» правительство или личную диктатуру, целиком зависимые от США и в то же время способные «объединить» страну в интересах американского империализма³.

В соответствии с официальной линией китайской политики Вашингтона и под влиянием мощного пропагандистского аппарата формировалось и американское общественное мнение. Отношение к Китаю с давних пор выражалось в устойчивом комплексе превосходства, опекуинства. По мнению американского публициста А. Т. Стила, связи США с Китаем развивались под воздействием трех главных движущих мотивов с американской стороны: получение прибыли, «продвижение» национальных интересов и спасение миллионов китайских безбожников от нищеты и проклятия. «В США привыкли смотреть на китайцев как на людей низшей категории,— писал А. Т. Стил,— которые не могут надеяться достичь подлинно высокого положения в мире, пока они не откажутся от своих языческих привычек и не встанут на путь христианской цивилизации»⁴.

После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики в Соединенных Штатах надолго утвердился взгляд на Китай как на «типичную коммунистическую страну», что автоматически превратило его в одного из главных противников США на мировой арене.

На протяжении двух десятилетий в Вашингтоне и Пекине культивировалась взаимная враждебность, которая находила

свое выражение в установках на «изоляцию», «сдерживание», борьбу по принципу «острием против острия» и т. д. и порой едва не перерастала в вооруженный конфликт. У среднего американца в то время не было сомнений в правильности курса на всемерную поддержку режима Чан Кай-ши.

После того как с конца 50-х годов в позиции пекинского руководства наметились националистические, антисоветские тенденции, которые позднее стали целиком определять как внутренних, так и внешнеполитический курс Китая, начался процесс постепенной трансформации отношения к КНР со стороны правящей элиты США. «Ограниченная враждебность и изоляция», «сдерживание без изоляции», «контакты и примирение в сочетании со смягченным сдерживанием», «наведение мостов» — таковы основные вехи этой эволюции. Кульминационным пунктом явился визит в Китай в 1972 г. тогдашнего президента США Р. Никсона.

С начала 70-х годов США и КНР ведут поиски путей к взаимному сближению, поиски компромиссов в тех вопросах, по которым стороны недавно занимали «бескомпромиссную» позицию. Эти изменения привлекают внимание международной общественности не только и не столько потому, что они выглядят довольно-таки необычно на фоне предшествовавшей им затяжной конфронтации (ведь в конце концов по времени они совпадают с общим процессом нормализации отношений Советского Союза и других социалистических стран с государствами иной социально-политической формации), сколько специфическим характером мотивов, лежащих в основе действий сторон.

Подход руководителей американской внешней политики к использованию китайского фактора весьма прагматичен: проводимый Пекином курс привел, по их мнению, к таким переменам в расстановке сил в Азии, когда для Соединенных Штатов стало возможным и желательным, по выражению американского китаеведа проф. А. Д. Барнетта, «иметь дело с Пекином и Москвой по отдельности, а не как с частями единого блока»⁵.

Поэтому Китай играет как в азиатской, так и в глобальной внешнеполитической стратегии США особую роль. В Вашингтоне считают, что, объявив о своей «независимости» от социалистического содружества, Пекин содействовал переходу от «биполярности» к «многополярности» на мировой арене. В глобальном масштабе концепция «многополярности» выглядит в виде «пятиугольника», состоящего из СССР, США, Западной Европы, Японии и Китая. В азиатском регионе в центр мировой политики все больше входят также Индия, Индонезия, Иран и другие государства. Здесь особое значение в глазах Вашингтона приобретают отношения между США, Китаем, Японией, Советским Союзом и Индией. С учетом этих изменений, а также амбициозных, великодержавных настроений Пекина правящие круги США стремятся перестроить систему американо-китайских отношений,

приспособить ее для достижения своих политических, экономических и военно-стратегических интересов. Изменения в характере китайской политики правительства США равным образом отражаются на подходе Вашингтона к ряду азиатских региональных проблем (в частности, при отмене в феврале 1975 г. эмбарго на поставки вооружения в Пакистан и Южную Азию вообще американское правительство несомненно учитывало эволюцию взглядов Пекина, не желавшего ослабления присутствия США в этом районе).

Геополитические воззрения стратегов американской внешней политики перекликаются с пекинским видением современного развития и расстановки сил на мировой арене. С 1970 г. главной установкой международного курса Китая стала доктрина «борьбы против гегемонии двух сверхдержав» — СССР и США (в 1974 г. пекинскими идеологами пущен в ход модифицированный вариант этой доктрины — «теория трех миров»).

Пекин рассматривает развитие событий в мире через призму доктрины «двух сверхдержав», подгоняет всю их сложность и многообразие под искусственно созданную схему. По этой схеме в мире на одной стороне существуют «два гегемона» — США и СССР, которые пытаются «разделить мир, переделить его на сферы влияния и установить свое мировое господство». На другой стороне — «малые, средние, слабые государства». Основным содержанием современных международных отношений, согласно этой извращенной схеме, является борьба «малых и средних стран» против «двух сверхдержав». По «теории трех миров», США и СССР образуют «первый мир», развитые страны — «второй мир» и развивающиеся страны — «третий мир». В подобной трактовке соотношения сил в мире нет и намек на классовый марксистско-ленинский подход, ибо в ней сводится на нет принципиальное различие между мощью Советского Союза, стоящего на службе сил социализма, мира и прогресса, и военно-экономическим потенциалом США — цитадели империализма.

Здесь уместно напомнить, что доктрина «сверхдержав» родилась в начале 60-х годов в кругах американских идеологов, облекавших в новые формы стремление империализма к мировому господству. Эта концепция притупляет антимонополистическое движение и вносит в него путаницу. На мировой арене концепция «сверхдержав» ослабляет антиимпериалистический накал борьбы. Вот почему империализм Соединенных Штатов в первую очередь выдвигает концепцию «бесклассовой сверхдержавы».

Есть в американско-китайском сближении еще один существенный аспект. Реакционные круги в США не скрывают своих расчетов использовать Пекин как орудие в международной классовой борьбе, в борьбе двух систем и двух идеологий. Усилия мощного аппарата американской пропаганды, по существу, сомкнулись с усилиями пропагандистского аппарата КНР в их атаках

на марксистско-ленинскую идеологию, на силы социализма и международное коммунистическое движение. «Много влияний, изменений и потрясений пережил Китай за тысячелетия своей истории. Сейчас коммунизм меняет облик Китая. Но и сам Китай меняет облик коммунизма», — в сопровождении такого текста в марте 1974 г. в Соединенных Штатах демонстрировался американский телевизионный фильм «Шанхай» — своеобразная реклама Пекину и его политике. В последней фразе этого отрывка заключена основная мысль создателей фильма, их надежда на то, что с помощью китайских концепций удастся «изменить» коммунизм, лишить его силы и привлекательности для сотен миллионов людей на Западе и Востоке.

С тех пор, как между Вашингтоном и Пекином были установлены прямые контакты, прошло несколько лет. Утих ажиотаж, искусственно поднятый средствами информации обеих сторон вокруг «сенсационных» и «драматических» сдвигов в связи с визитом тогдашнего президента Никсона в КНР в феврале 1972 г. В последовавшие за этим визитом годы в американо-китайских отношениях отчетливо проявились две группы факторов: факторы, обусловившие обоюдную заинтересованность в развитии связей, и факторы, определившие противоречия, которые разделяют США и Китай.

Среди международных проблем, по которым отмечаются сходство или различия в позициях США и КНР, особняком стоит проблема отношения к Советскому Союзу. Дело в том, что в Соединенных Штатах (этого в Вашингтоне никто не скрывает) первую страну социализма, с одной стороны, по-прежнему рассматривают в качестве основного политического и идеологического соперника на мировой арене, а с другой стороны, видят в ней главного своего партнера в условиях равенства ракетно-ядерных арсеналов двух стран и сопоставимости их экономической мощи и силы политического воздействия на ход мировых событий. Все большее число американцев убеждается в том, что в отношениях с Советским Союзом и другими социалистическими странами нет другой альтернативы, кроме мирного сосуществования и мирного взаимовыгодного сотрудничества.

Факты показывают, что поворот в отношениях с США Пекин рассматривает не как простую нормализацию, а как краеугольный камень общей переориентации своей внешней политики, борьбы против СССР при поддержке империалистических кругов. Накануне приезда Р. Никсона в Китай кадровым работникам был разослан документ ЦК КПК, в котором разъяснялось, что «приглашение Никсону совершить визит является важным стратегическим маневром», направленным на изоляцию Советского Союза⁶. По расчетам китайских стратегов, сближаясь с США на основе антисоветизма, они должны подтолкнуть правящие круги этой страны к политике особого партнерства с Китаем и срыву процессов улучшения советско-американских отно-

шений и разрядки в целом; а в конечном счете к резкому обострению борьбы двух систем, вплоть до их столкновения, но без вовлечения в этот конфликт Китая. На X съезде КПК в августе 1973 г. и на сессии Всекитайского собрания народных представителей в январе 1975 г. сближение с Соединенными Штатами изображалось как «необходимый компромисс» и как одна из основных целей внешней политики КНР, в то же время был официально закреплен — в партийном и государственном порядке — курс на борьбу с «более опасным империализмом» — «социал-империализмом» (так в Китае именуют Советский Союз).

Такой подход, продиктованный националистическими устремлениями, открыл для глобальной политики США новые перспективы. Для Соединенных Штатов отношения с КНР стали приобретать особенно большое значение в условиях перемен на международной арене, осложнивших положение США (рост могущества социалистического содружества, установление ракетно-ядерного равновесия между СССР и США, укрепление независимости и рост антиимпериалистических настроений развивающихся стран). Наглядным свидетельством этому явилось совместное американо-китайское коммюнике, подписанное в Шанхае 28 февраля 1972 г. после завершения визита президента США в Китай. Анализ двусмысленных формулировок этого документа показывает, что за ширмой нормализации отношений между двумя странами фигурировали вопросы, непосредственно затрагивавшие другие страны.

Примечательно, что еще накануне поездки президента США в КНР в Вашингтоне делались широковещательные заявления о «решающей» роли США и Китая в определении судеб человечества. В том же духе были выдержаны речи тогдашнего президента на банкетах во время визита, в которых подчеркивалось, что американцы и китайцы якобы держат в своих руках будущее мира. В тексте же коммюнике обратило на себя внимание положение, внешне благозвучное, но с далеко идущим подтекстом, согласно которому «ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана и каждая из сторон выступает против усилий любой другой страны или группы стран к установлению такой гегемонии»⁷ (подчеркнуто нами.— И. Р.). Во время одного из визитов (в ноябре 1973 г.) Г. Киссинджера в Пекин стороны договорились бороться с «гегемонией других стран» уже не только в Азии, но и в «любой другой части мира»⁸.

Говоря о сходстве нацеленных против интересов СССР планов Пекина и определенных кругов в США, следует отметить, что в КНР, однако, далеко не удовлетворены теми результатами, которые удалось достигнуть в этом смысле. К такому выводу единодушно пришли иностранные обозреватели, комментировавшие поездку в Китай американского сенатора Г. Джексона в июле 1974 г. Откровенный сторонник американо-китайского сближе-

ния на антисоветской основе, Джексон был приглашен в КНР в те же сроки, когда проходил визит тогдашнего президента США Никсона в Москву. Тем самым Пекин продемонстрировал недовольство политикой президента, направленной на развитие отношений с СССР, а также стремление ослабить влияние результатов московской встречи на оздоровление международного климата. Сенатор быстро нашел общий язык с пекинскими партнерами, увидел широкие возможности для более активного использования Китая против Советского Союза. По заявлению Джексона, он «обнаружил много сфер, в которых американские интересы параллельны китайским», а также целый круг вопросов, по которым «национальные интересы обеих стран являются совместимыми». Подчеркнутым вниманием к фигуре Джексона пекинское руководство как бы показало, какого сорта лидера оно хотело бы видеть в Вашингтоне.

Примечательно, что официальный Вашингтон весьма холодно реагировал на поездку Джексона в Китай. Среди журналистов это было воспринято как показатель нежелания тогдашней администрации делать какие-либо далеко идущие в отношении Китая шаги, которые могли бы привести к осложнениям в отношениях между США и СССР и поставить под удар процесс улучшения советско-американских отношений.

Таким образом, с одной стороны, определенные круги в американской правящей элите стремятся проводить в «треугольнике» США — СССР — КНР политику, направленную на углубление отрыва Китая от Советского Союза, на обеспечение необратимости отхода КНР от социалистического содружества, на поддержание определенной остроты в отношениях между Советским Союзом и Китаем. С другой стороны, одна из целей китайской политики США, судя по всему, состоит в том, чтобы поддерживать с Пекином такой уровень отношений, который не исключал бы наличия достаточно широких советско-американских отношений.

Поэтому проблема отношений с Советским Союзом является как фактором, обуславливающим взаимную заинтересованность, так и источником напряженности между США и Китаем. Хотя у сторон и существует известный параллелизм целей в плане борьбы против роста влияния и авторитета СССР на мировой арене, однако их партнерство не может не носить ограниченного характера. Прежде всего трезво мыслящие политические руководители США, очевидно, понимают неоспоримые преимущества, которые несет в себе политика мирного сосуществования с Советским Союзом, т. е. долговременного, плодотворного и взаимовыгодного сотрудничества этих двух держав. В то же время их не может не настораживать враждебность к СССР со стороны Пекина, связанная с его авантюризмом в международных делах.

Противоречивое влияние на американо-китайские отношения оказывает обстановка в азиатском регионе. С американской

стороны не раз подчеркивалась готовность учитывать «особые» интересы Пекина в районе Юго-Восточной Азии. По схемам ва-шингтонских внешнеполитических стратегов, Китай можно использовать как силу, уравновешивающую растущее влияние в данном регионе Советского Союза, Японии, Индии, или, иначе говоря, для обеспечения ситуации «многостороннего равновесия сил». В таком контексте следует, видимо, рассматривать упоминавшийся выше американско-китайский тезис о борьбе против «гегемонии» любой другой страны или группы стран в районе Азии и Тихого океана.

Характерной была реакция Вашингтона на военную демонстрацию Пекина в районе Парасельских островов в январе 1974 г. Несмотря на вовлеченность в конфликт союзника Соединенных Штатов — сайгонского режима, защитой которого не так давно оправдывалось участие США во вьетнамской войне, Белый дом заявил о своем полном нейтралитете. Распространились даже сведения о том, что американское правительство было заранее предупреждено Пекином о готовящейся им акции.

Соответственно и китайское руководство строит свою политику в районе Юго-Восточной Азии, которую оно считает зоной традиционно китайских интересов, таким образом, чтобы не сталкиваться открыто с интересами Соединенных Штатов и использовать сближение с США в антисоветских целях.

Победа патриотических сил в государствах Индокитая в 1975 г. привела к коренному изменению обстановки в этом районе и ускорила уход оттуда Соединенных Штатов. Ослабление позиций США сопровождается усилением со стороны Пекина попыток проникновения с использованием политических, военных, экономических и идеологических средств в такие страны Южной и Юго-Восточной Азии, как Камбоджа (Демократическая Кампучия), Лаос, Индия, Бирма, Бангладеш, Непал, Филиппины, Таиланд, Малайзия, Индонезия и Сингапур. Вместе с тем, руководствуясь общим курсом антисоветизма, лидеры КНР рассматривают позиции США в данном регионе как препятствие на пути укрепления здесь позиций социалистических стран. Китайская дипломатия стремится сохранить в известных пределах американское присутствие до тех пор, пока Пекин не будет обладать достаточной мощностью, чтобы осуществить главную цель — установить в Южной и Юго-Восточной Азии свое безраздельное господство. Усиление китайской деятельности в регионе пока не встречает препятствий со стороны США и других западных держав, что можно объяснить лишь тем, что эта активность приобретает все более отчетливый антикоммунистический, антисоветский, а также антивьетнамский характер.

Комментируя реакцию Пекина на события в Индокитае, лондонская газета «Таймс» писала: «Китай считает, что падение Сайгона дает возможность США играть в будущем более конструктивную роль в Азии... Возмущение по поводу роли США в

Индокитае давно сменилось здесь сожалением, что Соединенные Штаты не смогли выпутаться из этой истории раньше... Китайцы считают, что Соединенные Штаты имеют иные неотложные обязательства повсюду в мире, в частности в том, что касается уравновешивания могущества Советского Союза в Европе и в других районах мира. Не видят они вреда и в дальнейшем упрочении связей между Японией и Соединенными Штатами. Сбросив с плеч бремя Вьетнама, американцы, по мнению китайцев, смогут более серьезно заняться этими проблемами»⁹.

Китайская пропаганда, не осуждая США, представила расширение военно-морской базы на о-ве Диего-Гарсия как вынужденную меру в ответ на активность Советских Военно-Морских Сил в Индийском океане. Пожалуй, единственным пунктом в Азии, где присутствие американского военного персонала продолжает не устраивать китайскую сторону, является Тайвань.

Неудивительно, что в Соединенных Штатах с удовлетворением была воспринята радикальная переоценка китайскими руководящими кругами присутствия американских войск в Азии. В конце 1974 г. один из китайских руководящих деятелей в интервью делегации президентов американских университетов пытался доказать, что главная опасность для Китая исходит от Советского Союза и, посоветовав Соединенным Штатам устанавливать на переговорах с СССР равновесие в области стратегических вооружений в сторону повышения общего уровня, а не его понижения, выразил желание заручиться американской ядерной поддержкой. Тогда дескать Китай сможет спокойно заниматься своими делами¹⁰.

Важная основа для сближения позиций Вашингтона и Пекина существовала и существует во вьетнамском вопросе. В обеих столицах опасаются развития Вьетнама как сильного социалистического государства, а также роста его влияния в Индокитае. Для Вашингтона это прежде всего борьба против интересов социализма, а для Пекина — следование традиционной политике китайских императоров, которые всегда смотрели на соседние страны как сферу своего безраздельного влияния. Судя по всему, американская дипломатия руководствовалась теми же расчетами, благожелательно взирая на нормализацию отношений между КНР и некоторыми странами Юго-Восточной Азии.

Оценки обеими странами положения на Индостанском полуострове совпали в 1971 г., во время индийско-пакистанского конфликта. Стремление Пекина посеять рознь между Индией и СССР, сохранить напряженность в отношениях между странами Южной Азии, во всяком случае, не вызывало в США особых возражений и, по-видимому, соответствовало интересам Вашингтона в южноазиатском регионе.

Наконец Пекин фактически одобрил японо-американский договор безопасности. Сенатор Мэнсфилд в своем докладе об итогах поездки в КНР, состоявшейся в декабре 1974 г., излагал ки-

тайскую аргументацию на этот счет следующим образом. Оказывается, «концентрация советских войск вдоль границы с Китаем (один из самых затасканных тезисов пекинской пропаганды.— *И. Р.*) направлена в первую очередь против дислоцирующихся в Японии и в районе Японии вооруженных сил США и лишь затем против Китая и Японии. В этой ситуации, писал сенатор, китайцы с пониманием относятся к военному присутствию США в Японии и считают, что США и Япония должны поддерживать между собой тесные отношения ¹¹.

И в Вашингтоне, и в Пекине отрицательное отношение вызывает идея обеспечения безопасности в Азии на основе совместных усилий стран континента.

Соединенные Штаты и Китай нередко выступают, хотя и по разным причинам, с общих негативных позиций при обсуждении в рамках ООН вопросов разоружения. Так, в работе Специального комитета ООН по подготовке Всемирной конференции по разоружению из великих держав не участвуют только США и Китай. Обструкционистская позиция представителей КНР в ООН по всем советским предложениям предоставляет Соединенным Штатам широкие возможности для маневрирования.

Разумеется, было бы ошибочным переоценивать значение тех точек соприкосновения и сфер параллельных интересов, которые наметились в позициях США и КНР по международным проблемам с тех пор, как между ними начался процесс сближения. Выше уже отмечалось, что одновременно с этим продолжают действовать факторы, определяющие и углубляющие коренные расхождения между двумя странами.

К числу таких факторов, разумеется, относятся различия в социально-экономическом строе, идеологии, культуре, психологии. Говоря об отношениях с КНР, Форд, бывший в то время президентом, в своем выступлении на совместном заседании обеих палат конгресса США 10 апреля 1975 г. отмечал, что «глубокие различия в нашей философии и наших социальных системах будут существовать и впредь» ¹². О наличии «коренных разногласий» между двумя странами говорилось и в докладе Чжоу Эньлая о работе правительства на сессии Всекитайского собрания народных представителей в январе 1975 г. ¹³. Эти противоречия отрицательно сказываются на американо-китайских отношениях и постепенно нарастают по мере усиления гегемонистских устремлений Пекина в Азии и в других районах мира. Логично заключить, что с точки зрения китайской стороны реализации подобного намерения мешают как страны социалистического содружества, так и империалистические державы и что ради достижения поставленных целей Пекин заинтересован в ослаблении и первых и вторых.

При рассмотрении вопроса о том, какое из «двух препятствий» считать основным объектом борьбы, в китайских официальных кругах, судя по всему, отдают себе отчет в том, что импе-

риализм, капиталистическая система, и в том числе Соединенные Штаты, ослабляются как борьбой народов против империалистической политики агрессии, так и общим процессом кризиса капитализма.

Что касается социалистической системы, то в Китае не могут не считаться с тем, что она является ведущей революционной силой, что ей свойственна не только тенденция к внутренней монолитности, но и к сплочению вокруг себя всех революционных сил мира, а это идет вразрез с китаецентристскими концепциями Пекина. Социалистическая система с ее растущей экономической и оборонной мощью является прочной основой мира во всем мире, заслоном опасному обострению международной напряженности, которая, как известно, рассматривается в некоторых кругах КНР в качестве необходимого инструмента для осуществления своих планов и внутри страны, и на международной арене. В силу этого Пекин и сосредоточивает удар не по империализму, а прежде всего по социалистическому содружеству как главному препятствию на пути своих великодержавных замыслов и использует для этого не только тактику сближения с Соединенными Штатами и другими западными державами, но и ту борьбу, которую ведет империализм против стран социализма в попытках остановить или затормозить упрочение мировой социалистической системы.

Утверждая, что и Советский Союз и США являются «врагами китайского народа», пекинская пропаганда внушает рядовому китайцу мысль о том, что необходимо четко различать, кто главный враг и кто второстепенный, кто в лагере противника может быть временным или косвенным союзником¹⁴. В ряде китайских документов, во многих высказываниях высокопоставленных деятелей Пекина разъясняется, что главный враг сейчас — Советский Союз и на борьбе с ним должны быть сконцентрированы все силы. Вот, мол, чем и объясняется сближение с Соединенными Штатами — тоже противником Китая, но на данном этапе второстепенным. Наступит время, когда Китай разгромит и Соединенные Штаты.

По-видимому, и в Соединенных Штатах наиболее дальновидные деятели не питают особых иллюзий относительно стратегических намерений Пекина в отношении их страны. Претензии Пекина на лидерство в «третьем мире», особенно возросшие после X съезда КПК, его очевидное намерение использовать огромный потенциал стран Азии, Африки и Латинской Америки в своих великодержавных гегемонистских целях вызывают в США настороженность, так как там видят в этих претензиях угрозу для своих интересов. Во всяком случае, Китай по-прежнему рассматривается как один из основных соперников, а в ряде районов Азии и в бассейне Тихого океана как потенциально главный соперник США. Это накладывает отпечаток на подход обеих сторон к целому ряду важных проблем.

Наиболее серьезным препятствием в этом смысле остается проблема Тайваня. Как известно, в «шанхайском коммюнике» Пекин поставил условием полной нормализации отношений с США разрешение тайваньского вопроса. Вместе с тем китайская сторона пошла на серьезные уступки американцам в этом вопросе, когда она согласилась на открытие «миссий связи» в Вашингтоне, ибо в результате в американской столице возникла пресловутая ситуация «двух флагов», или «двух Китаев» (для сравнения можно напомнить, что в случае с Японией Пекин не сделал такой уступки ни при установлении дипломатических отношений, ни при обсуждении вопроса о гражданском воздушном сообщении).

За годы, прошедшие после визита Никсона в КНР, мало что изменилось в тайваньском вопросе и его решение фактически не сдвинулось с места. Несмотря на то что в октябре 1974 г. администрация Форда одобрила отмену конгрессом так называемой формозской резолюции 1955 г., дававшей право президенту США использовать американские вооруженные силы для обороны Тайваня и прибрежных островов Куэмой и Мацзу без санкции конгресса, в целом связи США с гоминьдановским режимом на острове за эти годы поддерживались на прежнем уровне. В Тайбэй был назначен послом один из видных американских дипломатов — Л. Ангер; новые консульства Тайваня были открыты в Канзас-Сити и Портленде (всего же в США теперь насчитывается 14 тайваньских консульств); тайбэйское «правительство» было приглашено принять участие в церемониях в связи с 200-летием США в 1976 г.; развивалось военно-экономическое сотрудничество США и Тайваня. Гоминьдановцы имеют возможность приобретать американское военное имущество на основе военных кредитов по льготным ценам. В 1974/75 г. США продали Тайваню оружие на сумму 99 млн. долл. Тайбэю были переданы несколько американских эсминцев и подводных лодок и оказана помощь в налаживании сборки вертолетов и истребителей Ф-5. Объем торговли США с тайваньским режимом достиг в том же году 3,7 млрд. долл., значительно превысив объем американо-китайской торговли (933,8 млн. долл.). Соединенные Штаты предоставили Тайбэю большие кредиты для расширения транспортной сети и строительства энергетических объектов, в том числе и атомных электростанций. Растут капиталовложения американских корпораций на острове, общая сумма которых превысила 450 млн. долл.¹⁵ Таким образом, существующая форма отношений с КНР явно устраивает Вашингтон, так как она позволяет ему поддерживать широкие политические контакты с китайской стороной при сохранении в то же время дипломатических и союзных отношений с Тайбэем.

Толкуя содержание «шанхайского коммюнике» по-своему (как известно, США, заявив в указанном документе о конечной цели — выводе с Тайваня своих вооруженных сил, поставили

постепенное сокращение этих сил в зависимости от «разрядки напряженности в этом районе»), китайские руководители в течение последних лет неоднократно выражали «разочарование» и «недовольство» в связи с «невыполнением» американской стороной совместного коммюнике. Их требования, как свидетельствует зарубежная печать, сводятся к трем основным моментам: США должны прекратить все политические и дипломатические отношения с гоминьдановским режимом, аннулировать договор «о взаимной безопасности» 1954 г. и другие соглашения с этим режимом и вывести полностью свой военный персонал с Тайваня. В конце 1974 г. официальные китайские лица в беседах с иностранцами вновь стали высказываться о том, что Пекин готов употребить силу для урегулирования тайваньской проблемы.

По мнению иностранных обозревателей, обстановка вокруг тайваньской проблемы осложнилась еще больше после краха марионеточных режимов в Пномпене и Сайгоне, которые пользовались поддержкой США. Во-первых, размывалась основа достигнутого в 1971—1972 гг. негласного американо-китайского взаимопонимания «Вьетнам за Тайвань» (Пекин должен был оказать содействие в урегулировании вьетнамского конфликта на приемлемых для американской стороны условиях, а последняя в обмен на это обещала пойти на уступки в тайваньском вопросе). Во-вторых, в Вашингтоне, видимо, возникли опасения, что если «потеря» Камбоджи и Южного Вьетнама будет сопровождаться еще и «добровольной отдачей» Тайваня, то это может вызвать резко отрицательную реакцию внутри США, и в частности в американском конгрессе, что чревато определенными внутриполитическими осложнениями. Наконец, провал военно-политических планов США в Индокитае автоматически повысил их интерес к военным союзам с Южной Кореей, Японией и Тайванем, значение которых, по заявлениям официальных американских представителей, в сфере обеспечения интересов США в районе Восточной Азии и западной части Тихоокеанского района существенно возрастает.

Министр обороны США Дж. Шлесинджер в своем выступлении 1 мая 1975 г. подчеркнул, что США «связаны с Тайванем договорными обязательствами» и что, пока эти «договоры остаются в силе, Тайвань также будет защищен»¹⁶. Вслед за этим президент Форд на пресс-конференции 7 мая повторил известный тезис о верности США своим обязательствам в отношении союзников и также подтвердил американские обязательства перед Тайванем¹⁷. Судя по всему, победы национально-освободительного движения в Индокитае помешали процессу установления дипломатических отношений между США и КНР, отодвинув конкретный срок такого решения еще на какое-то время. В этом ключе прозвучало и заявление бывшего спикера палаты представителей конгресса К. Альберта сразу после его поездки в Китай (апрель 1975 г.) о том, что в «нынешних условиях, конечно,

не может быть дипломатических отношений между США и Китаем»¹⁸.

В целом за сохранение договорных обязательств в отношении Тайваня выступают военные ведомства, конгресс, многие американские политические и общественные деятели, которые ссылаются обычно на то, что тайваньская проблема затрагивает интересы США на Тихом океане и их отношения с союзниками в этом районе.

Рассматривая возможный разрыв США с Тайванем как шаг преждевременный, целый ряд влиятельных политических деятелей как в демократической, так и республиканской партии образовал довольно внушительную оппозицию каким-либо планам изменения статуса Тайваня. Если представители правого крыла республиканской партии в лице Голдуотера и Ригана выступают за твердое сохранение союзнических обязательств перед «правительством» Тайваня, то такие либеральные сенаторы, как Хэмфри и Кеннеди, обеспокоены тем, что в жертву «политическому реализму» могут быть принесены интересы населения Тайваня в нарушение принципа самоопределения.

Вместе с тем примерно с конца 1974 г. в Соединенных Штатах новый импульс получила дискуссия, целью которой, видимо, является прощупать реакцию общественности на случай возможного изменения официальной политики в тайваньском вопросе. Хотя в ходе этой дискуссии высказываются самые различные мнения относительно того, как быть с Тайванем дальше, в целом общественное мнение как бы исподволь приучают к мысли о возможности и целесообразности изменения в каком-то будущем позиции, касающейся американских обязательств перед тайваньским режимом.

В отношениях между США и КНР существует и целый ряд других проблем, которые вызывали и будут вызывать взаимные трения и осложнения.

Потенциальным очагом обострения противоречий между этими странами является Юго-Восточная Азия. Пользуясь ослаблением здесь американского присутствия после краха сайгонского режима и объединения Вьетнама, Пекин упорно добивается консолидации и расширения своих позиций, хотя и стремится соблюдать при этом определенную осторожность и не ущемлять интересы США. Осуществляя свое проникновение в регион в нынешних относительно закамуфлированных формах, китайские политики ведут как бы разведку, пристрелку к осуществлению в будущем своих серьезных экспансионистских амбиций. Очевидно, раньше или позже реализация этих планов Пекина существенно затронет военно-политические интересы Соединенных Штатов, которые сохраняют многочисленные договорные обязательства перед своими азиатскими союзниками.

Острые разногласия разделяют Соединенные Штаты и Китай в проблеме разоружения (что не мешает обеим странам высту-

пать сообща по некоторым частным аспектам этой проблемы). Известно, что позиция китайской стороны по вопросам разоружения объясняется ее стремлением иметь ничем не ограниченные возможности для создания собственного ракетно-ядерного потенциала, который явился бы материальной базой для проведения великодержавной, экспансионистской политики.

Пекинские представители продолжают подрывную работу против всех ранее достигнутых и одобренных ООН соглашений по проблеме разоружения, а также против советско-американских соглашений в этой области, пытаясь подорвать их авторитет и помешать проведению этих соглашений в жизнь. Неизменным осталось китайское требование о взятии ядерными державами, прежде всего Соединенными Штатами и Советским Союзом, обязательства не применять первыми ядерного оружия. Себе же (и в демагогических целях всем странам «третьего мира») Китай оставляет право на неограниченное развитие любых видов вооружений.

Такой подход Пекина к проблемам разоружения предопределяет и на будущее расхождение позиций США и Китая, особенно когда китайская военная мощь приблизится к уровню, представляющему определенную угрозу для Соединенных Штатов.

Существенное влияние на развитие американско-китайских отношений оказывало внутривластическое положение в обеих странах. По этой причине периоды оживления во взаимных контактах чередовались с периодами их замедления.

Сильное беспокойство и раздражение в Пекине, как единодушно отмечала мировая печать, вызывало любое продвижение вперед в отношениях между СССР и США, и в частности советско-американские встречи на высшем уровне. С большой враждебностью в Пекине восприняли советско-американское соглашение о предотвращении ядерной войны и другие двусторонние договоренности. (В Пекине эти соглашения поспешили назвать «клочком бумаги».) Дело дошло до того, что с целью помешать например, встрече на высшем уровне во Владивостоке в ноябре 1974 г. китайская пропаганда заявила, что среди районов, которые Советский Союз «норовит оккупировать» у других государств, находится Аляска с прилегающими к ней островами, земли Северо-Запада США и даже часть американского штата Калифорния (!).

Исходя из собственных глобальных стратегических установок, и Соединенные Штаты и Китай стремились, несмотря на имеющиеся противоречия, избежать таких действий, которые могли бы вызвать осложнения в их взаимоотношениях.

Китайская проблематика освещается средствами массовой информации США обычно в весьма розовых тонах, создавая у американского обывателя превратное представление о том, что в действительности происходит в Китае. Фундаментальные противоречия между США и КНР чаще всего затушевываются, а

сам Китай подчас изображается как некое идиллическое государство. Психологический климат в вопросах отношений с КНР формируется также под воздействием таких организаций, созданных с поощрения федеральных властей, как Национальный комитет США по американско-китайским отношениям, Национальный совет США по американско-китайской торговле, Комитет США по американско-китайскому научному обмену и других, которые мобилизуют влиятельные деловые и научные круги на поддержку сближения с Пекином (например, в Национальный совет США по американско-китайской торговле входят 250 фирм, в том числе крупнейшие финансово-промышленные объединения тихоокеанских штатов — «Боинг», «Бэнк оф Америка», «Хьюлетт-Паккард», «Кайзер», «Меморекс» и т. д.).

Существенно возрос в последние годы объем американской торговли. В 1974 г. он достиг 933,8 млн. долл.¹⁹ (с превышением американского экспорта над импортом из Китая более чем в 7 раз).

Китайская сторона проявляет значительный интерес к получению новейшего американского оборудования и передовой технологии, однако в то же время она пока уклонялась от принятия таких предложений американцев, которые из-за общей слабости китайской экономики могли бы привести к экономической зависимости КНР от США (речь идет, например, об американских предложениях наладить сотрудничество в нефтедобыче, о строительстве с помощью США мелких предприятий в Китае, продукция которых экспортировалась бы в США, и т. д.). Примерно половина общего количества делегаций, которыми обмениваются обе страны, являются делегациями по научно-техническому сотрудничеству. Всего же за три с небольшим года после визита Р. Никсона в КНР в Китае побывало, по американским данным, примерно 10—12 тыс. граждан США, среди которых были сенаторы, конгрессмены, ученые, журналисты, бизнесмены, деятели культуры и спорта. Гораздо меньше число китайцев, посетивших США. До сих пор в Вашингтоне не побывала ни одна делегация из КНР на правительственном уровне. Отказываясь от таких визитов под предлогом наличия в американской столице тайваньского посольства, Пекин пытается сохранить видимость своей «принципиальности, в вопросе о «двух Китаях».

Изучение контактов на линии Вашингтон — Пекин показывает, что одним из главных побудительных мотивов, обуславливающих взаимный интерес сторон, является стремление каждого из партнеров в соответствии с нуждами своей глобальной стратегии гарантировать себе более выгодные позиции при ведении дел с «третьей стороной» — Советским Союзом. А это означает, что под «нормализацию» американско-китайских отношений пока что подводится весьма непрочный фундамент.

В Соединенных Штатах деятели типа Джексона, все, кто смотрит на мир через антисоветские очки, призывают использо-

вать Китай как партнера по антисоветизму. Сенатор-республиканец Р. Тафт прямо заявляет, что «если мы хотим, чтобы Китай оставался противовесом советской мощи, то мы должны принять надлежащие меры для упрочения американо-китайских отношений». Повторяя зады пекинской пропаганды о существовании угрозы «потенциальной советской агрессии» для Китая, сенатор советует предоставить Китаю возможность приобрести технику, необходимую ему для защиты от агрессии. Как и китайские политики, Р. Тафт не верит в разрядку напряженности, распространяет выдумки о советских намерениях. При нынешнем соотношении сил в мире, заявляет он, настоятельно необходимо, чтобы дивизии китайской армии оставались на советской границе²⁰.

В политических кругах США существует и иная точка зрения по вопросу о будущей политике США в отношении с Китаем (а также с СССР). Согласно этой точке зрения, развитие отношений с КНР не должно ставить под угрозу создание более стабильного стратегического баланса между США и СССР.

Американские эксперты по китайским делам пристально следили за развитием внутривнутриполитических событий в КНР в первой половине 70-х годов, полагая, что их окончательный исход так или иначе отразится на международном курсе Пекина, и в частности на подходе лидеров КНР к отношениям с США. В официальных кругах Вашингтона не скрывали своих надежд на то, что, пока «прагматики» контролировали положение в стране и сохраняли свое влияние на формирование внешней политики Китая, не могло произойти ни существенного ухудшения американо-китайских отношений, ни значительного улучшения советско-китайских отношений, и эта перспектива, очевидно, весьма устраивала бы Вашингтон. Именно под этим углом зрения анализировались итоги пленума ЦК КПК и сессии Всекитайского собрания народных представителей (январь 1975 г.), а также последовавшие за этим назначения в руководстве КНР.

Неопределенность внутреннего положения в Китае и ближайших перспектив его развития, как видно, вынуждала правящие круги США проявлять осторожность в оценках дальнейших перспектив американо-китайских отношений. Не имея ясности в вопросе о том, с кем в Пекине придется иметь дело в недалеком будущем, руководители внешней политики США стремились сохранить свободу рук при различных вариантах развития обстановки.

Эти тактические особенности, однако, имеют в своей основе более общий подход американских правящих кругов к отношениям с КНР — подход, выработанный на рубеже 70-х годов и исходящий из необходимости долговременного использования антисоветского курса Пекина в целях повышения эффективности американской глобальной и региональной азиатской стратегии.

США И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРА И СОТРУДНИЧЕСТВА В АЗИИ

В предыдущих главах было показано, насколько сложны и многообразны современные международно-политические проблемы Азии, даже если рассматривать их всего лишь под одним углом зрения: анализируя эволюцию и современные особенности политики Соединенных Штатов Америки по отношению к этой части света.

Азия — этот огромный, густонаселенный континент с исключительно подвижной, «пластичной» политической ситуацией был ареной нескольких серьезных международных кризисов после окончания второй мировой войны. И на современном этапе, несмотря на огромные и многоплановые усилия, предпринимаемые всеми, кто заинтересован в укреплении мира и стабильности в Азии, на пути осуществления этой цели стоят еще очень большие проблемы.

После успешного завершения Общеευропейского совещания по укреплению мира и безопасности в Европе распространение разрядки международной напряженности на Азию приобретает особенно актуальное значение. Несомненно, для этого потребуются энергичные многосторонние усилия.

Многие весьма глубокие причины политических бурь и потрясений коренятся в веках сложившихся в Азии этнических, культурных, социальных и политических противоречиях. Чреватые конфликтами проблемы и ситуации, оставшиеся в наследство от колониального периода, «сосуществуют» здесь со сложными социальными и политическими проблемами современного развития.

Вместе с тем хорошо известно, что весьма существенную роль в развязывании и обострении азиатских конфликтов играли (в частности, на протяжении всего послевоенного периода) империалистические государства и среди них отнюдь не последнюю — Соединенные Штаты Америки.

Отношения Соединенных Штатов со странами Азии имеют длительную историю. В предыдущих главах было продемонстрировано, что тихоокеанское направление экспансии американского внешнеполитического курса являлось одним из основных

(а в определенные исторические периоды — и основным) направлений неоколониалистской политики США. Это обуславливалось существенными экономическими, политическими и военно-стратегическими интересами США в этом обширном районе мира.

По мере роста национально-освободительного движения в азиатских странах Соединенные Штаты стали главной опорой местных реакционных сил, стремящихся задержать назревшие политические и социальные преобразования. Это привело к непосредственному военному вмешательству Вашингтона в крупные конфликты в Азии. Интервенция во Вьетнаме была последней по счету и самой широкомасштабной акцией подобного рода. Провал американской агрессии, вызванный героизмом и мужеством вьетнамского народа, поддержанного всем социалистическим содружеством, показал правящим кругам США, что их старая тактика бесперспективна в условиях, когда в мире вообще и в Азии в частности сложилось новое соотношение сил.

Войны в Корее и в Индокитае, помимо всего прочего, наглядным образом продемонстрировали, насколько тесно мир и стабильность в Азии связаны с тем, какого рода решения принимаются в Вашингтоне, какая группа американского правящего класса сумеет занять в той или иной критический период доминирующее положение в правительственном аппарате. Конечные результаты принятия такого рода авантюристических решений хорошо известны. В век укрепления позиций мирового социализма попытки решения международных проблем в пользу империализма силой все более явно обрекаются на провал.

Очевидно, однако, что если Соединенные Штаты не могут в настоящее время решить в свою пользу ту или иную кризисную ситуацию в Азии посредством применения силы или угрозы ее применения, то они пока еще в состоянии создать или резко обострить уже существующие или потенциальные кризисные ситуации.

Вопрос, следовательно, заключается в том, насколько в период после окончания вьетнамской войны правящие круги США заинтересованы в продолжении такого рода политики. Или, напротив: в какой мере Вашингтон сумел извлечь уроки из поражения в Индокитае и готов встать на путь содействия усилиям по укреплению мира и стабильности в Азии?

Проведенный в предыдущих главах работы развернутый анализ современного этапа американской политики в различных аспектах и на различных субрегиональных направлениях в рамках общеазиатского курса позволяет сделать вывод о том, что в последние годы американский подход к Азии претерпел существенные изменения. Конечные итоги этих изменений пока что окончательно не определились. Время от времени Соединенными Штатами предпринимаются действия (такие, как операция по вооруженному захвату шпионского судна «Майагез») или делаются заявления (например, серия высказываний бывшего

министра обороны Дж. Шлесинджера летом 1975 г. о возможности применения США тактического ядерного оружия в случае обострения ситуации на п-ове Корея), которые весьма определенно напоминают «классические» образцы послевоенного американского политического курса в Азии.

Однако при всей импульсивности и непоследовательности поисков американскими правящими кругами оптимальных путей преодоления пагубных последствий многолетней индокитайской интервенции в середине 70-х годов в научных и политических кругах США стали вырисовываться контуры альтернативного курса политики в Азии.

Как бы то ни было, большой удельный вес общеазиатского направления в глобальной стратегии Вашингтона, весьма значительное место, которое Соединенные Штаты занимают во внешнеполитической жизни большинства азиатских государств, — все это делает тему «США и Азия» одной из основных при анализе перспектив обеспечения мира и безопасности в этом регионе.

Первые итоги «ограничения вовлеченности»

Наблюдающийся в настоящее время несомненный рост интереса в Соединенных Штатах к проблемам общеазиатского урегулирования связан прежде всего с особенностями нынешнего этапа американской политики в Азии и бассейне Тихого океана, с попыткой по-новому оценить формы и методы своего воздействия на развитие обстановки в этом районе мира в современных условиях.

По мере того как на протяжении нынешнего столетия вовлеченность США в дела Азии, несмотря на различного рода колебания, связанные как с конъюнктурными потребностями глобальной стратегии США, так и с обстоятельствами внутривнутриполитического характера, непрерывно возрастала, в сознании американского правящего класса постепенно складывались весьма специфические стереотипы «азиатской безопасности».

Краеугольным камнем этих стереотипов была убежденность в том, что безопасность американских интересов в Азии — это безопасность не для всех, а безопасность «против кого-то». В формирование подобной концепции «безопасности» были тесным образом включены такие социальные и социально-психологические компоненты, как классовые интересы (в том, что касается отношения к социалистическим государствам данного района и к движениям за национальное освобождение), временами весьма острые эмоции, связанные с перипетиями межимпериалистических противоречий (война с Японией является в этом отношении наиболее ярким, но, конечно, не единственным примером), наконец, оттенки и нюансы, связанные с особенно-

стями внутривнутриполитической расстановки сил. Главные разновидности этой концепции «безопасности» служили основой американского курса в Азии в течение всего нынешнего столетия.

В 50-е годы в процессе закрепления даллесовской жестко антикоммунистической линии американской внешней политики был создан и широко внедрен как в массовое, так и в господствующее элитарное сознание тезис о ее органической преемственности, однозначной традиционности. Однако научные изыскания многих американских востоковедов, международников и дипломатов в 70-е годы привели к тому, что данный тезис не имеет столь доминирующего характера, как это было прежде.

Большинство американских исследователей заявляет, что основной линией внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов в Азии была традиционно отнюдь не страсть к «биполярной» конфронтации, которая неизбежно ведет, с одной стороны, к прямой военной вовлеченности США в азиатскую политическую жизнь на весьма жесткой «блоковой» основе, не допускающей большой свободы маневра, а с другой — стимулирует объединение на антиамериканской основе государств, имеющих в Азии интересы, отличные от интересов США. Напротив, как это усиленно подчеркивается в исследованиях, посвященных данной проблематике, такой подход был скорее не правилом, а исключением, результатом нехарактерной ситуации, сложившейся после окончания второй мировой войны, когда прежняя структура международных отношений в Азии оказалась разрушенной, а Соединенные Штаты, как выражаются американские специалисты-международники, были вынуждены заполнить политический «вакуум», образовавшийся в этой части света после разгрома Японии и Германии и резкого ослабления позиций Англии и Франции¹. Иными словами, задним числом «биполярный» период американской внешней политики стремятся зачастую представить не в качестве антикоммунистического «крестового похода», а чем-то вроде вынужденной необходимости, «частным случаем» политики «баланса сил» в условиях, когда не существовало никаких иных «центров силы», кроме Соединенных Штатов, с одной стороны, и так называемого советско-китайского блока — с другой. Правил же для американской внешнеполитической стратегии в Азии в 60—70-х годах объявляется «многополярная» схема.

Разумеется, во всех этих схемах американских специалистов-международников намеренно затушевывается то, что при переходе от прямого противостояния США силам социализма и национально-освободительного движения в Азии в условиях «биполярности» к «многополярной» международно-дипломатической тактике, заключающейся в большем использовании сил предполагаемых союзников США, в конечном счете цели американских правящих кругов остались неизменными — борьба про-

тив сил социализма и национально-освободительного движения, т. е., по существу, хотя и не по внешним тактическим приемам, «биполярное» противостояние сохраняется.

Если дипломатическая тактика многостороннего маневрирования в духе концепции «баланса сил» может быть в целом охарактеризована как наиболее типичный вариант американского подхода к азиатско-тихоокеанской политической ситуации, несомненно также и то, что история отношений США со странами рассматриваемого района дает достаточно примеров иного стиля, связанного с единоличной «силовой инициативой», когда они, опираясь на свою военную мощь, стремились привести сложившуюся обстановку в соответствие с собственными империалистическими интересами. Можно считать, что этот, так сказать, побочный вариант стал своего рода параллельной традицией, которая, переплетаясь с первой и дополняя ее, явилась важным формирующим фактором в сложном и не всегда последовательном подходе Соединенных Штатов к азиатско-тихоокеанской политике.

В разное время и в зависимости от различного рода конкретно-исторических обстоятельств на первый план выступала то одна, то другая тенденция. Эти тактико-стратегические переориентации, как правило, сопровождались весьма ожесточенной полемикой внутри американской политической элиты относительно того, какой курс в данный период наиболее целесообразен с точки зрения создания оптимальных условий для защиты интересов американского правящего класса в азиатском регионе.

Однако общий подход к проблеме азиатской региональной безопасности оставался при этом неизменным. В послевоенный период «биполярной» конфронтации и «многополярного» маневрирования последних лет все усилия американских правящих кругов были направлены на то, чтобы обеспечить «безопасность» свою и своих основных азиатских союзников с помощью «сдерживания» социалистических государств Азии. Таким образом, резко увеличивалась опасность военной конфронтации.

Именно это понимание региональной безопасности привело к созданию в Азии многочисленных возглавляемых и опекаемых Соединенными Штатами военных блоков (каждый из которых обязательно носил название «организация безопасности»).

В последние годы в подходе американского правящего класса к основным установкам азиатской политики наметились некоторые сдвиги. В какой мере эти сдвиги можно включить в сложившуюся и описанную выше традицию?

В том, что касается критики «биполярного» даллесовского курса и путей поиска альтернативы этому курсу, традиционная линия прослеживается достаточно определенно. Когда на рубеже 70-х годов в сознании американского правящего класса от-

четливо выявилась и весьма сильно распространилась идея о нереалистичности и бесперспективности азиатской политики Вашингтона, основанной на попытках навязать ведущим государствам этого района свое преобладающее влияние путем непосредственного силового давления, «конструктивная» критика послевоенного курса и выдвижение в процессе этой критики различного рода новых проектов привели в конечном итоге к провозглашению и довольно настойчивым попыткам реализации «доктрины Никсона», явившейся, если иметь в виду изложенные соображения, разрывом с послевоенной американской внешнеполитической тактикой и возвращением к более «традиционному курсу».

Каковы основные перемены в азиатской политике Соединенных Штатов за период, истекший со времени провозглашения в 1969 г. «гуамской доктрины»?

Не будет, по-видимому, преувеличением сказать, что попытки реализации этой доктрины в Азии привели к заметным изменениям американских позиций и тактики.

Изменение позиций характеризуется прежде всего определенным сокращением непосредственной военной вовлеченности США; при этом численность дислоцированных в Азии американских войск сократилась к началу 1976 г. до 100 тыс.² (по сравнению с приблизительно 1200 тыс. человек в 1968 г.).

Годы, истекшие со времени провозглашения «доктрины Никсона», отмечены также стремлением Вашингтона перейти к практике «многополярной» дипломатии в Азии. Повсюду, где это только возможно, Соединенные Штаты пытались на рубеже 70-х годов реализовать тезис о том, что «новые реальные интересы важнее прежних устаревших обязательств». Они не останавливались перед тем, чтобы ставить в весьма двусмысленное положение своих союзников и марионеток там и тогда, где и когда это вызывалось глобальными потребностями. Отсюда вполне естественна та значительная напряженность, которая время от времени проявляется в отношениях между Вашингтоном, с одной стороны, Токио, Сеулом, Тайбэем — с другой. Что касается Индокитая, то Соединенные Штаты, побуждаемые внешне- и внутривполитическими обстоятельствами, пошли на полное «отключение» от своих недавних ставленников.

Особенно существенно изменились отношения между США и их главным азиатским союзником — Японией. Вашингтону пришлось учесть резкое возрастание экономической мощи своего партнера и признать возникновение новой ситуации, в рамках которой Япония, продолжая оставаться союзником США, вместе с тем обладает большой политической автономией и способностью в значительной степени самостоятельно осуществлять собственную политику на мировой арене. Символом признания нового статуса Японии Соединенными Штатами явилась пере-

дача под японское административное управление о-ва Окинава и упоминание в совместном американо-японском коммюнике 1973 г. о желательности предоставления Японии постоянного места в Совете Безопасности ООН. После провала интервенции во Вьетнаме Вашингтон приложил новые энергичные усилия, направленные на то, чтобы подчеркнуть особое значение Японии для американской политики в Азии³.

Важные новые элементы проявились в американской политике на Индостанском субконтиненте. Здесь дипломатия Вашингтона ориентировалась в течение всего послевоенного периода на сохранение ситуации локального «баланса сил». Теперь же основной целью США стало «сдерживание» Индии путем использования соседних государств. Это обусловило отчетливо антииндийскую ориентацию США в период индийско-пакистанского конфликта в декабре 1971 г. Эти же соображения играют заметную роль в ходе нынешнего наращивания военного присутствия в зоне Индийского океана (в частности, реконструкции базы на о-ве Диего-Гарсия), а также в политическом подходе Вашингтона к таким государствам, как Пакистан, Бангладеш, Иран.

Весьма значительная роль отводится политике американо-китайского сближения. Считается, что развитие отношений между США и КНР, приведшее к увеличению экономических и иных контактов, должно обеспечить большую политическую маневроспособность США в Азии и укрепить их исходные позиции в поисках эффективного решения на основе «многополярной» дипломатии тех сложных проблем, которые стоят перед Соединенными Штатами в этом районе.

Сейчас стало совершенно очевидным, что в рамках общеазиатской политики Соединенные Штаты считают наиболее стратегически важным и перспективным районом не Юго-Восточную Азию, как это было в 60-е годы, а Северо-Восточную Азию⁴. Именно в этом районе перекрещиваются и непосредственно соприкасаются интересы четырех великих держав данной зоны (СССР, США, КНР, Японии), именно здесь, по мнению ведущих американских внешнеполитических стратегов, завязывается узел сложных и многообразных внешнеполитических взаимоотношений, которые будут иметь исключительно важное (а быть может, центральное) значение для мировой политики в конце XX—начале XXI столетия. А следовательно, существенное уменьшение внимания к Юго-Восточной Азии предполагается совместить с резким увеличением акцента на Северо-Восточную Азию — этот испытанный полигон «многополярной» дипломатии.

Первые три-четыре года после провозглашения «доктрины Никсона» главной чертой азиатской политики Вашингтона была перестройка старых отношений. Это было время быстрых и на первый взгляд неожиданных дипломатических инициатив (та-

ких, например, как визит американского президента в КНР в феврале 1972 г., внесение изменений в военные позиции США в Азии, перенос акцентов в дипломатической и пропагандистской сферах и т. д.). Короче говоря, это был период частичного демонтажа того фундамента, на котором покоилась опекаемая Соединенными Штатами послевоенная азиатская «безопасность».

В 1973 г. появились весьма ощутимые признаки наступления нового этапа в азиатской политике США, который можно вкратце охарактеризовать как поиски новой, многосторонней «стабильности», главным образом на базе уже проведенных изменений. К этому периоду в значительной степени определились обновленные, вытекающие из постулатов «доктрины Никсона», но тем не менее уже кое в чем отличающиеся от нее формы и методы политики США в отношении основных азиатских государств.

Первой попыткой синтезировать (с консервативных позиций) специфику этого нового этапа и выдвинуть современную версию «азиатской безопасности глазами Вашингтона» явилась «гавайская декларация» 1975 г.

Новая совокупность двусторонних отношений США с азиатскими государствами привела к определенной деформации старой «блоковой системы безопасности» в Азии, находившейся под непосредственной гегемонией Вашингтона и направленной против социалистических государств. Поэтому многие ученые и политические деятели Соединенных Штатов ставят в последнее время вопрос о необходимости искать пути к преобразованию суммы этих обновленных двусторонних отношений в новый «азиатский миропорядок»⁵, который явился бы не мнимым (консервативным), а действительно обновленным ответом на новые потребности, придав бы стабильность и завершенность «многополярной» структуре.

Нельзя сказать, что поиски эти идут по ясным и определенным путям. Иногда можно услышать некоторые идеи, которые явно носят антисоветский характер (в частности, идеи о необходимости «оттеснить» СССР от активного участия в азиатской структуре, построенной на особых отношениях между США, Японией и КНР). Такие конструкции целиком находятся в русле традиционного американского подхода к проблеме азиатской безопасности как «безопасности против кого-то». Однако наряду с этим ощущается стремление преодолеть данную изжившую себя традицию, увязать долговременные общеазиатские проблемы с тенденциями разрядки международной напряженности вообще и советско-американской разрядки в частности. И именно в рамках этих поисков американские исследователи и политические деятели все более активно обсуждают советские предложения о движении в направлении подлинной коллективной безопасности в Азии.

Доминирующей тенденцией в развитии международных отношений в наши дни стала разрядка международной напряженности.

Советский Союз, поставив своей главной задачей сделать необратимыми происшедшие на международной арене сдвиги, естественно, стремится развивать позитивные внешнеполитические тенденции как вглубь (постоянно продвигаясь вперед по пути возможно более полного решения тех проблем, которые уже в течение длительного времени являются предметом обсуждения и по которым зачастую достигнуты первоначальные результаты), так и вширь (непрерывно развертывая фронт наступления на то, что сохранилось от «холодной войны» в проблемном и в географическом плане).

Одним из важных аспектов этого мирного наступления явилось предложение о создании системы коллективной безопасности в Азии, первоначально выдвинутое СССР в 1969 г. За истекшие годы советские руководители неоднократно разъясняли мотивы и основные проблемы данной инициативы.

«...Азия может и должна жить по законам мира, и реальным путем к этому является коллективная безопасность. Разумеется, потребуется и время, и значительные усилия, чтобы достичь этой цели. Но мы верим, что народы Азии придут к этому,— отмечал Л. И. Брежнев в выступлении в Алма-Ате 15 августа 1973 г.—...Мы не раз говорили и повторяем вновь: Советский Союз — сторонник равноправного участия в системе коллективной безопасности всех азиатских стран без исключения. Система, за которую мы выступаем, никому не дает и не должна дать односторонних преимуществ, вклад в ее создание призвано внести каждое азиатское государство»⁶.

Советские предложения о системе коллективной безопасности в Азии предусматривают, что в основе такой системы должно лежать безусловное признание всеми участвующими в ней государствами следующих основополагающих принципов:

- отказ от использования силы в отношениях между государствами и разрешение всех споров мирными средствами, путем переговоров;

- уважение суверенитета, территориальной целостности и нерушимости существующих национальных границ;

- невмешательство во внутренние дела других стран;

- признание и безусловное уважение права каждого народа распоряжаться своей судьбой и осуществлять социально-экономические преобразования, отвечающие национальным интересам и воле подавляющего большинства населения;

- широкое развитие экономических, культурных, научных и других форм сотрудничества на основе полного равенства и взаимной выгоды;

— признание неотъемлемого права каждого народа на суверенное владение своими природными ресурсами, их развитие и эксплуатацию.

Интерес к идее коллективной безопасности в Азии возрастает по мере развития процессов разрядки в мире. Оживленное обсуждение этого вопроса разворачивается прежде всего в азиатских государствах, непосредственно заинтересованных в укреплении на коллективной многосторонней основе мира и безопасности в своей части планеты, и в настоящее время эта идея приобретает все больше сторонников в таких странах, как Индия, Иран, Япония, Бангладеш, Пакистан, Шри Ланка, Ирак, Сирия и ряде других. Однако не только «чисто азиатские» государства проявляют растущую заинтересованность в советских предложениях. Такие страны, как Австралия и Новая Зеландия, тесно связанные в экономическом и политическом отношении с Азиатским континентом, стремятся к тому, чтобы проблемы азиатской безопасности были привязаны не к исключительно географическим понятиям и ограничениям, а основывались бы на критериях политических реальностей и целесообразности.

Что касается Соединенных Штатов, то, несмотря на критическое в целом отношение в американских политических и научных кругах к советской инициативе, в этой сфере в настоящее время происходят определенные сдвиги. Стадия огульного отрицания с порога, характерная для 1969—1970 гг., постепенно сменяется более конструктивным периодом рассмотрения вопроса по существу, его анализа, расчленения на конкретные проблемы и последующей критики, исходя из этой новой, более разработанной и «объемной» оценки.

Обсуждая советские предложения, многие американские эксперты обычно пытаются соотнести их с основными принципами нынешней политики США в Азии, при этом довольно часто ограничиваются лишь их противопоставлением. Однако более внимательный анализ показывает, что у СССР и США в Азии, подобно другим районам мира, существуют важные общие интересы.

Общая забота всего человечества, в том числе СССР и США, состоит в предотвращении мировой термоядерной войны. Применительно к Азии эта цель не менее остра и актуальна, чем в любом ином районе земного шара. В числе других существующих точек соприкосновения, по-видимому, следует указать: обоюдное признание качественного роста роли в мировой политике азиатских государств, констатация многостороннего характера международных отношений в этой части земного шара, заинтересованность в нераспространении в Азии ядерного оружия, признание важности обеспечения свободы судоходства и надежности водных путей в Тихом и Индийском океанах для всех государств мира и многое другое.

Несомненно, вместе с тем, что между советским и американ-

ским подходами к общеазиатским вопросам существуют важные различия. Они обусловлены прежде всего хорошо известной разницей в социальной основе политики Советского Союза и Соединенных Штатов, что не может не накладывать отпечатка на общий подход обоих государств к более конкретным внешнеполитическим проблемам. Впрочем, опыт борьбы за разрядку международной напряженности убедительно показывает, что общая воля к миру позволяет успешно преодолеть весьма серьезные разногласия.

Как известно, доминирующая в Соединенных Штатах концепция «многополярности» исходит из возможности достижения благоприятной для США конечной стабильности в Азии в результате свободного и неконтролируемого балансирования между многими «центрами силы»⁷. По мнению видных американских политических стратегов, система отношений в Азии, создающаяся после ослабления непосредственной американской военной вовлеченности, открывает для Вашингтона достаточно широкие и благоприятные возможности маневрирования на длительный период времени, и вместе с тем она не чревата серьезными потенциальными угрозами «национальной безопасности» США. Почему же в таком случае, задаются вопросом некоторые американские политические теоретики, не идти по пути спонтанного, не оформленного в институциональном отношении развития ныне складывающейся системы? Соответствует ли американским интересам замена этого «свободного маневрирования» более всеобъемлющей, а потому более «жесткой», налагающей вполне определенные обязательства договоренностью о мерах коллективной безопасности?

Такого рода вопросы чаще всего возникают, как представляется, вследствие недостаточно критического отношения некоторых американских политических теоретиков к их же собственному детищу — концепции «многополюсного балансирования». Между тем, если взглянуть на внешнеполитическую практику, реализующуюся в контексте данной теории в достаточно широкой исторической перспективе, то становятся очевидными ее серьезные потенциальные опасности.

Как известно, Азия представляет собой весьма разнородную в экономическом, культурном, социальном и политическом смысле часть света. Наиболее влиятельные страны Азии разительно отличаются друг от друга практически во всех аспектах. Их подход к важнейшим международным проблемам, способы формулирования долговременных внешнеполитических целей и соответствующих методов их реализации весьма сильно, зачастую качественным образом не совпадают. А из этого следует, что американские оценки современной внешнеполитической обстановки в Азии и перспектив ее долговременного развития (оценки, естественным образом органически связанные с чисто американскими политическими и интеллектуальными традициями),

сколь бы убедительными и всесторонними они ни казались их авторам, могут оказаться не соответствующими, не накладывающимися на оценки и расчеты других участников «многостороннего балансирования».

Иными словами, в такого рода «свободной игре сил», что, по существу, предлагают в настоящее время для Азии американские политические стратеги, каждый участник волен «играть» на свой страх и риск, по своему собственному разумению и умению, принимая на себя им же самим выработанные «правила». При этом в американских научных и политических кругах существует, по-видимому, непоколебимая уверенность в том, что естественным производным от всего этого будет обязательно динамическое равновесие, а следовательно, и взаимоприемлемая (но прежде всего приемлемая, разумеется, для самих США) «мирная стабилизация». Исторический опыт неоднократно показывал, к каким серьезным последствиям может привести такая «игра», в которой каждый из ее многочисленных участников пытается установить собственные «правила».

Наглядным примером такого, чисто американского подхода к вопросу о «многополярности» в Азии является их нынешняя позиция по вопросу о союзнических отношениях с Японией. Попытки администрации Никсона стимулировать превращение Японии в самостоятельный фактор азиатского (а также глобального) «баланса сил» в настоящее время признаются ошибочными. И напротив, «правильным» с точки зрения обеспечения американских интересов и позиций в Азии считается укрепление союзнических отношений с Японией, достижение с ней единства по возможно большему количеству проблем и в сфере политики, и в сфере экономики, и в сфере военной стратегии.

Иными словами, с американской точки зрения, многополярность хороша «для других», но плоха в кругу союзников. Естественно, такого рода «правила игры» являются чисто американскими и вряд ли переводимы на какой-либо другой язык.

В современном мире, когда на повестку дня все более неотложно встают проблемы экономического, научно-технического, экологического, демографического и иного сотрудничества в региональном и международном масштабах, задача изыскать более стабильные и долговременные пути международного политического урегулирования становится более насущной, чем основанное на подозрительности силовое маневрирование в традициях политики «баланса сил». Советские предложения как раз и исходят из необходимости нахождения общих моментов в интерпретации азиатской реальности и разработки на этой базе путем тщательных коллективных усилий совместных общепринятых норм и принципов, которые должны быть соответствующим образом оформлены и кодифицированы с тем, чтобы они постепенно превратились в повсеместно признанную основу азиатского коллективного общежития. Естественно, что в про-

цессе поисков таких долговременных, кардинальных решений требуются осмотрительность и учет интересов и позиций различных сторон.

Интересно, что те представители американских политических и научных кругов, которые негативно относятся к идее коллективной безопасности в Азии, фактически расходятся с одной из наиболее сильно укоренившихся традиций американского подхода к внешнеполитическим проблемам. Речь идет о тенденции придерживаться юридически оформленной, так сказать, правовой ориентации в процессе внешнеполитической практики (сколько бы произвольной и эгоистически американоморфистской по своему содержанию эта практика зачастую ни была), которая весьма отчетливо проявляется на протяжении всей истории американской внешней политики. Столь скрупулезные и настойчивые (особенно в даллесовские времена) в стремлении юридически зафиксировать принципы псевдобезопасности, «безопасности» против считавшихся тогда «враждебными» государствам, США проявляют сверхосторожность, когда дело доходит до конкретного рассмотрения вопросов о необходимости укрепления подлинной безопасности для всех.

Пожалуй, в качестве наиболее частого аргумента против советских предложений в США выдвигается гипотеза о якобы их антикитайской направленности. Логика рассуждений при этом обычно бывает такой: поскольку КНР выступила против идеи коллективной безопасности, а Соединенные Штаты заинтересованы в сохранении и развитии американо-китайского сближения, Вашингтону нет смысла вступать в противоречия с Пекином по данному вопросу независимо от того, каково действительное содержание советского предложения⁸. Согласие Вашингтона с данной, пока что неофициальной, точкой зрения означало бы, по сути дела, что по крайней мере в некоторых существенных аспектах американской политики в Азии решения США фактически определяются за пределами их территории. Если же абстрагироваться от этой, в сущности иррациональной, боязни реакции со стороны Китая, то станет очевидной объективная заинтересованность Соединенных Штатов в рассмотрении важнейших общеазиатских проблем на коллективной основе.

Что касается существа вопроса о так называемых китайских опасениях в связи с советским предложением о создании системы азиатской коллективной безопасности, то советская точка зрения на этот счет была изложена следующим образом: «Из некоторых столиц распространяются утверждения, будто наше предложение имеет целью „сдерживать“ или „окружать“ Китай. Подобные утверждения лишены всяких оснований. Мы представляем себе дело так, что КНР станет полноправным участником такой системы»⁹.

Между прочим, некритическое отношение к версии об «антикитайской направленности» советских предложений прямо ведет

к выводу о том, что за этот «антикитайский курс» в течение долгого времени выступало... само китайское руководство. Ведь, как известно, 30 июля 1955 г. правительство КНР внесло предложение о том, чтобы страны Азии и района Тихого океана, в том числе и США, заключили между собой пакт коллективного мира, который занял бы место антагонистических военных блоков в этой части земного шара. Поясняя это предложение, бывший премьер-министр КНР Чжоу Энь-лай в беседе с японским корреспондентом подчеркнул полное соответствие такого пакта Уставу ООН. 18 января 1957 г. КНР и СССР в совместном заявлении снова подтвердили, что «обе стороны считают, что все замкнутые военные группировки должны быть заменены системой коллективного мира и коллективной безопасности». Итак, КНР в прошлом была согласна с целесообразностью создания системы коллективной безопасности в Азии. Советский же подход к этому вопросу конкретизирует и развивает основные положения совместного советско-китайского заявления 1957 г.

Американские теоретики по вопросам внешней политики иногда выражают опасения относительно того, что реализация советского предложения может отразиться негативным образом на существующей ныне системе двусторонних и региональных соглашений, участником которых являются США. Такие опасения порождены недостаточной осведомленностью о советских предложениях (в случаях, когда речь не идет о преднамеренных искажениях).

Конечным пунктом предлагаемой системы азиатской безопасности мыслится, конечно, отказ от замкнутых двусторонних или блоковых группировок. Однако это — завершающий этап большого и длительного пути, скорость прохождения которого будет зависеть от многих факторов как азиатского, так и глобального порядка. В советских предложениях, как известно, не предусматривается с самого начала этого пути исходить из принципа немедленного упразднения существующих на практике договорных обязательств. Напротив, в них предусматривается ситуация (на этот счет уже имеется соответствующий европейский опыт), при которой может быть обеспечено сосуществование ныне действующих договоров и нового коллективного соглашения о безопасности и мирном сотрудничестве в Азии на длительный период. Если такой вариант окажется «работающим», то, очевидно, возникнет объективная потребность — на основе тщательного коллективного обсуждения заинтересованными сторонами — определить, в какой мере те или иные аспекты ныне существующих соглашений могут войти в противоречие с духом или буквой предлагаемой системы, и затем постараться устранить это противоречие.

В ходе дискуссий, связанных с советской инициативой, американские политические теоретики иногда упоминают трудности

поиска достаточно эффективных и вместе с тем учитывающих азиатскую специфику форм и степени участия великих держав в многосторонней системе азиатского общежития. При этом некоторые американские эксперты уделяют непомерно большое внимание проблемам, связанным со степенью географической принадлежности к Азии той или иной великой державы, т. е. проблемам, в сущности побочным по отношению к основному вопросу повестки дня, а именно — нахождению наиболее действенных средств для обеспечения длительного мира и сотрудничества в данной части земного шара всех тех, кто в этом прежде всего заинтересован, и тех, от кого это в первую очередь зависит.

Другой и более сложный вопрос состоит в том, какими должны быть конкретные формы участия великих держав в системе азиатского коллективного общежития.

В этой связи можно встретить ссылки американских исследователей на то, что одну из наиболее специфических черт современной Азии составляет ее весьма большая нестабильность, проявляющаяся как во «внешних», политико-правовых аспектах, так и во внутривнутриполитической неустойчивости ряда районов. Такая незавершенность, текучесть азиатской политической структуры (в отличие от Европы), делает, по мнению этих специалистов, любое общеазиатское соглашение заведомо неэффективным. Вопросы эти действительно весьма сложны и не имеют однозначных ответов и решений. Однако сложность, по всей очевидности, не есть синоним неразрешимости. В последние годы мир в целом и Азия в частности стали свидетелями результативных усилий по урегулированию ряда сложнейших международных проблем, которые незадолго перед тем почти повсеместно считались неразрешимыми.

Правящие круги США извлекли определенные уроки из провала их политики в Индокитае. В какой-то степени они осознали, что в данном районе мира экспансионистские акции в условиях принципиально нового соотношения сил ведут зачастую к результатам, противоположным первоначально задуманным. Однако полностью от попыток вмешательства в дела региона они, конечно, не отказались.

Если бы США сделали решительный шаг вперед по пути отказа от вмешательства во внутренние дела азиатских государств и сосредоточились на поисках внешнеполитических решений, которые стали бы действенной гарантией невмешательства, это, несомненно, значительно продвинуло бы вперед дело создания мирной и стабильной Азии. На этом пути стало бы возможным тщательно и на коллективной основе изучить различные «висящие в воздухе» практические предложения: например, такие, как предложение государств — членов объединения АСЕАН о нейтрализации Юго-Восточной Азии, о создании субрегиональных безъядерных зон, об учреждении каких-то новых азиатских организаций, или, напротив, тех или иных форм коллективных

или индивидуально-параллельных гарантий со стороны великих держав некоторым из ныне существующих внутриазиатских объединений (или отдельным государствам).

К сожалению, наряду с носителями позитивных тенденций в США действуют и противоположные силы. Они стремятся изыскать обновленные средства для достижения американских традиционных экспансионистских целей. Да и в самой Азии имеются враждебные разрядке круги, стремящиеся использовать некоторые аспекты политики Соединенных Штатов в целях, которые не имеют ничего общего ни с устремлениями народов азиатских государств, ни с задачей укрепления всеобщего мира, ни — и это отнюдь не в последнюю очередь — с долговременными интересами самих США.

Лишь с очень большим запозданием американские правящие круги начали преодолевать последствия некогда принятого порочного и дорого стоившего стране решения вмешаться во внутренние проблемы Индокитая с помощью своих вооруженных сил. Однако с начала 70-х годов в США можно наблюдать складывание некой новой социально-психологической тенденции. Как известно, политика нормализации отношений с КНР была расценена большей частью американского правящего класса как существенный внешнеполитический успех администрации Р. Никсона. «Мода» на новую американскую политику в отношении КНР мало-помалу привела к тому, что в сознании многих причастных к внешней политике американских деятелей практически все аспекты азиатской политики США стали рассматриваться сквозь призму американо-китайского сближения. Это «призматическое искривление» уже стоило Соединенным Штатам серьезных последствий в отношениях со своими союзниками, и прежде всего с Японией. Неожиданный для Токио визит президента США в Пекин в феврале 1972 г. привел к беспрецедентным за всю послевоенную историю осложнениям в американо-японских отношениях. В некоторых аспектах они оказались необратимыми — так сильно была подорвана еще недавно казавшаяся столь доверительной атмосфера между двумя союзными столицами.

Многие крупнейшие американские специалисты-международники (и, в частности, бывший посол США в Японии профессор Гарвардского университета Э. Рейшауэр, бывший заместитель госсекретаря Дж. Болл, в последнее время активно выступающий по вопросам внешней политики, и др.) выразили определенно критические настроения если не к содержанию, то по крайней мере к методам проведения «китайского курса» Вашингтона, считая, что это сближение не должно заслонять подлинные долговременные интересы Соединенных Штатов в Азии и во всем мире. Все большее число американских специалистов — востоковедов и международников начинают делать различие между позитивными для американской политики моментами

нормализации американско-китайских отношений и теми серьезными отрицательными аспектами, которые могли бы проявиться в случае, если возникнет жесткая зависимость общей азиатской политики США от конъюнктурных соображений, вытекающих из политики американско-китайской нормализации. Бывший ведущий работник китайского отдела госдепартамента, а ныне — ведущий исследователь Брукингского института Ральф Клоф, подводя итог своим исследованиям восточноазиатских аспектов американской безопасности, пишет о том, что не Китай, а Япония должна быть главным ориентиром при формировании азиатской политики США.

* * *

Иногда в американских исследованиях по вопросам азиатской политики встречается мысль о том, что проблемы укрепления мира и безопасности на общеазиатской основе, безусловно, очень важны и интересны, но они «не созрели». Необходимо вначале заняться поисками урегулирования частных вопросов, имеющих отношение к проблемам мира и безопасности в Азии. И только по мере нахождения ответов на них откроются возможности для более обобщенных азиатских решений.

В советском понимании основных азиатских внешнеполитических перспектив отнюдь не заложена попытка подменить кропотливую работу по урегулированию частных проблем каким-то единым универсальным решением. Напротив, оно исходит из необходимости создать наиболее благоприятную для этого обстановку на коллективной основе. Можно сказать, что общее и частное здесь неразрывно взаимосвязаны. Чем более существенными окажутся результаты, достигнутые в создании атмосферы общеазиатского взаимопонимания, тем более успешно будут решаться конкретные вопросы безопасности в этой части мира. И, наоборот, успехи в решении частных проблем будут способствовать укреплению общеазиатского сотрудничества.

Опыт успешного завершения Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе представляется в этом отношении достаточно показательным при всех огромных различиях, существующих между Европой и Азией.

Особенно многозначительна эволюция позиции Соединенных Штатов, которые, начав с весьма сдержанного отношения к идее коллективного сотрудничества в Европе, затем сыграли в подготовке и проведении совещания конструктивную роль.

Приход в США в начале 1977 г. к власти новой администрации и некоторые высказывания ее ответственных деятелей (в частности относительно необходимости постепенного вывода американских военных контингентов из Южной Кореи) порождают надежду на то, что включение США в серьезное многостороннее обсуждение вопросов укрепления мира и безопасности в Азии — дело возможное.

Глава I

¹ Одна из наиболее авторитетных ранних оценок значения поражения во Вьетнаме для всего политического курса США на международной арене содержалась в главе, написанной Г. Киссинджером для коллективной монографии ряда ведущих американских специалистов-международников под общей редакцией Р. Пфеффера («No More Vietnams? The War and the Future of American Foreign Policy». New York, 1968, с. 13).

² Среди первых откликов американских официальных лиц на победу патриотических сил Камбоджи (Кампучии) и Южного Вьетнама весной 1975 г. обращает на себя внимание заявление Г. Киссинджера на пресс-конференции 30 апреля, в котором он отметил необходимость разработки новой «азиатской политики», соответствующей новым обстоятельствам («Известия», 1.V.1975).

³ A. T. Mahan. The Interest of America in Sea Power, Present and Future. London, 1897; A. T. Mahan. The Problem of Asia. London, 1900; N. Spykman. The Geography of the Peace. New York, 1944; H. G. Mackinder. Democratic Ideas and Reality. New York, 1944.

⁴ Доктрина «открытых дверей», ее история и конкретное содержание получили всестороннее освещение в советской и зарубежной марксистской литературе. В связи с этим в данной главе изложение и анализ ее содержания опущены [см.: А. А. Фурсенко. О происхождении доктрины Хэя.— «Основные проблемы истории США в американской историографии». М., 1974, с. 276—291; А. А. Мурадян и Н. А. Халфин. Эволюция интерпретации политики США на Дальнем Востоке в XIX—начале XX в.— Основные проблемы истории США в американской историографии, с. 258—276; А. А. Мурадян. К вопросу о внешнеполитической доктрине США в странах Азии, Африки и Океании (начало XIX—60-е годы XX в.).— Колониализм: история и современность. М., 1968; Л. И. Зубок. Экспансионистская политика США в начале XX века. М., 1969; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1953; У. Помрой. Становление американского неокolonизма. М., 1973, и др.].

⁵ См.: Е. И. Попова. Политика США на Дальнем Востоке (1918—1922). М., 1967, с. 5—9.

⁶ Как отмечает американский военный историк Л. Мортон, «американская стратегическая мысль в период между 1919 и 1938 гг. была сосредоточена на проблемах, связанных с конфликтом, который мог бы возникнуть из-за посягательства Японии на американские интересы или американскую территорию на Дальнем Востоке» («Важнейшие решения». Пер. с англ. М., 1964, с. 30).

⁷ G. Kolko. The Politics of War. The World and US Foreign Policy. 1943—1945. New York, 1968, с. 197.

⁸ Там же, с. 302.

⁹ Цит. по: G. Kolko. The Politics of War, с. 305.

¹⁰ См.: В. Б. Воронцов. Дело «Амерзйша». М., 1974, с. 31—70.

¹¹ Орган американской стратегической военной и политической разведки в годы второй мировой войны. Возглавлялся генералом У. Донованом (см.: Ф. Сергеев. Империя в империи. М., 1972).

¹² В своей книге «Большая двойка» известный американский политолог А. Рапопорт, вспоминая годы войны и собственной службы на Аляске, где он неоднократно встречался с советскими военнослужащими, отмечает, что многие американцы в те годы считали, что после войны США будут тесно сотрудничать с Советским Союзом на Тихом океане. А. Рапопорт приводит и некоторые выдержки из статей и книг того времени (A. Rapoport. *The Big Two. Soviet-American Perceptions of Foreign Policy*. New York 1971, с. 50—55).

¹³ Цит. по: G. Kolko. *The Politics of War*, с. 297.

¹⁴ G. Harris. *Troubled Alliance. Turkish-American Problems in Historical Perspective*. 1945—1971. Washington, 1972, с. 23.

¹⁵ См.: Военная помощь СССР в освободительной борьбе китайского народа. М., 1975, стр. 98—104.

¹⁶ В специальной работе сотрудницы Брукингского института Э. Колберт, посвященной ретроспективному анализу американской политики в Индокитае и Индонезии в 1945—1949 гг., автор приходит к выводу, что США в 1945 г. приняли решение «не мешать» французам и голландцам вернуться в свои колонии (см.: «Foreign Affairs», April 1973, с. 624—625).

¹⁷ См., например, T. Hoopes. *The Devil and John Foster Dulles*. Boston, 1973, с. 94.

¹⁸ G. F. Kennan. *Memoirs*. 1925—1950. New York, 1969, с. 401—402.

¹⁹ W. Rostow. *Graduation Speech*. The Foreign Affairs Executive Seminar. Washington, March 24, 1972 (Mimeo), с. 4.

²⁰ R. N. Clough. *East Asia and US Security*. Washington, 1975, с. 8.

²¹ Можно, например, перечислить следующие книги советских историков, использованные при написании данной главы: З. З. Абдулаев. Начало экспансии США в Иране. М., 1963; В. С. Баскин. Нефтяные монополии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1957; Б. Дмитриев. США: политики, генералы, дипломаты. Четверть века политики с позиции силы. М., 1971; Э. А. Иванян. Белый дом: президенты и политика. М., 1975; С. К. Игнатущенко. Япония и США: партнеры и конкуренты. М., 1970; Н. Н. Иноземцев. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; А. А. Лавришев. Индокитайский вопрос после второй мировой войны. М., 1960; Ю. М. Мельников. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970; Н. С. Мерзляков. СЕАТО. М., 1958; Ю. Я. Михеев. Американцы в Индокитае. Критика противоправной доктрины и политики США. М., 1972; Р. М. Мукиджанова. Политика США в Пакистане. 1947—1960. М., 1961; С. М. Нестеров. США и СЕАТО. М., 1961; Политика США в странах Дальнего Востока (Япония, Южная Корея). М., 1964; Политика США в странах Южной Азии (Индия, Бирма, Индонезия). М., 1961; Политика США на Арабском Востоке. М., 1961; Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны. М., 1968; США: региональные проблемы внешней политики. М., 1971; О. Э. Туганова. Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1967; Р. А. Ульяновский. Неоколониализм США и слаборазвитые страны Азии. М., 1963; А. М. Шарков. Япония и США (анализ современных экономических отношений). М., 1971; Н. Н. Яковлев. Новейшая история США. 1917—1960. М., 1960.

²² US Military Commitments in Europe and the Middle East.—«Current History», July 1969, с. 23.

²³ Как известно, в 1954—1955 гг. Соединенным Штатам удалось создать на Ближнем Востоке военный блок в составе Англии, Турции, Ирана, Ирака и Пакистана под названием «Багдадский пакт» (позднее, после выхода из него Ирака, переименован в СЕНТО). Сами США во многом из-за того, что арабские государства отказались присоединиться к этому блоку, сохранили за собой только статус «наблюдателя», но после заключения договоров с Турцией, Ираком и Пакистаном в 1959 г. фактически взяли на себя формальные обязательства участника этого блока. Однако СЕНТО никак не отвечал представлениям американских политиков о характере желаемого военного союза на Ближнем Востоке, что, вероятно, и позволило одному из наиболее известных специалистов в области ближневосточной политики,

бывшему послу США в Саудовской Аравии П. Харту сделать вывод, что здесь блоковая политика США «провалилась» («The Annals of the American Academy of Political and Social Science. A New American Posture Toward Asia». Philadelphia, July 1970, c. 101).

²⁴ S. Deitchmen. Limited War and American Defense Policy. Cambridge, 1969, c. 56—57.

²⁵ Ch. Bowles. Five Major Blunders by the US in Asia.—«Saturday Review», November 6, 1971, c. 30—31.

²⁶ L. B. Johnson. The Vantage Point. New York, 1971, c. 134—135.

²⁷ «Foreign Affairs», October 1967, c. 111.

²⁸ Решение вмешаться вооруженным путем в Юго-Восточной Азии, разумеется, было продиктовано в первую очередь и главным образом глобальными соображениями и интересами общеазиатской политики. Косвенно в пользу этого свидетельствует и тот факт, что государственный департамент издал в 1965 г. специальную брошюру «Почему во Вьетнаме?», в которой была изложена сумма взглядов администрации на проблему вмешательства именно в Юго-Восточной Азии и содержались весьма незамысловатые аргументы, доказывавшие первостепенную важность этого региона для США (см.: Why Vietnam? Washington, 1965).

²⁹ W. W. Rostow. Graduation Speech, c. 4—6.

³⁰ «The New York Times», 29.VII.1965.

³¹ Западноевропейские союзники не только отказались участвовать в войне во Вьетнаме. Они неоднократно выступали с острой критикой этой войны, считая, что она способна осложнить их собственное положение (Франция). Они также были крайне недовольны и отвлечением Америки, ее внимания и средств на «второстепенную» проблему. Это, в частности, было продемонстрировано на римской сессии НАТО в мае 1970 г. (см.: «L' Monde», 28.V.1970).

³² T. Hoopes. The Limits of Intervention. New York, 1969, c. 217—220.

³³ «Open Secret. The Kissinger — Nixon Doctrine in Asia». New York, 1972, c. 73.

³⁴ Один из известных специалистов в области азиатской политики США, Э. Рэйвенал, в специальной работе, посвященной анализу критики в адрес вьетнамской политики разных администраций, резко возражал против теории «ошибок» во Вьетнаме, которые и явились главной причиной ее бесславного конца. «Даже если бы лица, принимавшие решения,— пишет он,— полностью оценили те сведения и рекомендации, которые им были переданы, они все равно действовали бы точно так же, как это было на деле, и повели бы США по пути интервенции и эскалации во Вьетнаме» (E. Ravenal. Was Vietnam a «Mistake»? — «Asian Survey», 1974, vol. XIV, № 7, c. 590).

³⁵ R. N. Clough. East Asia and US Security, c. 17, 26.

³⁶ Там же, c. 2.

³⁷ «The New York Times», 9.XII.1975; «Cristian Science Monitor», 9.XII.1975.

³⁸ В. П. Лукин. О некоторых аспектах американского подхода к Азии.—«США: экономика, политика и идеология», 1976, № 5.

³⁹ Там же.

⁴⁰ См. подробнее гл. IV настоящей книги.

⁴¹ Учитывая, что в азиатских государствах исключительно большое значение всегда придается ритуальной стороне политического процесса, помещение «японского пункта» новой доктрины перед «китайским пунктом» представляется весьма знаменательным и является очевидной «компенсацией» за первостепенное внимание к Пекину в соответствующих текстах, трактовавших «доктрину Никсона».

⁴² Secretary of Defence James B. Schlesinger. Annual Defence Department Report F. Y. 1976 and 1977. Washington, 1975.

⁴³ «Congressional Records», Senate, September 23, 1975, B 16532 A 16535.

⁴⁴ Foreign Policy, 1975, Fall, c. 50—65.

⁴⁵ R. N. Clough. Deterrence and Defence in Korea. The Role of US Forces. Washington, 1976.

Глава II

¹ Американский источник по конгрессу «Congressional Quarterly Weekly Review» постоянно выделяет две группировки — консерваторов (большинство республиканцев и южные демократы) и либералов (все остальные). Однако такое деление представляется недостаточным как в силу формальности критерия, игнорирующего изучение взглядов этих группировок, так и в силу чрезмерно общего своего характера. Исследование сенатских дискуссий и других материалов привело автора данной главы к выводу о постоянном возникновении в ходе борьбы в сенате трех группировок, причем важность выделения центра подчеркивается совпадением его позиции с позициями правительства. Это деление было проверено автором на материале дебатов 1969—1974 гг. по ограничению стратегических вооружений и по военному присутствию США в Европе. Несмотря на то что оно не является общепризнанным, представляется возможным исходить из него и в данной главе.

² «The Nature of Revolution. U. S. Senate Committee on Foreign Relations Hearings». Washington, 1968; «Congressional Quarterly Weekly Review», 1971, № 39, с. 1996; № 46, с. 2342—2343, 2347. См. также: С. Сергейчук. США и Китай. М., 1973, с. 160—171.

³ «Congressional Quarterly Weekly Review», 1971, с. 2017.

⁴ «Congressional Record», July 16, 1971, с. S11234—11235.

⁵ Там же, S11251, 11255, 11282, 11284, 11287.

⁶ Там же.

⁷ «Congressional Record», July 16, 1971, с. S11234—11235.

⁸ «Congressional Quarterly Weekly Review», 1971, № 40, с. 2017, 2041; № 46, с. 2347.

⁹ Там же, 1971, № 40, с. 2015.

¹⁰ «Congressional Record», July 16, 1971, с. S11234—11235, 11251—11255, 11282, 11284, 11287.

¹¹ «Congressional Quarterly Weekly Review», 1971, № 31, с. 1611; № 40, с. 2018.

¹² Там же, 1971, № 40, с. 2015.

¹³ «Facts on File», 1974, с. 925.

¹⁴ Параллельно предпринимались визиты других официальных лиц, вплоть до президента. За 1972—1974 гг. КНР посетило свыше 8 тыс. американских частных лиц («Congressional Record», December 18, 1974, pt 2, с. S22057).

¹⁵ См. также представленный Фулбрайтом отчет («Congressional Record», December 18, 1974, pt 2, с. S22057—22059).

¹⁶ Там же, January 28, 1975, с. S1101—1103.

¹⁷ Там же, April 2, 1974, с. S4947—4949.

¹⁸ Япония в 1972 г. закрыла свое посольство в Тайбэе и объявила недействительным свой мирный договор с ним, сохранив, однако, торговое представительство, укомплектованное персоналом МИДа, т. е. прекратив отношения не на деле, а лишь формально.

¹⁹ «Congressional Record», 1975.

²⁰ «Congressional Record», November 13, 1975, с. S19906—19907.

²¹ «The New York Times», 8.XII.1974.

²² Заявление сенатора Джексона от 8 июля 1974 г. и его доклад «Китай и американская политика» от 1 августа 1974 г. («Congressional Record», July 11, 1974, с. S12213; August 13, 1974, с. S14778—14779).

²³ «Congressional Record», September 23, 1975, с. H9023.

²⁴ «Congressional Record», December 15, 1969, с. S16744—16745, 16755; June 30, 1970, с. S10272—10274, 10283—10285; September 1, 1970, с. S14845, 14855—14857, 14862 и др.

²⁵ Там же, June 30, 1970, с. S10259, 10262, 10263, 10283—10284; July 10, 1970, с. S11027—11029; September 1, 1970, с. S14845, 14852—14853.

²⁶ Там же, June 16, 1971, с. S9238—9239.

²⁷ Там же, с. S9250—9251

²⁸ Там же, с. S9253.

²⁹ Там же, June 16, 1971, с. S9238—9239, 9250—9253 (С. Тэрмонд, К. Хэнсен, С. Эрвин, П. Доминик, М. Смит).

³⁰ Подсчитано по итогам голосований и с учетом оценки сенаторов такими организациями, как «Американцы — сторонники демократических действий», «Американцы — сторонники конституционных действий», «Национальный совет безопасности». Так же устанавливалась численность либералов и группы центра.

³¹ «Congressional Record», June 16, 1971, с. S9245, 9246, 9253, 9254; September 1, 1970, с. S14842—14843, 14851—14852.

³² Там же, September 1, 1970, с. S14840.

³³ Там же, December 15, 1969, с. S16752—16754, 16758.

³⁴ Там же, June 30, 1970, с. S10261.

³⁵ Там же, June 16, 1971, с. S9245.

³⁶ Там же, June 16, 1971, с. S9243—9245, 9264—9265.

³⁷ Включены связанные с вьетнамским вопросом голосования по военным полномочиям президента.

³⁸ В качестве представителя «наживал» Ярборо назвал директора компании «Локхид», своего соперника на выборах.

³⁹ Congressional Record, June 16, 1970, с. S14847.

⁴⁰ Там же, June 30, 1970, с. S10272; September 1, 1970, р. S14842—14843.

⁴¹ Там же, June 30, 1970, с. S10260.

⁴² Там же, June 16, 1971, с. S9266.

⁴³ Там же, September 1, 1970, с. S14839.

⁴⁴ Там же, June 30, 1970, с. S10274.

⁴⁵ Там же, June 16, 1971, с. S9266, 9268.

⁴⁶ Там же, June 30, 1970, с. S14839.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, September 1, 1970, с. S14841, 14846, 14857.

⁴⁹ «Congressional Quarterly Almanac», Washington, 1973, с. 103.

⁵⁰ Там же, с. 792.

⁵¹ Во второй мировой войне пропало без вести 35 368 американских военнослужащих — судьба 1754 из них так и осталась невыясненной; после корейской войны оказалось невозможным установить судьбу 1000 американцев («Congressional Record», May 31, 1973, с. S10121).

⁵² «Congressional Record», May 31, 1973, с. S10093—10095, 10098, 10111—10122.

⁵³ Там же, June 29, 1973, с. S12560, 12571—12576, 12580.

⁵⁴ Там же, May 31, 1973, с. S10095, 10097, 10016.

⁵⁵ Там же, с. S10095—10097, 10116—10117, 10123—10128.

⁵⁶ Там же, с. S10122.

⁵⁷ Там же, с. S10126, 10122.

⁵⁸ Там же, с. S10097, 10116.

⁵⁹ Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. — «Новое время», 1973, № 5, с. 8.

⁶⁰ «Congressional Quarterly Weekly Review», February 3, 1973, с. 188; February 24, 1973, с. 3892390.

⁶¹ Там же, February 3, 1973, с. 188; April 7, 1973, с. 793; September 1, 1973, с. 2364.

⁶² Там же, February 17, 1973, с. 338.

⁶³ Там же, February 24, с. 404—405.

⁶⁴ Там же, March 10, 1973, с. 51 (пресс-конференция президента Никсона).

⁶⁵ «Congressional Record», April 5, 1973, с. 56715.

⁶⁶ «Congressional Quarterly Weekly Review», March 3, 1973, с. 449.

⁶⁷ «Wall Street Journal», February 18, 1973, editorial; «Congressional Quarterly Weekly Review», February 24, 1973, c. 404—405.

⁶⁸ «Congressional Quarterly Weekly Review», February 24, 1973, c. 389—390, 404—405.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ «Congressional Record», April 5, 1973, c. S6715—6722.

⁷¹ «Congressional Quarterly Weekly Review», February 24, 1973, c. 404—405.

⁷² «US. News and World Report», 18.II.1973.

⁷³ «Congressional Quarterly Weekly Review», February 3, 1973, c. 188.

⁷⁴ Там же, February 24, 1973, c. 404—405; March 3, c. 450, March 10, 1973, c. 496—497.

⁷⁵ Там же, September 1, 1973, c. 2364.

⁷⁶ Там же, December 29, 1973, c. 3437.

⁷⁷ Там же, May 11, 1974, c. 1234.

⁷⁸ Там же, March 23, 1974, c. 765; May 11, 1974, c. 1235.

⁷⁹ «Congressional Record», June 6, 1974, c. S9917, 9957—9959, 9962.

⁸⁰ Там же, c. S9962.

⁸¹ По этому пункту между отдельными либералами имелись определенные расхождения. Так, М. Мэнсфилд предлагал оставить вопрос о том, где и сколько сокращать, на усмотрение министра обороны, допуская, что значительная часть этих сокращений должна быть проведена в Европе; Э. Маски категорически заявлял, что в Европе следует оставить все как есть, а сократить на 125 тыс. следует американские силы в Азии; Р. Швейкер был еще умереннее и дал примерную схему сокращения, которая предусматривала ограничение его не только Азией, но и почти исключительно тыловыми службами, нестроевыми частями, соотношение которых с численностью строевого состава в войсках США — «наихудшее» (на 151 тыс.—116 тыс.). Таким образом, боевая мощь должна была сохраниться в прежнем виде, а отозвать предлагалось лишь «тех, кто чистят картошку», «околачиваются при штабах» и т. п.

⁸² «Congressional Record», June 6, 1974, c. S9920—9921, 9924—9925, 9946—9951, 9960.

⁸³ Там же, c. S9926, 9952, 9959—9960.

Глава III

¹ В данной главе социалистические страны не рассматриваются.

² «US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. Obligations and Loan Authorizations, July 1, 1945—June 30, 1974». Washington, 1974, c. 6, 8, 64.

³ «International Herald Tribune», 11.XI.1971.

⁴ «Message from President Nixon to the Congress. Foreign Assistance for the Seventies». Washington, September 15, 1970.

⁵ «OPEC. Hearings Before the Subcommittee on Foreign Economic Policy of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, 93-rd Congress, Second Session, March 20, 1974». Washington, 1974, c. 12.

⁶ «US Direct Investment Abroad 1966». Washington, 1970.

⁷ «Survey of Current Business», August 1974, c. 18.

⁸ Там же, October 1975, c. 53.

⁹ Там же, August 1974, c. 20.

¹⁰ Приложение к БИКИ, № 5, 1973, c. 126.

¹¹ Там же, c. 27.

¹² «La Propriété Industrielle», Décembre 1971, c. 2—9.

¹³ «Survey of Current Business», August 1974, c. 20.

¹⁴ «US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. Obligations and Loan Authorizations, July 1, 1945—June 30, 1973». Washington, 1974, c. 10, 66.

¹⁵ «Business Week», September 1, 1973, c. 50; «Far Eastern Economic Review», June 1974, c. 68.

- ¹⁰ «The Eastern Economist», 3.VIII.1969.
- ¹⁷ «The Foreign Energy Crisis: Impact of Canadian Policies». Washington, 1974, с. 63.
- ¹⁸ «US and the Developing World. Agenda for Action. 1974». New York — Washington — London, с. 185.
- ¹⁹ Приложение к БИКИ, № 5, 1973, с. 28.
- ²⁰ «The New York Times», 1.II.1974.
- ²¹ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. I, с. 261.
- ²² «Review of International Trade and Development 1969/70». UNCTAD, August 7, 1970, с. 46.
- ²³ «Statistical Abstract of the United States 1975». Washington, 1975, с. 836.
- ²⁴ «Preliminary Assessment of the World Food Situation. Present and Future». United Nations, 1974.
- ²⁵ «Facts on Food. The World Food Conference. Rome, 5—6 November, 1974».
- ²⁶ «US Foreign Agricultural Trade Statistical Report, Calendar Year 1975». Washington, 1975, с. 20—21.
- ²⁷ «US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. Obligations and Loan Authorizations. July 1, 1945 — June 30, 1973», 1974, с. 9, 10, 66.
- ²⁸ «US Overseas Loans and Grants and Assistance from International Organizations. Obligations and Loan Authorizations, July 1, 1945 — June 30, 1973», с. 10, 66.
- ²⁹ «The New York Times», 13.IV.1975.
- ³⁰ Там же, 10.VII.1974.
- ³¹ «The New York Times», 8.III.1975.
- ³² «International Herald Tribune», 30.VIII.1972.
- ³³ «Far Eastern Economic Review», July 1, 1972, с. 43, 50; December 30, 1972.
- ³⁴ «Far Eastern Economic Review», May 14, 1973; July 23, 1973.
- ³⁵ «Far Eastern Economic Review», July 15, 1974, с. 58—61.
- ³⁶ «US News and World Report», December 10, 1974, с. 27.
- ³⁷ «The Brain Drain of Scientists, Engineers and Physicians from the Developing Countries. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Government Operations. House of Representatives, 92-nd Congress, 2-nd Session», January 23, 1968; «Science Resources Studies Highlights», 1973.

Глава IV

- ¹ President Ford Addresses U. S. Navy League in New Orleans,— «Sea Power», May 1975, с. 23.
- ² «Summary Statement of U. S. Navy Chief of Naval Operations before the Committee on Armed Services U. S. Senate Concerning the FY 1976 Military Posture, FY 1976 and Transition Budgets and FY 1977 Authorization Request of U. S. Navy», Washington DC, 11.2.1975.
- ³ Vice-admiral S. Turner, Missions of the US Navy.— «US Naval Institute Proceedings», December 1974.
- ⁴ Такое определение дано, например, в «Senate Hearings Department of Defense Appropriations FY 1972». U. S. Senate, Washington DC, 17.3.1971.
- ⁵ «United States Foreign Policy for the 1970's. A Report by President Richard Nixon to the Congress», May 1973, раздел «Global Challenges of Peace», с. 215.
- ⁶ H. W. Baldwin. Strategy for Tomorrow. New York, 1970, с. 289.
- ⁷ «Statement of Admiral Zumwalt before the Committee on Armed Services U. S. Senate Concerning FY 1974», Addendum II, 12.4.1973, с. 9.
- ⁸ Interview: Admiral E. Zumwalt.— «Playboy Magazine», June 1974, с. 82.
- ⁹ Цит. по: John M. Collins. Grand Strategy — Principles and Practices. Annapolis. Maryland, 1973, с. 141.

¹⁰ Secretary of Defense D. Rumsfeld, «Annual Defense Department Report. FY 1977», Washington DC, January 27, 1976, c. 164.

¹¹ Там же.

¹² «Is U. S. Navy Big Enough for its Worldwide Job?» — «U. S. News and World Report», May 26, 1975, c. 28.

¹³ «The Military Balance 1975—1976». The International Institute for Strategic Studies. London, September 1975.

¹⁴ «30 000 U. S. Nuclear Weapons». — «The Defense Monitor». Washington DC, February 1975.

¹⁵ Adm. E. Zumwalt. Strategic Importance of Indian Ocean. — «Armed Forces Journal International», April 1974, c. 28.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «The Indian Ocean: a New Naval Arms Race?» — «The Defense Monitor». Washington, April 1974.

¹⁸ Там же.

Глава V

¹ «First Report to the Congress on Mutual Security Program (1952)». US Government Printing Office. Washington, 1952, c. 5.

² W. Rostow with R. Hatch. An American Policy in Asia. New York, 1956, c. 6.

³ Цит. по: М. Толченев. Военные блоки империалистических государств — угроза миру и безопасности народов. М., 1956, c. 7.

⁴ «The New York Times», 13.VIII.1951.

⁵ «Collective Defense Treaties», 91st Congress, 1st Session, Congressional Print, April 21, 1969, c. 89—92.

⁶ Цит. по: J. Moore. The American Alliance 1940—1970. Melbourne, 1970, c. 75.

⁷ «Business Week», October 21, 1950, c. 123.

⁸ 29 января 1955 г. конгресс США принял так называемую формозскую резолюцию, распространившую действие договора на острова Цзиньмэнь, Мацзу и Дачэнь. Президент США по этой резолюции мог использовать американские вооруженные силы для «обороны» названных островов.

⁹ «Collective Defense Treaties», 91st Congress, 1st Session, Congressional Print, April 21, 1969, c. 101—104.

¹⁰ Цит. по: J. Moore. The American Alliance 1940—1970, c. 161.

¹¹ Там же, c. 73.

¹² Вопреки всем нормам международного права в приложенном к Манильскому пакту Протоколе объявлялось, что военные и экономические мероприятия СЕАТО могут применяться также к Лаосу, Камбодже и Вьетнаму, т. е. к тем государствам, недопустимость втягивания которых в какие бы то ни было военно-политические блоки была оговорена в ст. 5 Соглашения Женевской конференции 1954 г. по Индокитаю. Спустя два года сфера действия договора была еще больше расширена. На заседании комитета военных советников блока в Багио в сентябре 1956 г. было принято решение о включении в нее Малайской Федерации.

¹³ Цит. по: F. Dulles. American Policy Toward Communist China. New York, 1972, c. 147.

¹⁴ «The Department of State Bulletin», March 7, 1955, c. 374.

¹⁵ «The New York Times», 30.V.1962.

¹⁶ «Legislation on Foreign Relations. 92-d Congress, 2-d Session, Joint Committee Print», July 1972, c. 819.

¹⁷ В книге «Секрет полишинеля: доктрины Киссинджера—Никсона в Азии» этот принцип был сформулирован следующим образом: «Азиатские подшефные режимы поставляют людей погибать, а мы (американцы.— А. К.) — технику убивать» («Open Secret. The Kissinger—Nixon Doctrine in Asia». New York, 1972, c. 6—7).

¹⁸ См.: Р. Каранджия. СЕАТО — безопасность или угроза? М., 1957, c. 76.

- ¹⁹ Цит. по: «Новое время», 1956, № 4, с. 5.
- ²⁰ «Collective Defense Treaties», 91st Congress, 1st Session, Congressional Print, April 21, 1969, с. 197.
- ²¹ См.: J. Liska. Imperial America: The International Policy of Primary. Baltimore, 1967, с. 97.
- ²² «The New York Times», 10.VI.1956.
- ²³ «Current Notes on International Affairs», July 1967, с. 288—291.
- ²⁴ «The Europa Year Book», vol. I, pt I, II, London, 1969, с. 98.
- ²⁵ «The Department of State Bulletin», February 27, 1967, с. 326.
- ²⁶ «The Department of State Bulletin», July 19, 1968, с. 110; April 22, 1968, с. 518.
- ²⁷ Там же, August 21, 1967, с. 233; April 3, 1967, с. 549; June 5, 1967, с. 849; May 22, 1967, с. 793; November 4, 1968, с. 462.
- ²⁸ Там же, April 4, 1968, с. 553.
- ²⁹ В заявлении отмечалось, что США готовы полностью выполнить свои обязательства по оказанию военной «помощи» Таиланду и что эти обязательства не требуют предварительного одобрения всех других участников договора, так как обязательства, налагаемые в соответствии с ним, являются в такой же мере «индивидуальными», как и «коллективными».
- ³⁰ «The Department of State Bulletin», June 5, 1967, с. 855.
- ³¹ См. «Report on the War in Vietnam», Commander in Chief Pacific, Commander U. S. Military Assistance Command Vietnam. U. S. Government Printing Office. Washington, 1968.
- ³² «The Department of State Bulletin», September 1, 1969, с. 181.
- ³³ «U. S. Foreign Policy for the 70's. A New Strategy for Peace». A Report to the Congress by R. Nixon, President of the United States, February 18, 1970.—«The Department of State Bulletin», March 9, 1970.
- ³⁴ «The Department of State Bulletin», March 23, 1972, с. 316.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же, March 9, 1970, с. 295.
- ³⁷ «United States Foreign Policy». A report of the Secretary of State, The Department of State Publications, April, 1973, с. 357—359.
- ³⁸ Еще в 1967 г. Никсон говорил о необходимости превращения АЗПАК в военный союз: «Несмотря на нынешнюю ориентацию АЗПАК на культурные и экономические вопросы, все усиливающееся сознание китайской угрозы должно сделать возможным развитие его в союз, активно занимающийся согласованием всех усилий, которые могут потребоваться для обеспечения безопасности района» (см.: «Foreign Affairs», October, 1967).
- ³⁹ «Perspective of Asia: the New US Doctrine and Southeast Asia». Report of Senator Mike Mansfield to the Committee on Foreign Relations US Senate. US Government Printing Office, Washington, 1969, с. 2.
- ⁴⁰ «Congressional Record», September 25, 1974, с. S1756.
- ⁴¹ R. N. Clough. East Asia and US Security. Washington, 1975, с. 235, 239.

Глава VI

¹ В договоре безопасности 1960 г. отсутствуют статьи, в наиболее откровенной форме ущемлявшие национальный суверенитет Японии. Кроме того, в соответствии с новым договором вводилось положение о «предварительных консультациях» между правительствами США и Японии в случае крупных изменений в дислокации американских баз и вооруженных сил в Японии или в случае «угрозы безопасности Японии или миру и безопасности на Дальнем Востоке» («Черная книга Японии. Современная Япония в агрессивных планах американского империализма». Пер. с яп., М., 1973).

² Возрастание значимости Японии-партнера нашло выражение в ежегодных созывах с 1961 г. японо-американского межправительственного комитета по торговле и экономике, а также в подтверждении президентом Кеннеди в 1962 г. намерения американских правящих кругов возратить Окинаву Японии, право административного контроля над которой США получили в соответствии со ст. 3 мирного договора [«United States Civil Admi-

nistration on the Ryukyu Islands (USCAR) Facts Book», New York, 1967, с. 2—13].

³ Во время встречи с Л. Джонсоном в 1965 г. японский премьер-министр Сато прямо поставил вопрос об Окинаве, заявив, что его решение ознаменует «окончание послевоенного периода в отношениях между двумя странами» («The Department of State Bulletin», February 1, 1965, с. 134—136).

⁴ Там же, November 24, 1969.

⁵ В середине 70-х годов США и Япония — крупнейшие в мире торговые партнеры. На их долю приходится 52% общего объема производства и 26% — торговли индустриальных стран капиталистического мира, а объем товарооборота в 1975 г. составил 20,824 млн. долл. («The New York Times», 19.VI.1975; «Survey of Current Business», September 1976, с. 35).

⁶ «Far Eastern Economic Review», May 14, 1973, с. 14.

⁷ «United States Foreign Policy for the 1970's. Shaping a Durable Peace». Annual Report on Foreign Policy, Message from the President of the United States. Washington, May 3, 1973.

⁸ «The Department of State Bulletin», August 27, 1973.

⁹ «International Financial Statistics», October 1976, с. 394; «U. S. News and World Report», August 11, 1975, с. 50.

¹⁰ «Newsweek», February 4, 1974, с. 19.

¹¹ «Mainichi Daily News», 2.XII.1974.

¹² «The Department of State Bulletin», December 23, 1974.

¹³ «Mainichi Daily News», 26.II.1973.

¹⁴ «U. S. News and World Report», 26.II.1973.

¹⁵ «Time», 12.V.1975, с. 24—25.

¹⁶ F. Green. Stresses in U. S.—Japanese Security Relations. Washington, 1975, с. 3.

¹⁷ «The Washington Post», 1.IV.1975.

¹⁸ «Report of Secretary of Defense to the Congress on the FY 1976 and Transition Budgets, FY 1977. Authorisation Request and FY 1976—1980 Defense Program, February 5, 1975». Washington, 1975.

¹⁹ «The Department of State Bulletin», November 24, 1969.

²⁰ Там же, September, 1975.

²¹ «Mainichi Daily News», 13.V.1975.

²² «Asahi Evening News», November 19, 1975.

²³ «Far Eastern Economic Review», August 20, 1976, с. 25—26.

²⁴ По мнению американских ученых, японские «силы самообороны» могут обеспечить оборону японских островов до прихода непосредственной американской поддержки лишь от 2 до 30 дней (см., например, F. Green, Stresses in U. S.—Japanese Security Relations, с. 30).

²⁵ «Асахи», 12.IV.1975.

²⁶ «The Department of State Bulletin», September, 1975.

²⁷ В представленном в конгресс 27 января 1976 г. докладе председателя комитета начальников штабов США Д. Брауна говорилось, что Японии следует обладать «вооруженными силами, достаточными для обороны японских островов в случае нападения с воздуха или вторжения с моря, и усилить создание средств противолодочной обороны в дополнение к американским силам, призванным обеспечивать оборону ключевых тихоокеанских коммуникаций». Кроме того, в докладе министра обороны США Д. Рамсфелда особо подчеркивалось, что «военная политика США в отношении Японии призвана помешать широкому вооружению этой страны, в том числе и ядерному, которое может иметь широкие последствия для всего тихоокеанского региона».

²⁸ «The International Herald Tribune», 30.VIII.1972.

²⁹ «Far Eastern Economic Review», May 14, 1973, с. 18.

³⁰ В феврале 1970 г., опередив США, Япония установила дипломатические отношения с Бангладеш и МНР и вступила на путь экономических контактов с ДРВ и КНДР («Japan Press», 19.II.1972). Большие усилия Япония прилагала и к дальнейшей активизации политических и экономических связей со странами — участницами АСЕАН.

- ³¹ «Daily Jomiuri», 7.IV.1975.
- ³² «Le Monde», 2.V.1975, с. 4.
- ³³ «The New York Times», 8.VIII.1975.
- ³⁴ R. N. Clough. East Asia and U. S. Security, the Brookings Institution, Washington, D. C., 1975, с. 101.
- ³⁵ После визита в Пекин осенью 1973 г. Танака посетил Лондон, Париж и Бонн, в начале октября прибыл с официальным визитом в Москву; в 1974 г. совершил поездку по пяти странам ЮВА (Таиланд, Филиппины, Сингапур, Малайзия и Индонезия), а затем побывал в Новой Зеландии, Австралии, Бирме и Бразилии. Не меньшей активностью характеризовалась деятельность членов кабинета Танака. В 1973 г. в результате поездки заместителя премьер-министра Т. Мики по арабским странам Японии была избавлена от резкого сокращения поставок нефти, министр внешней торговли и промышленности Я. Накасонэ посетил Иран, Ирак, Англию и Болгарию, в 1974 г. министр иностранных дел Т. Кимура совершил поездку в Египет и первый для японского министра визит в Африку (Гана, Нигерия, Заир, Танзания).
- ³⁶ «United States Foreign Policy for the 1970's, Emerging Structure for Peace». Washington, February 9, 1972.
- ³⁷ G. Hsiao. Prospects for a New Sino-Japanese Relationship.— «China Quarterly», 1974, № 60, с. 720—729.
- ³⁸ «Сэкай Суюхо», 4.III.1975.
- ³⁹ R. N. Clough. East Asia and U. S. Security, с. 75.
- ⁴⁰ «Washington Post», 4.V.1974.
- ⁴¹ «The New York Times», 19.VI; 9.VIII.1975.

Глава VII

- ¹ События, связанные с войной в Индокитае, освещаются в главе «Политика США в Индокитае».
- ² «Far Eastern Economic Review», May 6, 1974, vol. 84, № 18, с. 30.
- ³ «Asia Research Bulletin», October 31, 1974, vol. 4, № 5, с. 16.
- ⁴ «The Oriental Economist», September 1974, vol. 42, № 767, с. 26.
- ⁵ Там же.
- ⁶ «Overseas Business Reports», August 1974, с. 4.
- ⁷ «The Straits Times», February 28, 1975.
- ⁸ «Asia Research Bulletin», August 31, 1974, vol. 4, № 3, с. 2933.
- ⁹ «Far Eastern Economic Review», November 15, 1974, vol. 86, № 45, с. 14; «U. S. News and World Report», December 30, 1974, vol. LXXVII, № 27, с. 38.
- ¹⁰ «Far Eastern Economic Review», December 27, 1974, vol. 86, № 51, с. 43; November 15, 1974, vol. 86, № 45, с. 14.
- ¹¹ «Asia Research Bulletin», July 31, 1974, vol. 4, № 2, с. 2905.
- ¹² Там же, June 30, 1974, vol. 4, № 1, с. 2786.
- ¹³ Там же, с. 2783.
- ¹⁴ Там же, September 30, 1974, vol. 4, № 4, с. 2.
- ¹⁵ McKie Ronald. Singapore. Sydney, 1972, с. 60.
- ¹⁶ «The Straits Times», 7.II.1974.
- ¹⁷ «Far Eastern Economic Review», November 15, 1974, vol. 86, № 45, с. 5.
- ¹⁸ «Asia Research Bulletin», September 30, 1974, vol. 4, № 4, с. 6.
- ¹⁹ «Far Eastern Economic Review», November 15, 1974, vol. 86, № 45, с. 18.
- ²⁰ «International Herald Tribune», 24—25.V.1975.
- ²¹ «Orbis», Spring 1974, vol. 18, № 1, с. 22.
- ²² «Asia Research Bulletin», July 31, 1974, vol. 4, № 2, с. 207.
- ²³ «Overseas Business Reports», August 1974, с. 12; «The Straits Times», 14.III.1974.
- ²⁴ «Overseas Business Reports», August 1974, с. 2; «International Herald Tribune», 12.X.1975; «U. S. News and World Report», April 22, 1974, vol. LXXVI, с. 50.
- ²⁵ «Overseas Business Reports», August 1974, с. 15.

- ²⁶ W. T. Neill. Twentieth Century Indonesia. New York, 1973, c. 373.
- ²⁷ «Statistical Abstract of the United States. 1973». Washington, 1973, c. 774.
- ²⁸ «Bulletin of Indonesian Economic Studies», July 1974, vol. X, № 2, c. 21.
- ²⁹ «Asia Research Bulletin», July 31, 1974, vol. 4, № 2, c. 2906.
- ³⁰ W. T. Neill. Twentieth Century Indonesia, c. 372.
- ³¹ «Orbis», Spring 1974, vol. 18, № 1, c. 21.
- ³² «Asia Survey», January 1974, vol. XIV, № 1, c. 106.
- ³³ «Asia Research Bulletin», November 30, 1974, vol. 4, № 6, c. 30.
- ³⁴ Там же, February 1973, vol. 2, № 9, c. 1473.
- ³⁵ «Statistical Abstract of the United States. 1973». Washington, 1973, c. 782, 783.
- ³⁶ «Statistical Abstract of the United States. 1975». Washington, 1975, c. 816, 817.
- ³⁷ «Asia Research Bulletin», April 30, 1974, vol. 3, № 11, c. 2642.
- ³⁸ Там же, October 31, 1974, vol. 4, № 5, c. 17.
- ³⁹ «Far Eastern Economic Review», November 15, 1974, vol. 86, № 45, c. 11.
- ⁴⁰ Там же, February 7, 1975, vol. 87, № 6, c. 51.
- ⁴¹ Там же, January 24, 1975, vol. 87, № 4, c. 50.
- ⁴² «International Herald Tribune», 20.I.1975.
- ⁴³ «The Bangkok Post», 24.XII.1974.
- ⁴⁴ «Asia Research Bulletin», July 31, 1974, vol. 4, № 2, c. 2903.
- ⁴⁵ «The Straits Times». 30.III.1974.
- ⁴⁶ Там же, 5.IX.1974.
- ⁴⁷ Там же, 29.III.1974.
- ⁴⁸ «Far Eastern Economic Review», March 21, 1975, vol. 87, № 12, c. 22.
- ⁴⁹ «Asia Research Bulletin», July 31, 1974, vol. 4, № 2.
- ⁵⁰ «The Bangkok Post», 5.VIII.1974.
- ⁵¹ «Asia Research Bulletin», July 31, 1974.
- ⁵² «U. S. News and World Report», March 25, 1974, vol. LXXVI, № 12, c. 44.
- ⁵³ Субик-Бей в течение долгого времени была самой крупной военно-морской базой США в Азии. Она была главным опорным пунктом для крупнейшего американского военно-морского соединения — 7-го флота. Субик-Бей занимала земельный участок в 14 570 га и водное пространство в 10,5 тыс. га. В обслуживании базы в 1975 г. было занято 28 тыс. филиппинцев. На базе находилось 6 тыс. американских военнослужащих и гражданских лиц. Субик-Бей оборудована самыми совершенными средствами обслуживания военных кораблей, включая плавучий сухой док, способный принимать крупнейшие американские авианосцы, такие, как «Энтерпрайз», водоизмещением 90 тыс. т («The Times Journal», 23 April, 1975; «Far Eastern Economic Review», May 2, 1975, vol. 8, № 18, c. 30, 31; «The Straits Times», 24.VIII.1974).
- ⁵⁴ «Asia Research Bulletin», June 30, 1974, vol. 4, № 1, c. 27—66.
- ⁵⁵ «The Daily Yomiuri», February 1975.
- ⁵⁶ «Orbis», Spring 1974, vol. 18, № 1, c. 22. Военные связи США и Филиппин основывались на ряде соглашений, которые США навязали Филиппинам в годы после второй мировой войны. В 1947 г. было заключено американо-филиппинское соглашение о предоставлении США Филиппинами многих районов под американские военные базы на длительные сроки. В 1951 г. был заключен американо-филиппинский договор о взаимной обороне. Между США и Филиппинами были заключены и соглашения о военной помощи. Кроме того, военно-политические связи между США и Филиппинами усиливались и вхождением Филиппин в созданный в 1954 г. военно-политический пакт под эгидой США — SEATO («The World Today», February 1975, vol. 31, № 2, c. 86; «Orbis», Spring 1974, vol. 18, № 1, c. 22).
- ⁵⁷ «Far Eastern Economic Review», April 9, 1973, vol. 80, № 14, c. 27.
- ⁵⁸ «The World Today», February 1975, vol. 31, № 2, c. 87.
- ⁵⁹ «Far Eastern Economic Review», July 1, 1974, vol. 85, № 26, c. 42.

- ⁶⁰ «Asian Survey», January 1974, vol. XIV, № 1, c. 106.
- ⁶¹ «The Times Journal», April 18, 1975.
- ⁶² «Far Eastern Economic Review», July 1, 1974, vol. 85, № 26, c. 42.
- ⁶³ «International Herald Tribune», 26—27.IV.1975.
- ⁶⁴ «Asian Survey», July 1974, vol. XIV, № 7, c. 619.
- ⁶⁵ «The Straits Times», 10.IX.1974.
- ⁶⁶ «Far Eastern Economic Review», May 27, 1974, vol. 84, № 21, c. 32.
- ⁶⁷ «International Herald Tribune», 12.V.1975.
- ⁶⁸ Yuan-li Wu. Strategic Significance of Singapore. Washington, 1972, c. 8.
- ⁶⁹ Jain Buchanan. Singapore in Southeast Asia. London, 1972, c. 108.
- ⁷⁰ «Far Eastern Economic Review», April 9, 1973, vol. 80, № 14, c. 27.
- ⁷¹ «The Straits Times», 3.VII.1974.
- ⁷² Wilson Dick. The Future Role of Singapore. London, 1972, c. 30.
- ⁷³ «Far Eastern Economic Review», December 13, 1974, vol. 86, № 49, c. 30.
- ⁷⁴ «Far Eastern Economic Review», November 26, 1973, vol. 82, № 47, c. 5.
- ⁷⁵ «The Straits Times», 24.IV.1975.
- ⁷⁶ W. T. Neill. Twentieth Century Indonesia. New York, 1973, c. 365.
- ⁷⁷ Цит. по: «Far Eastern Economic Review», May 27, 1974, vol. 84, № 21, c. 87.
- ⁷⁸ «Asia Research Bulletin», May 31, 1974, vol. 3, c. 2736; «Far Eastern Economic Review», April 9, 1973, vol. 80, № 14, c. 27; May 27, 1974, vol. 84, № 21, c. 31; «Asia Research Bulletin», August 31, 1974, vol. 4, № 3, c. 2953.
- ⁷⁹ «Far Eastern Economic Review», May 27, 1974, vol. 84, № 21, c. 30.
- ⁸⁰ «The Straits Times», 22.VIII.1974.
- ⁸¹ «International Herald Tribune», 28.V.1975.

Глава VIII

¹ См.: „Доктрина Никсона“: декларации и реальность (дискуссия в Институте США АН СССР).— «США: экономика, политика, идеология», 1971, № 2; «США: региональные проблемы внешней политики». М., 1971; В. Ф. Ли. Стратегия и политика неоколониализма США. М., 1971; Ю. Я. Михеев. Американцы в Индокитае. Критика противоправной доктрины и политики США. М., 1972; «Доктрина Никсона». М., 1972; «Военная сила и международные отношения. Военные аспекты внешнеполитических концепций США». М., 1972; «Международные конфликты». М., 1972; Ю. М. Мельников. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974, и др.

² «The United States in Vietnam 1944—1947. A Staff Study Based on the Pentagon Papers Prepared for the use of the Committee on Foreign Relations United States Senate». Washington, 1972, c. 12.

³ «The Pentagon Papers», 1971, c. 6.

⁴ Там же, c. 10.

⁵ Там же, c. 10.

⁶ Там же, c. 235—239.

⁷ D. Kirk. Wider War. The Struggle for Cambodia, Thailand and Laos. New York, 1971, c. 23.

⁸ В ноябре 1970 г. корреспондент газеты «Вашингтон Пост» писал из Южного Вьетнама, что «программа была встречена сильным сопротивлением со стороны вьетнамских официальных лиц на местном уровне, которые не хотели арестовывать друзей или родственников, подозреваемых в принадлежности к Вьетконгу» («The Washington Post», 17.XI.1970). Д. Кирк в интервью с одним из сотрудников ЦРУ в Южном Вьетнаме получил ясное и исчерпывающее объяснение поведения провинциальных южновьетнамских чиновников: «С какой стати им посвящать свою энергию вылавливанию парней, которые в один прекрасный день могут стать их начальством» (D. Kirk. Wider war..., c. 29).

⁹ Австралийский ученый, специалист по проблемам Юго-Восточной Азии

профессор Милтон Осборн в результате тщательного анализа всевозможных программ, использовавшихся в Южном Вьетнаме американскими советниками в различное время, пришел к весьма определенному выводу: «Каково бы ни было истинное состояние безопасности в сельскохозяйственных районах и степень контроля сайгонского режима над провинциальными районами, опыт весны 1968 г. оставил постоянное сомнение в возможности достижения быстрых результатов любой программой умиротворения» (M. Osborn. *Region of Revolt. Focus on South-East Asia*, 1970, с. 132).

¹⁰ E. Reischauer. *Beyond Vietnam. The United States and Asia*. New York, 1967, с. 190—195.

¹¹ «U. S. Foreign Policy. Perspectives and Proposals for the 1970's». New York, 1969, с. 135.

¹² «U. S. News and World Report», 29.I.1973.

¹³ «Vietnam: May 1974. A Staff Report Prepared for the Use of the Committee on Foreign Relations United States Senate». Washington, 1974, с. 8.

¹⁴ Характеризуя интенсивность боев в Южном Вьетнаме, заместитель министра обороны США У. Клеменс заявил в октябре 1974 г., что сайгонские войска на протяжении лета и осени 1974 г. несли столь же высокие потери, как и в период наступления вооруженных сил патриотов весной 1972 г. («The Washington Post», 9.X.1974).

¹⁵ «Newsweek», March 10, 1973, с. 12.

¹⁶ «Asian Survey», February 1974, с. 170.

¹⁷ «The New York Times», 24.VI.1974.

¹⁸ Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 г. М., 1976, с. 7.

Глава IX

¹ Тогдашний посол США в Индии Г. Грейди в декабре 1947 г. заявил, что для Америки «чрезвычайно важно в мировой борьбе удержать Индию на своей стороне» («The Department of State Bulletin», Washington, August 24, 1947).

² «The New York Times», 31.VIII.1949.

³ «Foreign Affairs», October 15, 1951, с. 55.

⁴ К концу 1951 г. повсеместно была восстановлена легальная деятельность компартии. На первых всеобщих выборах в парламент и законодательные собрания штатов (1951—1952) Национальный конгресс получил абсолютное большинство в парламенте и в 18 из 22 законодательных собраний штатов, КПИ по числу мандатов вышла на второе место в парламенте и в законодательных собраниях крупнейших штатов.

⁵ «The Department of State Bulletin», 1952, vol. XXVI, с. 161.

⁶ «Far Eastern Economic Review», July 1, 1974, с. 14.

⁷ W. Wilcox. *The Emergence of Bangladesh*. Washington, 1973, с. 5.

⁸ «The Economist», December 11, 1971, с. 12.

⁹ В конце 1955 г. комиссия американского сената по ассигнованиям сократила на 10 млн. долл. выделенные для Индии фонды (см.: «Политика США в странах Южной Азии». М., 1961, с. 71).

¹⁰ За весь послевоенный период до 1973 г. включительно США предоставили Индии экономическую помощь в размере 8924 млн. долл., в то время как с 1956 по 1965 г.—4796 млн. долл. Из них на начало 60-х годов, т. е. во время президентства Дж. Кеннеди и последующих двух лет, приходится более 3 млрд. долл. (подсчитано по: «Statistical Abstract of the United States, 1974». Washington, 1974, с. 785).

¹¹ «U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates of the 88th Congress, 1st Session». Vol. 109, № 1—214. Washington, April 8, 1963, с. 5858.

¹² W. Wilcox. *The Emergence of Bangladesh*, с. 10.

¹³ «U. S. Interests In and Policies Toward South Asia. Hearings before the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs». Washington, 1973, с. VI.

- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ W. Barnds. India, Pakistan and the Great Powers. New York, 1972, с. 226.
- ¹⁶ «The United States and South Asia. A Report of the Subcommittee on the Near East and South Asia of the Committee on Foreign Affairs». Washington, May 26, 1973, с. 20.
- ¹⁷ «U. S. Foreign Policy for 1970's. A Report to the Congress by President R. Nixon», February 9, 1972, с. 141.
- ¹⁸ «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», July 1970, с. 89.
- ¹⁹ «U. S. Interests In and the Policies Toward South Asia», с. 125.
- ²⁰ «Military Review», December 1970, с. 29.
- ²¹ «National Herald», 7.II.1974.
- ²² «The Times of India», 27.II.1975.
- ²³ «United States Foreign Policy, 1972. A Report of the Secretary of State». Washington, 1973, с. VI.
- ²⁴ W. Wilcox. The Emergence of Bangladesh, с. 71.
- ²⁵ «The Department of State Bulletin», October 15, 1973, с. 482.
- ²⁶ Там же, с. 486.
- ²⁷ Американская помощь, предоставленная Бангладеш со времени провозглашения независимости в 1971 г. и до середины 1976 г., составила 1,1 млрд. долл. Всего за 4 года своей независимости Бангладеш получила иностранную помощь на сумму около 4 млрд. долл.
- ²⁸ С 1946 по 1970 г. США выделили Ирану на военные цели 1334 млн. долл. (R. K. Ramazani. The Persian Gulf. Charlottesville, 1972, с. 109). За последние два года США продали Ирану современного вооружения на сумму почти в 6 млрд. долл. («Washington Post», 13.I.1975).
- ²⁹ R. M. Burrell and A. Cottrell. Iran, the Arabian Peninsula, and the Indian Ocean. New York, 1972, с. 10.

Глава X

- ¹ См.: A. Mahan. The Persian Gulf and International Relations.— «National Review». London, September 1902. Эта статья развивает идеи, содержащиеся в важнейшей, пожалуй, работе А. Мэхэна «Проблемы Азии и ее влияние на международную политику» (A. Mahan. The Problem of Asia and Its Effect upon International Policies. London, 1900).
- ² G. Lenczowski (ed.) The United States Interests in the Middle East. Washington, 1968, с. 1.
- ³ Г. В. Чичерин. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 295, 413.
- ⁴ См.: «International Socialist Review», May 1971, с. 32.
- ⁵ Расчет сделан на основании данных американского Совета по международной экономической политике (см.: «International Economic Report of the President. Together with the Annual Report of the Council on International Economic Policy». Transmitted to the Congress. Washington, February 1974, с. 48).
- ⁶ Там же, с. 45.
- ⁷ «The Banker», London, May 1972, с. 96.
- ⁸ «International Economic Report of the President», с. 107.
- ⁹ «International Economic Report of the President». Transmitted to the Congress. Washington, February 1974, с. 23.
- ¹⁰ «Foreign Affairs», April 1973, с. 463.
- ¹¹ «Newsweek», October 29, 1973, с. 43.
- ¹² «Current History», January 1971, с. 1.
- ¹³ G. Lenczowski (ed.). The United States Interests..., с. 15.
- ¹⁴ «A Select Chronology and Background Documents Relating to the Middle East». Committee on Foreign Relations. U. S. Senate. Washington, May 1969, с. 131—332.
- ¹⁵ См.: «Политика США на Арабском Востоке». М., 1961, с. 27.

¹⁶ США стали «ассоциированным членом» пакта, когда после выхода из него в результате июльской революции 1958 г. Ирака и расторжения Иракской Республикой соглашения с США о военной и экономической помощи, Багдадский пакт, оставшись без Багдада, был уже переименован в «Организацию центрального договора» (СЕНТО).

¹⁷ M. F. Millican and W. W. Rostow. A Proposal. Key to an Effective Foreign Policy. New York, 1957, с. 1.

¹⁸ Как указывала газета «Крисчен Сайенс Монитор» 17 декабря 1971 г., «Даллес незадолго до своей кончины говорил друзьям, что, если бы ему представилась возможность начать все сначала, он отказался бы только от одного своего решения — он не стал бы аннулировать план финансирования постройки Асуанской плотины».

¹⁹ «Правда», 28.VII.1956.

²⁰ H. Winston. The Challenges of U. S. Neocolonialism. Prague, 1964, с. 6.

²¹ В. Ф. Ли. Стратегия и политика неоколониализма США. (Дипломатия «новых рубежей» и страны Южной и Юго-Восточной Азии). М., 1971, с. 4.

²² W. Polk. The United States and the Arab World. Cambridge, Massachusetts, 1969, с. 285, 287.

²³ «The New York Times», 18.I.1971.

²⁴ «Treaties and Other International Acts Series». Washington, № 2675.

²⁵ «Правда», 16.VII.1970.

²⁶ «Fortune», September 1967, с. 78.

²⁷ Не исключено, что и на выработку «доктрины Никсона», наиболее важным аспектом которой, по словам самого тогдашнего президента США, является принцип партнерства, оказала воздействие проверка курса на «израилизацию» в «ближневосточной лаборатории» в ходе агрессии 1967 г. («Foreign Policy Message from the President of the United States Transmitting His Second Annual Review of United States Foreign Policy». Washington, February 25, 1971, с. 6).

²⁸ «Fortune», September 1967, с. 75.

²⁹ «Business Week», February 5, 1972, с. 80.

³⁰ «Washington Post», 18.III.1975.

Глава XI

¹ Подробнее об этом см.: А. А. Фурсенко. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей, 1895—1900. М.—Л., 1956.

² У Сю-цюань. О вооруженной агрессии США против Китая. М., 1959, с. 24.

³ Г. В. Астафьев. Интервенция США в Китае и ее поражение. М., 1958, с. 7.

⁴ A. Steele. The American People and China. New York, 1966, с. 8, 14—15.

⁵ Цит. по: Sino-American Detente and Its Policy Implications. Washington, 1968, с. 23.

⁶ «Синдао жибао», Гонконг, 18.II.1972.

⁷ «Жэньминь жибао», 28.II.1972.

⁸ Там же, 14.XI.1973.

⁹ «Times», May 3, 1975.

¹⁰ «The New York Times», 24.XII.1974.

¹¹ «Congressional Review», 93th Congress, 16 December, с. 20622.

¹² «Congressional Record», 94th Congress, 10 April, с. E 1457.

¹³ «I сессия Всекитайского собрания народных представителей Китайской Народной Республики четвертого созыва» (документы), на русс. яз., Пекин, 1975, с. 63.

¹⁴ См. «Хунци», 1971, № 9.

¹⁵ «The New York Times», 6.X.1974. Можно отметить, что участие американского капитала в развитии тайваньской экономики не вызывает отрицательной реакции Пекина, который, видимо, рассчитывает использовать в бу-

дущем экономический потенциал Тайваня в своих интересах. Американская пресса подчеркивает, например, что китайское руководство не протестует против разработки американскими компаниями недавно открытых залежей нефти и газа у южного побережья Тайваня, имеющих «исключительно важное» значение для хозяйства тайбэйского режима.

¹⁶ «The New York Times», 2.V.1975.

¹⁷ «The New York Times», 8.V.1975.

¹⁸ «Congressional Record», 94th Congress, с. Н 6424.

¹⁹ «The Washington Post», 3.VI.1975.

²⁰ «The New York Times», 30.VI.1974.

Глава XII

¹ См., например: «Retreat from the Empire? The First Nixon Administration». Baltimore — London, 1973; «Prospects in the Pacific». Washington, 1972; «The New Era in American Foreign Policy». New York, 1973.

² «U. S. Policy in Asia. Hearings before the Subcommittee on International Relations». Washington, 1976, с. 218—222.

³ R. Clough. East Asia and U. S. Security, the Brookings Institution, Washington, 1975.

⁴ Там же.

⁵ См., например: R. Scalapino. Asia and Major Powers. Implications for the International Order. Washington, 1972.

⁶ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1974, стр. 253.

⁷ R. Scalapino. China and the Balance of Power.— «Foreign Affairs», January 1974, с. 350—385; «U. S. Foreign Policy for the 1970's». A Report to the Congress by President R. Nixon, February 9, 1972; W. Bundy. Four-power Balance in Asia.— «Newsweek», April 27, 1970; E. Reischauer. Fateful Triangle (the U. S., Japan and China).— «The New York Times Magazine», September 1971, etc.

⁸ См., например: I. Emerson. Arms, Yehn, and Power. The Japanese Dilemma. Tokyo, 1973, с. 245—247.

⁶ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом, Речи и статьи. Т. 4. М., 1974, стр. 79—80.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Эволюция азиатского направления во внешнеполитической стратегии США	4
Глава II. Борьба в правящих кругах США по вопросам политики в Азии (сенат и альтернативы азиатской политики США)	37
Глава III. Экономические интересы США в Азии	73
Глава IV. Тихий и Индийский океаны в военной стратегии США	96
Глава V. Эволюция политики союзов США в Азии	119
Глава VI. США — Япония: новый этап партнерства	141
Глава VII. Политика США в Юго-Восточной Азии	158
Глава VIII. Политика США в Индокитае	172
Глава IX. Политика США в странах Южной Азии	189
Глава X. Политика США на Ближнем Востоке	204
Глава XI. Американо-китайские отношения	221
Глава XII. США и актуальные проблемы мира и сотрудничества в Азии	238
Примечания	255

ПОЛИТИКА США В АЗИИ

*Утверждено к печати Институтом Соединенных Штатов Америки и Канады
Академии наук СССР*

Редактор *И. В. Бушуева*. Младший редактор *О. А. Осипова*. Художник *А. Г. Кобрин*.
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*.
Корректор *В. В. Воловик*

Сдано в набор 21/XII 1976 г. Подписано к печати 7/VI 1977 г. А-07709. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. № 1. Печ. л. 17. Уч.-изд. л. 19,08. Тираж 6800 экз. Изд. № 4052
Зак № 890. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
106	4 сн.	США—Гавайский	США, Гавайский
112	6 сн.	29 тыс.	20 тыс.
114	2 св.	флота	флотов
230	6 св.	и Японии.	и Японии».
236	11 сн.	«принципиальности	«принципиальности»

Зак. 669

Цена 1 р. 40 к.

ПОЛИТИКА США В АЗИИ